

№ 3(45). 2021

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Союзное государство

Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Золотой диплом Международного славянского форума
«Золотой Витязь», 2020 г.

Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.
Золотая медаль в номинации «Россия и мир»
конкурса «Патриот России», 2020 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Август 2021 № 3 (45)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Николай Иванов – председатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Вячеслав Лютый – секретарь Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Татьяна Грибанова – член Союза писателей России
Елена Груцкая – поэт
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Римма Лютая – поэт, прозаик, публицист, переводчик
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк
Алексей Полубота – секретарь Союза писателей России
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Андрей Растворцев – член Союза писателей России
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Наталья Советная – член Союза писателей России
Валерий Старжинский – доктор философских наук, писатель

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014 г.
Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.
Цена свободная

Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки – Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка – Елена Балантаева
Корректурa – Валентина Куртяк

Дата выхода номера в свет: 18 августа 2021 года. Тираж: 80 экз. Заказ № 4334

Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты “Страж Балтики” Минобороны России»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега»-Калининград обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять
точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»-Калининград

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи принимаются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчёркивать, не форматировать, не набирать какие-либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, электронный адрес, почтовый и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала. Подписка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

Берега юбилеев

Лидия Довыденко. «Страдания избранных твоих»... О книге Н. Ф. Иванова «Реки помнят свои берега»... <i>К 65-летию председателя Союза писателей России</i>	5
Валентин Сорокин. Любовь моя. <i>Стихи. К 85-летию</i>	8
Николай Бурляев. «Никогда я не был на Босфоре...» <i>Документальная повесть кинематографиста. К 75-летию</i>	12
Николай Ольков. Красная Поляна. <i>Сказ. К 75-летию</i>	23
Наталья Советная. Война стучится в двери. Размышления о книге Виталия Синенко «Я не убит подо Ржевом. Завещание отца». <i>К 65-летию</i>	38
Андрей Ребров. <i>Стихи. К 60-летию</i>	52

Проза

Сергей Пылёв. Оживший. <i>Рассказ</i>	55
Александр Тихонов. Дом на окраине. По весне. На кой. <i>Рассказы</i>	66
Александр Евсюков. Лодка Саныча. Только мы двое. <i>Рассказы</i>	76
Римма Лютая. Нунути. <i>Рассказ</i>	83
Ольга Козловская. Под крышей серого дома. <i>Рассказ</i>	85

Поэзия

Константин Смородин. Слова. <i>Стихи</i>	90
Василий Киляков. <i>Стихи</i>	92
Николай Родионов. <i>Стихи</i>	94
Евгений Харитонов. <i>Стихи</i>	97
Виктор Петров. Родословие. <i>Стихи</i>	100
Нина Стручкова. Август. <i>Стихи</i>	103

Орловские берега

Антонина Сытникова. Прикоснулась к корням... <i>Стихи</i>	106
--	-----

Нижегородские берега

Лариса Бухвалова. Ниточка посконная, небесная... <i>Стихи</i>	109
Анастасия Ростова. Только свобода. <i>Стихи</i>	111

Берега Амура

Александр Герасимов. <i>Рассказы</i>	114
Ольга Крутикова. <i>Стихи</i>	119
Валерий Черкесов. <i>Стихи</i>	121

Берега Новороссии

Юрий Хоба. Спаси и сохрани. <i>Рассказ</i>	123
---	-----

Берега памяти

«Каждый день сначала». Из переписки Валентина Курбатова и Валентина Распутина	126
Виктор Клыков. Даниил Соложев – русский художник, поэт и музыкант XX века	138

Берега прочтения

Валентина Ефимовская. «О Вечности мысля... или Возможность бесконечности». <i>Отражение неограниченной реальности в поэзии Андрея Реброва, к 60-летию поэта</i>	153
Нина Черепенникова. «Сияние слова», или Свет немеркнувшей звезды. <i>Размышления о книге Геннадия Сазонова «Сияние слова Василия Белова»</i>	158
Лидия Довыденко. «Моё большое бытие». <i>О параллелях в творчестве и судьбе Н. Гумилёва и Бориса Корнилова</i>	166

Русский мир без границ

Берега Лондона – Москвы

Лидия Довыденко. Аристократы – отчизне	172
---	-----

Берега США

Князь Алексей Щербатов, Лариса Криворучкина-Щербатова. Право на прошлое. <i>Отрывок из одноимённой книги</i>	177
--	-----

Берега Канады

Эвелина Азаева. Как апостолы. <i>Рассказ</i>	190
---	-----

Берега Франции

Людмила Менаже. Красавица и Чудовище: Зеркало Истины. <i>Философская сказка</i>	196
--	-----

Наши друзья

О приобретении и подписке на журнал	208
---	-----

Берега юбилеев

Лидия Довыденко

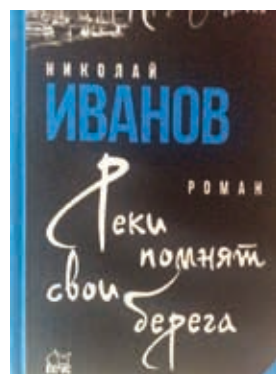
Дорогой Николай Фёдорович!

Примите поздравление от журнала «Берега» и всех Ваших единомышленников, читателей, почитателей с 65-летием! Выражая благодарность земле, которая подарила Вам художественный талант, желаем новых творческих успехов, удовольствия и радости от работы на Вашем ответственном посту, крепкого здоровья Вам и Вашим близким!

«Страдания избранных твоих»...

*О книге Николая Иванова
«Реки помнят свои берега». – Москва, 2021
(Проза нового века)*

Отечествосберегающая и человекоберегающая художественная литература – в противовес разнуданности либерально-постмодернистской, нравственно невменяемой и духовно размытой попытке литературы – цветёт нестареющей новизной русской традиции, приверженностью человека родной земле, щедро одарившей его не только многими талантами, но и живучестью в заведомо невыносимых условиях.

Ответственность писателя, часто совпадающего с его литературным образом фрагментами биографии или чертами характера, перипетиями судьбы, находит выражение в художественном отражении эпохальных событий, «переломавших через колено миллионы жизней». Валентин Курбатов говорил, что «первоначально книжки-то и рождаются не для “читателей”, а чтобы самому в себе и в прошедшем оглядеться. Ведь “река времён” уже не течёт, а обрушивается водопадом». Но потом замирает, и оказывается, что и читателю также необходимо оглянуться в прошедшее и в себя, чтобы идти дальше, после того как отстоялась боль пережитого вместе со страной, согласившейся с безумием, навязанным беловежской троицей, осмелевшей и в 1993 году выкатившей танки перед Белым домом.

В новой книге Николая Фёдоровича Иванова «Реки помнят свои берега» главный герой романа Егор Буерашин, капитан Главного разведывательного управления Генерального штаба, сын брянского лесника, партизана в период Великой Отечественной войны, живёт и действует в течение двух эпохальных для России лет: от Беловежского сговора-соглашения 1991 года до расстрела Белого дома в октябре 1993 года. Это «народный роман», как сказал о книге народный артист России Михаил Ножкин, потому что когда «верхи разрушали и разворовывали страну, в это время русский народ выживал», сохранял свои традиции, отстаивал Родину, заплатив дорогую цену жизнями.

Духовный смысл романа, его героев, лучших характеров в современной истории России в её трагических событиях 1991–1993 годов, когда они стали центром внимания всех стран мира, можно охарактеризовать словами Ф. М. Достоевского, оказавшегося на каторге: «Брат! Я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть, – вот в чём жизнь, – в чём задача её».

Роман Николая Иванова открывается эпитафией, словами молитвы о православных людях епископа Николая (Велимировича), Сербия, 1935: «Боже, Ты допускаешь страдания избранных Твоих, чтобы они, как золото, на огне и через огонь страданий очистились... и ещё больше засияли».

Глубины микрокосмоса Егора Буерашина

Оказавшись в плену в Колумбии, выполняя важное задание Правительства, как человек в погоне, подвергаясь истязаниям в пещере, в скале у озера Гуатавита, где, по легенде, вождь Эльдо-

радо смывал с себя позолоту в дар Гуатавита, он не перестаёт задавать сам себе вопросы, постепенно отвечая на них читателю книги. Зачем наш герой здесь? Кто он? Нет, это не конкистадор, не романтик, не искатель золота Эльдорадо. Это славянин из России. Из Брянщины. Егор Буерашин. И ночь висения на одной руке на цепи – это не только муки, но и созревание плана побега на свободу, в сельву, где человек человеку опаснее крокодила и койота. И вновь вопрос: сколько времени прошло после ареста (разведчикам иностранного государства в тюрьмах день засчитывается как шесть)? Он пока ещё не знает, что группу Буерашина вскрыло РУМО, военная разведка США, после того как советские боевые пловцы, обеспечивая скрытый заход советских субмарин в Карибское море, заглушали американские контрольные буи, установленные на морском дне. Его имя назвал надзиратель, неужели кто-то из группы не выдержал?

И сила воли, тренировка, стрессоустойчивость, аналитический ум, знания географии и повадок рептилий позволяют ему, вооружённому одним ножом, уйти от смерти, от зубов крокодила и использовать его шкуру как панцирь, чтобы пройти между часовыми, бежать на советском корабле на Родину, где его коллеги признали Егора достойным звания Героя Советского Союза, которое он не успел получить из-за прекращения существования великого государства, из-за разгрома и предательства министерств и ведомств.

Оказываясь то в охране Ельцина, то в налоговой полиции, то в «наружном наблюдении» за подозреваемыми, то на городской свалке, то посаженным в тюремную камеру для отслеживания фальшивовалютчиков, главный герой является носителем духовно-нравственного начала, господствующего над материальным, и даже когда его жизнь обретает трагические черты, автор вкладывает в уста своего героя ясные слова, благодаря которым происходит узнаваемость со стороны читателя себя самого, вовлекшегося в круговорот событий 1991–1993 годов в России, желавшего «прилечь бы и проснуться, когда Россия найдёт свою точку опоры», когда «кончились добрые слова для людей в Москве».

В то же время Егор Буерашин предстаёт как отважный воин, «как китайский ниндзя», избегая демонстрировать свои феноменальные способности в его стремлении сделать мир добрее. Реальное пространство жизни в 90-е годы, когда каждый день в стране «что-то взрывалось, горело и ничего не исполнялось. Ничто никем не контролировалось, никто ни за что не отвечал». Шеварднадзе получает американскую премию, председатель КГБ Бакатин сдал Америке суперсовременную схему прослушивающих устройств, разработкой которых десятки лет занимались несколько институтов. И люди в погонах понимают, что на их плечах «не погоны, а судьба страны». При этом «без права на славу – во славу Отечества». Буерашин ощущает себя носителем духовного наследия своей семьи и страны: «Я советский офицер, сын партизана», и среди его руководителей оставались люди, отстаивающие интересы Отечества.

«Кукушкины слёзы»

Вторая линия романа – семья Фёдора Максимович Буерашина, отца Егора, живущая на Брянщине, в деревне Журиновичи. Фёдор воспитывает внуков: Василия и Аню, у которых родители умерли после работ по ликвидации чернобыльской аварии. Вслед за ними на погост отправилась жена Фёдора... А теперь пропал младший сын Егор. Но есть надежда, что он жив, потому что процент от зарплаты сына регулярно приходит.

В деревне Журиновичи всё те же приметы времени, что и по всей России. Богатеющие предприниматели, построив свой преступный бизнес на воровстве и присвоении того, что недавно было колхозным, подкупают милиционера Околелова, организуют насилие над учительницей Верой Родионовой, отказавшей в благосклонности Борису Сергованцеву, ставшему депутатом, делающему мебель из заражённого радиацией чернобыльского леса, организовавшему воровство колокола из деревни и продавшему на Украину.

Мы вспоминаем о задержках пенсий, о невыплате денег на работе, так что «деревня приучает беречь обувь, а не ноги». У Фёдора Максимовича постоянная забота – отправляться к Тихвинской пустынке, где сохранился святой источник исцеляющей воды, который обошла стороной чернобыльская катастрофа. Первым стал когда-то перед ней на колени старец Тихон, а в советское время родник атеисты пытались залить бетоном, но святой ключ пробил себе новую дорогу, и вот два старика пытаются расколоть бетонную лепёшку в покаянном чувстве, ведь и они причастны к попытке закрыть родник.

А теперь его надо чистить и оберегать, как оберегает нас с севера Тихвинская Богородица, с юга – Иверская, с запада русскую землю берегут иконы Богоматери Почаевской и Смоленской, а с востока – Казанская.

По телевизору нескончаемый сериал из драк и споров депутатов, которые задают тон в желании не работать... да и работы всё меньше. Многоклятый Егор Гайдар назвал советские годы химерой и возглавил реформы против того, за что боролись его предки и он сам ещё недавно. А генерал Волкоганов, написавший книжки «Советский солдат» и «Доблесть», возглавил комиссию по ликвидации политорганов в армии и на флоте. Эти люди оказались перевёртышами во главе с Ельциным, с его множеством наград от руководства СССР: орден Ленина, Трудового Красного Знамени.

За власть борется известная троица: Ельцин, Горбачёв и Зюганов. Талонная система, митинги... И коммунисты и демократы выходили с одинаковым лозунгом: «Долой!»

Обществу предложены некие эталоны – некие общечеловеческие ценности и права человека – расплывчатые, «как акракадабра из Сальвадора, Шагала в красном круге Малевича», а в целом – начался курс на индивидуализм, на выживание в одиночку, чему никто на пространстве СССР никогда не учился, не умел, ведь свой берег у нас – это соборность, общинность, родная идея и идея общественная... И стыд за пустозвонство и «бесполётную скудость» оказавшихся у власти в «межумочный период». «Войны иногда выглядят более честным занятием, чем игры политиков», – замечает писатель.

Мучительно вспоминать Беловежское соглашение. «Стареющее политбюро не захотело делиться властью с выросшим подлеском, а молодая поросль сама рванула вверх. Хотя, какая поросль... амбиции и месть двигали ими». «Егора спихивали в чан, из которого вчерашние глашатаи коммунизма звали идти назад. Генштаб боялся разведки и расставлял глаза и уши вокруг Горбачёва и Ельцина».

Ельцин въехал в 14-й корпус Кремля, поднял флаг триколор, красный оставался над Горбачёвым. Это красный флаг, тайно снятый 25 декабря 1991 года, выкупят немцы и повесят над Берлином для истории или насмешки. По мирному договору с Германией красный флаг должен был вечно развеиваться над Рейхстагом. Чтобы это исключить, все послевоенные годы купол Рейхстага находился на реконструкции. Впоследствии именно немцы выкупят мемориальную доску Л. И. Брежневу с дома, где он жил.

С болью автор книги обращается к теме разграбления страны на примере устранения конкурента в России – Карельского целлюлозно-бумажного комбината – бумажным магнатом, шведским предпринимателем, женившимся на русской женщине и подставившим её перед следственными органами России. «Русские печальные слова» (Д. Мизгулин) и такие же печальные дела в начале 90-х годов говорят о смертельной опасности как для отдельной личности, так и для всей страны, защищают которую от внутренних и внешних угроз такие, как Егор Буерашин, «капраз», Черёмухин и за ними невидимые, но такие же самодостаточные другие офицеры «без права на славу».

Модель тотального эгоизма, навязываемого всему человечеству, находит противостояние в Журиничах, где Егор Буерашин, потеряв отца, у которого отказало сердце при поисках украденного колокола, умершего «от совести», погружается в дела, которые не успел осуществить отец. Он убивает набросившегося на деревню опасного для жизни деревни волка, освобождает, наняв трактор, святой источник от бетонной плиты, пробует самостоятельно отлить новый колокол.

Реки помнят свои берега, даже если по каким-то причинам теряют глубину или человек их своей волей направляет в другое русло, но при полной воде они вновь обретают свои исконные берега.

Герой Николая Иванова – наследник нравственной традиции своих предков. Он стремится возродить всё утраченное, совестливое, отвергающее потребительское отношение к жизни; им движет императив социального служения и личного духовного развития, исповедание ценности семьи и воспитания детей как важнейшей основы выживания народа. Небесная река отражается в земной.

Духовное мужество и духовная напряжённость автора выражены в его герое Егоре Буерашине.

Именно такая русская литература, к которой относится новый роман Николая Иванова, в первую очередь даёт представление о духе того народа, представителем которого является писатель, его духовной сущности. Высокая художественность таких произведений строится на глубокой укоренённости автора в своём народе, выражает его самые высокие чувства, самые лучшие проявления духа народа. Необходимым условием рождения подобных писателей является осознание себя как части целого, народа, православного мира, родной природы и языка.

К созданию такого значительного произведения, поражающего глубиной мысли, может привести лишь духовный опыт прозаика Николая Иванова.

Берега юбилеев

Валентин Сорокин

*Дорогой Валентин Васильевич! Сердечно поздравляем с 85-летием!
Новых стихов, отличного самочувствия, радости, бодрости и энергии!*

Валентин Васильевич Сорокин – поэт. Родился 25 июля 1936 года на Южном Урале. Около 10 лет проработал в 1-м мартене Челябинского металлургического завода. Член Союза писателей с 1962 года. В 1965 году окончил Высшие литературные курсы. Вёл отдел поэзии в журнале «Волга» (1965–1967), отделы публицистики, поэзии в журнале «Молодая гвардия» (1967–1970). Был главным редактором издательства «Современник» (1971–1981). Руководил Высшими литературными курсами в 1983–2014 годах. Лауреат Государственной премии России, Международной премии им. М. А. Шолохова, Всероссийской премии им. С. А. Есенина и др. Живёт в Москве.

ЛЮБОВЬ МОЯ

Я по орбите прожитой вращаюсь,
Тоску обид напрасных загая.
Вот скоро я с тобою попрощаюсь,
Любовь моя, поэзия моя.

Звезда моя над перелеском дрённым,
Мучение внезапное и страсть,
Ты в океане, грозном и огромном,
Вела меня и не дала пропасть.

Я нищим был, но богател тобою,
Бессильным был, но побеждал тобой,
Глухим, но слышал рокоты прибоя,
Слепым, но видел край свой голубой.

Жена моя и вечная невеста,
Мгновенное бессмертие моё,
И потому напротив солнца место
Не чьё-то, а действительно твоё.

Тропа до Богородицы торима
Тобой,
и путь к распятию торим,
И не судьба моя неповторима,
А свет очей твоих неповторим.

Во времени, чужом и мракобесном,
Я ветер зла перечеркнул крестом,
Я осенён твоим крылом небесным,
Твоим спасён от гибели перстом.

МЕЖ ЗВЁЗД

Порой замыканною бабой
Я громко заревел бы в ночь.
Но сильному не может слабый
И в одиночестве помочь.

Живым страданье не чужое,
И знает гибельная мгла:
У сильного крыло большое
И взмах тяжёлого орла.

На высоте последней круга
Пусть отрезвит меня гроза.
Я не хочу глазами друга
Свои испытывать глаза.

Иди, коль ветер, так на ветер,
Иди, огонь, так на огонь,
Я славлю тех, кого не встретил,
Протягиваю им ладонь.

Меж звёзд не значится граница.
Спешит в долину солнце с гор.
И сильным птицам в стаю сбиться
Стрелки мешают до сих пор...

Путь человеческий в ухабах,
И ты,
от Бога ждя вестей,
Не задевай крылами слабых,
Не шевели земных страстей!

БЕЛЫЙ САД

Сад мой белый, мой белый сад,
Я запомнил таким тебя:
Лишь неделю тому назад
Снеговел ты, весну трубя.

И взлетал от земли в дожди
Длинным шумом лебяжьих стай.
Сад мой белый, ты подожди,
Так внезапно не отцветай.

Сколько гроз на пути твоём,
Сколько солнца над головой.
И с тобою побыть вдвоём
Я хотел бы, весёлый мой.

Пусть над нами дрожит звезда
И заря разрывает тень,
Я не знаю – спешит куда
На рассвете рождённый день.

Белый сад мой, пурга, пурга,
На траве и на тальнике.
И смыкаются берега
Речки, льющейся вдалеке...

* * *

Есть опыт неподатливей металла,
Он выгранен безжалостной судьбой.
И если мне отваги не хватало,
То я виновен – лишь перед собой.

Как танк, в боях покрытый гарью тёмной,
Я вышел в годы нервной тишины.
Но все мосты дороги неуёмной
Пока ещё ничуть не сожжены.

Хочу я ветра, свежести и звона,
Тревожистого шума камыша.
Я точно знаю:

даже у бетона
Там, в глубине, имеется душа.

Через беду вела меня удача,
Через боязнь – безумия тропа.
И проклят тот, кто, ничего не знача,
Давно смирился с участью раба.

Среди грядущей славы иль бесчестья,
Вблизи любимой женщины одной –
Жить и звенеть,
как холм весенней вестью
Иль океан рождённою волной.

ПОЮЩЕЕ СЛОВО

Мало быть доверчивой и милой,
Строгости наивность не умней.
Видел сон я: над моей могилой
Медленно распластывался змей.

Ты склоняла рядом, неусыпа,
Голову печальную свою,
В миг, когда под самый крест он ссыпал
Красную стальную чешую.

За холмами плакали метели,
Горы тьмы по рощам натекло,
Только мы уже с тобой взлетели
В звёздный мир, где мудро и светло.

Я всегда склоняюсь перед былью:
Бог карает злобу наперёд, –
Можно тело ранить,
ну а крылья
Никакой дракон не отберёт.

Круг за кругом, выше, выше, выше,
А внизу такая благодать –
Синева колеблется и дышит,
Смысла нет скорбеть и пропадать.

Музыка глухому не даётся,
Звёздный свет слепой не различит.
Если в сердце слову не поётся,
На губах оно не зазвучит.

ГОСТ ПОЭТА

Когда серебрится луна
Над спящими в поле холмами,
Мне кажется, это страна
Вокруг прирастает домами.

Но стоит суровой взглянуть –
Пустыня, аж сердце в испуге.
Мы сами расчистили путь
Бессчётными войнами выюге.

Какой ураган разгромил
Наследные избы и хаты?
Не встанут из братских могил
И нас не прикроют солдаты.

Так выпей же громче, поэт,
Тебе не прорваться к покою,
Опять из расстрелянных лет
Кричат журавли над рекою.

Вселенная слышит Христа,
Страдания длятся и длятся,
И ты ведь не можешь с креста
За птицами следом подняться.

Окончились пленом бои,
А взлёты – потерей орбиты.
И русские крылья твои
Гвоздями измены прибиты.

НЕСПОКОЙНО

Буря летает, гремит и клокочет,
Дуб ли упрямый свалить она хочет.

Ночь ли развеять, ворота ль снести, –
Жалость и боль у неё не в чести.

Дуб не поддастся, он выдюжит, сильный,
Ночь не поступится тенью могильной.

А на воротах замки и засовы,
Будто впаялись – железные совы.

Рядом с воротами лишними даже
Кажутся мне часовые на страже.

Буря звереет, и горя ей мало,
Лишь бы кому-то судьбу не сломала.

Лишь бы кому-то такая минута
Сердце не смяла внезапно и круто.

КОТЫ

Вам, имена провозглашающим
Лжелириков
и лжеправителей,
Вам, с умилением глотающим
Чесночный шницель покровителей,

Я говорю: «Кончай художества –
Лизать порог колонизаторов,
Сие пусть делают ничтожества
Из холуёв и провокаторов!»

Ты посмотри на них, красавица,
Они везде и всюду нужные,
Им получать награды нравится,
Кресты серебряножемчужные.

Я говорю им: «У, салонные
Коты,
жуёте и не каетесь,

Упитанные, пустословные,
Мурлычите, а не кусаетесь!»

И ты, сестра моя надёжная,
Не удивляйся жизни драмовой,
Будь с ними очень осторожной,
Когда спешишь тропинкой храмовой.

Скворцам о беркутах не плачется,
О, эти одовоскрешители,
Они ведь за крестами прячутся,
Как за углами
потрошители!

ЗА ТЕБЯ

Золотой листопад, звоном полны ветра, –
Это жизни моей золотая пора.

Золотая берёза шумит на пути,
Мне её, золотую, нельзя обойти.

Золотая луна закатилась во двор.
Вновь с тобой, золотую, веду разговор.

За тебя выпиваю я чашу до дна
Золотого, как горькая доля, вина.

БОЖЬЯ ЧАША

Серебряное льётся поле,
И холм отлит из серебра,
Моя душа на крыльях боли
К тебе летит через ветра.

Пусть за лесами небо ниже,
Но в свете серебристой тьмы
Я узнаю тебя и вижу
За белым облаком зимы.

Белым-бела округа наша,
Тебе, что ею спасена,
Серебряного луга чаша
Всевышним преподнесена.

Мне ж не соперничать с богами,
И я не зря прошу в пути:
«Ты разведи меня с врагами,
Владыка,
слышишь,
разведи!..»

Мне б целовать твои ресницы
И чёрные твои глаза,
Пусть после вьюги в колеснице
В просторы вырвется гроза.

Я обниму тебя до стога,
Я припаду к твоим губам:
А предписания закона
Царями посланы рабам!

* * *

За каймою берёзовой, чёрною,
Белый снег, белый снег, белый снег.
Ну, пожалуйста, будь ты покорною
Для меня, не для всех, не для всех.

То не вечер над полем сгущается,
Не туманами плещут моря,
А печально и трудно прощается
С древним миром жар-птица, заря.

Полыхает окошко и светится
Через ветер в январскую ночь.
Вот и снова сумели мы встретиться,
Словно в горе друг другу помочь.

Скоро звёзды, морозом умытые,
Загорятся, и станет видней.
Этот вздох,
что под кофточкой вытаял,
Я пронёс через тысячи дней.

За каймою берёзовой, чёрною,
Белый снег, белый снег, белый снег.
Ну, пожалуйста, будь ты покорною
Для меня, не для всех, не для всех.

ПАРЯЩИЙ НА ОБЛАКЕ

Устаю, тоскую, сомневаюсь,
Доверяя сердцу и глазам.
Никому в друзья не набиваюсь,
Сам иду,
одолеваю сам.

Разве мало на дорогах грешных
Радостно
у долов и раки
Я встречал богатырей мятежных,
А к плечу притронешься – рахит!

Высоты и пропасти слиянье,
Реки сохнут, и земля горит,
Орден омпезное сиянье
Щедро о собрате говорит...

А с незаменимых взятки гладки.
Неужели я тому виной,
Что, как поседевшие солдатки,
Слепнут звёзды за моей спиной?

Кружатся и кружатся просторы.
Птица наважденья верещит.
И куда ни кину ночью взоры,–
Меч ржавеет, косянеет щит.

Не Христос, на облаке парящий,
Это я хочу – не вдаль
Встать над миром с розою горячей
В сильной и не бронзовой руке!..

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Бабахали, снарядами сжигали,
И посреди тяжелокрылых волн
Они неплыли, а в огонь шагали,–
Так невелик был их корабль-чёлн!

Какие там нарушены границы?
Под скрипы проржавелых якорей
Они хотели к берегу пробиться,
В дверь постучать забытую скорей.

А горы отдалялись за кормою,
И, посылая облакам «винты»,
Из бездны, осаждаемые тьмою,
Рвались и в бездну плюхались киты.

Что есть живому счастье и потеря:
Любимая или материн завет?
У человека – Родина, у зверя –
Вот эта синь, вот этот звёздный свет!

Недаром папоротник расцветает,
Слезой страдания зовёт с холма,
А в летней Антарктиде лёд не тает –
За айсбергами прячется зима.

Стремящийся к семейному порогу
Не пропадёт, не сломится в пути.
Пусть очень скупой, очень понемногу,
Звезда судьбы, свети ему, свети.

По суетно-доверчивой причине
Мы в непогодь не раз вовлечены.
Да не погибнут никогда в пучине
Расстрелянные злобою челны!

Берега юбилеев

Николай Бурляев

*Уважаемый, дорогой Николай Петрович! Сердечно поздравляем Вас с 75-летием!
Примите искреннюю благодарность за Ваше творчество и общественную
подвижническую деятельность на благо русской культуры и Православия!
Желаем Вам оптимизма, любви, тепла и уюта, новых идей и их воплощения!*

Николай Петрович Бурляев – народный артист России, снимался в фильмах Андрея Тарковского, Алексея Германа, Сергея Бондарчука и других выдающихся режиссёров. Автор фильма «Лермонтов», в котором выступил как сценарист, режиссёр и исполнитель главной роли. Сыграл роль Иешуа в экранизации романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». На «Беларусьфильме» поставил картину «Всё впереди» по одноимённому роману Василия Белова. В 2003 году он начал работу над 20-серийным документальным кинопроектом «Святая Русь в судьбах её подвижников», сыграл главную роль в биографической драме Натальи Бондарчук «Любовь и правда Фёдора Тютчева». В драме «Адмиралъ» предстал в образе императора Николая II, сыграл роль Александра Толстого в драме «Гоголь». Автор книги «Жизнь в трёх томах. Избранные литературные произведения», автор цикла телепрограмм «Культура с Николаем Бурляевым».

Президент Международного славянского форума искусств, член Патриаршего Совета по культуре, член рабочей группы по культуре Госсовета РФ, член Союза писателей России, академик Международной славянской академии, почётный профессор киноакадемий Сербии и Санкт-Петербурга, академик Российской национальной академии кинематографических искусств и наук, президент Фонда культуры казаков России. Награждён орденами: Александра Невского, Почёта, РПЦ «Славы и чести», «Св. Даниила Московского» (3-й ст.), Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного и преподобного Сергия Радонежского (3-й и 2-й ст.). Ордена Сербской ПЦ «Ордена Святого Саввы (1 ст.), «Св. Петра Цетинского». Лауреат премии Ленинского комсомола, лауреат Государственной премии Югославии.

«НИКОГДА Я НЕ БЫЛ НА БОСФОРЕ...»

Документальная повесть кинематографиста

Рукопись не сгорела. Обнаружилась дневниковая тетрадь, пролежавшая в столе 32 года. Перелистал, воскрешая события тех памятных времён и захотел переплавить их в повесть не отступая от правды. За несколько лет до создания фильма «Лермонтов» родились поэтические строки:

Открыв лицо, пора начать борьбу.
Где сил, отваги взять на дальнюю дорогу?
Вступить за Правду иль остаться у порога?
Но поздно думать. Уж шагнул, иду...

1988 год

Пережил, быть может, самые трудные два года своей судьбы после завершения съёмок «Лермонтова». 10 мая 1986 года на V съезде кинематографистов СССР в Кремле, в присутствии тысячи коллег со всей страны и первых лиц государства – Горбачёва, Рыжкова, Яковлева – был произведён первый выстрел в меня и мою картину. Некий неизвестный молодой критик заявил с кремлёвской

трибуны о том, что фильм «Лермонтов» является позором советского кинематографа. Подвергнутый первый раз в жизни публичной политической порке, дождавшись перерыва, униженный и оскорблённый, я бежал из Кремля. Спустя несколько дней Сергей Фёдорович Бондарчук, в объединении которого я снял свой фильм и которого серая кинематографическая стая распинала ещё беспощаднее, чем меня, сказал:

– Микола... Ты вот ушёл из Кремля, а я остался. В перерыве подошёл к актрисе Т. и режиссёру М. – (Он назвал имена двух известных кинематографистов). – Они говорили о «Лермонтове». Я спросил: а вы видели фильм?

– Да... – ответила народная артистка СССР. – Коля, такой чудный мальчик, но он так молод...

– А вы знаете, – сказала я ей, – что это первый фильм, который говорит о той силе, которая всем нам жить не даёт...

– Какой силе, Серёжа?..

– Книжки надо читать, – сказал я ей.

Вслед за кремлёвским залпом последовала психическая атака на картину – 22 разгромные статьи в центральной прессе. Как-то утром позвонил маме, которая спросила:

– Ты «Правду» читал?

– Что?.. И там тоже?..

Купил главную газету государства, орган ЦК партии, написавшую о том, что Бурляев идеализирует образ Лермонтова. «А где же “немытая Россия, страна рабов?..”»

Словно по команде все СМИ блокировали десятки положительных рецензий выдающихся деятелей культуры: Сергея Бондарчука, Валентина Распутина, Виктора Астафьева, Василия Белова, Арсения Тарковского, Юрия Бондарева, Вадима Кожина, лермонтоведов и профессуры МГУ, единодушно принявших фильм. Так начиналась эпоха «перестройки, демократии и гласности». Вскоре я прочитал в книге о тайных обществах текст, многое мне прояснивший: «Если имя и дело какого-нибудь автора будет нам неудобно, мы будем порочить имя и дело этого автора задолго до того, как о нём узнают люди». Арт-атака СМИ на «Лермонтова» началась за 10 месяцев до выхода фильма на экран.

Прошёл через унижительное «судилище» в Союзе кинематографистов, на котором мой бывший приятель режиссёр Сергей Соловьёв, которому я помогал в создании его дипломного фильма и которому руководство «Мосфильма» не позволило снять его негативную версию жизни Лермонтова, потребовал положить мой фильм на полку. Стая коллег, которых я считал друзьями, яростно требовала, чтобы я перемонтировал, резал, исправлял картину. Я в одиночку сражался за своё детище, но вдруг был поддержан худсоветом «Мосфильма», который, вопреки требованию Союза кинематографистов оценить фильм низшей, третьей категорией, большинством голосов – Гайдай, Натансон и другие (8 против – 4-х) – проголосовали за высшую – первую категорию. Руководитель советского кинопроката Евгений Войтович велел изготовить 1500 кинокопий, распространив их по всему Советскому Союзу. Спасая фильм, я начал ездить по стране с показом «Лермонтова» и встречами со зрителями. Всюду встречал горячий приём. Всюду задавал местным прокатчикам вопрос:

– У вас есть копия фильма?

Все как один отвечали:

– Да, есть.

– Вы показывали фильм людям?

– Да, в кинотеатре на окраине города, утром... Фильм не кассовый... Мы его сняли с экрана...

Добился демонстрации картины в кинотеатрах Москвы, приглашая на просмотр и обсуждение выдающихся деятелей культуры. Одна немолодая, интеллигентная зрительница подходила ко мне в различных залах и сообщала: «Я видела фильм 10 раз!.. 20 раз!.. 50 раз!..» На страстную поклонницу она похожа не была. В малом зале кинотеатра «Россия» удалось добиться ежедневного показа в течение целого месяца, с представлением фильма известными писателями, журналистами, лермонтоведами, учёными, актёрами. За 30 дней выступило 30 человек. На имя Горбачёва в Кремль потоком шли письма, подписанные тысячами зрителей, с требованием показывать этот фильм во всех школах страны.

Разрывая кольцо блокады, попытался лично ответить в печати гонителям «Лермонтова». По договорённости с главным редактором газеты «Водный транспорт» Панюшкиным, осознанно риску-

ющим своей карьерой, ночью, подпольно, втайне от всех сотрудников газеты и типографии (на ночь оставили лишь одного наборщика), мы совершили процесс печати выпуска с двухполосным разворотом моего ответа палачам фильма. Утром я доставил в Госкино пачку номеров газеты, мгновенно разлетевшейся по кабинетам и возымевшей эффект бомбы, разорвавшейся в стане врага. Мой отец, прочитав статью, сказал:

– Да ведь это ответ князя Курбского Грозному!

Главного редактора газеты мгновенно вызвали «на ковёр» в ЦК партии.

Моё имя было под явным запретом на всех центральных телеканалах. Журналистов, посмеявшихся выпустить в эфир положительные интервью с Бурляевым, вытесняли с каналов. На предложение депутата Верховного Совета Сергея Бабурина руководителю главного телеканала показать «Лермонтова» в день его рождения, был получен ответ-вопрос: «У вас что... есть те, кто поддерживает этот фильм?»

Мама друга моего детства Никиты Михалкова – Наталья Петровна Кончаловская, просмотрев фильм на даче, с любовью глядя мои руки и голову, сказала:

– Вот какой ты стал, Коленька... Держись... Ведь они тебе завидуют...

Мой новый сценарий фильма о Пушкине без объяснений был отвергнут Госкино СССР.

«Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю». Как прав был Пушкин. Стойко перенося все удары, я не терял теплящегося в душе боевого упоения и радости, понимая, что Правда со временем победит.

*Заповедано мне петь весь свой век: / На Руси рождён счастливый человек.
Сердцем петь про радость, Правду и Свет – / На земле прекрасней участи нет.*

*Кровь кипит, пылает мозг – я пою! / Я разжёл в душе пожар – в нём сгорю!
Под конец я жизнь до смерти люблю! / Под душою, как под ношей, упаду.*

*В горле Русь клокочет – отворю, / Захлебнусь любовью-болью, но спою:
Смерть – не в землю нисхожденье и не тление! / Бесконечное движенье, возрождение!*

Спустя два года гонений и репрессий раздался звонок из иностранного отдела Госкино:

– Ваш фильм «Лермонтов» отобран турками на Стамбульский международный кинофестиваль.

Не поверил своим ушам... Целый месяц жил с ощущением, что этому невероятному событию кто-то не даст воплотиться в жизнь. Однако...

12 апреля 1988 года. В Госкино получил (словно руководитель делегации) документы, билеты, напутствие и валюту (по 17 фунтов): мне, кинорежиссёру Тенгизу Абуладзе, кинокритику Валентине Ивановой. Довёз Абуладзе до гостиницы, чтобы на утро забрать его в аэропорт.

Прощаясь, Тенгиз Евгеньевич сказал:

– Я рад, что ваша картина едет на конкурс.

– А вы видели фильм?

– Ещё нет. Посмотрю в Стамбуле.

– И я рад, что мы летим вместе. Не знаю, читали ли вы ложное заявление критика Кичина о том, что Бурляев бросал камни в создателя «Покаяния». Я написал опровержение...

– А стоило ли писать?.. – улыбнулся Абуладзе.

13 апреля

Утром по пути в аэропорт мы мило беседовали, начиная притираться друг к другу. Говорили о моей дочери и его внучке, родившихся едва ли не в один день... о модной практике «плавать раньше, чем ходить»... о причинах боли в сердце... о его «Покаянии» и моём «Лермонтове». В аэропорту соединились с критиком Валентиной Ивановой, не торопясь попили чай. Все формальности прошли спокойно, обыденно, устало – все мы мало спали в эту ночь. Занеся ногу на борт самолёта, глядя в опрятную спину впереди идущего Абуладзе, я настолько возликовал сердцем, что готов был чмокнуть его в спину от избытка любви и к нему, и ко всему вокруг.

*Судьбы моей печали / Остались за спиной,
И сердце зазвучало / Гармонией земной / И обрело покой.*

*Пришло освобождение. / Дух крылья развернёт,
Свершит предназначение! / Какое упоение – / Над бурями полёт!*

Свершилось! Дождь! Дожил! Лечу с опальным «Лермонтовым» на международный кинофестиваль. Я знал, что так будет, ещё делая свой фильм, предчувствовал его судьбу – фестивали, поездки, жизнь «Лермонтова» «в людях». Всё идёт по плану Всевышнего. Сидя за моей спиной, Валентина Иванова объясняла соседям – русской даме и турку, указывая пальцем в мою сторону:

– Николай Бурляев! «Лермонтов», «Иваново детство», «Андрей Рублёв»!..

– Ах, я так и думала, – воскликнула соседка.

– «Покаяние» вне конкурса, – продолжала Валентина журналистскую суету, – и фильмы Тарковского и Панфилова.

Не скрою, мне было приятно слышать, в каком обрамлении будет подан туркам мой «Лермонтов».

Решил подремать. Закрыл глаза и вспомнил недавнее посещение дома Ильи Глазунова, показ моего фильма ему, писателю Солоухину и журналисту из либерального «Огонька», почему-то состоящего в «друзьях» хозяина. Илья Сергеевич, говоривший поначалу о том, что он торопится и мы скоро простимся, не отпускал нас с 18 до часа ночи. Пять часов они с Солоухиным бомбардировали меня своими конспирологическими и монархическими концепциями. Илья Сергеевич говорил настолько азартно и плотно, что вставить слово было сложно. Когда Солоухин вдруг изрёк, «окая» в адрес Лермонтова: «Да ведь он же был плохой человек...», я не выдержал и резко парировал: «Ну вот, и вы туда же!» Постарался объяснить классику советской литературы, насколько Лермонтов был светлый, бесстрашный и любящий человек.

Илья Сергеевич ожесточённо ругал кинематографистов – Андрея Тарковского, Элема Климова и прочих, обвиняя их в русофобии. Говорил, что и я в «Лермонтове» не избежал их влияния.

– Но, как огоньки, у вас мерцают чувства истинной любви к России. За это они вас и ненавидят. Вы нарушили их законы.

Мои коллеги выражали и здравые суждения, но столь категоричную тональность, сдобренную нецензурными выражениями, я переносил с трудом, пытаюсь сохранять внешнее спокойствие, не вступал в спор на глазах у недруга из «Огонька». Однако не удержался и спросил у него:

– Я читал ваше интервью с Элемом Климовым. Как понимать реплику Элема: «С “Лермонтовым” мы уже разобрались».

– Климов сказал это в негативном плане, – сверкнул с готовностью «Огонёк».

Когда хозяин достал папку с вензелем и росписью Николая и поцеловал её, я спросил:

– Что ж, руки будем целовать Николаю за то, что он дважды ссылал Лермонтова под пули на Кавказ?

Ответа не последовало. Я разглядывал стены, увешанные бесценными иконами, и думал: зачем ему столько икон, на чёрный день, что ли. Спустя тридцать лет я успел вручить Илье Сергеевичу, перед его уходом из жизни, главную награду Славянского форума изобразительных искусств «Золотой Витязь», золотую медаль имени Александра Иванова «За выдающийся вклад в создание Российской Академии живописи, ваяния и зодчества». Ныне, посетив, наконец, созданный И. С. Глазуновым музей, наполненный теми самыми изумительными иконами, я признался себе, что был не прав в своих грешных мыслях. Да и по поводу образа императора Николая, созданного в моём фильме Марисом Лиепой, он во многом был прав. Сейчас я бы подал императора в ином, менее гротесковом плане. Но тогда... – мне, державшему оборону от всего мира, было тяжело переносить «бросание бешеное камней». Тем более со стороны единомышленников.

– Вы слишком иронично показали царя, – атаковал хозяин. – Это советский фильм. Если бы мы жили в то время, я бы вызвал вас на дуэль и убил. Вы оскорбили честь государя императора... Но я готов всюду голосовать за ваш фильм обеими руками!

– Зачем же голосовать за фильм, если вы не принимаете картину? – спросил я хозяина.

– Вы талант! – вдруг воскликнул Илья Сергеевич. – Вы единственный кинорежиссёр, посмевавшийся ныне говорить о России не черня её. Если вы и дальше будете снимать в нужном русле, то и я и многие вас поддержат.

Расставаясь, хозяин сказал, что у него много интересных книг, дал мне свой телефон и пригласил непременно прийти к нему после Турции.

* * *

Милая, грациозная стюардесса, подавая мне завтрак, задержалась, наклонилась к уху и прошептала:

- Кроме вас, я никого не знаю. Есть ли с вами ещё артисты?
- Здесь известный кинорежиссёр, автор «Покаяния» Тенгиз Абуладзе. Знаете такого?
- Ну как же, – ахнула девица. – А где же он?
- Вон – с краю, седой.

В аэропорту нас встречали советский консул, представители ТАСС и «Сов-экспорт-фильма» Виктор Маленкин. Поселили нас в лучшем, пятизвёздочном отеле «Martha», возвышающимся над всем Стамбулом, где поджидающий нас переводчик раздал нам по конверту с аккредитацией на фестиваль, кучей приглашений на приёмы и 60 000 лир на расходы. Жить стало лучше, жить стало веселей. Развернул буклет фестиваля, из которого узнал, что из 160 фильмов в конкурсе участвует всего 16. Начал листать с конца: и Тарковский, и Абуладзе, и Панфилов, и все звёзды мирового кинематографа, а на первой странице – мой опальный «Лермонтов», за которым чередой фильмов Франции, Англии, Австралии, Испании, Японии, Канады, Швеции, Китая, Венгрии, Чехословакии, Турции, Югославии, Польши и Сирии. Абуладзе и Иванова ахнули, прочитав, что председатель жюри Элиа Казан. Переводчик сказал, что на днях сюда придут классики мирового кинематографа Иштван Сабо и Миклош Янчо. И самое главное то, что «Лермонтов» будет показан после завтра четыре сеанса подряд (в 12, 15, 18.30 и в 21 час) и что в этот же день я принимаю участие в пресс-конференции вместе с Иштваном Сабо, Стивом Грубером, Майклом Редфордом и французом Жаном-Шарлем Такелла. Переводчик оповестил, что вокруг имени Абуладзе развернулся сенсационный скандал: цензурный комитет Турции запретил показ его фильма «Мольба», и вчера прошла демонстрация протеста, организованная творческой интеллигенцией Стамбула, а это в стране с чрезвычайным положением категорически запрещено. Председатель жюри Элиа Казан на своей пресс-конференции тоже заявил протест, да и дирекция фестиваля получила множество протестных телеграмм. Переводчик сообщил, что лучшему конкурсному фильму будет присуждена премия 1 000 000 лир, что равняется 72 000 долларов. В составе жюри кроме Элиа Казана генеральный секретарь ФИПРЕСИ, кинокритик из ФРГ Клаус Эдер, президент Сан-Францисского кинофестиваля Джордж Ганд, французский продюсер Жак де Глоу, французская киноактриса Катрин Вилкининг, английский кинокритик Дон Ранвуд, венгерский кинорежиссёр Петер Бачо и турецкий режиссёр Эрден Кирал. В Стамбул прибыли руководители 15 международных кинофестивалей со всего мира.

14 апреля

«Никогда я не был на Босфоре», – сожалел Есенин. А мне вот – довелось. Начались ежедневные мытарства по кругам фестивального горнила. Отсидел приём, устроенный турецким телевидением для участников фестиваля, в нескольких залах, на двух этажах Белого дворца султана. Подобные тусовки переношу с трудом: вымученная (во всяком случае для меня) болтовня ни о чём на чужом языке, фальшивые улыбки и поддакивания там, где ни хрена не понимаешь:

– О, yes!.. О, yes!.. – улыбался я своим сотрапезникам: вице-президенту турецкого телевидения Шехир Карабол, её мужу и какому-то кубинцу. Мадам охала: «О, Лермонтов!.. Ваш показ послезавтра!.. Я обязательно приду!.. Может быть, мы купим ваш фильм для турецкого телевидения...»

Мимо нашего стола сновали знакомые по экрану заграничные кинодивы. Все вокруг скучали, болтали, жевали, курили, стреляли глазками... Переводчик сообщил мне новость:

– 72 000 долларов – приз для лучшего турецкого фильма. Иностранцам – Гран-при «Золотой тюльпан» и призы жюри...

С трудом отсидев положенные два часа, отведав «восточных слабостей», откланялся и поехал с Виктором в отель через весь ночной «Царь-град», над Босфором и Мраморным морем.

15 апреля

Поскольку на выданные лиры я должен питаться сам, пришлось наесться с роскошного «пятизвёздочного» шведского стола, но много ли может принять человеческая утроба. Следующая подкормка лишь поздно вечером во французском консульстве.

Впервые в одиночестве побродил по главной улочке Стамбула, на которой и наш отель, и все фестивальные кинотеатры. Присмотрелся к ценам на товары со всего мира: от «Диора» до «Сони». Побалдел от красоты детских платиц и одежонок, повздыхал от осознания того, что рядом со мной идёт и моя бедность.

Посидели около часа с Абуладзе в моём номере, поговорили... Хотел напоить его чаем: совал, совал свой кипятильник во все розетки, но стамбульская электросеть не желала подавать ток в советский кипятильник. Подарил Абуладзе сборник «Поэзия-85» с подборкой моих стихов, которую он тут же прочёл и в присущей ему сдержанной манере высказал своё одобрение. Он сообщил, что в жюри его приятель – венгр Петер Бачо. Сказал, что может с ним поговорить о моём фильме. Как ни было приятно беседовать со столь интеллигентным собеседником, решил пойти посмотреть конкурсный чешский фильм, дабы узнать уровень конкурентов.

Картина оказалась традиционно-болтливой и лживой киноверсией жизни чешского композитора начала XX века. Без сожаления сбежал в антракте, поняв, что в сравнении с этой вялой жвачкой мой «Лермонтов» значительно выигрывает.

Подошёл к мечети на голос муллы. Едва ступил на порог, сидящий у входа и поющий в микрофон мулла отрицательно махнул мне рукой: «Нельзя!» Я извинился и остался за мраморным порогом. Мулла что-то громко крикнул служителю в лавке, и тот жестом объяснил мне, что я могу зайти внутрь, сняв обувь.

На пресс-конференцию Абуладзе набилось человек 150, стояли, толпясь в проходах. Первой выступила Валентина Иванова, наговорив несуразной ерунды, поразив меня непониманием того, где она находится и что интересно, а что нет в данном месте. Говорила, словно на «летучке» в своей «Советской культуре». То и дело посматривала в мою сторону и похвалила С. Ф. Бондарчука, высказав опасение, «как бы одна мафия в советском кино не сменила другую».

Абуладзе говорил в традициях грузинского тоста – с юмором и грацией, образно и обаятельно, но его весьма искажали переводчики. Пауза между каждой его фразой тянулась непомерно долго: пока переводчики, споря и дискутируя между собой, переводили с турецкого на английский и на французский. На вопрос об отношении к запрету цензурным комитетом показа его «Мольбы» он ответил прекрасно:

– Мне говорили, что одна из «запретителей» – очень милая и красивая актриса, и что он согласен с Шекспиром, изрёкшим: «Ты так прекрасна, что я готов умереть от твоей руки!»

Его ответ вызвал восторг собравшихся.

А потом на пороге французского консульства нас радушно встретили консул и атташе по культуре, и началась трёхчасовая толкучка – с улыбками, жеванием и стрелянием глаз. Половину срока изнывал и томился в уединении. Вторая половина тусовки прошла интенсивнее: узнав о присутствии на приёме автора «Лермонтова», ко мне выстроилась целая череда кинематографистов и журналистов. Многие, открывая факт моего причастия к фильмам великого Тарковского и «Военно-полевому роману», взвизгивали и восторгались. Долго не отлипал от меня член жюри, сопредседатель правления Minisota Nors Stars, президент Сан-Францисского кинофестиваля Джордж Ганд. Говорил о своём положительном впечатлении о моём «Лермонтове», о том, что этот фильм непременно нужно показать в Америке. Его поддерживали Рональд Холowej, снявший фильм об Элеме Климове, и какая-то журналистка. Джордж написал в мою тетрадь следующие слова: «Поздравляю с созданием выдающегося и столь прекрасного фильма о великом русском поэте Лермонтове. Вы преуспели как исполнитель главной роли и имели успех как режиссёр. Ваша игра излучала жизнь, настроение великого поэта, которым все мы восхищаемся. Я лично наслаждался встречами с вами в Стамбуле и надеюсь, что когда-нибудь мы сможем встретиться вновь в Сан-Франциско. Мои лучшие пожелания успеха в вашей дальнейшей карьере в кинематографе как режиссёра, сценариста и актёра».

Нашу беседу прервал советский консул, сказал, что Абуладзе хочет познакомить меня с министром кинематографии Венгрии, режиссёром-классиком Иштваном Сабо, с членом жюри венгерским режис-

сёром Петером Бачо и с румынским киноклассиком Попеску Гопо. Довольно долго беседовал с ещё одним членом жюри, генсеком ФИПРЕСИ, высокорослым немцем Клаусом Эдером, которому тоже понравился мой фильм по сути и по изобразительной части – прекрасно снятому Кавказу и России.

– На какой плёнке вы снимали?

– На «Кодаке», который нам предоставил через господина Шамье телеканал ФРГ ZDF.

– Я знаю его, – сказал Клаус, – я тоже из ФРГ.

Вскоре Клауса оттеснила от меня группа молодых китайцев в авангарде с режиссёром Занг Зе Мингом и представительницей кинопроката Зоу Ке Мей. Они буквально визжали и подпрыгивали, узнавая названия моих фильмов. Их раскосые глаза округлялись до размера советского рубля.

Уводил Абуладзе с приёма весьма повеселевшим, одним из последних. У подъезда он спросил:

– У меня, кажется, что-то было в руке?.. Ах, да, стакан.

Он решил, что нужно продолжить наше общение в доме у консула Александра. За чаем с оладьями он рассказывал, как продавали американцам его «Покаяние», как Яковлев сократил прокат фильма с 1000 до 500 копий и как многие регионы страны отказались прокатывать его фильм.

15 апреля

За окнами дождь. Босфор в тумане, а на душе томительно-радостное состояние готовности к новым битвам. Полночи репетировал в уме предстоящую пресс-конференцию, готовый говорить как всегда открыто.

В зал вошёл, когда все участники пресс-конференции уже собрались. За стол президиума посадили режиссёров трёх стран: Франция – Жан-Шарль Такелла, Венгрия – Иштван Сабо, от СССР – я. Мне первому почему-то и предоставили слово. Сказал, что благодарю за приглашение моего «Лермонтова» на конкурс, что приехал не за премией и, если не будет никакого поощрения, уеду удовлетворённым, ибо познакомился с новой для меня страной, которую познакомил со своим фильмом. Рассказал о создании картины, о критике и восприятии фильма народом. После меня кратко высказались Сабо и Такелла, и начались вопросы. Первый – ко мне с просьбой рассказать о личности Лермонтова и прочитайте его стихи. Спросили о Тарковском. После пресс-конференции дал интервью для журнала о кино, о котором попросил меня молодой турецкий режиссёр Семир, обучавшийся во ВГИКе у Наумова. Заострённый и белый, едва не альбинос, он был настолько светел, что я мысленно назвал его «белым турком». После откровенного интервью журналист признался, что ничего подобного в их журнале ещё не было.

В 15 часов состоялся показ «Лермонтова» в кинотеатре «Дуния». При входе директор кинотеатра взволнованно сказала, что зрителей очень много. Как обещал, пришёл и Тенгиз Абуладзе, в сопровождении турецких грузин, укормивших его роскошным обедом. Его поступок я расценил как подвиг интеллигентного человека. 800-местный зал был заполнен на треть, что в дневное время считалось аншлагом, при стоимости билета в 2000 лир.

Моё появление на сцене встретили радушно, а когда я в завершение свой речи сказал по-турецки «я желаю радости вам и счастья вашим детям», зрительный зал взорвался аплодисментами. Остался смотреть картину, сев рядом с Абуладзе. Каждый раз смотрю свой фильм глазами данной аудитории, а теперь и глазами Абуладзе... Смотреть было тяжело: фонограмма звучит еле-еле, переводчик, читая английские субтитры, что-то невнятно бормотал по-турецки... После шестой части просмотр прервали на положенный у турок антракт и перекур. Меня окружили зрители, выражали своё доброе отношение, пожимали руки, просили автограф. По окончании фильма все зрители, включая Абуладзе, аплодировали дружно и продолжительно. А где-то в Стамбуле в этот момент заседало жюри и решалось распределение наград. Будь что будет – всё приму с благодарностью.

Зайдя в зал на второй показ в 18.30, не поверил глазам – зал забит до отказа. Эти зрители встретили меня ещё более радушно. Аплодировали громко, дружно, долго.

– Перед вами счастливый человек, – начал я свою речь, – и снова овация.

В этот раз говорил дольше, но зал слушал с неослабевающим вниманием, в полной тишине. Когда я с трудом дочитал по бумажке своё турецкое приветствие зрителям и их детям, восторг зала был неопишем, овация не смолкала, пока я шёл через весь зал к выходу: люди махали мне, пожимали руки, кто-то по-русски сказал «спасибо», видимо эмигранты... При выходе из зала меня крепко обнял наш сияющий консул Александр Прищепов:

– Великолепно, Николай! Великолепно!

Эта встреча действительно превзошла все мои ожидания – празднично, сердечно, идеально.

В том же парке над Босфором, в котором я уже бывал, но теперь в Жёлтом дворце султана, был приём участников кинофестиваля, организованный мэром Стамбула Бедреттином Даланом. Зная, что решение о наградах уже принято, я выискивал глазами знакомых членов жюри... Вот Петер Бачо... Издали поздоровались кивком головы, и на челе его невысоком не отразилось ничего. «Значит – премии нет», – подумал я. Вторым я заметил президента ФИПРЕСИ Клауса Эдера. Тепло, как и вчера, поздоровались за руку. Переводчик Мехмед спросил его:

– Вы немец?

– Да, к сожалению, – вздохнул Клаус.

– Почему к сожалению? – спросил я. – А Гёте, Бах, Бетховен, Шиллер?..

А вот и третий член жюри – американец Джордж Ганд. Обрадовался ему как родному, задал прямой вопрос:

– Скажите мне, чтобы я спал спокойно – моему фильму не дали премию?

Понять, что он мне бубнит на гортанно американо-хоккейном сленге, я не смог.

Мы стояли втроём с Гандом и Абуладзе, когда я увидел, что именно к нам через весь зал, следуя за идущим перед ней представительным человеком, стремительно приближается телекамера с ярко освещённой на ней лампой. Человек протянул мне руку и сказал:

– Я мэр Стамбула.

– А я советский актёр и режиссёр.

– Вы из Москвы?

– Да.

– Вы знаете моего друга мэра Москвы Сайкина?

– Нет.

Немереное количество камер, окружавших нас, толкали друг друга, вспыхивали и трещали как в хронике о кинозвездах. Я извлёк из пакета расписные русские подарки: палехский поднос, матрёшку, деревянную ложку и вручил мэру.

– О, я знаю это! – воскликнул хозяин города и начал профессионально, явно на публику, извлекать матрёшки одну за другой.

В отель возвращались в звёздном автобусе: Тенгиз Абуладзе, Иштван Сабо, Попеску Гопо, у которого оказалась русская мать. Французские актрисы, сидевшие за моей спиной, почему-то робея, шептались: «Это русский актёр... Тарковский... “Lanfans de Ivan”, “Andre Rublev”». Подъехав к отелю, несмотря на усталость, решил проверить заполненность зала на последнем просмотре в кинотеатре «Дуния». Заполнено больше половины мест, сидят тихо. Увидел знакомого «белого турка» Семира, сидящего у прохода и утирающего слёзы. Он бросился ко мне, поцеловал в щёку, сказал:

– Я не могу наглядеться на этот фильм.

Усадил рядом с собой. Уйти уже было неудобно: все сидели не шелохнувшись, никто не покидал зал. Звук подавался громко, на турецкий не переводили. Пришлось дожидаться финала. Из зала выходили с Семиром. Возможно, ради таких мгновений стоило, несмотря на усталость, прийти сюда. Узнав, что герой фильма здесь, ко мне стали подходить зрители, кто руку пожмёт, кто поцелует трижды, кто по-русски поблагодарит, кто по-английски, кто по-турецки. Все взволнованны, растроганны, кто-то признался, что даже плакал. Подошло множество молодых людей, желали успеха, победы, счастья...

Поскольку завтрак был давно переварен, а на приёме у мэра поесть не удалось, принял приглашение перекусить с Семиром и его приятелем журналистом. Растроганный Семир сказал:

– Если я больше никогда не увижу Россию, я хотел бы перед смертью ещё раз увидеть этот фильм.

Он рассказал, что доведён здесь до крайности, что, возвратившись из СССР, у него конфисковали все вещи, книги, заточили в тюрьму вместе с четырёхлетним сыном. А когда он возвращался в камеру, обессиленный допросами и пытками током, его малыш целовал ему руки, успокаивал, уверяя, что всё будет хорошо. Предлагал рассказать на ночь папе сказочку.

*Когда не признан и гоним / Останешься один –
Не презирай и не кляни, / Но веру сохрани.*

*Не виноват жестокий брат, / И ты не виноват,
Что мира вам не обрести / И душу не спасти.*

*С рожденья сердцу суждена / Добра со злом война.
Другого нет у нас пути / Лицо своё найти.*

*Найдя его, не отступить. / Самим собою быть.
Покой хранить, добро творить, / Всё сущее любить.*

*Но даже те, кем обретён / Свет Истины простой,
Ввысь поднимаются с трудом / И каждый миг их – бой!*

*Но тот, кто жил, тот сделал шаг / Под солнцем в небесах.
И Свет, за краткий жизни миг, / Лучом во всех проник.*

16 апреля

Утром после сытного завтрака (пятизвёздочных – навалом, ешь – не хочу, желудок мал) нас с Абуладзе, Ивановой и звёздной компанией на двух автобусах повезли на экскурсию по Стамбулу. Заповедная зона – византийские сооружения, дворец султана, равный значением нашему Кремлю. И я, обманутый надеждой на тёплую турецкую погоду, и все звёзды, одевшиеся столь же легкомысленно, продрогли до костей на стамбульских ветрах и каменных плитах дворца. Поспав ночью всего три часа, смертельно усталый, я брёл в стаде киногениев со всего мира и думал: скорей бы в отель. Особый восторг и двусмысленные улыбочки киноэлиты вызвало посещение гарема султана и информация о том, что у него было более сотни жён и одалисок, танцевавших перед падишахом и его малыми наследниками обнажёнными, но с прикрытыми лицами. Побаловали нас и театрализованным представлением – танцевальным шествием, исполненным военным оркестром, разодетым в костюмы воинов XIX века, с кривыми ятаганами на боку. Ко мне то и дело подходили кинематографисты разных стран с выражением восхищения моим фильмом. Австрийский кинокритик Отто Рейтер сказал, что непременно напишет о фильме в венском журнале и пришлёт мне статью. Одна полячка с досадой сказала:

– Мы все думали, что ваш фильм получит главную премию, но дали французу...

Эту новость принял совершенно спокойно, никак не нарушив душевного равновесия.

Прогуливаясь об руку с Абуладзе, налаживая всё более тесный контакт, мы говорили обо всём спектре проблем: от политики до секса. Он от души хохотал над моим рассказом об отце, который каждое утро просыпался в 6 часов под звуки гимна из репродуктора и тяжело вздыхал: «Эх, ё...» Да и засыпал он после работы с этим же вздохом. Абуладзе был в восторге:

– Гениальный образ!.. Вы позволите мне снять это в моей новой картине?..

Добравшись наконец до отеля, принял пенную ванну и рухнул в постель на часовую передышку. На душе было светло, хотя и «без-призёрно».

*За славу, блага грех служить. / Не для себя молю
Я Бога сердце озарить, / Помочь мне душу воплотить – / Я славы не люблю.*

*Молю: для тех, в ком веры нет, / Зажечь во тьме звезду.
Среди распада, мрака, бед / Да будут – радость, вера, Свет! / За это в бой иду.*

*Когда ж придётся пожинать / Хвалу и лесть – молю:
Минует самости напасть, / Чтоб от гордыни не пропасть... / Я славы не люблю.*

Хорошо отдохнув, облачился в белый костюм, голубые носки и галстук от «Диора». Пусть видят, что я и без приза – хорош.

Торжественная церемония закрытия фестиваля проходила в истинно царском зале с высоченными, как в Большом театре, потолками и лепниной, обрамляющей сцену, сплошь заставленную цепью корзин с цветами и венками на постаментах в человеческий рост. В переполненном зале мы не стали искать кресел со своими именами, устроившись в свободном третьем ряду. Дальше – всё, как положено: ведущие в вечерних нарядах, стоя за пюпитрами, оповестили, что 160 фильмов в семи кинотеатрах посмотрели за две недели 150 000 зрителей, что в зале присутствует свыше ста кинознаменитостей со всего мира. Начали называть по именам, и каждый поднимался в зале, высвеченный мощным проектором. Одним из первых был назван «создатель фильма “Лермонтов”, советский кинорежиссёр и актёр Н. Б.» Я стремительно встал, повернулся к залу и высоко поднял обе руки, получив в ответ гром аплодисментов. Впрочем, щедро аплодировали всем. Потом назвали Тенгиза Абуладзе, и он поднялся под шквал рукоплесканий. Пригласили на сцену жюри. Последним, с особой помпой, расписывая гениальность обладателя «Оскара», работавшего с Марлоном Брандо, Лайзой Минелли и прочими дивами, представили председателя – американца Элиа Казана, оказавшегося 80-летним турецким евреем, похожим на моего старого соседа Илью Абрамыча. Илья Казан по-братски вручил весьма красивый «Золотой тюльпан» французскому Таккелла (некогда обласканному «Оскар»), очень похожему на самого Казана: стоя рядышком, они выглядели, словно два родных брата.

Я щедро аплодировал всем призёрам. На выходе из зала ко мне подошёл импозантный, интеллигентный человек и сказал по-английски:

– Ваш фильм – лучший на фестивале. Вы великолепный режиссёр и актёр.

Это неожиданное, искреннее признание, сказанное на ходу, прозвучало приятным завершающим аккордом.

17 апреля

Много наслышанный о соборе Святой Софии, я не ожидал больших потрясений: ну, собор и собор, немало я их видел и в России и за рубежом. Но, вступив под его гигантские, просторные своды, невольно ахнул. Охваченный чувством восторга, дух мой вознёсся под высоченный купол. Гений зодчего создал неповторимое сооружение, не подавляющее, но окрыляющее человека. Тончайшая мозаика стен,ходящая на живописную роспись, золотой фон которых излучал свет и радость. Как возможно было создать это чудо всего за четыре года? На украшение главного храма Православного мира Византия пожертвовала 600 центнеров золота. Чего только не видела эта Босфорская святыня за два тысячелетия: землетрясения, войны, нашествия... столкновения народов – греки, крестоносцы, русские, белая эмиграция, турки, взявшие Православную святыню в полон, окружив её с четырёх сторон штыками минаретов. Всё прекрасно в соборе Святой Софии, по-прежнему увенчанной гениальной по мастерству божественной мозаикой Богородицы с Младенцем.

Вечером на творческой встрече в советском консульстве откровенно говорил не только я, но и Абуладзе, и Иванова. Мы, словно подзадоривая друг друга, вводили в явный шок дипломатов и их жён, описывая анархию, царящую в нынешнем «перестраивающемся» советском бытии. Не ожидал, что окажусь в одном строю с Абуладзе, вознесённым на пьедестал нынешним руководством Союза кинематографистов, и Ивановой, которая поначалу воспевала их, но теперь поменяла своё отношение.

Перед сном пощёлкал по турецким, американским, немецким, французским, люксембургским телеканалам: всюду та же цветастая сексодрянь, которая стала внедряться и у нас в России.

18 апреля

Утром дружной компанией (с Абуладзе, Ивановой и сопровождающей дамой) направились добывать последние фунты на знаменитый стамбульский крытый рынок «Тапалы Чарши» – ГУМ, помноженный на сто крат по экзотике и наличию товаров. Древние каменные сводчатые расписные стены, искривлённые пересекающиеся лабиринты торговых рядов, тянущиеся до бесконечности. Праздник

ремесленного творчества: золото и серебро в несметном количестве, камни, медная и фарфоровая утварь, кожаные изделия изысканного покроя, товары всех стран мира. И никакой толкучки – чистота и культура торговли: даже чай поднесут в ожидании подгонки покупки.

Вечером нас пригласил на ужин знаменитый писатель, драматург, президент турецкого театрального общества Юнеско и руководитель крупной фирмы «Фора-корпорейшен» Рефик Эрдуран. Устав за эти суетные дни от общения, я пытался отказаться, но Абуладзе уговорил меня, о чём я потом не пожалел. Господин Эрдуран оказался обаятельным, открытым человеком. Рассказал, как в 1955 году он выкрал из турецкой тюрьмы знаменитого Назыма Хикмета и переправил его за границу. Но самое главное, он предложил Абуладзе и мне снять наши будущие фильмы в Турции. Он сказал, что его корпорация имеет достаточно средств для осуществления больших кинопроектов, может оплачивать любые услуги в любой стране мира, в любой валюте. Сказал, что у него серьёзная поддержка правительства, прессы, министерств иностранных дел, культуры и финансов, готовых оказать полную поддержку его проектам. Сказал, что у нас, режиссёров, будет полная свобода в выборе съёмочного коллектива и любой темы, пусть даже не относящейся к Турции. Главное – побыстрее начать и создать фильмы на европейском уровне, способные конкурировать на международных кинофестивалях.

На это фантастическое предложение мы оба ответили принципиальным согласием. На вопрос «есть ли у вас какие-то проекты», я ответил, что сегодня меня интересует две темы. Первая – фильм о Пушкине, который должен целиком сниматься в России. Вторая тема – фильм об Иисусе Христе, основанный на четырёх Евангелиях. Эта картина может быть целиком отснята в юго-восточной части Турции, в Каппадокии, имеющей адекватную временам жизни Христа натуру, с возможной достройкой там необходимых декораций.

Условились, что Эрдуран незамедлительно направит соответствующие письма в Госкино СССР и «Грузию-фильм».

В этот вечер наконец узнал, как мой «Лермонтов» попал в Турцию. Директор по международным связям фестиваля критик Веджи Саяр, обаятельный, респектабельный бородач, запросил в Госкино список и кассеты картин, тематически подходящих для Стамбульского фестиваля. Выбрал только «Лермонтова» и пригласил автора.

19 апреля

И пришёл последний вечер на Босфоре. Провёл его в тёплой компании с моим «белым турком» Семиром и его друзьями. Сидя в уютном ресторанчике на побережье, мы душевно беседовали, слушали ненавязчивые импровизации гитариста, разглядывая огоньки на противоположной стороне Босфора: ну чем не Ялта? Было настолько хорошо, что спел три песни под электрогитару, вызвав восторг немногочисленных посетителей ресторана и признание гитариста в том, что он видел меня лет 20 назад в «Ивановом детстве», что он любит меня и счастлив увидеть живым. Как говорил мой отец: «Целуй, пока тёпленький!» В последнем своём тосте я сказал, что очень ждал этой поездки в Стамбул. Уезжаю без приза, но удовлетворённый. Я открыл новую страну, новых друзей. Показал в Турции моего «Лермонтова» и встретил сердечный приём. Мои молодые друзья сказали, что они благодарны мне за встречу, счастливы, что я оправдал их веру в русского человека. На прощание я прочитал прекрасно говорящему по-русски Семиру свои стихи:

*О радости спою для вас. / На свет рождаются друзьями:
Одна на всех Земля под нами / И небо общее у нас.*

*Живите, радостью дыша. / Да будут радостны деянья,
Светлы и встречи и прощанья, / Благожелательна душа.*

*Да охраняет радость вас, / Не покидает вас удача.
У всех людей – одна задача / И вечность общая у нас.*

Стамбул – Москва, 1988–2020 годы

Берега юбилеев

Николай Ольков

*Уважаемый, дорогой Николай Максимович!
Примите поздравление с 75-летием! Светлого вдохновения,
добра и радости! Будем нести в жизнь позитив, здоровое
мышление, справедливость, благородные поступки и улыбку!*

Николай Максимович Ольков – родился в 1946 году в селе Афонькино Тюменской области. Окончил Литературный институт СП СССР. Автор нескольких десятков книг прозы, публицистики и краеведения. Наиболее полное издание – пятитомник в «Российском писателе» (2018). Отдельные произведения отмечены всероссийскими и международными премиями: П. П. Ершова, В. И. Белова, «Имперская культура». Живёт в селе Бердюжье Тюменской области.

Красная Поляна

Сказ

– Любо да мило смотреть на родные наши места, сколько годов живу, а не могу насладиться. До чего же всё по порядку: и речка, и озерки кругом, всё рыбное, едовое. И луга заливные, когда снегов много, с высоких мест стекает водичка в низину и в речку, а та в разлив – особая, видать, страсть: раскинуться, плечи расправить, заодно и камыш со всякой всячиной вычистить. Два холма по ту сторону деревни, издавна зовут их Женские Груды, понятно, в деревне не особо выбирают красивые выражения, но издали они очень похожи, ежели мне память не изменяет. Та сторона, что к деревне, летом в зелени разнотравья, для молодняка разного подкашивают люди, а задняя лесом прикрылась, так вот, заведено ещё в старые времена, чтобы тут дерево не трогать. Каждый год обходил лесник и помечал, какие берёзки, осинки и сосенки убрать можно. Зато ягоды в первых лесочках – какую душа желает: и клубника, и костянка, и смородина с ежевикой. Там подале и мокрые места есть, любители забираются вглубь за клюквой и прочей вкушностью.

Предки наши распахали столько земли, что даже, сказывают, такую вольницу допускали: четвертину оставляли отдыхать, не засевали, а летом, после сенокоса, пахали на другой ряд. Великая от того выгода была, сам-два хлеба снимали, во как! Правда, потом поизвелось это, но крестьяне помнят, через родичей, само собой.

Я зовусь Антоном Николаичем, вечный колхозник, стахановец, краешек большой войны захватил, словил осколок фугасный, но не глубоко, вытащили, дырку зашили, я уж и позабыл. Да, попал в путние войска и звался гвардейцем, а потом и в колхозную жизнь пришло это звание, вручили мне вместе с другими достойными значок «Гвардеец пятилетки». Проня Волосатов тоже получил, поглядел и хихикнул:

– Лучше бы на бутылку дали.

Тут меня и прорвало:

– Ах ты, сука реможная, да за гвардейское звание люди головы сложили, и в этом значке частичка от того, что у меня на майском костюме, а ты его...

Ну, и врезал по роже, своротил чего-то, тот в милицию, а там тоже путние люди бывают, сказали ему, чтобы благодарил за слабое наказание. Короче говоря, побывал и в гвардейцах трудового фронта. А вот до орденов не поднялся, хотя парторг пару раз обещал, если тысячу гектаров за осень вспашу на «Кировце» или полторы тысячи тонн хлебов намолочу за уборку. Понятно, что не только за ордена я старался, платили заманивающе, жить хотелось лучше, но парторг, не к ночи помянутый, орденок-то зажал.

Хочу рассказать вам, как мужики наши от погребели перестроечной уходили. В самом начале перестройки я на пенсию оформился, поскольку стаж у меня был без перерывов, акромья отлучки на

борьбу с фашизмом, учитывая мой гвардейский труд и хорошую зарплату, положили мне ежемесячно 132 рубля. Я уж теперь и сам не могу точно сказать, к каким сегодняшним деньгам это можно приравнять, но жила семья моя в полном достатке. И вдруг помимо перестроечных разговоров начались новые дела, каких прежде не было. Например, председатель колхоза, никого не спросив, увозит на колбасу три машины бычков с откорма. Машины не наши, грузчики не наши, а бычки свои, родные. Ребята у нас в правлении сидели не самые трусливые, наутро к председателю в кабинет, он с порога:

– Если вы по бычкам, то это за долги.

Мужики в пузырь:

– Какие такие долги, ты три месяца назад отсчитывался, и всё было чика в чику.

– Не было никакой чики, просто вас не хотел волновать.

Мужики напирают:

– А мы ребята не слабонервные, зови бухгалтера, пусть она нас взволнует.

Вошла Крестинья Васильевна, как увидела правленцев – с лица спала, помушнела даже:

– Да, долги банку, налоговой, в фонды. Вам же всего не объяснишь.

И зарыдала.

А мужики наши кроме обмана ещё женских слёз не переносят, слабеют сразу. Разошлись, но с той поры слово «долги», как колокольчик, звенело там и сям.

Потом районное и областное начальство приехало, собрали правление и сказали, что колхоз завяз или погряз в долгах по самые крайности и надо немедленно его распускать и создавать крестьянские хозяйства. Ну, что фермеры Россию прокормят, об этом каждый вечер напоминали по телевизору. Ребята выслушали всех и ушли, не прощаясь. А потом засели у Володьки Надцонова, целый день не выходили из избушки, полмешка пельменей изварили и съели, а к водке не прикоснулись, сразу договорились.

Что решили? Сказывали мне после ребята, что договорились прогнать всё начальство, а что ещё осталось из имущества – поделить по-честному. Понятно, что речь прежде о технике. Бумажки-то о паях имущественных и земельных у каждого были. И объявили ребята сход всех крестьян, и нашего брата, пенсионера, тоже зовут, я так морокую, что больше для поддержки аплодисментами или шумнуть в нужном месте. Другой-то пользы не предвиделось. Председатель колхоза у нас с фамилией Ежовкин, Денис Кириллович. Мы едва привыкли, а попервости, как ему слово дают, в зале кто чихает, кто кашляет, только чтобы не захохотать, потому что во всём колхозе его иначе как Ежопкиным не называли. Вот и попробуй тут усиди, да если ещё настроение весёлое. И отчего он эту фамилию не переменял, мог и на бабину записаться, когда женитьбу оформлял. Денис Кириллович тоже пришёл, недовольство высказал:

– И что вы собираетесь обсуждать? Колхоз подведён под банкротство, какие могут быть разговоры?

Володька Надцонов молодец, вперёд вышел:

– Это ты правильно сказал, председатель: подведён под банкротство, кому-то это шибко надо. Только мы не позволим. Проходите, товарищи, в зал.

А сам на сцену запрыгнул, встал над столом, как будто вечно там его место, и откуда что берётся!

– Прошу девчат из бухгалтерии, с кем договорились, садиться вон за тот стол и подробно писать, кто что будет говорить. Этот документ нам нужен как охранный грамота. Вы же видите, что вокруг колхоза, как стая голодных волков по весне, кружат людишки не нашей масти. Кружат – стало быть, обещано им, только время надо выбрать. А мы не дадим им этого времени! Не дадим! – заорал Володька, да так громко, я аж вскинулся. И зал без репетиций: «Не дадим!» И так славно получилось, прямо как в телевизоре.

Вставали мужики и бабы и прямо говорили, что овечек прошлой ночью машину увезли, что молодняк поросят в тёплую машину загрузили, один бородатый с наганом пугал свинарок и велел им помалкивать.

На трибуну залез зав зерновым складом, фигура в колхозе большая, а сам Ефимка росточком не вышел, его и в армию браковали.

– А сёдняшним днём, дорогие товарищи коммунисты...

– Ефим Кузьмич, нет тут коммунистов, ты о чём?!

– Как это нет? – встал вчерашний парторг Владимир Тихонович. – Как нет, когда мы, коммунисты, объединились...

– Товарищи! – закричал Владимир. – Товарищи дорогие, оставьте политику в покое, и так от неё спасу нет. Мы решаем колхозный, хозяйственный вопрос, про партийность ни слова. Продолжай, Ефим Кузьмич.

– Так вот, сегодняшним днём подошли к складу три больших машины, вроде даже пострашней «Камазов», с прицепами, и товарищ председатель на своей иномарке...

– Не на своей, а на колхозной!

– Знамо дело, что на колхозной. Говорит, отворяй ворота, будем грузить. Я слышу, от него хорошим вином отдаёт, и отвечаю: «Денис Кириллович, сие есть семенное зерно, это я вам как завскладом докладаю, если вы подзабыли. И шевелить его при такой погоде до тепла нельзя. К тому же нет у вас требования, как по форме положено, нет накладных». А он ко мне подошёл, за куфайку взял и дыхнул прямо в рожу: «Открывай склад, огрызок, а бумаг я тебе к вечеру целый мешок привезу!» Вижу, дело серьёзное, а ключи-то у меня в сторожке спрятаны, сам едва нахожу, и метнулся я меж складов, я же в пимах с калошами, а Денис Кириллович в штиблетах. Пробрался, вымок по самые кокышки, прости господи, но убёг и у кумы Дуси замаскировался. А надежда на то, что сразу после уборки велел председатель приварить к складским воротам мощные запоры и внутренние замки вставить иноземного происхождения, так что без ключей им в склад не попасть. Вот такой мой доклад.

Зал загудел, я тоже что-то кричал, можа, и не к месту, но шуму много было. И тогда Владимир встал над столом:

– Надо прения открывать по сообщениям, и первое слово председателю.

Ежовкин встал:

– Про свиней и овец ничего не слышал, так что комментировать не буду. А рассказы Ефима Кузьмича можно день и ночь слушать, он после бражки из избушки такие сказки рассказывает, что не переслушать. У меня всё.

И вышел в ближнюю дверь. Владимир в президиуме взволновался:

– Товарищи, надо нам в пять минут принимать решение, потому что Ежовкин уже сейчас стучит в милицию или куда повыше. И загребут нас за милу душу.

– Дак ты предлагай!

– Общим голосованием, закон соблюдём.

– Надцонов, объяви, как договорились.

Владимир спрыгнул в зал. Его трясло от волнения, голос звенел, но мысли в порядке.

– Мы вчера с мужиками обсудили и предлагаем собранию колхоз наш распустить, а всё имущество, технику прежде всего, раздать согласно паёв в крестьянские хозяйства, мы уж тут определились, кто с кем будет работать. А что касается скота, нам сейчас его не сохранить, да и осталась-то сотня хвостов. Давайте поручим Владимиру Тихоновичу, он человек грамотный, к тому же партийный, пусть грузит остатки и везёт на мясокомбинат. А выручку поделим, тут много ума не надо. Значит, завтра в семь утра все у мастерской. Только прошу, мужики, ведите себя, если пошло наперекосяк – не зlobьтесь, пригласите стариков, они рассудят. Всё, собрание закрыто. Девчонки, тащите протокол, я подмахну для порядка.

* * *

Теперь про Володьку, Владимира Игнатьевича Надцонова. Годков ему не много, только, если человек толковый, это сразу видно. Роста среднего, в плечах убедительно смотрится, лицом в мать нашибат, красивый. Волосы как после армии отрастил, так и зачёсывает назад крутой волной. Взглядом серьёзный и голос командирский, это точно со службы, раз сержантом пришёл.

Дед его Никанор, царство небесное, был человеком партийным и активистом, с молодости ударился в эту политику, в родном селе колхоз создавал. Сказывали старики, что он недолго уговаривал, прежде всего как бы молебен отслужил по старой жизни, предупредил, что с завтрашнего дня об ней надо позабыть. Потом вкратце обрисовал всю картину: скот сдать, инвентарь сдать, землю всю в колхоз. Робить так же, как и единолично, только государство будет забирать хлеба, молока и мяса сколько ему потребно. А себе что останется. Противиться не советовал, потому что после разговор совсем другой: на голые сани всей семьёй и на Север. Доходчиво объяснял. За одну ночь колхоз образовал. Вплоть до войны любил на собраниях речи держать, и хоть времена были жестковатые, выпады классовых элементов сносил спокойно, никуда не жаловался. Даже когда Касьян, сосед, укорил, что самолично Никанор свёл со двора последнюю корову, а потом двое его ребятишек замерли с голодухи, Никанор, говорят, ответил, что корова эта спасла десятки пролетарских детей, а это для страны важнее всего. И всё. В конце собрания обычно напоминал: «Что тут промеж нас... разговоры либо споры – не дальше этого порога. Узнаю, кто состукал, – найду способ вослед каторжному отправить».

И обходилось. Колхоз скучковался, стали привыкать, работали, как вроде своё хозяйство, и стало выходить. И на трудодень начисляли хлебишко, крупы, масло подсолнечное, ударникам отрезки ма-нуфактуры к праздникам. А тут война. Конечно, всё пошло наперекосяк. Но не об том речь. Никанора забрали на фронт, там и остался. Отец Владимира Игнат вырос на отрубях да на картошке, столь тошно было после войны. И опять выпрямились. Он едва семилетку в школе отсидел – на курсы трактористов, не успел десятины вспахать – Советская армия призывает, а служить было почётно. Настолько, что бракованные ребята сутками сидели в военкомате: «Заберите хоть в стройбат, ведь нам в деревню позорно возвращаться, и девки сторониться станут, слух пустят, что порченный».

Отслужил Игнаша, женить надо, и невеста через два дома живёт, Мария. Колхоз к тому времени окреп, стал помогать молодым дома ставить. Игнашка не в последнем числе, тоже лес дали строевой, пилораму брёвна распустить – пожалуйста. Шифера колхоз вагон закупил, чтобы всех желающих обеспечить, цемента на фундаменты вагон россыпью, после разгрузки все мужики наголо побрились, такой хороший цемент попал.

Дом построил – ребятишки пошли. Ведь тогда всё желанное было. Про любовь как-то не шибко я разговоров слышал, но плодился народишко со страшной силой. Вроде вчера в лавке видел бабу, нормальная, через время встречаю – с брюхом. Нарочно пошёл по улице из краю в край, день нерабочий, вчера дождь хлестанул. И что ты будешь делать – каждая вторая баба в тягостях. Колхоз ясли открыл, их там – гим гимзит, позвали меня, чтобы повыше заборчик сделал, а то сбегают. Среди них, должно быть, и хороводил бойкущий парнишка Володька Надцонов.

В соседях жили, всё на виду, в старших классах начались у Володьки проблемы. Видишь ли, папу Игнашу с понтальгу сбил своячок, муж родной сестры. Пока она на курсах продавцов обучалась торговому делу от нашего сельпо, прилепился к ней учёный мужичок из городского института. Короче говоря, охмурил девку, и стал наезжать к своячку вроде просто из уважения, а увозил полный багажник окороков, яиц, сала, масла и прочего, что всегда было и не выводилось в кладовках и холодильниках жены Игнашиной Марии. Хрен бы с ним, с продовольственным запасом, но при загрузке багажника, в порядке расчёта, свояк убеждал Игнашу, что Володя должен окончить среднюю школу, и место в институте ему обеспечено, в чём он, свояк, уверял, поудобнее укладывая в багажнике коробки и пакеты.

После этого отец отлавливал Володьку из любой игры и любой компании, приводил домой и выкладывал из потрёпанного портфеля все книжки: «Учи!» Учиться Володьке вовсе не хотелось, ему было интересно с отцом на тракторе хоть с часик посидеть, а потом и батю подменить, пока он в обед колхозные щи хлебал да котлеты уминал. Осенью с уроков убежал, к батиному комбайну подходить боялся, так крёстный Андрей выручал: посадит на колени, показывает, какой рычаг для чего, какая лампочка о чём сигнализирует. Быстро нахватался Володька и однажды, пока отец в тени берёзки косточки из компота вылавливал, заскочил в кабину, газанул, на валок вырулил и включил молотилку. Игнат вроде за ним, а кум поймал за сапог:

– Посиди, он круг даст, сюда же подъедет. И не рычи, я его подучил. Хороший механизатор будет, зря гонишь.

Какой толковый крёстный Володьке достался! А дотяни они всей семьёй парня до института, там бы пятилетку промаялся, приехал с дипломом экономиста и через год спился бы. Я не на пустом месте такой прогноз сочиняю, а из опыта колхозной жизни, у нас три экономиста кончили увольнением за пьянку, а четвёртый до того досчитал сальдо с бульдой, что отваживались в Лебедёвке, есть там такая больница, где лечат людей, когда ум за разум запрыгивает. Зато тракторист из Володьки получился знатный.

Да что тракторист! А парень какой! Не одна девка в деревне по нему сохла, а он, словно евнух, никакого интереса, даже в клуб не ходил, если кинокартину не привозили. Отец уж переживать начал, малой вон и то без девок не ходит, и сёстры каждый вечер прихорашиваются, хоть и соплячки ещё. Я же рядом живу, всё на глазах. В баню как-то к ним попал, в своей каменка развалилась, на неделю работы. Парились все вместе, присмотрелся к Володьке – нормальный мужик! Сам себя успокоил, отцу ни слова, чтобы лишний раз занозу не шевелить.

Приехала к нам новая экономистка. Скромненько так одета, пальтишко серенькое поношенное, сапожки не первой свежести, да худющая, едва не светится. «Ну, – думаю, – и эта ненадолго, закладывает, видно, вишь, пообносилась». Ну и брякнул это при Володьке. Тот меня за малым не пришиб.

– Как, – говорит, – у тебя, старого, язык повернулся! Сирота она, на одну стипендию жила, специально в колхоз попросилась, а её в институте оставляли.

А я себе думаю: ежели ты такими сугубо интимными сведениями располагаешь, стало быть, глубоко в ейную оборону пробрался, первому встречному девчонка про судьбу не скажет. Оказывается, правильно я мыслил, вечером перед Октябрьской привёл Владимир девчонку в отцовский дом, а я раньше был приглашён на чашку чая. Вошли, девчонка глаза в пол, смотрю: личико-то округлилось на деревенском провианте, да и пальтишко новое, хоть и не креп-жоржет какой-нибудь. Стесняется, мать подсуетилась, отец втихушку плюху сыну, почему не предупредил. Девчонка пальтишко сняла, Володя подсобил, вижу – что есть прикасаться боится. Кофтёнка и юбочка на ней приличные, сапожки под порог поставила, мать уж носки тёплые тащит. Села, надела носочки, а ножка маленькая, Нюрка и Шурка, сестрёнки Володины, близняшки, в седьмом, а лапища...

– Вот, мама и папка, и ты дед Антон, знакомьтесь, это Веста, наш экономист и секретарь комсомольской организации.

Тьфу ты, господи, куда его несёт! Причём здесь партия и бухгалтерия?! Не иначе на смотрины привёл, а стусевался.

– Пришли мы, мама и папка, и ты дед Антон, познакомьтесь, потому что мы с Вестой решили пожениться и просим вашего согласия.

Что тут началось! Меня изо стола вычкнули, мать в морозилку за фаршем и пельменями, отец рубаху чистую побежал надевать, Нюрка с Шуркой на стол метут, кучу тарелок, сервиз называют, из горницы приволокли, протирают. Через пять минут на столе чин чинарём, и выпить, и закусить. Я вроде в двери, Володя меня остановил:

– Садись, дед Антон, раздели нашу радость.

Девка вроде чуток успокоилась, ручки уже не трясутся, слёзки высохли. Что они, слёзки в эки годы, так, водица, это я нынче, ежели всплакну, да слеза на рубаху сорвётся – успокаивай сам себя и бери иголку с ниткой. Ни один материал не дюжит. Ну, это к слову. Отец речь сказал, выпили, девушка только ко рту поднесла. Отец поправил:

– Надо бы, дочка, первую-то выпить, так положено.

А она глазёнки на него вскинула:

– Простите меня, только я никогда даже капельки в рот не брала. Простите.

А ведь и это любо. Шарахни она сейчас полную рюмку, крикни да закуси солёным огурцом, я бы вмиг жениха в сенки выдернул и шепнул: «Володька, положи, где взял. Если нагресил – извинись, если не ты первый, то и без того обойдётся». Сидим, закусываем. Отец слово берёт:

– Это хорошо, ребята, что вы к родителям пришли за согласием, за благословением, как раньше. Только ты, дочка, без обид, имя своё объясни, оно из старины или как?

Девушка губки платочком вытерла:

– Мы из староверов, жили в северном районе, в тайге. Отца моего в лесу сосной захлестнуло, собиралась община ещё один дом поставить. А мама так страдала, что ушла на могилу тятину и померла. Меня добрые люди пригрели, а потом приехала милиция, они всё золото искали двоеданское, и меня забрали как беспризорную, хоть я и в семье жила. Сказали, что такой закон. И отдали в детский дом. Там меня Веркой звали, а как паспорт стала оформлять, записала имя, данное при крещении. Только если вам не нравится, я переменю на любое. Но Володе шибко глянется.

Тут Мария не вытерпела:

– Дочка, а как же ты в институте училась, без поддержки-то?

Веста впервые улыбнулась:

– Что теперь вспоминать? Стипендия, девчонки помогали, если у меня денег нет, а они что-то готовят, конечно, за стол посадят. Одежду, да, привозили подружки своих младших сестёр, и обувь, и пальто, и платья. Гордыня – грех, потому брала с благодарностью. Я всё за книжками сидела, училась хорошо, диплом с отличием получила. Оставляли на кафедре, в аспирантуру, а там зарплата чуть больше стипендии. Попросилась в деревню, приехала, а тут Володя.

Мать фартук от лица не отнимает, отец платком все глаза исшоркал, я тоже берегусь, чтобы слезинка рубаху не прожгла. Какая судьба выпала девчонке, а ведь не сломалась, не изгадилась, как сейчас это началось, и судит, как большой мужик. Думаю, повезло Володьке, дождался свою радость.

А Игнат после третьей рюмки вдруг решил:

– Раз задумано, нечего кота за... ну, короче говоря, тянуть с этим делом не будем. Решили пожениться – мы с матерью и сосед с нами – согласны. Значит, так: завтра Октябрьская, митинг будет, я председателя сельсовета с трибуны сдёрну, десять минут, и вы муж и жена.

Никак не могу понять, как он быстро всё сообразил:

– Брательник с утра кабанчика обгоит, сестра солонину достаёт из погреба, столовские девчонки пособят в колхозной столовой всё, что надо, приготовить и на столы поставить. С утра заводить «Жигули» и в район, надо невесте самое лучшее платье и жениху добрый костюм. Дочкам список гостей, чтобы всех обежали, и в три часа садимся за столы.

Дивную свадьбу ребятам сыграли. Друзья Володькины тоже молодцы, рванули в город, а что привезли – не рассказывают. А когда сельсовет зачитал про мужа и жену, приволокли берёма красных роз и невесту по самое личико ими украсили. И слёз было, и смеху.

* * *

Утро после того колхозного собрания выдалось необычное. Ещё вчера метелило и ветер переносил поздний снег от забора к забору, а нынче притих, словно присмотреться хочет. Звёзды неба не покидают, хотя уж вроде светает. Фонари на столбах горят ярче прежнего, а машинный двор прямо твой аэродром, Владимиру приходилось летать в Москву на ВДНХ как передовику, видел и запомнил. Зашли в красный уголок, друг над дружкой подшучивают, а волнение есть. Тут же представитель из бухгалтерии. Заведующий машинным двором, пожилой механизатор Гавриил Евсеич сказал:

– Мужики, раз уж договорились, давайте спокойно и без шума. Я так понял, что начнём с тех тракторов, кто на чём работал. У меня бухгалтерские выписки по паям на руках.

– Обожди, Евсеич, а ежели мой трактор на ладан дышит? И мне его брать? – закричал Проня Волосатов.

Мужики зашумели:

– А кто его довёл до ручки?

– Ты по осени масло сменил? Нет, так и газуешь, а из него, несчастного, дымище, как из паровоза.

– Договорились, Проня, и не дёргайся.

Гавриил Евсеич разложил бумаги, и стали к нему подсаживаться те, кто оказался во главе за ночь образовавшихся кооперативов. Все следили, подсказывали.

– Мужики, нельзя так. У Михаила новый трактор, у Мити почти новый, да им ещё МТЗ из ремонта. Так на всех не хватит.

Евсеич кивнул:

– Верно. Надо, ребята, по возможности честно всё поделить, вам ведь в одной деревне жить, одни пашни пахать. Чтoб без злобы.

Не обошлось. Аркаша Захаров захотел «Кировца», а работает на «Беларусе». А кто же отдаст добровольно? К тому же Евсеич поднял руку:

– Аркадий, у тебя на «Кировца» и денег не хватает. Ты окстись, ведь надо ещё инвентарь брать, ты на тракторе не по ягоды ли собрался? А чем пахать, сеять, где сцепки, диски, культиваторы?

Владимир тоже сел, разложил свои и товарищей свидетельства на имущественные пай. Трактора свои записали, инвентарь по списку, ещё ночью составил, и попросил из гаража пару машин, «Зила» и «Газика». Евсеич проверил: есть по спискам такие машины. У заведующего машинным двором полный порядок. Отписали тебе технику – он вручает технический паспорт. Вышли из душевной конторки, шестеро мужиков, документы на четыре трактора, два комбайна, автомашины, прицепной инвентарь. Владимир предложил:

– Давайте перегоним технику на склад, там и охрана есть, да и склады потом делить придётся. Там и база наша будет.

В конторке шум, похоже на драку, клубком мужики выкатились во двор. У Прони Волосатого всё лицо разбито, дуром орёт, что «Кировец» никому не отдаст. А бил его Ильяха Жабин, его это трактор, потому он прав. Проня вырвался, метнулся к гаражам. Когда сообразили, «Кировец» ворота вынес с петель и на выход, Ильяха наперерез, встал, руки раскинул. Так его Проня и сбил. Вылез из кабины, всего трясёт, бухгалтерша в больницу и в милицию позвонила. Проню заковали в наручники, капитан стоял над трупом и раскачивался в своих чистеньких хромовых сапогах:

– Это, господа, начало капитализма, борьба за частную собственность, передел. Там, наверху, делят заводы и прииски, а вы ржавое железо, которое на ваших огородах превратится в металлолом.

Гавриил Евсеич не удержался:

– Зачем вы так над народом, товарищ капитан? Люди жить хотят, выжить, вот, собрались, чтобы всё по-честному поделить. Но не всем понравилось. Илью, как жертву перестойки, зароем, а Про-

ня пойдёт тайгу пилить. Но техника будет работать, я знаю, не все сумеют, но многие преодолеют сами себя, поднимутся. Мы же такое уже проходили, после войны на коленках стояли, всё одно поднялись. Видно, только в русском мужике и есть эта сила, чтоб над собой подняться. Не улыбайся, капитан, приезжай, когда майором станешь, поглядишь на наших соколов. А я уж сейчас вижу их с красными флажками на комбайнах...

Только к вечеру следующего дня управились, поставили всё в ряд, кто-то краски притащил, решили на бортах название кооператива написать. А какое? Хоть и устали, а посмеялись, сели в кружок на брёвнышки, стали перебирать – ни одно не нравится. И Владимир вспомнил, отец рассказывал, что после войны объединяли колхозы в деревне в один и назвали его «Красная Поляна». Мужикам название понравилось, только Арыкпаев ворчал, что длинное, писать долго, он предлагал «Луч» – не приняли. Барабенов дверной замок у «Зила» перебирал, спросил:

– Ерик, а у тебя по русскому в школе сколько было?

– Три, – гордо ответил Арыкпаев.

Барабенов захохотал:

– Шеф, как бы не пришлось работу над ошибками...

– Грамотно пишу, не мешай, – огрызнулся Ерик.

Надцонов вытер руки, подошёл:

– Ничего, мужики, потеплеет, попрошу Весту, она нам красивый трафарет вырежет, и мы всю технику покрасим одинаковой краской, сначала ржавчину сведём, а потом и название напишем.

* * *

Надцонов не любил март. Мутный месяц, для крестьянина непонятный: то метелью хлестанёт дня на три, то спрячет ветра, растолкает облака, чтобы показать народу солнышко. А то вдруг морозец начнёт прижимать, да не шутейно, хоть полушубок из кладовки доставай. Оттого и не любил Владимир Надцонов, что март никакой возможности не давал угадать, каким будет апрель. С первым солнечным апрельским просветом стаскали на полевые обочины всё своё хозяйство: диски и культиваторы, бороны и катки. Что вперёд потребуется, а что так и останется до конца посевной быгать на кромке поля – только время покажет.

Весна пришла степенная, крестьянская, днём снега гонит, ночью холод не пускает, пусть влага в землю уходит, для хлеба, для урожая. Мужики семена поделили, несколько раз на ворохах схватывались, но разошлись мирно.

Владимир съездил в район, оформил крестьянский кооператив «Красная Поляна», хотя в земельном комитете барышня не соглашалась на «красную», предлагала взять «ясную», мол, всем знакомо и никакой политики. Сходил к председателю комитета, тот подписал. А заодно и спросил, видно, наслышан, как разделили колхоз, и знает ли он, что их Ежовкин назначен начальником управления сельского хозяйства. Надсонов вида не подал, но неприятный осадок в душе привёз и с товарищами поделился.

– Володя, да хрен с ним, с Ежопкиным, будем робить и на него не оглядываться. – Сергей Барабенов возился с трактором и вроде не придавал особого значения тому, что говорит. – А я вам скажу. Вчера попросил своих хулиганов обойти усадьбу Ежопкина и глянуть, что у него за сараями под навесом, а заодно и на крышу сарая забраться, заглянуть, что во дворе. Результат: в ограде «Камаз» самосвал и «Беларусь», а на задах под навесом и соломой гусеничный «Алтаец» и «Дон» зерновой.

Мужики оставили свои дела и подошли к Сергею.

– Откуда? Вроде ничего не было слышно.

– Проня Волосатов ему всю технику из района ночами перегонял, сам брякнул под стакан, что теперь он первый человек в колхозе, на особом доверии у председателя.

Владимир усмехнулся:

– А мы удивлялись, почему Проня за явное убийство получил поселение. Да, ребята, всё меняется на ходу, и не в лучшую сторону. А что будем делать с техникой? Он же её в любое время спрячет.

Попросил Весту проверить по бумагам, есть ли такая техника в колхозе и откуда взялась, она нашла платёжные документы, но все четыре единицы переданы по акту птицефабрике в погашение долгов. Надцонова колотило от злости: вместо того чтобы выдать колхозникам хоть что-то, председатель последние копейки пустил на технику. Всё продумано, у фабрики много земли, техника нужна, сдаст в аренду и будет жить королём. Тем более теперь, при такой должности. А где правду искать? У главы района? У прокурора? В суде, который оправдал убийцу?

Сергей Барабенов решил проблему просто:

– Ночью пробраться и в топливные баки сахару насыпать. Движок сразу накроется.

Аверин поддержал:

– Хоть как-то навредить.

Надцонов махнул рукой:

– Противно мелко пакостить. Да ничего это и не изменит, движки отремонтируют и вперёд.

Был у него план. Платёжные документы из бухгалтерии Веста скопировала и подменила: копии в папки, а подлинники мужу. В доме Ежовкина жена и ребёнок, пугать никак нельзя. Хороший человек сообщил по телефону, что купили Ежовкину особняк главврача, того в область перевели. Узнать бы, вдруг супруга на смотрины поедет. Братишку своего от школы освободил, велел глаз не спускать с Ежовкинского дома. И вот прибежал парень, дыханье перехватывает:

– Братка, легковушка подошла, женщина с девочкой сели и уехали.

– Номер машины я тебе велел...

Мальчик подал бумажку. Нашёл бывшего водителя председательского, он районные номера знает, подал бумажку:

– Да, машина начальника управления. Ежопкин, скотина, обещал к себе взять – обманул.

Прибежал к складу, собрал своих.

– Распутицы он ждать не будет, гусеничный ладно, а комбайн по огороду не пойдёт. Время у нас нет, жена посмотрит особняк и вернётся.

– И что? – чуть не хором спросили мужики.

Надцонов напрягся, аж шапку в руках сжал:

– Разом заводим все технику и выгоняем на площадь, под самого Ленина.

– Володя, это же топливо надо, воду...

– Топливо в баках должно быть, не на последних каплях они из района пришли. А воду каждый по канистре – приволокём.

Аверин охватил голову руками:

– Мужики, пересадят нас, точно говорю. Угнать со двора – всё равно, что украсть.

– Но ворованное украсть – большая разница. К тому же мы не к себе в ограду, а на общий вид. Пусть завтра народ полюбуется. – Владимир и сам себе не очень верил, что говорил, но нет иного способа накрыть проходимца. – Подожди, парни, это не кража, это изъятие вещественных доказательств. Вызовем нового прокурора, документы предъявим.

– Вова, только настоящие бумажки им не отдавай, захарлят, копии сделай.

– Уже наделал, – успокоил Надцонов.

Арыкпаев засмеялся:

– Володьша, будешь адвокатом в суде, такие слова знаешь!

Решили сегодня, после полуночи. Андрей Аверин, десантник, через забор перемахнул, открыл калитку. Залили воду, подождали, когда за сараями загудело. Распахнули ворота, «Зил» и «Беларусь» выскочили быстро. Надцонов запер ворота и вернулся через забор. Гусеничный трактор и комбайн шуму наделали, но деревня спала. Выехали на площадь, Надцонов выскочил из кабины и отмашкой выстроил технику в ряд. Заглушили моторы, быстро слили воду. Владимир вынул из-за пазухи кусок ткани, растянул вокруг кабины «Дона». Даже в темноте хорошо читалось: «Это украл Ежовкин». Веста по его просьбе написала белилами.

– Ну что, жулики, по домам? – спросил неунывающий Арыкпаев.

– Расходимся. Утром к восьми надо быть здесь. Я прокурору позвоню.

Что там в восемь – в семь все были на месте, редкие любопытные проходили мимо и вопросов не задавали. Надцонов сбежал в контору, позвонил, прокурор его выслушал и сказал, что немедленно выезжает. Он подъехал через час, представился, обошёл площадку с техникой, попросил лозунг снять. Через полчаса подъехала целая колонна легковых машин, выходили из них солидные люди в красивой одежде и с красивыми портфелями в руках.

– Ну, робя, на них нас и увезут, – хмыкнул Барабенов.

– Ага, губу раскатил, под нас «воронок» подгонят.

Надцонов глянул на своих:

– Только спокойно, я отвечаю.

Ежовкин сразу кинулся на Владимира, Аверин вышел вперёд – высокий, крепкий и наглый.

– Тебе кто дал право, нищеврод хренов, по чужим дворам лазить? На каком основании? Да я тебя в тюрьме сгною!

– Кто старший, с кем говорить? – спросил прокурор.

– Я. Надцонов Владимир Игнатьевич.

– Принято. Что за техника, как она здесь появилась?

– Да они... – пытался крикнуть Ежовкин, но прокурор остановил его.

– Я вас пока не спрашиваю. Продолжайте.

Надцонов спокойно (сам удивился) всё рассказал, показал копии платёжных документов и договоров передачи техники в аренду.

Прокурор внимательно посмотрел бумажки и поднял голову:

– Надцонова и Ежовкина прошу пройти в администрацию, милиции обеспечить сохранность техники.

– Я заместитель главы района, здесь директор птицефабрики. Товарищ прокурор, надо бы поговорить.

Владимир только сейчас заметил, что прокурор совсем молодой, форма на нём с иголки, чувствует себя хозяином положения.

– Господа, у меня к вам пока вопросов нет, если что появится, вас пригласят повесткой. А пока свободны.

– Чёрт знает, что творится! – возмутился директор птицефабрики. – Втянул меня Денис Кириллович в историю, тюрьмой попахивает.

Заместитель главы похлопал его по плечу:

– Не журишь, завтра вернётся глава района, он этот вопрос разрулит.

Ежовкин подёргал ручку дверей «Зила» – закрыто на замок.

– Что, Денис Кириллович, не своё оно и есть не своё. Шепни «сим-сим, откройся», – засмеялся заместитель главы.

В кабинете администрации Надцонов ещё раз рассказал всё по порядку, прокурор слушал молча, не перебивал. Владимир не выдержал:

– Гражданин прокурор, мы жулика разоблачили, хоть и большой начальник. Он и в колхозе крал, что плохо лежит. Так неужели нас теперь под суд, а он смеяться будет?

Прокурор прошёлся по комнате, встал напротив Надцонова:

– Во-первых, я для вас не гражданин, а товарищ прокурор. Во-вторых, дело это будет крупным, уж я позабочусь. Уже сейчас могу вас заверить, что никого из вашего коллектива я обвинять не собираюсь. Вас вызовут, когда потребуется, а пока работайте спокойно. Да, технику с площади надо убрать и обеспечить сохранность. Вы свободны. Скажите Ежовкину, пусть войдёт.

Через полчаса прокурор вышел, ни с кем не разговаривал, сел в свою машину и уехал. Компания переглянулась – и тоже по машинам.

Прокурор не просто прошёл мимо местного начальства, он продемонстрировал полную от него независимость. Молодой человек уже выстраивал известные ему события в громкое уголовное дело по борьбе с хищениями должностными лицами материальных ценностей в крупных размерах, а тут и злоупотребление служебным положением, и сговор с целью получения выгоды, здесь коррупция в чистом виде. Он хотел сделать карьеру, и он её сделает, этим громким делом покажет всем, что прокурор строго следует закону, не обращая внимания на чины и звания. Он сделает всё, чтобы добиться для Ежовкина обвинительного приговора и реального, не условного, срока заключения. Вот тогда имя прокурора прогремит на всю область и, безусловно, дело будет зачислено в его положительный актив.

* * *

Первая самостоятельная посевная запомнится Надцонову на всю жизнь. Прежде всего схватились за пайщиков, ведь своей земли немного. Пошли по родне, по соседям, сразу встал вопрос о цене, старый колхозный бригадир Ерохин сказал, что он свой и старухин пай дешевле чем за пять центнеров чистого зерна не отдаст.

– Дед Киприан, ну как я могу тебе на берегу, ещё и подошвы не замочив, сказать, что добуду? Ты же старый крестьянин, а если совсем не уродит, тогда как?

– Тогда, мил человек, продавай машину и мне расчёт деньгами... по цене рынка. (Едва вспомнил!) А нет, так я кому хошь отдам.

Быстро бежал новоявленных председателей:

– Мы какие-то бестолковые. Мужики-то вперёд нас столкнувались, что в договор писать три центнера чистой пшеницы и по два ячменя или овса.

Иван Чёрных, толковый мужик, втоптал окуроч в землю:

– Условие такое, только на первый год: пшеницы два, серых – один. Время есть, подёргаются и согласятся. Только, чур, клиентов не перевербовывать, ценой не играть, это при капитализме... чёрт, вчера учил, забыл. А, штрейкбрехерство. Ясно?

Все засмеялись.

Долго решали, кому какая земля отходит. Выложили списки пайщиков и общую площадь, об этом не говорили, но понимали, что нынешнее решение навсегда. Каждый знал все поля и их возможности, потому на карту были поставлены пять самых больших и урожайных пашен. Написали бумажки, свернули трубочками, кому что... Сразу обиды: «Ну, я так и знал...» Чего ты мог знать, когда всё в открытую? С остальными землями проще. Приняли, что другие участки надо привязывать к основному полю, смотрели по карте, сверяли с набранными паями.

– Не согласен. Вот у меня выписана урожайность по каждому полю за три года. Вы мне подсовываете Рямиху, а Надцонову отходят Зайчиха и Клин, урожайность в полтора. Разве честно?

Надцонов посмотрел на карту, кивнул:

– Верно, бери Клин, он к тебе ближе, а я Рямиху забираю.

Все ждали выхода в поле. Природа всегда испытывает крестьянина на терпение. Солнышко пригрело, согнало снежок, на пашню только в болотных сапогах, но идёт мужик, ковыряет оттолкнувшую землю. Лежит сорняк, вида не подаёт, значит, ждать долго. Тогда ещё раз посмотреть сцепы борон, покачать гусеницы на тракторе – не прослабли? А потом в склад, весь день все ворота и окна открыты, сколько позволяет площадь, распахивают семена широкими лопатами, чтобы согрелись. Надцонов улыбнулся: в детстве гоняли ребятишек из школы, чтобы зерно разгрести, и называли это учёным словом яровизация.

Через пару дней выволокли сцепы с боронами на кромки полей, тут уж вовсе у пашни обедать приходится. И наступает день, когда с утра прошёл по полю с полкилометра, да, местами сыровато, но шевелить корку надо, чтобы сорняк спровоцировать. Загудел трактор, ворвался в податливый грунт зяби, и пошла работа. Надцонов не сразу поймал прыгающее сердце: свою пашню работаю, свой хлеб буду растить. Нет, не клял колхозную бытность, при ней вовсе беззаботно жил, всё за него добрые люди решали, надо было только за рычагами следить. А тут – сам. И гордо, и страшно, ведь до самой малой капельки знал он всю эту беспокойную стосуточную жизнь, от первого весеннего боронования до потока зерна из бункера комбайна в кузов самосвала, и теперь ему вместе с товарищами придётся пройти весь этот путь.

К вечеру притащили вагончик, позаимствовали у плотников, уже по темноте заглушили трактора, вскипятили чай. Молчали. То ли устали настолько с непривычки, то ли не осознали ещё, как Надцонов, своего нового положения. Барабенов не утерпел:

– Кормильцы России, поделитесь, что наработали? А то я вроде как не при делах.

Надцонов засмеялся:

– Завтра садись за рычаги, дня на три хватит, а я другим делом займусь. Ты с заправщиком договорился?

– Нормально. Обещал, стоянку я назвал.

– Шеф, а ночью будем робить?

Владимир улыбнулся, но вида не подал: Аверин холостяк, погулять охота.

– Будем, Андрюша, вот на культивацию выйдем. Только – чур! – твоя ночная смена.

Аверина проводили смехом. Агрегаты оставили в поле, на «уазике» Владимира разъехались по домам.

* * *

– Должен я рассказать, как Володька Надцонов на Красную Поляну вышел, по-серьёзному, по-крестьянски. А то нарисовал на тракторе «Красная Поляна» и думал, что это хорошо...

Как-то пришла ко мне учительница.

– Дорогой Антон Николаевич! Приглашаем вас в школу, с ребятами поговорить.

Я сильно удивился, потому что никогда раньше не звали, ораторы были штатные, правильные, лишнего не сболтнут. Часть из них уже в мире ином, как говорится, другие, видно, занемогли, и ока-

зался я перед большим залом, полным ребятишек. Прежде у учителей спросил, про что рассказать, а они рукой махнули: про свою большую жизнь. Ну, думаю, оставлю сегодня орду без обеда.

Начал с того, что родился я как раз в разгар кулацкого восстания, вот памятник стоит жертвам. Правда, теперь говорят, что это крестьянское восстание против власти, может, так оно и есть. А потом началась коллективизация, крестьяне весь скот и весь инвентарь, какой был, передавали колхозу, это я уже чуток помню. А он, сорванец, руку тянет:

– А сейчас наоборот, всё колхозное разбирают по дворам. Значит, колхозы плохо работали?

Гляжу на учителей, они подбадривают.

– Колхозники, если не ленились, работали хорошо, вон у вас в коридоре доска с портретами, доярки и механизаторы, другие тоже – все при орденах. И зарплата была хорошая. Вот скажите, может ваш отец за уборку заработать на мотоцикл «Урал»? Нет, конечно, потому что и мотоцикл стал стоить дороже легковушки, и зарплату чуток прижали. А я, было время, заработал, когда уже техника пошла сильная, мне первому дали «Кировца», я на нём за осень вспахал тысячу гектаров зыби.

– А это сколько?

Тут учительница приходит на помощь:

– Ребята, тысяча гектаров – это поле размером десять на десять километров.

Ребятишки захлопали в ладоши. Рассказал им про войну, сказал, что смотреть фильмы современные по телевизору не надо, там всё врут. Война – грязная и кровавая штука, ещё голодуха зачастую. Но – куда деваться, шли в бой и побеждали. Хоронили убитых. Каждый знал, что завтра тебя могут похоронить. Ничего, доползли до Берлина.

– А Гитлера вы видели?

Я помолчал, потом сказал:

– Видел, дети мои, я эту сволочь каждую минуту видел, и когда в прицел смотрел, и когда гранату кидал – я его видел, в него целился.

Рассказал, какая деревня была в войну и после, как тяжело было женщинам и ребятишкам. Плуги на себе таскали, не то что бороны. Потом полегче стало, а в пятьдесят каком-то году нашу деревню свели в один колхоз, и назвали его «Красная Поляна».

Девчонки заахали: «Как красиво!» – а учительница спрашивает:

– Антон Николаевич, откуда возникло такое красивое название?

– Расскажу. Если пройти между двумя холмами, ну, вы понимаете (какой-то сорванец захихикал), то через километр примерно будет вам большая палестина чистой земли. Вокруг бурьян растёт, его и не косит никто, только козы да лоси питаются. А раньше вся поляна была покрыта красным цветом, я не знаю, что были за цветы, только сразу с прихода она была как красное море цветов. Девчонки на свадьбы срезали, да и так просто ставили в банках на подоконники.

– А дальше?

Я помолчал. Как сказать о людях, у которых понятия нет святого и чистого? Началась целина, и председатель, не наш был, присланный, велел поляну перепахать. Что только ни сеяли – ничто путём не растёт. И цветов не стало, осталось одно название.

Загрустили мои слушатели, притихли. Я тоже взгрустнул, а потом осмелел:

– Вот теперь начались большие перемены, из одного колхоза сделалось пять или шесть. Никто не скажет, хорошо это, плохо ли, только думается мне, что другие, лучшие, красивые времена настанут, когда зацветёт Красная Поляна, тем же цветом или иным, но чтобы светло от неё шло и радость.

Поблагодарили меня, наградили большой коробкой конфет, которые мы тут же с девчонками разыграли. Пришёл домой, прилёг, а Красная Поляна с ума не сходит. Был я там прошлым летом, большая, гектаров пятьдесят будет. И почему ничто не растёт, кроме тех цветов? Надо будет Владимиру подсказать, он мужик толковый, в сельхозинститут поступил, говорит, надо для дела. Довёл его до белого каления, он махнул рукой:

– Ладно, дед, садись в «уазик», копнём грунта на Красной Поляне.

Земля ещё толком не отошла, но три куса мы добыли, закинули в пакет. Владимир пообещал, что свезёт в лабораторию, определят, что за почва. А уже через неделю подъехал, сигналил:

– Дело, Антон Николаевич, не простое, почвенники анализ сделали и ума не могут дать, что произошло на этой поляне. Я им наковырял в трёх местах в стороне, говорят, нормальная земля, способна для воспроизводства. А та – нет, непонятно как, но уничтожены в ней многие вещества, которые нужны для культурных растений. Понял?

Конечно, я ничего не понял, но на всякий случай кивнул. И спросил осторожно, а можно ли то, чего не хватает, добавить?

– Конечно, дед, вот и список, чего и сколько надо. Я уж прикинул: приличные деньги.

На том и расстались.

Вечерами Владимир объезжал поля, на каждом останавливался, заходил с края, отмечал в тетрадке, много ли сорняка, не изрежен ли посев, срывал колосок, жал в руке, считал, сколько зёрнышек завязалось. А в конце августа уже входил в поле, не боясь помять высокую пшеницу – поднимется, проводил раскрытой ладонью по верхушкам колосьев, ощущая их энергию и будущую силу. Владимир понимал, что это теперь его жизнь, его любовь, столько трудов вложено – не бросишь. Какое там! На днях парни всерьёз заговорили о животноводстве, правильно сделали, что заварили железом ворота и окна фермы, надо до уборки провести там ревизию оборудования. Если всё нормально – брать кредит и закупать нетелей в Кургане. Всё лето сено готовили, часть продали, остальное надо тормознуть. Судя по видам на урожай, можно будет выдать пайщикам по три центнера пшеницы, хотя они и так не бедствуют, в кооперативе, который с первого дня стали звать колхозом, выписывают всё, что надо для хозяйства.

Слёг отец Игнат Никонорович, велел устроить ему лежанку в маленькой горенке, мама от него не отходит. Всё сказалось. В войну хлеба не видели, не то что не ели, только картошка. Спасибо корове Красуле, осенью растелится, всю зиму хоть кружечку, но каждому молочка мать плеснёт. А в морозы заводили Красулю в избу, чтоб не замёрзла.

Сёстры ещё школьницы, брат учится на механика сельхозмашин. А сёстрам Владимир строго сказал: «На первый случай, девчонки, техникум, одна ветеринар, другая зоотехник. Сами определитесь. Большое хозяйство будем разводить, специалисты нужны. Да, насчёт замуж... Только сюда, дома уже строим, так что к городу шибко не привыкайте, а парней присматривайте деревенских». Позже понял, почему улыбнулись близняшки: женихи-то, похоже, уже есть, с учёбой сложнее...

* * *

Но и Владимир заразился Красной Поляной, если его кооператив имя себе такое взял, то надо и поляну ту к жизни вернуть. После посевной поехал в область к учёным людям, узнал о специальном институте, который занимается недрами. Попасть к учёным оказалось довольно просто, сначала его пригласили в кабинет, расспросили, что конкретно интересует молодого человека. Узнав, что пред ними дилетант и вопрос его носит чисто познавательный характер, Володю отвели на третий этаж в большую комнату, уставленную книгами. «Библиотека», – подумал он, и не ошибся. К нему вышла довольно пожилая дама, одетая в синий халат, усадила за стол, напоила чаем, а потом спросила, что его волнует. Володя рассказал о красивых цветах, поднятии целины, абсолютном бесплодии тамошней почвы, показал заключение почвоведов. Дама принесла карту и попросила указать это место. Надцонов явно растерялся: «Надо было на уроках географии не Нинку за косу дергать», вскользь подумал он, но учёная дама уже нашла и деревню, и Женские Груды, и поляну по ту сторону.

– Будьте любезны, посидите некоторое время, мне нужно отыскать один интересный материал.

Она ушла и отсутствовала так долго, что Надцонов успел уснуть и, видно, с храпом, потому что дама, будто случайно сдвинув стул, сказала:

– Да, не перевелись ещё богатыри на Руси!

Потом положила на стол машинописную книжку, долго искала нужное место, наконец, предупредительно подняла палец:

– Слушайте, коллега.

«В 17 веке Сибирь буквально поливали метеориты, карты местности от Оби до самого Урала испещрены следами их падений. Одновременно на картах видны ленточные следы взрытой земли, что не все учёные склонны относить к движению ледниковых пород и считают их чуть ли не рукотворными. Но очевидных подтверждений этих предположений нет.

Среди уникальных последствий падения метеоритов отмечают взрыв в районе между реками Иртыш и Ишим, маленьким притоком Тобола. Специалисты считают, что метеорит падал под острым углом к земле, на высоте нескольких километров взорвался и двумя мощными потоками осколков встретился с землёй. Сила столкновения была столь велика, что энергией удара выбросило большое количество грунта, который впоследствии превратился в два рядом стоящих высоких холма, поросших лесом. Лес поселенцы с западной стороны свели, а на восточной место выброса грунта постепенно

выровнялось и сегодня имеет вид чуть углублённой площадки. Странно, что вся площадка окружена лесом, на самой же поляне растут красивые цветы, которые пользуются большой любовью молодёжи».

– Узнаёте? – спросила она и улыбнулась. – Это исследование очень талантливого учёного Драверта, но оно не было опубликовано. Да... А вы не выяснили, какие цветы росли на сей поляне? Очень жаль, возможно, они прижились бы вновь. Но это не к нам, это в институт сельского хозяйства.

– Так я там и учусь, заочно, правда, в молодости ума не хватало, а теперь без знаний никуда.

– Простите моё неуместное любопытство, но где вы работаете?

– Крестьяне мы, землю пашем, хлеб растим.

Дама всплеснула руками:

– Господи, если крестьяне стали интересоваться тайнами науки, она никогда не погибнет. Вот вам копия той странички, и всех вам благ.

На кафедре растениеводства Володю пытали, какие красные цветы росли на той поляне? Их сотни разновидностей. И требовали образец. А какой образец, если поляну перепахали полвека назад? Домой приехал туча тучей, Весте всё рассказал, с горя рукой махнул.

– Родно моё, – улыбнулась Веста. – Обратись к школьникам, у их бабушек обязательно могли быть эти цветы в книжках или альбомах. Ты же говорил, что молодёжь когда-то любила эту поляну. Иди в школу.

Директор отнёсся к этой идее с пониманием, на большой перемене объявили всеобщее построение, докладывал Владимир Игнатьевич. Всю историю рассказал, и про метеорит, и про учёного, и про взрыв прочитал распечатку из книги.

– Ребята, у ваших бабушек могут сохраниться книги или альбомы, тогда модно было стихи и песни записывать, а между страничками выкладывать цветы. Я помню, у мамы такой был, но мы уже ничего не нашли.

На другой день сразу две девушки и мальчик принесли Надцонову заложенные в книги засохшие, хрупкие, но сохранившие цвет растения. Владимир аккуратно переложил их в толстую тетрадь и через три дня был в институте.

– Вот это другое дело, – поправляя очки, заявил профессор Власов. – Теперь никакого труда определить, что это за вид. Друзья мои! – Он подозвал нескольких студентов. – Кто определит вид этого цветка, ставлю зачёт автоматом.

Ребята и девушки склонились над растениями, уже уложенными в плотные бесцветные пакеты.

– Профессор, это жарки. Нет?

– Увы!

Разглядывают, перешёптываются:

– Я думаю, что это купальницы, только это очень старый гербарий, сегодня купальница чуть другая, так мне кажется.

Профессор засмеялся:

– Проще мыслить надо, друзья мои, ближе к земле.

– Мне кажется, это мак-самосейка, – смущённо предположила студентка.

Профессор захлопал в ладоши:

– Вам правильно кажется, но Сибирь – не его ареал произрастания. Вы говорите, молодой человек, что это поляна? Она открыта всем ветрам или в низине и защищена лесами?

Володя кивнул:

– Точно, она как чаша.

– Вот! – Профессор многозначительно поднял руку. – Благодаря этому над поляной образуется как бы особая климатическая зона с повышенной влажностью и мягкими температурами. В незапамятные времена ветра, птицы или чёрт знает кто могли занести сюда семена мака. А коли условия приличные, они взошли и дали потомство. Итак, вы довольны, молодой человек?

Надцонов, конечно, был очень доволен, но...

– Профессор, где можно купить семена этого растения?

Тот пожал плечами:

– Едва ли где оптом, ибо дикорастущий вид, семена никто собирает. Но вы можете поехать в места массового произрастания, например Северный Кавказ, набрать головок сколько угодно.

– Подождите, так это мак с головками? У нас его в каждом огороде полно. Мы его в детстве горстями если.

Профессор засмеялся:

– Вы кушали, извините, горстями культурный мак, кстати, он запрещён и объявлен наркотиком, так что аккуратней. А тот имеет очень маленькую семенную коробочку. Уверен, насобираете, сколько надо. Очень даже может быть! Желаю удачи!

Студентка смущённо подняла руку:

– Профессор, но должны быть в южных городах организации, которые занимаются украшением города цветами? И у них могут быть семена.

Профессор согласился:

– Да, интересная мысль. Попробуйте списаться с ними. Время ещё есть.

– Спасибо вам!

Надцонов поблагодарил студентов, пожал руку профессору и вышел, полный надежд.

* * *

Нынче Надцонов обновит американский почвообрабатывающий посевной комплекс с «Джон Диром», ждёт, приедут ребята из техноцентра, настроят, первый день проследят за работой.

– И сколько ты в него влупил? – спросил вечно недовольный Аркаша Захаров, тоже фермер, но, похоже, бизнес выходит на финишную прямую. Пить вино и растить хлеб одновременно ещё никому не удавалось. Аркаша уже продаёт остатки техники, Надцонов железо брать отказался, а часть пайщиков неудачника принял.

Трактор сгрузили с платформы и загнали в ангар, Владимир освободил место, чуть сдвинул семенные вороха. Спроси бы кто другой, поближе и доброжелательней, не Аркаша – рассказал бы на радостях, сколько в банках бумаг писал и печатей ставил, сколько раз заманивал его начальник лизинговой компании, такие картины рисовал, что комплекс чуть ли не в подарок мужик получает. И только случайная встреча с заместителем директора департамента по селу спасла Владимира от пролёта.

– Подожди, вроде в вашем районе ещё нет комплексов? – вспомнил начальник.

– Нету, – согласился Надцонов, – омскими сеялками спасаемся.

– И как, получается?

– Нормально, три года уже, вот, в люди выходим. Конечно, хотелось бы своё, русское.

Начальник кивнул:

– Очень бы хотелось, перед крестьянами стыдно, как сутенёры проституток, сбываем иностранный товар. Проекты есть, опытные образцы есть, но кому-то выгоднее купить в Канаде или Штатах. Скрипим зубами... Но, брат, ты веры не теряй, ещё успеешь поработать на русской технике. Успеешь. Дай-ка твои бумаги. – Он долго перебирал объёмистую папку, выложил наверх несколько документов. – После обеда, в два часа, подходи, вместе зайдём к директору, я его подготовлю. Выведем тебя прямо на поставщика, без посредников, это приличные деньги тебе спасёт.

Надцонов помялся, взял папку, в глаза не смотрит:

– Прощения прошу, не в курсе таких дел. За эту льготу платить надо?

– Кому? – спросил начальник и улыбнулся: – Тебя в лизинговой напугали, что в департаменте надо взятку давать? Твою мать, доберусь. Мы эту линию используем для поддержки начинающих. Ладно. Жду.

Не стал ничего объяснять Захарову, закрыл ангар, бункер, шланги и электромоторчики пологом обтянул, а вечером привёз Ваню Хроменького, мужик трезвый и без работы. Велел подтапливать избушку и смотреть, чтобы к комплексу никто не подлез.

Только бы погода не подвела. Крестьянину испокон веку надо, чтобы в последней декаде апреля было тепло, чтобы зябь трактор с боронками приняла, чтобы сорняк, особенно овсюг, на радостях выщелкнулся, вот тут его под нож культиватора или дисков. Тогда можно пашенку готовить под посев. Опять желательно, чтобы в майские праздники обильно помочило, но потом тепло и чтоб безветрие. Ветер в такую пору страшный враг, тоннами воду высасывает. Ну, тогда с десятого по двадцатое мая ни бани, ни бабы, перекусить на ходу парой котлет, запить холодным квасом – супы и пельмени, баня жаркая и подзабытые жёнины ласки будут потом.

Пришла долгожданная посылка из Сочи с семенами мака. Надцонов вскрыл ящик, сверху письмо:

«Дорогие сибиряки, мы очень рады, что в вашем суровом крае вновь зацветут маки. Мы специально взяли более жёсткие сорта, потому что хоть и особые условия, как вы пишете, в Красной Поляне, но всё равно это не юга. Потому советуем высеять их при температуре почвы не ниже

10 градусов, высеять грядками вручную, просто развеивая семена не очень плотно. И сразу непременно прикатать и полить. Грядками потому, чтобы можно было при нужде полить, подкормить или подлечить. И постоянно наблюдайте, особенно в первый год. Коробочки с семенами начнут созревать уже после увядания самого растения, хотя могут и раньше. Так что не переживайте, время от времени вскрывайте одну коробочку, сразу видно, созревают семена или нет. Никаких денег оплачивать не надо, приказом директора эта посылка оформлена как подарок сибирякам. Желаем удачи и пишите постоянно.

Сотрудники Сочинского института декоративных культур».

Это Веста посоветовала Володе написать в институт, понятно, что и там перемены, но не настолько, чтобы совсем про цветы забыли. Весь вечер сочиняли письмо, получилось на трёх страницах, убедительное. И вот результат.

Утром Владимир съездил на Красную Поляну, прошёл вдоль и поперёк. Вернулся, ребята комплекс собирают, инженер из техноцентра подсказывает. Тоже включился в работу, к обеду закончили. Молодого Алёшку и настырного Арыкпаева отправляли на учёбу, «Джон Дир» – не «Беларусь», в кабине, как в самолёте. Ничего, проучились и экзамены сдали. Надцонов не удержался:

– Парни, есть возможность проверить агрегат, Красную Поляну надо под посев подготовить.

– Поделись, что ты там сеять собрался, – спросил въедливый Арыкпаев.

И тогда Надцонов поведал друзьям все свои хлопоты по изучению истории и возможности восстановления цветов на поляне. Даже молчаливый Барабенев не удержался:

– Молодец. Это тебе не овсюг дисковать.

На поляну поехали все вместе, Алёша за рулём, остальные в «уазике». Хотел Весту с собой взять, ведь и её труды и заботы, да на последних днях она, рожать скоро. Поднялись узкой дорожкой между холмами, спустились через лес, запущенный в последние годы, когда лесников вдруг сократили. Даже пожар в прошлом году начинался, большой колок выгорел, но отстояли. С декаду потом, до первого дождя, поочерёдно дежурили деревенские, а мальчишкам строго-настроено запрещено было в тот лес ходить.

Когда выехали на поляну, Надцонову даже показалось, что она обрадовалась, она его встретила, раскрыв широкие объятия своих окраин. Он тоже ей улыбнулся и, чтобы кто из мужиков не заметил, прошёл на середину и тихо прошептал:

– Ты уж прости нас, родная земля, что мы тебя бросили. Всё о брюхе своём печёмся, как говорит Антон Николаевич, а о красоте забываем. Вот от имени своих мужиков обещаю тебе, родная наша Красная Поляна, вернём мы тебе и красоту твою, и имя твоё.

Пожалел потом, что не взял с собой старика, обернулся, а он с холма спускается, ноги заплетаются. Завёл «уазик» и навстречу.

– Я ведь сразу смикитил, куда ты направился, да не успел прицепиться, одышка, чтоб она пропала. – Дед посерел лицом, взмок.

– Антон Николаевич, ты что, сердце клинит?

– От радости, ребята, на крыльях летел, успел, уж вижу Красную Поляну всю в цветах, вот она, красавица, как в старые годы, бывало. Я ведь, ребята, перед венчанием за цветами сюда ходил со своей Феклушой...

Он замолчал, прилёт на правый бочок и затих. Мужики оторопели. Владимир прислушался к сердцу, да так и уткнулся в костлявую грудь старика. Когда пришли в себя, тело загрузили в машину, Володя рванул к медпункту, сам не зная, зачем. Фельдшер выскочила, глянула на старика и кивнула:

– Вези домой, Володя, хоронить будем деда Антона.

Поехали в столярку, молча пилили и строгали сухие доски. Владимир уже не стыдился слёз, мужики знали, как дружны они были с покойным. В открытые двери столярки вбежали девчонки, Нюрка с Шуркой, сестрёнки Володиной:

– Братец, Веста мальчика родила. Только что. Три восемьсот.

У Надцонова фуганок из рук выпал. Встал, обнял друзей:

– Ребята, душевное хочу сказать и вас призываю в соратники. Чтобы жила наша земля! Чтобы воспрянул наш род крестьянский и выросли цветы на Красной Поляне! А имя деда Антона будет жить в сыне моём. Цветами укроем мы нашу землю. Клянусь!

И заплакал навзрыд.

Берега юбилеев

Наталья Советная

*Дорогая Наталья Викторовна! Сердечно поздравляем с 65-летием!
Пусть лучится Ваш душевный свет, пусть и дальше служат людям
Ваше вдохновение и неиссякаемое творчество!*

Наталья Викторовна Советная – кандидат психологических наук, поэт, прозаик, публицист, литературный критик. Автор 15 книг поэзии, прозы, публицистики, статей о литературе, изданных в России, Беларуси, Сербии, в том числе: «Цветок на морозе» (2006), «В поиске сокровища» (2008), «За краем света» (2010), «Тайна русского Царя» (2010), «Два поклона» (2015), «Увидеть ветер» (2014), «Венчики золотые» (2016), «На земном подсвечнике» (2016), «Пучок травы» (2015), «Одна судьба» (2018), «Угадывай любящим сердцем» (2019), «В краю светозарной земли» (2020), «На земле заревой» (Сербия, 2020). Многие стихи переведены на белорусский, украинский, сербский, английский языки. По поэтическим и публицистическим произведениям лексикографом А. П. Бесперстых созданы три словаря эпитетов (2016, 2018, 2020).

Победитель и лауреат республиканских, всероссийских и международных литературных конкурсов, в том числе: «Славенское поле» (2015), им. А. К. Толстого (2016), «Золотой Витязь» (2019) и др. Имеет многочисленные награды: медали «Василий Шукшин» (2014), «Святой благоверный Князь Александр Невский» (2008), «Поэт и воин Игорь Григорьев (1923–1996)» (2015), «За вялікі ўклад ў літаратуру» (2016), «За служіння мистецтву» (Киев, 2019), «Максим Богданович» (2020), орден Фонда мира «За веру и верность» (Москва, 2016) и др. Член Союза писателей Беларуси, СП России, СП Союзного государства. Председатель оргкомитета Международного конкурса лирико-патриотической поэзии имени поэта и воина Игоря Григорьева (1923–1996) и литературных чтений И. Григорьева в ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом).

Война стучится в двери

*Размышления о книге Виталия Синенко «Я не убит подо Ржевом. Завещание отца»
(М.: Российский писатель, 2020)*

Ржевский плацдарм снова образовался.
И снова его цель – Москва. Здесь снова воюют.
В новой войне не обязательно заходить танкам в город.
Достаточно запустить тараканов в головы мирных граждан.
В. Г. Синенко

Неизвестная битва?

Книга Виталия Синенко «Я не убит подо Ржевом. Завещание отца»¹ пришла в мир настолько своевременно, что в этом, без сомнения, видится Промысел Божий. Война вновь стучится в наши двери!

¹ Первая публикация Виталия Синенко о Ржевской битве в виде документальной повести «Я не убит подо Ржевом» – одного из центральных разделов («Ржев») будущей книги – состоялась в четвёртом номере литературно-художественного и общественно-публицистического журнала Союза писателей Союзного государства «Белая Вежа» в 2015 году. «Никого не оставит равнодушным повесть Виталия Синенко. Низкий ему поклон за этот материал, его надо множить в противовес всей заказной лжи», – писала я, потрясённая прочитанным, главному редактору Владимиру Павловичу Величко, имевшему особый дар – отбирать для печати архиважные для современного читателя произведения.

Назревавший с 1990-х годов фашистско-бандеровский фурункул на Украине прорвался в 2014 году, и зараза от него потекла к белорусским и российским границам, разливаясь всё шире и разнося расстиражированную Западом и США зловонную ложь о Второй мировой войне. В наши дни нападки на великую Победу становятся всё агрессивнее, ведь её опыт – наше бесценное достояние, и не зря новые крестоносцы и их пособники из «пятой колонны» так упорно и методично пытаются его уничтожить, переименовать, вытравить из нашей памяти. Виталий Георгиевич Синенко, журналист и писатель, кандидат исторических наук, дал, несомненно, достойный и аргументированный ответ на главные политизированные выпады американских и европейских специалистов по перекраиванию истории. Автор не пошёл по пути стандартного и традиционного освещения огненного времени. Им предпринята попытка философского осмысления Великой Отечественной войны и событий, происходивших на протяжении семидесяти лет советской истории.

В поисках ответов на многие вопросы, будоражащие в настоящее время общество и не находящие вразумительного и солидарного ответа, автору помог отец – очевидец тех событий, непосредственный участник Ржевской битвы, лейтенант 214-й, а затем 220-й стрелковой дивизии 30-й армии Калининского фронта – Георгий Дмитриевич Синенко, чудом оставшийся в живых. Его подробные, искренние дневники-воспоминания, выстраданные мысли – бесценный документальный материал, открывающий путь к ответам на загадки прошлого. В этом ещё одна важная особенность произведения: к разгадкам прошлого, настоящего и будущего представители двух поколений шли не в отрыве, а сообща, ведя при этом острый диалог.

Документальная повесть и одновременно глубокое историческое исследование Виталия Синенко «Я не убит подо Ржевом. Завещание отца» стала событием. Книга пролила свет на «Неизвестную битву» (название первой главы), смыла клеветническую грязь с ожесточённых боёв Ржевско-Вяземской наступательной операции 1941–1942 годов, длившейся четырнадцать месяцев. Писатель с величайшим трудом, словно золотоискатель, промывающий тонны песка в поисках драгоценных крупинок, собирал противоречивые сведения о «Ржевском выступе», чувствуя скрытую тайну, «что-то тяжёлое, глубинное».

Что давало силу нашим бойцам устоять перед мощным напором чудовищной гитлеровской лавины? Не напрасны ли были огромные жертвы? Жертвы с двух сторон. При этом немцы скрывают цифры потерь до сегодняшнего дня! Вопросы, не только мучающие автора, но и дающие обильную пищу для всякого рода клеветы и спекуляций, порочащих Победу.

Книга «Я не погиб подо Ржевом. Завещание отца» построена любопытнейшим образом: это и нескончаемый конфликт мировоззренческих позиций «отцов и детей», и книга (дневник) в книге, и исследование, происходящее на глазах у читателя, и захватывающая сюжетная линия, охват геополитического пространства бывшего СССР и Европы, и, наконец, не просто вопросы, но и исчерпывающие ответы на них. Ответы, так необходимые нам в наше безумно сложное, несказанно нагло-лживое и противоречивое время.

Так чем же было на самом деле четырнадцатимесячное стояние под Ржевом? Трудно поверить, но уже тогда, в 1941–1942 годах, это была битва за... Берлин! Сами немцы называли Ржев «воротами в Берлин». Не в Москву, а в Берлин! Сами немцы призывали своих солдат не сходить с места, потому что «отдать Ржев – это открыть дорогу на Берлин».

«Ослабить центр, позволить русским развить наступление и самим потерять надежду взять Москву – этого Гитлер и его генералы позволить себе не могли. Треть всех сил вермахта была сосредоточена на Ржевско-Вяземском выступе. Более того, как свидетельствует историческая наука, сюда были переброшены 12 немецких дивизий с других участков фронта, в том числе с юга. В общей сложности 16 немецких дивизий потеряли здесь от 50 до 80 процентов личного состава. Когда 2 марта 1943 года немцы вынуждены были оставить Ржевский плацдарм, они высвободили 21 дивизию. Это больше, чем окружено под Сталинградом... Сверхнапряжением сил под Ржевом обеспечивался успех под Сталинградом и перелом в войне... Именно здесь (под Ржевом. – Н. С.), в условиях установившегося равновесия, созревало и созрело наше превосходство над врагом. В этом суть Ржевского противоборства. Под Сталинградом это превосходство реализовалось... И получилось, что, отступив, враг действительно открыл нам дорогу на Берлин...»

В поисках правды о Ржевской битве писатель приоткрывает один за другим немаловажные исторические факты. Это и высочайшая эффективность нашей разведки в «играх» с немцами – до сих

пор подброшенные врагу советскими разведчиками версии и документы, на которые клюнули гитлеровцы, в результате попросту прозевав Сталинград, сбивают с толку наших нынешних противников. Это и огромные потери Германии, не жалеющей солдат вермахта, потому что под Ржевом немцы защищали свою родину и теперь чрезвычайно гордятся этим – гордятся! – несмотря на принесённые немецким народом неисчислимые жертвы, невзирая на своё поражение в этом противостоянии.

«Не на жизнь, а на смерть сцепились не просто армии – лоб в лоб сошлись две нации, два мировоззрения, две социальные системы, две правды. Победить или умереть. Борьба за счастье своей родины у немцев заключалась в убийстве нашей Родины. Мы победили. Наша правда оказалась выше. Её поддержало Небо. Многие наши святые воины сложили головы на Ржевском поле. Смертью смерть поправ».

И не потому стояли до последнего красноармейцы, что, якобы, отступить, сбежать им не давали заградительные отряды. «Мы шли в бой. Нас не гнали. Что такое заградотряды, я тогда не знал, не было их у нас. Мы понимали, что можем погибнуть, но альтернативы не было. Мы защищали свою землю, своих близких, самих себя от врага», – так говорит тот, кто воевал на «Ржевском выступе», тот, кто восемнадцатилетним лейтенантом попал в самое пекло войны, но не дрогнул. И до конца своих дней не путал *правду факта* и великую правду войны, *правду жизни*. А потому на сыновьи слова: «Вы под Ржевом кровью умывались!» – отвечал сурово: «Это лучше, чем соплями».

Виталий Синенко констатирует, немецкие генералы признавались: самым тяжёлым испытанием для них было то, что подрывало моральный дух их солдат – действовало не только то, что у Красной армии сохранялись человеческие резервы, но и «с каким настроением эти резервы вступали в бой, как они воевали. Ждали (немцы. – *Н. С.*) или морально сломленных предыдущими трёпками, проклявших всё на свете ветеранов, или необстрелянных, беспомощных новичков – рыхлое, мягкое тесто, а натывались, снова и снова, на твёрдый, жёсткий кулак. Это то, что называется боеспособностью. В умении непостижимо быстро восстанавливаться виделось что-то сверхъестественное, и это наводило ужас».

А ведь у этого сверхъестественного есть простое и короткое название – дух, русский дух, который мощнее вражеской силы.

Именно этим духом, в противовес задурманиванию сознания славян западными политтехнологиями, вознёсся 25-метровый памятник – статуя советского бойца, распадающаяся снизу на стаю из тридцати пяти летящих журавлей, возле деревни Хорошево в Тверской области – мемориал, прославляющий «неизвестную битву» Великой Отечественной войны.

Этим духом пропитано то поколение детей и внуков, которое помнит живыми наших воинов-богатырей, освободителей и победителей. Именно это поколение обязано успеть сделать всё возможное, чтобы передать мощный, животворящий дух вкупе с живительной правдой следующим поколениям. Наши внуки и правнуки должны пронести эстафету Победы в грядущие времена. В этом – залог будущего мира.

От Каина до Иуды

...Дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей.
Ф. М. Достоевский

Книга «Я не убит подо Ржевом. Завещание отца» вышла в Москве, в издательстве «Российский писатель», в 2020 году – тяжелейшем периоде для современного мира.

Пандемия вирусного заболевания COVID-19 без объявления войны унесла и продолжает уносить тысячи человеческих жизней во всех странах в то время, когда, казалось бы, медицина научилась справляться с большинством тяжёлых болезней, когда медтехника и лекарственные препараты заполнили полки многочисленных аптек и кабинеты лечебных учреждений. Регулярные сводки в СМИ о зарегистрированных больных и ежедневных смертях нагнетают страх, панику, депрессию, тревожную усталость. Такое эмоциональное состояние не только снижает иммунитет, но и многократно повышает человеческую внушаемость. И тогда любая вброшенная в информационное пространство дезинформация, а также обвинения, лозунги, призывы воспринимаются людьми без малейшей критики, мгновенно разжигая в них приступы как пессимизма, депрессии, так и недовольства, гнева, ярости, агрессии.

Создавшаяся ситуация умело используется борцами за так называемую демократию, чтобы под видом стремления к порядку и «свободам» довести страны, приговорённые к смерти, до разрухи, до самоуничтожения. Глобальная цель известна, она исторически не менялась. Это борьба за территорию. Борьба за природные ресурсы. Борьба за экономическое и военное превосходство. Борьба цивилизаций за мировое господство.

Наверное, напряжение, буквально осязаемое, тревога, словно звенящая в августовском воздухе, тяжёлое, неосознаваемое предчувствие беды и живущая на генетическом уровне в поколении моих сверстников война стали однажды причиной странного сновидения. Увидела явственно, как весь горизонт набухал зловеще-кровавой тьмой. Несметные полчища чёрных танков и мрачных солдат затмевали собою небесный свет, надвигались чудовищной тучей. Ужас охватил меня. Вбежав в длинное кирпичное здание без дверей и оконных рам, закричала находившимся там людям (их было много – мужчины, построенные в колонны, – они словно ждали приказа): «Немцы! Немцы! Уже идут!» Я задыхалась от страха и бессилия. А они стояли не двигаясь. «Делайте же что-нибудь! Немцы сейчас будут здесь!» – выдохнула что было силы и проснулась...

На следующий день, 9 августа, во время президентских выборов в Беларуси, была предпринята попытка государственного переворота. С этого времени в течение нескольких месяцев в стране не прекращались провокационные несанкционированные митинги, беспорядки, агрессивные выходы радикалов, управляемых через телеграм-каналы «просвещённой» Европой, от лица которой особенно усердствовала Польша.

В авторском предисловии к своей книге Виталий Синенко размышляет: «Если Россия оттолкнёт Беларусь и НАТО поставит здесь, на этом месте, где я сейчас проезжаю (на границе России и Беларуси. – Н. С.), свои ракеты, то Москву придётся переносить. Не саму Москву, конечно, а Москву как столицу. Слишком быстро летят современные ракеты. После развала Советского Союза на Западе появились горячие головы, наследники псов-рыцарей, мечтавшие с ходу, воспользовавшись удобным моментом, удушить Россию, окончательно и бесповоротно. Они стремились превратить Беларусь в передовой плацдарм нападения на своего извечного противника. Требовалось лишь разорвать славянский мир, рассорить народы, включить и Беларусь в число врагов России. Вращивалась щедро удобряемая деньгами “пятая колонна” с двух сторон границы». То, о чём думал Виталий Георгиевич в мае 2003 года, наши противники попытались реализовать в августе 2020-го и сегодня ещё не теряют надежд на осуществление своих чёрных планов».

27 ноября 2020 года, на встрече с врачами 6-й городской клинической больницы Минска, президент А. Г. Лукашенко поделился сведениями, полученными внешней разведкой. Он привёл слова премьер-министра Польши Матеуша Моравецкого: «Будущее Беларуси принципиально для Польши. Западные территории Беларуси исторически принадлежат Польше... Варшава предприняла множество конкретных шагов для помощи белорусской революции: финансовая поддержка через польские и польско-американские программы солидарности с жертвами режима Лукашенко, приглашение белорусских студентов, упрощение правил пересечения границы, поддержка независимых СМИ и НПО».

Да, Польша, поддерживая и финансируя протестные митинги в Беларуси, радостно потирала руки в предвкушении жирного лакомого куса, о котором мечтал ещё в начале прошлого века Юзеф Пилсудский, руководитель восстановленного государства Польского. Одновременно НАТО продолжило активно наращивать своё присутствие по западным границам Союзного государства.

Ещё в начале сентября в Литве, в 15 километрах от границы с Беларусью, появились мистически приснившиеся мне танки. США перебросили на полигон в Пабраде 2-й батальон 69-го бронетанкового полка 3-й пехотной дивизии, находящейся по ротации в Европе. Вблизи белорусской границы было задействовано 500 человек, 29 танков, 43 боевые машины Bradley.

А на полигоне Рукла с конца октября по 6 ноября прошли учения «Блестящий прыжок» Объединённой оперативной группы повышенной готовности Сил быстрого развёртывания НАТО. Польша перебросила в Литву батальон подгальских стрелков, спецназ и штаб оперативной группы по борьбе с химической, биологической, радиационной и ядерной угрозой. К учениям присоединился пехотный батальон испанской воздушно-десантной бригады с 40 единицами бронетехники. Приняли участие 200 военнослужащих и 60 единиц техники вооружённых сил Чехии и литовская механизированная рота.

У российских границ, в Эстонии, американцы впервые провели учения с боевой стрельбой из реактивных установок залпового огня (РСЗО). А следом – в Польше и Прибалтике – прошли противовоздушные учения с участием сил США, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Швеции. Параллельно в литовском Шяуляе начались многонациональные (США, Чехия, Франция, Венгрия, Эстония, Латвия, Литва, Словакия, Италия, Польша) учения наземной ПВО – задействовано более 750 человек.

Военные эксперты предполагают, что осенние полёты американских стратегических бомбардировщиков В-52Н, являющихся носителями ядерного оружия, по полярной траектории могут означать отработку ядерного удара по целям в России с использованием крылатых ракет воздушного базирования. А бомбардировщик 60-0005, летавший с выключенным транспондером над центральной Украиной, скорее всего, отрабатывал удар крылатыми ракетами по русской столице – Москве.

Так в этом сложном 2020 году, как и в последние 30 лет после разделения Советского Союза, в Восточной Европе готовился и продолжает готовиться полноценный наступательный плацдарм. Это серьёзнейший вызов военной безопасности Беларуси и России.

Цветная (белая) революция в ранее спокойной и вполне благополучной стране раздувалась белыми ленточками и бело-красно-белыми флагами, скомпрометировавшими себя в годы Великой Отечественной войны. Белые ленточки на оба рукава обмундирования повязывали предатели, добровольно служившие в составе вермахта, пока для них не придумали специальную форму. А под бчб-флагами встали тогда полиция, самые безжалостные, самые кровожадные участники военных событий на территории оккупированной Белоруссии. Современные белорусские «протестанты», защищая свою символику, беззастенчиво тычут в глаза российским флагом-триколором, который якобы тоже был флагом предателей, вступивших во власовскую РОА (Русская освободительная армия). Однако предлагаемые варианты такого флага были отвергнуты немецким командованием. Только перед самой Победой, в мае, солдаты РОА стали использовать триколор, в том числе в боях против немецких частей.

Тема трусости и предательства в книге Виталия Синенко ненавязчиво, скорее контрастом к одухотворённому героизму, проходит через всё повествование. От предательства человека человеком, брата братом до измены Родине и оклеветания памяти советской эпохи. Даже в воспоминаниях матери писателя Екатерины Иосифовны Синенко упоминаются ничтожные Иуды и Каины: «Тогда ребята из нашей школы схватили Сергея Бабича, уже служившего в немецкой управе... Мою подружку Галку тоже расстреляли. Она жила не в Основе, а в пригороде, в деревне Котляры. Кто-то донёс, что она помогала нашим во время этих боёв...»

Георгий Дмитриевич о предательствах рассказывает более обстоятельно и, что поразительно, – спокойно, взвешенно, как человек, знающий *«правду факта и большую правду жизни»*, которые нельзя путать и смешивать.

Когда остатки разбитой 214-й стрелковой дивизии, в которой служил отец писателя, перебрасывались под Старицу, в кузове грузовика вместе с обстрелянными офицерами ехали новички. Среди них оказался один, быстро скумекавший, что «подохнем здесь все!». На подходе к штабу он вдруг схватился за живот, заохал, симулируя острую боль, и в результате был отправлен обратно в штаб, в лазарет. «Парень явно хотел сбежать, причём не откладывая это дело в дальний ящик. Если подумать, то действовал он вполне в духе современной индивидуалистической морали, когда на первом месте “я”, а потом всё остальное. Вениамин не был обманут советской пропагандой. Он не захотел быть “пушечным мясом”, не рвался “насовершенствовать подвигов”, а тем более поднимать бойцов в атаку, с криком “За Родину, за Сталина!”. И может быть, это он, ещё в перестройку, активно взялся разоблачать, исправлять прошлое и внедрять свой “правильный взгляд” на войну», – подводит итог данной *правде факта* Виталий Синенко.

А мне вспоминается, как в перестроечные годы кое-кто из моих ровесников и знакомых, начитавшись нахлынувшей «литературы», созданной подобными вениaminaми, вдруг заговорил о том, что фашизм сам по себе был задуман вообще-то неплохо... Признаюсь, от таких откровений пересохло в горле. Это был шок.

Ещё одна история предательства, рассказанная Георгием Дмитриевичем, произошла в лагере для военнопленных в белорусском городе Молодечно. Наблюдая за бывшим ротным писарем Пуниным, попавшим в плен под Сталинградом, Синенко заметил в нём характерную слабинку: «Он напоминал прячущуюся в панцирь улитку... Заветным его желанием было как-то отсидеться, пережить опасное время, а там видно будет. В беседах он не высказывал симпатий немцам, не поносил советскую

власть, он боялся одного – смерти, а отсюда настороженно и с опаской относился ко всему, что несло для него риск». Результатом страха стало предательство – сорвался запланированный и хорошо подготовленный побег, несколько подпольщиков были расстреляны, сам Георгий, которому тогда только исполнилось 19 лет, после пыток попал в лагерный карцер и в число смертников, намеченных к отправке в Германию.

Автор книги, анализируя этот факт предательства, обращает внимание, что желание отсидеться в «моей хате с краю», как правило, приводит к трагедии, тем паче если речь идёт о войне. Полностью разделяя позицию писателя, с болью констатирую, что идея о якобы неразумности и вреде сопротивления внедрялась и продолжает внедряться в сознание современников давно и целенаправленно. Ещё в восьмидесятых годах прошлого столетия, путешествуя из Витебщины в Литву, я обратила внимание на реплику женщины-экскурсовода, брошенную с затаённым вызовом, о том, что западные районы не знали страшных разрушений, потому что здесь не было партизанского сопротивления или оно было слабым. Одна лишь реплика, а запомнилась навсегда, потому что на мгновение смутила, затем вызвала возмущение: «Выходит, партизаны – это плохо?!» Но никто из туристов не ответил, промолчали даже те, кто войну пережил. Не придали значения? Не хотели обидеть? Только, как известно, капля камень точит...

И вот уже в Беларуси широко тиражируют книги Светланы Алексиевич (к слову, однокурсницы Виталия Синенко), собирая для этого средства по всей республике (это в помощь-то нобелевскому лауреату!), а в книгах – знакомая нам мысль: «Партизаны были хуже немцев». И уже один из сотрудников литературного журнала советует пишущему о войне литератору: «Писать об этом надо так, как Алексиевич!» И то там то тут вдруг услышишь: «Да если бы не партизаны!..» Те же, кто партизанил, помню, с горечью повторяли: «Как много было предателей... Нельзя быть предателем!»

А на самом деле – много ли их было? И на этот вопрос отвечает писатель Синенко: «Тема предательства – болезненная тема. Украинские националистические формирования особенно заметны, они кладут тень на всю нацию. Сейчас открыты данные по количеству “восточных” добровольцев в германских вооружённых силах. Так вот, общее их число около 1,17–1,18 млн из 196,7 млн, проживавших в 1941 году в СССР. С этим средним показателем совпадает число предателей-украинцев по отношению ко всему населению республики, также 0,6 %, или 250 тысяч из 41 млн 965 тысяч. Ничтожно малая часть. Причём нужно учесть, что вся республика находилась в оккупации. В также оккупированной Беларуси показатель меньше, но не в разы и даже не на десятки, а лишь на несколько сотых процента – 0,55, или в абсолютных цифрах 50 тысяч с учётом личного состава Белорусской краевой обороны, при населении чуть больше 9 миллионов человек. Форту в этом малопочётном рейтинге всем дают прибалтийские республики, но и там цифры не зашкаливают и отрыв не в разы, а лишь в единицы процентов. Фашисты рассчитывали на массовое предательство. Но их надеждам и планам не суждено было сбыться».

Современники непростого 2020 года – дети, внуки и правнуки переживших Великую Отечественную войну. Дети – те, кто вырос на подвигах пионеров и комсомольцев-героев – ещё помнят рассказы воевавших родителей, бабушек-дедушек. Это люди, закалённые *правдой жизни*. А вот внуки и правнуки – те, кто учился по перестроечным школьным программам (когда опытные учителя, историки и преподаватели литературы, в ужасе за головы хватались), впитывал точечную информацию из интернет-сетей, читал антисоветские книги, безжалостно расстреливал всё живое в компьютерных играх и мечтал мало работать, но много получать, – поколение *правды факта*.

С началом организованных Западом беспорядков в Беларуси некоторые из этого поколения вдруг сообразили, что можно легко заработать пяти-десятидолларовую бумажку (иудины тридцать серебряников) только за то, что постоишь-походишь на противовластном митинге. Или преградишь путь автомобильному движению в центре города (весело!). Или, осушив халявную бутылку пива, сорвёшь шлем с головы у омовца (круто!). Или помашешь бело-красно-белыми флагами, невесть откуда вдруг заполонившими столицу и областные города Беларуси (в стране же их не шьют) – и какая разница, что такие же развевались над полицаями (клёво!). И это же классно – не ходить на занятия и не слушаться преподавателей!..

Но не могу не согласиться с неожиданным мнением одного молодого нашего современника: не столько опасны те, кто с ленточками на площадь выходит, сколько те молчуны, которые с бчб-флагами в душе по госконтрамам сидят.

Как назвать сегодня их, митингующих и «молчунов», вставших под предательский флаг? Тех, кто, не вникая в смысл вброшенных врагами лозунгов, не зная истории, исковеркав или позабыв её, называет фашистами мирных людей и уже готов вцепиться в горло каждому, кто не с ним? В 2014 году мы с недоумением и ужасом наблюдали помутнение разума у братьев-украинцев. (Именно тогда Виталий Синенко и приступил к созданию книги «Я не убит подо Ржевом. Завещание отца».) С 9 августа 2020 года мы стали свидетелями этой беды и в Белой Руси.

Помутнение разума – от желания лучшей жизни! Во все времена все, все хотели жить лучше. Даже в Раю первые люди не пожелали послушаться Бога (зачем запрещает!) и слопали злополучное яблоко. И всё! Есть Рай, но нет их в Раю. До самого распятия Иисуса Христа, когда снова двери в Царствие Небесное открылись через великие страдания Сына Божьего. Но не для всех. А для любящих, ибо сказано: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»; смиренных, не осуждающих, старающихся избавиться от собственных грехов, а не воюющих с теми, кто грешен, чтобы их очистить.

Зомбированные телеграм-каналами белорусы, потерявшие способность к анализу и критике, застряли сознанием на мелочах, в упор не замечая большой *правды жизни*. В 1945 году ею была великая Победа. Ныне – это попытка осуществления цветной революции руками тех, кто уже приговорён Западом, который ими же и руководит. Из опубликованного в интернет-сетях скриншота (с сохранением пунктуации и орфографии): «С сегодняшнего дня телеграм-канал берёт на себя ответственность за организацию революции в Беларуси посредством перекрытия дорог и трасс, с использованием любых средств и методов, и вывода из строя транспортной инфраструктуры, а также нейтрализации карателей. Основной целью будет удар по дохлой экономике, начинаем активно выводить с утра дороги, выводить из строя системы светофоров, ну и конечно готовить молоты и другие средства! Забастовки должны начинаться с утра, чтоб памярковные белорусы не доехали на работу, поэтому особое внимание уделять общественному транспорту и выводить его из строя! Саморганизуйтесь в мобильные отряды и вспомните, как наши деды боролись с фашизмом за наше будущее, а сейчас наше бездействие на руку диктатору, пора положить этому конец и показать диктатору, кто хозяин на белорусской земле – НАРОД. Любые упоминания про протесты и цветочки, хождения без цели отныне в наших чатах под запретом и бан без предупреждения, мы делаем революцию!»

Большая правда – это и озвученные президентом Беларуси А. Г. Лукашенко сводки КГБ:

– из выступлений официальных лиц Польши: «*Победа революции в Беларуси – также национальный интерес Польши*»;

– из заявления министра иностранных дел Украины во время разговора с коллегой из Германии: «*Мы теряем наши возможности, не предпринимая решительных мер. Евросоюзу следует ввести серьезнейшие санкции против Беларуси, чтобы парализовать деятельность государства, бизнеса и производств*»;

– из выступления представителя США: «*В России мы хотим ускорить процесс дезинтеграции: местные власти должны получить больше полномочий, центральная власть должна быть ограничена. Мы будем поддерживать внутренний конфликт в российском обществе. Текущее руководство в России может потерять власть из-за событий в Беларуси*».

Задурманенные же пропагандой белорусы, из тех, кто не куплены, а обманно-идейные, эмоционально возмущаются в соцсетях:

– Боже, радители власти узурпаторской, когда вы поймёте, что никакого отношения к политтехнологиям США у большинства митингующих нет?! Большинство идут по зову сердец, потому что ненавидят фальшь и ложь!..

– А разве есть необходимость извне обкладывать нас всякими НАТО, если мы изнутри своими же обложены по горло? Страшен враг не тот, что снаружи, а тот, что внутри тебя...

Последние слова из комментария неизвестного протестанта как раз соответствуют истине. Внешнего врага, с Божьей помощью, победим. Не зря в ответ на военные учения НАТО у белорусско-российских границ, а также непростую обстановку в постсоветских странах: Кыргызстане, Армении, Азербайджане, в сентябре – октябре прошли совместные (Россия и Беларусь) военные учения «Славянское братство – 2020» (второй этап) и командно-штабные учения с миротворческими силами Организации Договора о коллективной безопасности ОДКБ «Нерушимое братство – 2020», где отра-

батывались совместные операции в Восточно-Европейском регионе. В манёврах было задействовано более 900 человек и свыше 120 единиц техники. Учения ярко продемонстрировали способность и готовность отразить агрессию против Союзного государства.

А что у нас внутри – в душе, в уме?

Отец писателя Виталия Синенко, ветеран войны, с горечью упрекает сына: «Чтобы мозги детям перевернуть, специалисты у вас в Москве нашлись. Навалом. Предали наше время, а заодно и нас. Память об эпохе предали. Молодое поколение видит нашу эпоху всё больше глазами диссидентов, мстителей, своих и западных антисоветчиков. Эти авторы активны, эмоциональны и плодовиты».

Сын соглашается: «Наших внуков повели за собой бывшие полицаи и перебежчики из русского зарубежья, все как один они сегодня антисталинисты и борцы за свободу русского народа от большевистского ига. Эти уже выдали несметное количество свидетельств, мало походящих на покаяние. Они атакуют, они продолжают свою войну. Молчаливые и тихие в годы войны люди-улитки вдруг также вылезли из своих раковин и присоединились к этому обличающему хору агрессивных предателей. Они всегда держали нос по ветру и служить шли к тем, за кем сила».

Человека, зомбированного вражеской пропагандой, непросто вернуть к здравым суждениям. Тысячи здоровых людей не убедят одного сумасшедшего, но один сумасшедший может убедить тысячи здоровых – правило психиатрии. Мы живём в мире, который стал сумасшедшим домом. Однако даже в жутких условиях немецких концлагерей ныне оплётанные «молчунами», вениaminaми, алексиевичами комсомольцы и коммунисты уходили в лагерное подполье, продолжали бороться не только за себя, но и за «истерзанных неволей, истощённых голодом, павших духом военнопленных».

«Шла борьба за души, сознание и волю людей, – писал в воспоминаниях Георгий Дмитриевич Синенко. – Перед нами ставилась задача сорвать планы фашистов, раскрыть глаза заблуждающимся и колеблющимся, рассказать о происходящих переменах на фронтах, и о том, что ждёт изменников Родины после войны».

Значит, и мы должны. В противовес обученным и проплаченным радетелям *правды факта*, от которой сеется мрак и опускаются руки, говорить, разоблачать, писать о *правде жизни*. Об этом же просил сына ветеран Синенко: «Вы помните нас молодыми... Советский период для вас не только перестройка с речами Горбачёва и Ельциным на танке. У вас глаза шире открыты на сталинский период, чем у нас самих, а мозги не так загажены “новым мышлением”, как у внуков и правнуков. Вы нас можете соединить. И в вас на генетическом уровне живёт война... Вы последние дееспособные хранители памяти о советском прошлом. Вы, только вы, сможете соединить и поколения, и эпохи!»

А «белая» революция в Беларуси всё же терпит крах. Всё меньше протестующих на площадях и центральных улицах столицы. Так называемый «Марш соседей» в Минске – попытка собирать людей дворами – оказался совсем жиденьким. Некоторые «змагары» ревели от обиды и злости: вышли во двор, а больше-то никого и нет! Да и как же могло быть иначе, если потомков партизан и фронтовиков в стране гораздо больше, чем предателей? Они тоже выходят маршами, организуют автопробеги – в защиту мира и спокойствия. Их много! Их большинство. Однако успокаиваться рано, да и надежды, что успокоятся западные вдохновители и кураторы «белых» событий, нет. Хватит ли у них ума не накликать беду, в том числе и на самих себя?

Завещание отца

Отца уже нет в этом мире.
Но наш диалог продолжается.
И когда я оказываюсь в тупике, обращаюсь к нему,
и он приходит, позволяя увидеть и понять то,
что я не смог бы без его помощи.

В. Г. Синенко

Вторая часть названия книги Виталия Синенко – «Завещание отца». Он просил через сохранённую память о советском прошлом соединить поколения и эпохи.

Ещё в семидесятых годах прошлого века писатель Анатолий Иванов в романе «Вечный зов» устами коллаборациониста Лахновского проговаривал западную программу идеологического

уничтожения советской страны. Она очень напоминает периодически появляющуюся в СМИ информацию о «Плане Даллеса», по поводу существования которого идут нескончаемые споры. Но все тридцать лет после горбачёвской перестройки мы видим своими глазами неоспоримый факт – идёт информационная война, призванная стереть историческую память о нашей великой Победе, достижениях СССР, развратить умы и души молодёжи. И какая разница, под каким названием такой документ был создан, кто был его автором, если цели, задачи его воплощаются в жизнь с завидным упорством. Если предательство многих либеральных чиновников, купленных американскими и европейскими дипломатами прямо в Москве, давно ни для кого не секрет. Ну а о тех, кто разворовал страну и рванул из неё, и разговора нет – кто они, если не предатели своего народа? На создание предателей и нацелена такая программа.

В начале двухтысячных инокиня Александра, хранительница Царской часовни близ Петербурга, познакомила меня с письмом писателя, имя которого называть не буду по этическим соображениям, но текст его письма частично приведу, потому что в нём о том, что в те годы переживалось многими нашими современниками. После многочасовой беседы с матушкой Александрой о России, о святом Царе Николае Втором, о мистическом проклятии за предательство помазанника Божия, о безусловном возрождении Святой Руси, где многие захотят жить, да не всем будет дано, он написал: «Я изменился в одну ночь! Своего имени – Николай, своей фамилии – я стеснялся. Теперь я ими горжусь!! Русский народ для меня был потерянным и деградировавшим, Россия – постылой родиной, не раз меня обобравшей – инфляциями и дефолтами – и обманувшей – вначале с коммунизмом, потом с перестройкой, а затем и с демократией. На чужбине я стеснялся и своего народа, и своей Родины – “пугала планеты”. Теперь же, благодаря Вам, мне открылось предназначение и русского народа, и моей страны. Теперь я счастлив тем, что я – русский, теперь я горжусь своим именем, своей фамилией. Своим Царём, отдавшим за меня, блудного сына, жизнь. Своим Богом, истинным Богом, Творцом, а не тварью. Неисчерпаемыми глубинами и необъятным многообразием Православия – всё это внезапно открылось мне в одну ночь! Всё, что я искал в других религиях и, возможно, находил – по крупицам, оказывается, окружало меня с рождения во всей полноте, многомерности и цельности...»

Что произошло с этим, теперь уже счастливым, человеком? Не то ли, о чём просил ветеран-фронтвик Георгий Дмитриевич: через память о прошлом соединить поколения и эпохи?

Своей книгой-исследованием, книгой-размышлением «Я не убит подо Ржевом. Завещание отца» писатель Виталий Синенко совершает невероятное. Следуя по жизненному пути своих родителей (родом с Украины, жили в Белоруссии, защищали Россию, под которой подразумевался весь Советский Союз), он, пристально рассматривая оклеветанные, испоганенные наши исконно русские ценности, шаг за шагом, страница за страницей очищает историю страны от наветов и грязи.

В первом разделе книги В. Синенко пишет: «Все входы и выходы в предвоенную эпоху плотно запечатаны. Табличка с черепом и костями предупреждает: “Сталинщина!” И дальше проход по спецпропускам. Однажды я в упор спросил отца: – Ваша довоенная эпоха – это эпоха зла? – Чушь! – резко ответил отец. – Самоощущение людей было светлым. Сейчас всё чернят. Но это неправда».

Георгий Дмитриевич родился в 1923 году, в это же время на Псковщине появился на свет русский поэт Игорь Григорьев. Они, ровесники, люди одного поколения, одной страны, не знали друг друга, но так похоже, так самоотверженно любили своё Отечество, что хочется назвать их братьями, родными. Орденоносец Игорь Григорьев в свои восемнадцать тоже встал на защиту Отчизны, возглавив молодёжное подполье, потом ушёл в партизаны. Бесстрашно боролись с фашистами в годы войны Синенко и Григорьев, грудью встали за Родину, поливаемую грязью в перестроечное время. Игорь Николаевич в стихотворении «Перед Россией» писал болью сердца:

Я родине моей не изменял.
Безрадостной полынью переполнясь,
Я убивался с ней в глухую полночь,
Но родине во тьме не изменял...

Следом за ним эти слова мог бы повторить и Георгий Дмитриевич. Ныне оклеветанная страна вырастила миллионы таких патриотов. Как?

Они оба учились в советской школе, о которой Георгий Дмитриевич Синенко писал в своих воспоминаниях: «Образование тех лет строилось на единстве семьи и школы. Оно было органичным,

природным: и родители, и школа одинаково понимали общие цели и задачи, у них не было противоречий, инакомыслия и инакодействия. Всё, что мы слышали в школе, мы слышали и дома, я говорю о своей семье. У нас была одна правда. Те же, кто не принял советскую власть, видя усилия школы, государства, реальные перспективы для молодёжи, как правило, не становились открыто поперёк. Они тоже думали о будущем своих детей. И в целом у нашего поколения, воспитанного советской школой, государственной идеологией, трудовыми семьями, у основной массы, не было разлада в душе».

Старшее поколение помнит советскую школу, любимых учителей, которые прошли все ужасы войны, которые учили нас с величайшей любовью к нам и к своей стране. Помним мы и другое – как во времена перестройки отменили в школе воспитательный процесс и поручили ей оказание образовательных услуг. Воспитание исчезло, упало качество образования.

Помнится, как, помогая сыну разобраться в материале нового учебника истории (их вариантов тогда возникло множество), объясняла, что, мол, сынок, то, что здесь написано, не соответствует правде, ты ответь, если спросят, как в учебнике, но твёрдо запомни, что всё было совсем иначе. Просто время сейчас такое... Но это пройдёт, а правда останется.

Пока в школе трудились педагоги, воспитанные по советской системе – «последние дееспособные хранители советского прошлого», даже коренная переделка программ не отменила их душевной щедрости. Однако сменилось поколение, и трещина в школьном образовании превратилась в пропасть. Безумный отказ от признанной во всём мире лучшей системы образовательно-воспитательного процесса дал свои плачевные результаты.

Недавно в Фейсбуке появился исполненный боли пост некоего Дмитрия Белоусова об уровне современных абитуриентов ВГИКа, не знающих азов отечественной киноклассики. Он опубликовал впечатления киноведа Андрея Апостолова: «Только что провёл во ВГИКе занятие на подготовительных курсах. Замечательные ребята собираются поступать на киноведческий. Про артиста Олега Даля не слышал ни один, про Геннадия Шпаликова не слышал ни один (хотя его бронзовая фигура стоит прямо у входа во ВГИК), “Калину красную” не видел ни один. Но это ладно, ни один не знает главного героя “Семнадцати мгновений весны”, и ни один не знает даже примерно, когда в стране была перестройка. А в ответ на вопрос про самых популярных у массового зрителя советских режиссёров одна девочка уверенно произнесла: “Рязанов и Гайдар”»... Гор Карапетян поделился: «Получается, что большинство считает нормальным не видеть и не знать классику кинематографа России. Если сравнить с ними студентов, поступающих в литературный вуз, которые не знают и не читают Пушкина и Толстого... Грустно, когда из грамотной, читающей нации выросло поколение неучей, обидно за наших предков и за то, во что превращается наша страна».

Да, грустно и обидно, но ещё страшнее, что это трагично для нашего народа. Ведь именно так разрывается связь поколений и эпох.

В книге Виталий Синенко, автор, постоянно спорит с отцом, пытаюсь разгадать скрытые временем тайны смыслов. Писатель вызывает Георгия Дмитриевича на доверительный разговор, по-доброму провоцируя, подвергая сдержанной критике его свидетельства и убеждения. Так, в первом, «довоенном» разделе книги, затрагивая роль комсомола в воспитании молодёжи, он посмеивается над отцовским идеализмом: «Одномыслие, зажатость, никакой духовной свободы, бесконечная маршировка строем под барабанный бой, красные галстуки, стихи про Сталина и Ленина, нудные комсомольские и пионерские собрания, субботники, взносы...»

Не так ли думают сегодня многие, особенно те, кто вырос уже без пионерии и комсомолии, без тимуровцев, без Павки Корчагина? Но последних понять можно – откуда им знать? Трудно понять тех, кто застал ещё то советское время, а мысли – такие же.

В день рождения комсомола, 29 октября каждого года, кто-нибудь да и вспомнит о Коммунистическом союзе молодёжи. Среди поздравлений под яркими картинками в интернете можно прочесть комментарии людей с разными, зачастую непримиримыми взглядами. Два года назад, в столетие комсомола, на глаза попался гневный, полный нескрываемой ненависти текст: «Страшно, когда после красного террора, продолжавшегося более семидесяти лет и оставившего след кровавого и трагического опыта, народ (белорусский. – Н. С.) в самом сердце Европы отмечает столетие со дня основания организации, которая по своей сути была преступной и бесчеловечной, потому что прославляла этот режим. Такой организацией был комсомол. Он подчинялся КПСС, которая в свою очередь была генератором идей, благодаря которым на территории СССР была

успешно построена страна под названием Империя Зла... Ложь и обман лежали в основе идеологии комсомола. Государственная идеология в СССР создала свою “квазирелигию”... Празднование 100-летия комсомола, которое широко и повсеместно отмечается в Беларуси, есть не что иное, как Хэллоуин – праздник Сатаны...»

Ни больше ни меньше. Почти каждая строчка – вопиющее искажение большой *правды жизни*.

Возмутился ли кто этой клеветой? Да. Но на них тут же набрасывались её защитники под видом праведников: «Нет, это не охаивание наших дедов и родителей. Это горькая правда о тех, кто зомбировал их своими идеями, заставляя без конца жертвовать собой, работать то за копейки, то вовсе за идею. А к концу СССР тот комсомол, что я застала – сплошное враньё, приписки, лицемерие. Да, среди комсомольцев были замечательные люди, даже герои, что не обеляет саму идею безбожной организации», – это убеждения, высказанные школьным педагогом!

Вчитаемся в ключевые слова учительского комментария: зомбировал идеями; заставляя жертвовать; заставляя работать; заставляя за идею; даже герои не обеляют...

Эти слова, особенно последние, обладают убийственной силой – зачем нужны герои, тем более за идею? Кому нужны жертвенность и труд? Какой смысл в труде, если за копейки? А уж за идею – и говорить не приходится. Так мелкая *правда частного факта* пытается заглушить большую *правду жизни*. А дети впитывают...

Виталий Синенко признаётся, что отец посмотрел на него с жалостью, словно спрашивал: «Неужели ничего не понимаешь?» Ответил серьёзно, обстоятельно: «Комсомол тогда только родился... Высокая идея действительно пронизывала организацию. Комсомол был пропитан молодой романтикой, но он не являлся искусственным, формальным образованием или игрой в политику. Российский Коммунистический Союз молодёжи участвовал в реальных делах. И награды свои получал заслуженно, гордился ими. Это была форма самоуправления, подготовка молодёжи к новой взрослой жизни. Всё это было свежо, ново, захватывало молодёжь, не всю, но большую её часть. Организация удесятерляет силы... В Союзе молодёжи каждый начинал чувствовать, что такое коллектив, что вместе мы горы можем свернуть... Извечная дилемма жить для себя или жить для других тогда решалась не в пользу личного, а общего, в пользу коллектива. В то время как природа человека настроена на жизнь “для себя”, новая мораль требовала самоограничения, умения существовать в коллективе, то, что до революции называлось “в соборе”. Себялюбие, эгоизм воспитывать не надо – само придёт, не заржавеет. Жить для себя соблазнительней и легче, но пример нашего кумира Павки Корчагина показывал: сам погибай, а товарища выручай – этому и учились следовать... В чести были жертвенный порыв, искренность чувств и помыслов – это и воспитывалось в нас школой, комсомолом, всей государственной идеологией. Пионерия, комсомол – это и самоорганизация, и самоуправление».

Хотелось сделать цитату короче, да из песни слов не выбросишь. Недавно покинувший Божий мир талантливый писатель-публицист Александр Казинцев в одном из интервью поделился мыслью о том, что будущее надо обязательно проговаривать – в спорах, дискуссиях, столкновениях мнений, что всё зависит от наших усилий, а решающий фактор – самоорганизация масс. Автор книги «Я не погиб подо Ржевом...» вместе с отцом мучительно проговаривают наше будущее, пытаются разглядеть его корни, его ростки в прошлом, в том числе и в той «самоорганизации масс», которой были пионерия, комсомол и партия.

Во время Великой Отечественной войны, напоминает В. Синенко, «требовалось организовать огромные массы на сверхусилие, на подвиг. Ни США, ни Англии, ни Германии, ни Японии, никому ещё в мире не приходилось перестраивать свою экономику и всё хозяйство в таких суровых обстоятельствах».

Как не может в результате хаоса или, например, взрыва сам по себе построиться Зимний дворец – для этого нужен и архитектор, и строители, так и народу нужна сила, которая поможет ему организовать. Писатель называет эту силу. Ныне оплётанная, поруганная, очернённая «страшилка» – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) – всюду вносила своё организующее начало.

Старший Синенко решил вступить в партию в начале войны, ему было всего 18 лет. Зачем? «По идейным соображениям. Партия для меня была чем-то высоким, святым, не кормушкой, как это представлялось некоторым её более поздним членам. Тогда было время испытаний. Для всех. Пар-

тия взвалила на себя, несла самый тяжёлый груз. Она была в центре всего. Внутренне я был готов, когда прозвучит призыв: «Коммунисты, вперёд!», сделать этот шаг».

Именно такими коммунистами и совершались подвиги, которых было не счесть. Вокруг таких коммунистов самоорганизовывались военнопленные в фашистских лагерях – даже там, в нечеловеческих условиях, создавалось сопротивление. О таком сопротивлении военнопленных в Молодеченском «Шталаге № 342» и в «Шталаге VI-A», разместившемся недалеко от немецкого города Эссена, где (силой духа и опять же – чудом!) выжил отец писателя, повествуется в книге Виталия Синенко.

Готова подписаться под каждым словом Георгия Дмитриевича. Воспитанная на примерах пионеров-комсомольцев-партийцев – героев, и я когда-то, в свои двадцать с небольшим, пришла в партийную организацию с заявлением, написанным в произвольной форме. Жаль, что оно не сохранилось, потому что пришлось вместо него оформить заявление-бланк. Но до сих пор помню, о чём писала, и снова ощущаю тот высокий душевный подъём, который привёл меня в партийную организацию. Мне хотелось быть в первых рядах тех, кто готов по первому зову сделать шаг вперёд.

Возвращаясь к реплике педагога о том, что герои не обеляют, гневно протестую! Нет, обеляют! И не только обеляют: они – соль, они – основа, они – великая *правда жизни*, подтверждённая даже врагами. В литературе, в СМИ, в интернете можно найти письма и дневники немецких солдат. Один из них, мечтавший о лёгком преодолении Волги и захвате Сталинграда, записал: «19 октября 1942 года. Мой Бог, аллилуйя, мы преодолели развалины школы. От нашего батальона осталось около 100 человек. Две недели назад нас было 328... 328 солдат и офицеров Великой Германии... Оказалось, что чертову школу обороняли 15 русских, и мы нашли 15 трупов, среди них не было ни одного офицера, Господи, кто ими командовал?.. Представляете? Всего 15 трупов! И их штурмовал целый батальон, лучший штурмовой батальон Великой Германии! Но самое горькое нас ожидало впереди. До Волги остаётся ещё 400 метров, но перед нами, через дорогу, стоит разрушенный четырёхэтажный дом. И что-то мне подсказывает, что через эту улицу наш батальон не сможет перейти... 31 декабря 1942 года. Мы встречаем Новый год в развалинах чёртовой школы. Русских пришлось похоронить. Они своим видом – даже у мёртвых были сжаты кулаки! – полностью деморализовали новобранцев, которых каждую неделю присылали в наш батальон...»

Великая *правда жизни* заключается в том, что весь наш народ, от детей до стариков, по сути своей – героический. Был, есть и останется.

И о квазирелигии. Спорить трудно. Действительно, Церковь была отделена от государства, существование Бога официально отрицалось, поэтому, следуя логике автора, квазирелигией можно назвать насаждаемый атеизм. Ведь это тоже вера – вера лишь в земную жизнь, отрицание вечной души и Творца. Обвинение серьёзное, имеющее, к сожалению, основания. Виталий Синенко и в этом вопросе попытался докопаться до истины.

Невероятно, но в народе вера продолжала жить! Георгий Дмитриевич, предупредив, что судить его эпоху современными мерками вовсе нельзя, признался: «Я не ходил в церковь, но понимал, что такое праведная жизнь, а что такое грех. В душе моей жила вера. Она жила в нас, первых советских поколениях, впитавших идеалы нового времени... Атеистическое государство – да, но жили по Христу, что говорится, с Богом в душе... Мы верили в справедливость, в братство людей. Через советское воспитание, культуру, книги с нами оставались христианские идеи и ценности. Библейские заповеди входили в нас через советскую мораль, целиком построенную на Нагорной проповеди Христа. Да, из нашей жизни изъяли церковь, но сохранили Дух и веру. Религиозное мировоззрение приняло другие формы...»

В немецком концлагере он, комсомолец, и солдат Иван Никифорович Линаев, верующий и воцерковлённый человек, понимали друг друга и помогали, потому что верили в добро. И называл Георгий дядю Ваню своим Ангелом-хранителем.

И далее через всё повествование неизменно проходит упоминание имени Божьего, будь то мистическое чудо или Промысл Господень. Я не знаю, насколько сам писатель воцерковлён, каковы его личные взаимоотношения с Творцом, но то, что вышло из-под его пера, веру только укрепляет. В Бога, в Россию, в Правду, в Победу, в русского (в самом широком смысле) человека.

Большая правда жизни

Старшие поколения прошли испытание войной.
Нам отпущены испытания миром.

В. Г. Синенко

Надо отдать должное автору книги «Я не погиб подо Ржевом...», сумевшему в одном произведении раскрыть множество серьезнейших тем. Каждая из них заслуживает особого внимания. Ограниченный масштаб статьи не позволяет рассмотреть их подробно, однако и умолчать нельзя.

Словно следуя совету Паисия Святогорца быть пчелой, собирающей повсюду только мёд, а не мухой, для которой весь мир сузился до помойки, Виталий Синенко на протяжении всей книги выполняет этот завет. Собирая очищенный от наветов мёд правды, он пишет и о ВКП(б) («Фашисты с особой ненавистью относились к большевикам, выделяя их из общей массы в отдельную, особо опасную категорию, подлежащую уничтожению... На фронте у коммунистов был высочайший авторитет, и заслужен он ими был недаром и нелегко – часто ценой собственных жизней... За годы войны погибло три миллиона коммунистов»), и о Сталине («Ненависть к Сталину возведена в ранг абсолютной истины и прямо-таки религиозного символа. Всё, к чему прикасался Сталин, несёт на себе печать зла. Монстр не мог быть прав. На отрицании Сталина, его демонизации строится вся антисоветская, антироссийская пирамида... Ненависть к Сталину дала пропуск в наше духовное пространство не просто антикоммунистам, но и ненавистникам России, предателям, сбежавшим из страны и вещающим из тёплого для них далёка. Антисталинский миф сам по себе стал вреден, он мешает понять и оценить опыт, приобретённый в условиях катастрофы... В условиях войны налаживалась жизнь! Вот гениальное открытие и верно выбранный властью и Сталиным путь. В тех условиях это был единственно верный ответ на немецкие планы блицкрига...»)

В. Синенко пишет о репрессиях и пятой колонне (Д. Девис, посол США в СССР, докладывал Рузвельту: «В России в 1941 году не оказалось представителей “пятой колонны” – они были расстреляны. Чистка навела порядок в стране и избавила от измены»).

Об идеологии, нацменьшинствах и депортациях («О том, что депортированных приняли местные семьи и разделили с ними все тяготы военного быта, о том, что государство не бросило их на произвол судьбы, об этом говорилось и говорится почему-то мало, как и о том, что суровые меры не были забавой властей, а вынужденным спасением от угрозы предательства, гражданской войны у себя в тылу. Опасность была реальная, а не мифическая»).

О Втором фронте («Мы переживали трагические этапы в схватке с фашистами, но на все воззвания о помощи европейские и американские союзники оставались глухи. Самые тяжёлые годы мы оставались с Гитлером один на один. А после войны родившийся на волне нашей победы соцлагерь также распался очень уж легко и молниеносно. Границы цивилизаций существуют, и их нельзя бездумно игнорировать») и ленд-лизе («Американцы должны благодарить Советский Союз, низко поклониться и руку поцеловать за то, что в разгар великой депрессии в США мы вдруг открыли у себя гигантский рынок сбыта для их залежалой продукции. В ходе Второй мировой войны США выделили СССР беспроцентный кредит на 10 млрд долларов и в его счёт поставляли нам произведённое на их предприятиях добро. Мы воевали, истекали кровью. Америка же оживила свою экономику, безработица резко упала, предприятия заработали, технологии стали развиваться... Ленд-лиз переводится как “давать в долг”, “давать в аренду”... После войны все рассчитались с Америкой по долгам»).

О фильтрационных лагерях («Кто подлежал суду и арестам?.. Руководящий и командный состав полиции, “народной стражи”, “народной милиции”, “русской освободительной армии”, национальных легионов и других подобных организаций; рядовые полицейские и рядовые участники перечисленных организаций, принимавшие участие в карательных экспедициях или проявившие активность при исполнении обязанностей; бывшие военнослужащие Красной армии, добровольно перешедшие на сторону противника; бургомистры, крупные фашистские чиновники, сотрудники гестапо и других немецких карательных и разведывательных органов; сельские старосты, являвшиеся активными пособниками оккупантов... Выявлялись шпионы, завербованные агенты, диверсанты...»). Отец же писателя и в плену оставался воином, участвовал в подполье, вместе с двумя своими товарищами бежал из плена уже на территории Германии, Победу встретил в Пфальцских горах с оружием в руках, но, как и многие его товарищи, прошёл фильтрацию, после чего ему вернули воинское звание и он был призван в армию.

О репатриации («Рациональный и практичный Запад был заинтересован задаром получить дешёвую рабочую силу. В лагерях для перемещённых лиц американские и английские службы развернули настоящую “охоту за умами”. Из числа советских перемещённых лиц вычленились профессора, доценты, доктора и кандидаты наук, конструкторы, технологи, инженеры и другие специалисты. Ничего личного, только бизнес. Но не только. Целенаправленно создавался ударный легион из наших соотечественников, враждебных СССР...»).

О подвигах и «пушечном мясе» («У “цивилизованных” немцев в конце войны... безжалостно стали гнать на фронт, в бой стариков, инвалидов и необученных мальчишек из гитлерюгенда. Их просто бросали в топку войны. Это к вопросу о “цивилизованности”, “пушечном мясе” и цене победы»).

О Европе и Германии («В конце 1944 года Красная Армия вступила на территорию Германии, командование ждало и готовилось к нападению немецких партизан в своих тылах. Было испытано огромное недоумение, когда узнали, что немецких партизан просто не существует»).

О подполье («Коммунистическое подполье являлось силой, которая противостояла хаосу и немецкому порядку, желавшему превратить людей в слизь... На кого опереться в фашистской неволе?.. Партия спланировала и организовывала») и партизанах («Никогда и нигде в истории человечества партизанское движение, сопротивление врагу на оккупированных им территориях не приобретало такого размаха и не имело таких масштабов, как на территории Советского Союза в годы Второй мировой войны»).

О коллективизме («Индивидуалы, пассионарии обречены в большой глобальной драке, которой является мировая война») и системе подготовки офицерских кадров («За период войны было подготовлено более 1 млн 640 тысяч офицеров и 300 тысяч политработников»).

О фашизме и борьбе цивилизаций («Шла война между Востоком и Западом. Гитлеровцы действовали во благо своей цивилизации, и это был тот суперцемент, склеивающий и мародёров из низших слоёв общества, и благородных аристократов в едином порыве “Дранг нах Остен!”. Вот она – сверхидея!»).

О сохранении Победы и возрождении России («К России постепенно возвращается ощущение своего особого места в Евразийской цивилизации. Союзное государство с Беларусью, Евразийский экономический союз с Беларусью, Казахстаном, Арменией, Киргизией делают наши страны сильнее, устойчивее в мировой тряске. Перспективы Единого экономического пространства расширяются. Россия не просто страна, не Голландия или Бельгия. Россия центр, ядро великой цивилизации. Так изначально было устроено Небом»)...

Книга Виталия Синенко «Я не убит подо Ржевом...» – это соты злободневных вопросов, наполненные целебным мёдом истины – ответами. Именно такую книгу надо издавать огромными тиражами, чтобы её имела каждая библиотека на пространствах бывшего СССР, чтобы она дошла до каждой школы, вуза, воинской части. Обратить бы внимание на эту книгу Министерством обороны и просвещения. Подобный материал надо множить в противовес всей заказной лжи, калечащей разум, а нередко и судьбы молодых современников. Войну и нашу Победу, победу нашей Русско-Православной цивилизации, пытаются превратить в миф, хотят её украсть. Чуть больше месяца назад Маттиас Сони, посол ФРГ в Литве, назвал целью освобождения Германии от фашизма русскими – «установление в побеждённой стране сталинского репрессивного правления». И глазом не моргнул. «Мухи» целенаправленно и планомерно делают своё дело. А мы, считающие себя пчёлами?

Своим взрослым сыновьям я не просто рекомендовала, а убедительно попросила их прочесть книгу Виталия Синенко, потому что она, несомненно, поможет им обрести нестигаемый внутренний духовный стержень, стать настоящими мужчинами, надёжными защитниками Отечества.

Изменить устоявшиеся взгляды, тем более сформированное мировоззрение взрослых людей сложно. Жизненный опыт подсказывает, что человек, даже сражённый новой информацией и вдруг раскаявшийся, не становится другим, он, рано или поздно, может снова вернуться к прежним установкам. Так, предавший один раз, предаст и второй.

Надо воспрепятствовать формированию предателей! Министерства культуры, образования, просвещения, Федеральное агентство по делам молодёжи в РФ обязаны взять на себя ответственность за сохранение памяти и Победы.

Идёт борьба за Россию как центр нашей цивилизации, идёт война за души наших детей и внуков – не на жизнь, а на смерть. И чтобы однажды не затмили свет на горизонте вражеские полчища и танки, мы должны говорить о большой *правде войны* и о большой *правде жизни*. И тогда мы снова обязательно победим! Книга Виталия Синенко – об этом.

Берега юбилеев

Андрей Ребров

Дорогой, уважаемый Андрей Борисович! Примите сердечное поздравление с 60-летием! Оптимизма, любви, тепла и уюта, душевной непринуждённости, новых нам радостных встреч друг с другом, творческих удач, целеустремлённости и крепости духа!

Андрей Борисович Ребров – родился в 1961 году в Ленинграде. Один из основателей Православного общества писателей, созданного по благословению митрополита Иоанна (Снычёва). Пребывание в святых местах русских – на Валааме, в Оптиной Пустыни, в Дивееве, Святогорском, Псково-Печерском монастырях – оказало большое влияние на его произведения. Работал оператором котельной, что позволяло заниматься литературой. Секретарь СП России, действительный член ИППО. Лауреат всероссийских литературных премий. Академик ПАНИ, АРС и др. Имеет церковные и государственные награды. Главный редактор журнала «Родная Ладога». Живёт в Санкт-Петербурге.

ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ПУСТЫНЬ 1930-е годы

С землёй сравнили атеисты
Высокий храм монастыря.
Седой монах челом землистым
Припал к осколку алтаря.

Но ни поднять его, ни кинуть
Злодеи в старца не смогли,
Как будто камень тот руинный
Был тяжелее всей Земли.

* * *

Скрылись доли в густеющем мраке,
Стал стеной на пути тёмный лес.
Но созвездий заветные знаки
Засветились на свитке небес.

И светло из-под глади ледовой
Засквозили зеницы озёр,
Словно знаками звёздного слова
Их глубинный исполнился взор.

Верно, так же, под высью глубокой,
В бездорожье библейских песков,
Сквозь прозрачные вежды пророков
Звёздно брезжались дали веков.

* * *

Застив маковками звёзды,
Липы в парке зацвели.
И казался липким воздух,—
Аж от выси до земли,—

Словно им, как сущим клеем,
С дней Творения до нас,
Та цветущая аллея
С высью звёздной скреплена.

Видно, нам со дня рожденья,
Будто давний сон цветной,
Помнить райское цветенье
До могилы суждено.

ЛЮБОВЬ

Выйди ночью за порог
Со свечой в руке —
И увидишь огонёк
В дальнем далеке.

Это я, храня свечу
От семи ветров,
Твоему огню шепчу:
«Выведи под кров».

* * *

Хоть ран моих срослись края
И нет рубцов на коже,—
Вся в синяках душа моя,
Синей небес погожих.

Знать, и прадедовы глаза
Синели с той же силой,
Когда вздымал под небеса
Он врага на вилах.

И не от тех ли встречных лиц,
В блокадной мгле синевших,
Из отчих теплился зениц
Заветный свет нездешний?

И полыхает синевой
Сыновний взор бесстрашный...
Небесный огонь Руси Святой —
В очах и душах наших.

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Купают ветви в невосковой пене
Златые купы ивняка.
И вверх по каменным ступеням
Шагает медленно река.

И вихрь бесплотными руками
Срывает с ветхих ив листву
И золотыми облаками
Стремит куда-то за Неву.

И я под ивой сиротливой
Стою, утраты не таю,—
Как будто времени порывы
Уносят молодость мою...

Минует вечер, сникнет ветер,
Спадёт вода... Взрастут года.
И может быть, когда-то в детях
Моих, нахлынувших сюда,
Неувядаемые эти
Дни возвратятся навсегда.

* * *

Клокочет море в камышах
За каменной губою,
И кровь шумит в моих ушах,
Как вечный гул прибора.

Но слышу, время, как в тебе
Суставы жизни — при ходьбе —
Скрипят от юрской соли,
И на прокушенной губе
Я ощущаю вкус скорбей
И первородной боли.
Знать, просолила наши дни
Навечно боль людская.
Не оттого ль вода морская
Крови клокочущей сродни?

НА СМЕРТЬ ХУДОЖНИКА

Замер пульс часов, и вязко
Время в теле кабинета.
Блекнет кисточка без краски,
Как цветок, лишённый цвета.
Запустел мольберт, и плотно-
Плотно скатаны полотна...
Лишь в оконной раме белой:
Ночь и небо — без придела,
Светотоки звёздных лет —
Свежий Вечности портрет,
Где мазком, что схож с кометой,
На пути в Бессмертье где-то,
Замерцала, чуть дрожа,
Чья-то светлая душа.

* * *

Взбранила поле речевое
Иноязычных рыков рать.
И силы нет стихи слагать...
Лишь слово древнее, живое —
Потомкам русичей под стать.

Его реченье вечное
Созвучно рокоту реки.
А за чертой береговой —
Как прежде — вражьи полки.

И говор чуждый то и дело
Сечёт,
тёчет издалека,
И помутнела, побледнела
Река родного языка.

Но вновь,
сплочённые молитвой,
Как древнерусские войска,
Стремятся буквы вдаль листка...
И полнокровная строка —
Сродни Непрядве после битвы.

НЕБОВОДЬЕ

Цветёт небесный луг безбрежный
Над затонувшей грядой,
Где под высокою водой,
Как в первозданной зыби той,
Лучится солнечный подснежник
Сверхновой зыбкою звездой,
Как будто явленной в зените
Всего земного бытия,
И вокруг неё, как по орбите,
Течёт к началу жизнь моя.
И в этой вещи круговерти,
В нездешнем росте донных трав,
Я вижу жизнь за кромкой смерти,
Я внемлю: «...Смертью смерть поправ...»

РУССКИЙ ВОИН

Он брёл по жизненным просторам –
Как суждено: то – вверх, то – вниз...
И родовым глубинным взором
Вбирал намоленную высь.

Он умирал от крестной раны
В земле, в траншее полевой,
Но вновь из пашни фронтовой, –
С библейской силой зерновой –
Как на стерне, возрастал живой,
Знать, в небе прадеды-крестьяне
Молились с ангельским стараньем
О дольней ниве родовой.

Знать, Горней Родиной хранима,
Русь – под заоблачным крестом –
Стоит, как древний храм незримый,
На всхожем поле боевом.

* * *

Засыпал стёкла рыхлый свет дневной,
И мне светлица кажется норюю.
И растворяю в поле я окно, –
Где пахнет свежей пашнею сырою,
Где крот, как будто в толще временной,
Копает ход сквозь древний пласт земной.

Так я порою Вечность носом рою,
Чтоб в смертной тьме, под жизненной корою,
Найти просвет в небесный мир иной.

* * *

...Время собирать камни...
Из Екклесиаста (3;5)

Когда с высот нисходит свет землистый
И замирает праздная молва,
Я зарываюсь в книгах летописных,
Стремясь прозреть заветные слова.

Я отверзаю спудные страницы,
Как земляные древние пласты,
И всею сутью силюсь углубиться
До корневой глагольной высоты.

Но, словно камни – почвою тяжёлой,
Сокрыты долгим временем – глаголы.
И кажется – не хватит целой жизни,
Чтоб, даже в самом тонком слое книжном,
Весь вековой пророческий их вес
Собрать в прообраз будущих небес.

* * *

На церковных окнах – ризный снег Сочельника,
Дымом и хвоею тянет из-под рам, –
Будто бы на облаке взлетает с ельником.
С белою оградой православный храм.

Раздышу молитвою изморозь оконную, –
От простора белого – аж в глазах черно...
А в дали над речкою, над долиной звонною,
Как звезда Господняя, теплится окно...

Ёлочки завьюжены, и сторожки заперты,
Тропка запорошена – никого на ней,
Только лёгким-лёгкие светятся у паперти
Два следа от Ангельских маленьких ступней.

Но запели певчие, сотворив знамения,
И запели сиверком зимние поля, –
Будто бы со знаменным и с метельным пением
Устремилась к Вышнему русская земля.

Проза

Сергей Пылёв

Сергей Прокофьевич Пылёв – родился в 1948 году в городе Коростене, Украина. Вырос на Сахалине. Живёт в Воронеже с 1956-го. Окончил филфак ВГУ. С 1966 года работал электриком-осветителем, грузчиком, был сборщиком покрышек (шинный завод), редактором в многотиражных заводских газетах. В течение 1980–1991 гг. – редактор отдела прозы воронежского журнала «Подъём», заместитель председателя правления Воронежского отделения Союза писателей СССР, с 1993 по 2009 год – главный редактор журнала «Воронеж», с 2014 года – редактор газеты «За кадры» Воронежского аграрного университета им. императора Петра I, член правления регионального отделения Союза писателей России. Автор девяти книг рассказов и повестей, вышедших в Воронеже и Москве: «И будет ясный день», «Обстоятельства», «Вам бы птицами родиться», «Радужная звезда», «Сон разума», «Человек Господа», «Удар возмездия», «На чистую волю», «Божьи искорки». Публиковался в журналах: «Подъём», «Берега», «Север», «Волга-XXI век», «Сура», «Гостинный дворъ», «Москва» – с повестями «Гололед среди лета», «Никишин сад», «А за окном – человечество», «Опыты Луизы над Монтенем», «Матушка» и другими. Лауреат премии «Кольцовский край» за книгу «Божьи искорки», изданную Сретенским монастырём в 2017 году, дипломант журнала «Берега» за 2017 год. Награждён медалью общественного Совета ВДВ России «За верность долгу и Отечеству».

Оживший

Рассказ

К празднику Рождества Пресвятой Богородицы вода в Студёнке светлеет, особенно если небо высокое, открытое. Тогда рыбацкому глазу волнующе открываются ямные места, куда на зимние квартиры стекается здешняя рыба, вернее, её измельчавшие остатки.

Всё позднее лето Филипп Грбовой, комбайнёр из села Забугорье, не брал в руки дорогих его сердцу удил... Как-никак страда! Его хозяин фермер Иван Князев, кстати, бывший председатель бывшего Забугоренского колхоза-миллионера «Путь к коммунизму», в такое особое решительное время никому из работников ни минуты не давал передышку, а не то чтобы им выходные разлюли-малина устраивать.

Однако на осеннего преподобного Сергия Радонежского так-таки не стерпел Филипп и рискнул отпроситься на рыбалку. Урожай взяли хороший. Более чем. Как вдруг...

И Князев раздобрился.

– Не запей только! – строго приказал он своему лучшему комбайнёру-рекордсмену.

Филипп гордо оглянулся:

– Это как душа решит!

И улыбнулся собственной смелости.

В ночь перед рыбалкой приснилось Филиппу, будто он сидит на плечах каменной Бабы, вековечно стоявшей на кургане неподалёку от их села, и они с ней таким манером через всю страну идут, а преподобный Сергий в простой крестьянской рубахе и портках, опираясь на посох, глядит им вслед с пригорка своим тихим, чудесным взором.

Сон не понравился Филиппу. Уже пятый год, как забрали их каменную Бабу в городской музей, и с тех пор одни неприятности и у них в Забугорье, и в стране начались...

Под боком у Забугорья лицом на восход испокон веков на вершине здешнего кургана (летом вся утопшая в ярких ажурных васильках, зимой – в сугробах) стояла эта метров о трёх серо-коричневая обветренная каменная Баба с отвислым брюхом и плоскими титьками, но руками такими мощными, какие любого быка в бараний рог согнут. Так вот, эта махина тонны на четыре – скуластая да щекастая, одним словом мордатая, со взглядом по-особенному суровым, обретшим невиданную силу, – многотысячелетним, – явно была не от мира сего. Хоть и окрестил её Тимофей в шутку, улыбки ради,

«Инопланетянкой», но все забугоренцы тайно, в душе невольно чувствовали этой громадины особую над ними священную охранительную власть. Как у строгой матери над детками малыши. Так что издревле забугоренцы по воскресеньям две главные дороги знали: первая – на утреннюю службу в Бого-явленском монастыре, а потом, петлями, тайно – к кургану, Бабе поклониться и втихаря испросить у неё чего надобно. И многим она реально помогла и поныне памятно не оставляет заботой. Вернувшись из армии осенью после кампании в Южной Осетии в родной развалившийся колхоз «Заветы Ильича», Филипп три дня основательно смывал с себя самогоном пороховую вонь, а на четвёртый что-то неведомое повелело ему идти поклониться их каменной Матери матерей за то, что в живых остался у Цхинвали под ударами грузинских «Градов». Да тут Филипп в шутку заодно покаянно попросил у неё застревающим во рту языком «пару сотенок на похмель»: через месяц он выиграл в лотерею триста тысяч. Правда, счастливый билет Наталья тотчас взяла в свои руки. Благодаря этому они поныне невесть как свалившимся им на голову прибытком сносно держатся. У Князева и на комбайне по-человечески не заработаешь: штраф на штрафе за всякое мало-мальское нарушение.

Как ни таился Филипп, история с его лотерейным билетом всё-таки утекла в народ. В считанные дни возле их каменной Бабы самое настоящее столпотворение образовалось. Из сёл, близких и дальних, народ живо, суматошно подтянулся. Со стороны курган стал похож на облепившую его лихую ярмарку. Из самого Воронежа и даже столицы нашей Родины приезжали люди. Многие из них, судя по машинам и одежде, явно с высокими должностями. И везли этой каменной махине горстями слёзные записки с самыми разными просьбами, в основном насчёт здоровья и коммерческого везения, а также на всякий случай еду разную праздничную, спиртное дорогущее.

Никого не остановила ни усиленная критика такого мракобесия в телевизионных новостях, ни приезд из Воронежской митрополии батюшки, молодого, явно очень умного, бедами людскими сердечно озабоченного, который дня два вдохновенно читал нужные спасительные молитвы и с радостью, точнее с восторгом, окроплял насторожённую толпу у каменной Бабы святой водой с шустрого, птицей взлетающего над покаянными головами пушистого венчика. Не осталась в стороне и власть. И не только местная. Как-то поехал к забугоренцам с увещаниями насчёт их Бабы сам председатель областного Совета депутатов, но по дороге в распадке, залитом таким густым туманом, что хоть кусками его нарежь, машина с номенклатурным номером-оберегом наскочила на фуру – со всеми вытекающими печальными последствиями.

А через неделю прикатил из области самосвал и увёз здешний талисман на хранение в городской краеведческий музей. В прибавку к уже жившим там на заднем дворе ещё шести другим вековечным каменным бабам, вырубленным древними мастерами на разный вкус и манер из серого песчаника. Забугоренская дама, правда, среди всех из них оказалась самая рослая, самая мордатая-грудатая и всем своим видом несопоставимо строгая, просто-таки величественная.

Как осиротели забугоренцы. Без неё жизнь в селе наперекосяк пошла, как лошадь, неправильно запряжённая.

Ещё тогда Филипп дал слово вернуть Бабу, чего бы это ему ни стоило.

...На рыбалку ушёл он на зорьке, – тихо, бережно собравшись, чтобы не беспокоить свою Наталью, но ни к вечеру, ни на другое утро и даже через три дня не объявился.

– Наглец... – жёстко напряглась Наталья.

Князев здороваться с ней перестал, уверенный, что Филипп опять с бутылкой в обнимку за своё взялся.

Ещё три дня проволочлись...

На четвёртый завывала Наталья. Бегаёт по двору из угла в угол. Через неделю, то ли Князев ему дозволился, то ли оно так само собой вышло, но объявился в Забугорье участковый Юрка Протопопов, младший лейтенант полиции. Злой какой-то. Как видно, и его сюда не хотели пропускать. Какой-то воронежский миллиардер построил неподалёку от Забугорья пятиглавый замок на французский средневековый манер и перегородил к себе и заодно ко всем окрестным примечательным местам пути-дороги кованым железным забором. С одним единственным проходом-проездом через высоченный шлагбаум с массивной, грозной стрелой – такой и танк, если надо, остановит. Чтобы зазря людишки всякие, невесть откуда ни взявшиеся, туда-сюда не шмыгали бесконтрольно. Коль вознамерился посетить здешние распрекрасные во всех отношениях места, – будь готов предъявить ясный конкретный документ о своей личности и внести какую-никакую плату. Здешний народ поначалу проявил некоторое беспокойство такой новообретённой затворностью, но с плакатами на

главную площадь Воронежа так-таки не поехал. Его, народа этого, всего ничего осталось: дед Буратино, прозванный так за его особый пиковый нос, бабка Буратиниха, одноглазая с детства, когда её соседская кобыла лягнула, потом же слабый на голову Тимофей лет пятидесяти, афганец, и вот они – Наталья с Филиппом. Зато на погосте под бугром среди пышных сосен с красно-бурыми духовитыми стволами, считай, полтысячи бывлых забугоренцев отстранённо возлежит. Но их никак не поднимешь уже до самого Судного дня. Последние забугоренцы люди вовсе безопасные, сердечно покорные всем обстоятельствам – и в силу своего достаточного возраста, и по здоровой мудрой отстранённости от общей жизни, в которой люди подозрительно вертляво озабочены стремлением к большим деньгам, заграничным путешествиям и прочим показушным развлечениям. Со временем и вовсе покладисто смирились забугоренцы со своей смиренной отсоединённостью от ажиотажного человечества этим великанским защитным забором со сторожевым шлагбаумом, – ныне благодатно пребывают они в своей особой смиренной жизни, простирающейся от Рождества до Рождества, даже не ведая иного счёта времени, кроме череды православных праздников.

Идти самой в розыск у Натальи как-то ноги не пошли: всё домашнее хозяйство с огородом, включая коз, корову и кур, было на ней. Кроме того, в ту пору бешеные лисы в их местах объявились, а гадюки, которым, по всему, уже полагалось свернуться бы клубком в своих глубоких норах, как никогда то и дело блестящими чёрными лентами скользко прошмыгивали в ёмкой густоте полёгшей рыжей травы.

...Лошадку участкового Наталья ещё на бугре заметила: та медленно, натужно вышагивала прихрамывая.

На телеге, которую кобылка согбенно волокла, сидел с неприятно напряжённым судорожным и бросово небритым лицом Юрка Протопопов в новенькой полицейской форме, тёмно-синей, считай чёрной. Люди знающие в своё время говорили про него, будто он в чеченском плену почти два года контуженный просидел в яме: битый, ломаный-переломанный, раз пять стреляный этот Юрка, младший лейтенант. Левая рука у него и сейчас как на ниточке болтается. Если приходится Юрке идти быстро, он её правой напряжённо прижимает к себе.

В телеге на соломе что-то ёмко и как-то нехорошо, несуразно лежало, накрытое старой выцветшей запашистой попоной.

Наталья невольно задержала какой-то вдруг сразу вмиг отяжелевший, насторожённый взгляд на этом «что-то» и вдруг с клёкотом, судорожно выдохнула, как чем-то неведомым поперхнулась. Не комарика ли, от чьей-то кровинки отяжелевшего, ненароком словила, рот удивлённо раззявив?

– А я до тебя ехал... – тупо усмехнулся участковый.

– Не темни... Чем я, дура слепая, старуха-развалюха, могу быть тебе полезна в твоих важных делах?... – напряжённо, тихо сказала Наталья и снова бдитительно, с неким невесть откуда взявшимся потаённым страхом покосилась на попоны, комкасто лежавшую в телеге явно поверх чего-то достаточно большого, объёмного.

– Ты баба ещё очень даже ничего! – хмыкнул Юрка. – Я, кстати, ещё подумаю насчёт тебя. А пока мне надо с твоей помощью исполнить одну сугубо официальную акцию. Ты только не вздумай сейчас орать на всю деревню или валиться оземь к моим ногам. А то народ подумает, что война какая-никакая опять началась! В общем, у меня в телеге труп лежит. Так сказать, «груз двести». Мужичий. Утопленник.

Судорожно, накосо открыв рот и всхрапнув, как старая лошадь участкового, Наталья рухнула на грудь Юрки. Да так сильно тыркнулась о него, что левая больная рука участкового назад за спину так энергично отлетела, точно он изо всей мочи замахнулся кого-то наповал лихо срубить.

– Ну, ну!.. Не сходи с ума... Предупреждал! – официально-холодно вскрикнул Юрка. – Ещё неизвестно, кого я в вашей Студёнке выловил. Соберись. Возьми себя в руки. Не дёргайся! Отцепись, зараза! Тебе придётся сейчас опознать труп. Хочешь не хочешь. Филипп это или кто-то ещё?.. При нём удочка была. Как видно, полез человек крючок отцепить, нечаянно оступился в яму, глотнул воды и задохся. Следов насилия нет. Не нашёл.

Резко отшатнувшись от участкового, Наталья вцепилась в борт телеги, губу до крови закусил.

– От-кры-вай... – глухо прорычала, зажмурясь с такой силой, что её лицо сузилось, как бы всё вперёд подавшись.

Юрка деловито, жестом человека, повидавшего толпу всяких разных жмуриков, приподнял попоны.

– Слёзы мешают видеть... – покаялась Наталья.

– Сосредоточься. Вдох-выдох! – строго сказал участковый.

– Он... – дёрнулась Наталья.

- Как же ты эдак враз определила, если у него от лица одни ошмётки остались?
- Сердцем! – шепнула Наталья. – И по родинке на лбу...

Участковый сочувственно, но в то же время досадливо приоттолкнул её от телеги, решительно натянул попону на утопленника:

- Свидание окончено.

На второй день, на великомученицу Евфимию, одним жильцом прибыло на забугоренском погосте. При всём при том не в полотняном мешке из-под картошки похоронила Наталья мужа. Князев расчувствовался потерей лучшего комбайнёра, и не без его содействия ритуальщики из райцентра прибыли незамедлительно, как на десантном вертолёте, без проблем преодолев все дорожные препоны, включая миллиардеров шлагбаум. В тот же день красный гроб на крыльце у Натальи торжественно-скорбно торчком стал, покойного обмыли, и лицу его разными гримёрскими снадобьями не только придали человеческий облик, но сделали его таким красавцем, каким Филипп отродясь не был. Или это проступило у него на лице умиление от вдруг открывшегося ему во всём своём благолепии Царствия Небесного?..

Наталья виду не подавала, но через эту свою чуть ли не сияющую внешность муж ей каким-то чужим показался, словно она хоронила сейчас чужого ей человека. Может быть, через это и особых слёз у неё не увидели соседи, так что Буратиниха на поминках после третьей рюмки доброго самогона не преминула отметить, как бы никого конкретно не называя, что некоторые жёны радуются смерти своих благоверных, так как через то открывается им прямой путь бессовестно заводить шуры-муры налево и направо.

Ни муж Буратинихи, ни афганец Тимофей её не поддержали: им обоим Наталья нравилась, хотя всякому на свой манер. Веским козырем относительно её вдовьей правильности стало ещё и то, что сам Князев не только был на похоронах, не только оплатил все ритуальные расходы, но и велел похоронщикам незамедлительно поставить Филиппу памятную плиту из мраморной крошки с большой фотографией. Снимок сам выбирал из семейного фотоальбома Натальи, при этом как бы случайно несколько раз приобнял её за хорошую напряжённую талию.

- Зачем вы так?.. – тихо сказала Наталья.

- А что, не нравится? – строго усмехнулся Князев. – Ладно, я тебя обломаю. Погодя. Щас не с руки.

Памятник Филиппу стал первым приличным надгробием среди полуистлевших деревянных и железных ржавых крестов забугоренского кладбища. Он выглядел торжественно большим, важным и был виден издали, особенно на солнце, отзвучиво брызжа ярким отсветом.

Тимофей сразу прозвал памятник «маяком».

После похорон, примерно через неделю, Филипп стал объявляться жене во снах и достаточно часто. Притом ничего не говорил, а просто сидел на корточках в сторонке и, морщась, покатывался со смеха. Во-первых, по жизни он никогда не смеялся и даже не улыбался, если только когда более чем хорошо выпьет. Во-вторых, лицо у Филиппа каждый раз было какое-то другое. То есть вовсе не его... Со своим он ей ни разу не показался.

Наталье стало страшно: она перестала спать и ночью со свечкой сидела под иконами до утра, – отсыпалась днём. Наконец, это сделалось невмоготу.

На Покров Пресвятой Богородицы Наталья собралась в район на праздничную службу в тамошнем огромном белоснежном Богоявленском монастыре. Вышла ранней раннего, в четыре утра, – шла полями, притокая сапогами в размякшем от дождей чернозёме. Ступала сердито, напористо. Ещё затемно уже была возле празднично освещённого замка. У шлагбаума охранники, пошалив с ней, правда, в основном на словах, так-таки пропустили её да ещё и бесплатно, из уважения к Филиппу.

Потом ещё час из последних сил она брела до автобусной остановки.

В храм на службу Наталья так-таки опоздала. В свечной лавке, испортив несколько записок от волнения, заказала на полгода Неусыпаемую Псалтирь рабу Божьему Филиппу и тайком окропила себе лицо святой водой из кружки на цепочке.

И помогло. С того дня покойник отстал каждую ночь являться.

Только через неделю, на апостола Фому, Наталья вновь увидела мужа. Только уже не во сне. И на этот раз тот был со своим лицом. Самым что ни на есть настоящим. Без ритуального красивого грима. Как маску снял.

Одним словом, в шестом часу утра собралась Наталья курам пшеница сыпнуть, а тут на крыльце Филипп, скукожившись, сидит. И его тряско колотит. Наталья хорошо знала такое за ним после

долгого злоупотребления известно чем. Видимо, не первый час он тут высиживал, а октябрь на этот год выдался не из тёплых. По крайней мере, второго бабьего лета они не дождались.

Наталья пошатнулась. В голове сразу стало горячо и тесно.

– Филюша...

– Я за него...

Наталья подхватила мужа подмышки, поволокла в дом. Через два шага в дверях неуклюже осела на деревянную приступку, заплакала, судорожно прижав Филиппа к себе. Его сердце словно у неё руках билось. Вернее, как пулемёт строчило. Замрёт ненадолго – и снова припустит.

Лекарство она знала. Верное. Всегда хранила на подобный случай. И знала, что сейчас ни до каких разбирательств, упрёков или бабского вытья, а действовать надо быстро и уверенно.

Филипп судорожно, громко всхрипывая, принял стакан содержательного свекольного самогона и упал лицом ей на колени.

Через полчаса он тихо, но явно оживающим, пробивающимся голосом произнёс:

– Спасла...

– Ещё будешь? – щедро, взволнованно шепнула Наталья.

– Потом... – едва проговорил Филипп не своим голосом: уже как бы из глубины вдруг начавшего ёмкого безбрежного сна.

Спал он два дня с пристрастным усердием. Спиной ко всему нынешнему миру, как влипнув в плюшевый коврик с оленями на стене. В комок судорожно сжавшись. Его сон напоминал некую загадочную внутреннюю работу: Филипп то и дело рывком, с силой переворачивался, как будто взлететь норовил, глухо кричал на каком-то непонятном, словно ненашенском языке, пару раз тихо, покаянно рыдал.

Когда такой его трудовой, напряжённый сон, наконец, истомлённо истратился, он впервые повернулся лицом к свету и по-детски, наивно вздохнул.

Наталья на колени перед ним опустила, чтобы говорить лицо в лицо.

– Выпьешь чуток? – бережно проговорила.

Филипп светло, нежно улыбнулся:

– Не желается.

Наталья счастливо зажмурилась.

– Какой-то ты на себя не похожий... Совсем другой. И с лица, и голосом... Я буду стесняться с тобой в постель лечь! Честно-честно... – застенчиво улыбнулась Наталья.

– Обвыкнешь... – мудро хмыкнул Филипп. – Я с того света вернулся! В прямом смысле слова.

...В тот день своего якобы утопления, на осеннего преподобного Сергия Радонежского, Филипп пробрался к Студёнке на привычное рыбацкое место: хозяин замка все земли окрест купил, так что охране было велено местных к реке отныне не подпускать. Даже сварной забор с когтистой колочкой везде выставили. Только Филиппа никогда и никакие препоны остановить не могли.

Выйдя к реке своими тайными ходами, Филипп вдруг обнаружил на берегу невесть как оказавшего здесь неожиданного соперника.

– Я вам не помешаю? – первым заговорил «залётный» рыбак. Годами они были вроде как даже ровня и чем-то внешне похожи, одеты почти одинаково – кепки, фуфайки, резиновые сапоги. – Я случайно здесь. Ехал ловить совсем в другое место. На платное озеро. А как вашу живую речку увидел из окна автобуса, так и обомлел – какая красотища! Благодарь. Истинная Россия! Я, знаете, по профессии фотограф. Но тут вдруг вижу – колючая проволока, железные прутья. Хорошо, что охранники здешние с понятием. Поломались немного, но в итоге пройти разрешили. Правда, за тысячу рублей.

– Бизнес у них такой... – мудро сказал Филипп. – Да вы особенно не беспокойтесь. Место рыбное. Не пожалее! На нас с вами окуньков да плотвички хватит.

– Может, и по щучке добудем? – мягко улыбнулся сосед.

– И такое может случиться... Я на прошлой неделе трёх этих хищниц матёрых взял! – горделиво усмехнулся Филипп. – Вы старайтесь забросить поближе к зарослям. Вон там, где у вас ветла на воду легла. Осенью большая рыба обычно именно в этом месте стаями собирается. Смотришь, какая и заглотишь ваш крючок с дуру ума... Хотя они сейчас разборчивые, отъелись за лето.

– Спасибо за науку... – сосед мальчишески помахал Филиппу рукой и вежливо поспешил переместиться на новое место, подальше.

Филипп знал, что там самая глубокая большая яма и рыба в ней стоит уже, считай, уснувшая, не достать её, но дух соперничества в таком азартном деле был превыше всего.

– Ключёт!!! – вдруг вскрикнул фотограф, притом чуть ли не по-щенячьи подвзвизгнув.

Филипп крайне ревниво покосился в его сторону.

– Крючок зацепился за водоросли... – констатировал небрежно, с усмешкой.

– Да, точно... – тоскливо отозвался напарник после нескольких робких попыток его сдёрнуть. – Придётся лезть в воду.

– Не лучшее занятие... – вздохнул Филипп. – Там глыбко. Очень даже. И вообще это известное нехорошее место. Там у нас летом никто не купается. Боятся. Водяных!

– Крючок дорогой, жалко...

– Дело хозяйское...

Филипп раздумчиво достал пачку усманской ядерной «Примы», но, поняв, что у воды на ветру не прикурить, зашёл за густой куст со сцепившимися красно-бурыми ветками, который у них неизвестно почему называли «пёсья смерть».

Когда, уже накурившись, попыхивая последними залпами едучего дымка, вернулся назад, соседа нигде не было.

– Фотограф!.. – глухо вскрикнул Филипп.

Напряжённо огляделся.

Выждав минуту, почему-то осторожно, с оглядкой шагнул туда, где на песке у воды сейчас как-то одиноко, сиротливо лежал чужой рюкзак. Рельефные следы, как видно, ещё новых сапог однозначно вели к реке.

Впереди, метрах в шести, где была та самая «нехорошая» яма, лежала на воде, уже заметно притопнув между водорослей, знакомая фуражка.

Тем не менее Филипп судорожно цапнул себя за голову. Своя была на месте.

Кепку фотографа на глазах медленно закручивало, утягивало течение.

«Нет, не может быть!.. – тревожно, горько подумал Филипп. – Он же не дитя малое! Как так?!!»

Настороженно пригляделся: нет ли всё-таки ряби или какого иного признака потаённого живого движения под водой. Вдруг залётный рыбак ещё жив и пытается бороться за своё спасение.

Было хотел броситься в воду на помощь, но вовремя устоял: всё равно уже поздно – река на раз взяла растяпу-фотографа.

Битый час сидел Филипп у воды на корточках. Вздыхал, морщился. Даже пару раз ослезился.

Когда, наконец, ушёл, снасти свои не взял. Как не до них было.

Правда, с полпути так-таки угрюмо вернулся, смотал удочки, свои и утопшего, невольно задержал взгляд на его аккуратном чистеньком рюкзаке.

Вдруг там документы какие есть? Тот же мобильный. У этого фотографа наверняка какие-никакие близкие есть. Жена, скажем. С виду мужик был достаточно ухоженный, а что одет по-простому, так это понятное дело. Не в костюме же с бабочкой ехать на рыбалку. В общем, надо бы сообщить кому следует о такой беде. Конечно, начнётся всякая разная мутата. Возможно, его, Филиппа, станут тягать на допросы, тянуть из него жилы, чтобы признался в убийстве или соучастии в оном. В итоге, смотришь, разберутся, но кровушки попьют досыта.

Филипп строго вздохнул, судорожными рывками распустил рюкзак утопленника. Хозяйство открылось ему ладное, хорошо, толково обустроенное: запасное импортное дорогущее складное удилице, поплавки к нему далеко не из дешёвых, эхолот Deeper Smart Sonar PRO тысяча за тридцать наших рубликов, антибликовые очки, грузило и коробочка разнокалиберных японских крючков такого качества, что глаза от них не отвести. Само собой, опарыш и мотыль. А ещё вакуумные ланч-боксы с аккуратно уложенными бутербродами: сочная бело-розовая грудинка, ядрёный сыр, разномастные паштеты. А как вершина вершин – две женственно аккуратные ёмкости «Киновского» пятизвёздочного.

– Эхма! – отчётливо вскрикнул Филипп.

Ещё раз бдительно посмотрел на воду. Лишь мелкая зернистая рябь настырно сыпалась против течения, как будто она существовала сама по себе.

«Прости, братишка... Не пропадать же добру...» – подумал Филипп и, выждав минуту, даже сознательно перекрестившись, закинул себе на спину увесистый рюкзак фотографа.

С ним часа через два он полевыми кособокими тропками вышел к матёрому грозному шлагбауму: охранники встретили его как всегда радостно.

После первой за помин души фотографа Филипп не остановился. Не затем начинал. Вся эта нелепая история, сто раз потом рассказанная им охранникам, а в другие дни их сменщикам, никак не предполагала по глубинной своей мистической сути каких-то разумных конкретных поступков.

Филипп физически чувствовал себя в центре небывалого, невиданного им прежде никогда события, в котором очевидно проглядывала во всей своей неумолимости, таинственности и могуществе высшего смысла надмирная власть некоей неведомой, вездесущей и всеобъемлющей силы.

Он пил вдохновенно, самоотрешённо.

Тем не менее недели через три Филипп нашёл в себе силы заставить охранника позвонить участковому о несчастном случае на реке Студёнке.

Разговор вышел коротким, но таким, что после этот охранник, молодой парень, который лет пять назад бросил школу в шестом классе, чтобы кормить больную мать, шарахнулся от Филиппа в угол дежурки, по-настоящему побледнел. То есть лицо у него как бы вовсе исчезло.

– Ты, дяденька, кто?.. – сдавленно, как сквозь невыносимую боль, выдохнул молодой охранник.

– А ты, балбес недоучившийся, не знаешь?.. – судорожным глухим голосом ещё не похмелившегося человека усиленно сказал Филипп.

– Тебя же похоронили... – почти плаксиво отозвался охранник. – Вчерась, кажется... Это ты утоп в речке! Участковый так и сказал. И памятник тебе есть у вас на кладбище в Забугорье. Чин-чинарём стоит. Из мраморной крошки. Точно миллионеру какому.

– Эх, Русь-матушка... – уныло поморщился Филипп. – Везёт мне, как субботному утопленнику, – баню топить не надо.

Как бы там ни было, селом он в тот крайний ночной час шёл такими хитрыми потайными петлями, чтобы забугоренцы его прежде времени не увидели. Или, увидев, не угадали...

Наталья как раз вышла на крыльцо, когда он уже леденеть начал. Ступала она тяжело, как-то тупо.

– Прости дурака дурацкого... – сознавая момент, тихо, бережно шепнул Филипп.

Так он всегда говорил, когда возвращался домой после усердного запоя на стороне.

Наталья судорожно напряглась – и словно на этом израсходовала все свои последние силы: обмякла. Вот-вот раскинется навзничь на крыльце.

Когда Филипп подхватил её на руки, она никак не хотела глянуть ему в глаза, упёрто, диковоротила лицо на сторону.

– И где только тебя, лешего, носило?.. – наконец сдавленно выдохнула Наталья.

– История долгая и жуткая, – внятно, чуть ли не с гордостью проговорил Филипп.

За едой он тоже не поспешил с рассказом, но чуть ли не за каждой ложкой восторженно говорил:

– Как я соскучился по-домашненькому!

– Может, рюмочку?.. – чуть ли не заговорщицки шепнула Наталья. – Я же не без понятия.

– Неси компот! – строго-радостно потребовал Филипп.

А когда он допивал его из трёхлитровой банки, ловко отталкивая языком норовившие проскользнуть в рот дольки яблок, груш вместе с вишенками да смородиной, вдруг из сеней, на всякий случай низко пригнувшись и придерживая фуражку, в раззявленную дверь кособоко шагнул участковый.

– Я, Наталья, тебе справку о смерти мужа в ЗАГСе выправил... – объявил Юрка Протопопов, однако близорукостью он не страдал, – так что от слова к слову его голос стал быстро падать и тупеть. На «ЗАГСе» он вовсе неуклюже тормознул и скovyрнулся на некоего «Зегса», а «выправил» прозвучало у него почти как «вырвал».

Его тем не менее поняли.

– О чьей смерти?.. – напряжённо, но притом дружески заулыбался Филипп.

Он аккуратно взял из Юркиных рук смертную справку и внимательно прочитал несколько раз.

Младший лейтенант напряжённо вздохнул:

– Плесни нам, Наталья, по стаканчику того самого! Никогда с живым трупом не пил за его здоровье!

Наталья, словно бы несколько ошарашенная, даже чуток пошатываясь, приволокла непечатую трёхлитровую банку своего знаменитого самогона, старательно, кудесно настоянного на красной рябине.

– А вот это всё – без меня! – весело поморщился Филипп. Кажется, справка ему чем-то очень даже понравилась. Просто-таки вдохновила его. Сил неких прибавила!

– Мне чуток можно?.. – пискнула Наталья. – Я как мужа живого увидела, так чуть не кончилась с испуга... А кого же мы тогда схоронили?

Филипп медленно встал:

– Я на погост.

– Сиди! – твёрдо сказал Юрка. – И носа из дому не показывай. Я прежде обязан разобраться, кого вместо тебя на погосте закопали.

Ночью во сне два Филиппа огород у Натальи копали, оба картошку в мешках к сараю таскали, вместе обедали с невиданным жадным аппетитом, а когда оба к ней ещё и в постель полезли, она с глухим воем проснулась: муж, сложив руки на груди, чего за ним никогда не водилось, и чуть откинув назад накосо голову, памятником стоял у окна, весь как измазанный фосфорным лунным отсветом.

– Теперь у меня, Натаха, новая жизнь начнётся... – просто, с тихой, непривычной для него и какой-то особенной, возвышенной радостью отчётливо проговорил Филипп. – Как щёлкнуло что-то во мне сегодня. Точно я прежний в могиле лежу, а здесь вот перед тобой новый стою! Чтобы новую жизнь начать! Я словно себя впервые увидел и понял, каков он на самом деле этот комбайнёр Филипп Гробовой. Увидел через призму смерти. – Он взволнованно вздохнул, напряжённо выговорив непривычные и малопонятные ему, совсем новые для него слова, почти заумные. Повторил, вздохнув с аккуратной улыбкой: – Да, через призму смерти... И никто мою новую жизнь не остановит. Сил не хватит! Я же по всем земным меркам как бы не существую. Нет меня! А на нет и спроса нет. Если что, я – как с небес сошёл справедливость в этом мире выправить!

Наталья ничего не поняла, но заплакала. Сердце ей так подсказало: не видать им обоим счастья от такого явления Филиппа народу.

Утром Филипп битый час проторчал в приёмной Князева, как будто экзамен на выдержку сдавал. На то время к Ивану Павловичу никто не прорывался, но тем не менее глава крестьянско-фермерского хозяйства с разрешением пропустить до себя Гробового не спешил. До такого напряжения не спешил, что его девчужка-секретарь Алёна с мордашкой, замурованной под самые её фанаберистые глупые глазки антиковидной модной тряпочкой с бабочками, край устала видеть перед собой непривычное по нынешним напряжённым пандемическим временам чуть ли не озорно-радостное, самодовольное лицо их комбайнёра.

Изящным, ныряющим движением руки Алёна мстительно включила на Ютубе какую-то судорожно лязгающую песенку: «Драли, как Сидр козу, выжимали слезу. Лазал на берёзу я во всякую грозу...»

– Филипп Порфирьевич, а вам рэп нравится?

– Я это как бы... Петрович по бабушке... – вдохновенно улыбнулся Гробовой. – А рэп, Алёнушка, это еда какая или игра?!

– Песня... – хихикнула она.

– Песня – это хорошо. Очень хорошо! – засмеялся Филипп. – Тудыть её в качель!

Счастье его переполняло. Впору делиться им направо и налево.

Тут из кабинета Князева глухо, но всё равно с достаточно отчётливыми строгими нотками наконец донеслось: «Давай этого сюда!»

Гробовой вошёл чуть ли не спотыкаясь: жёсткая, отрывистая скороговорка песни ощутимо, словно нахально, бесцеремонно подталкивала его в спину: «Научиться отдавать, научиться терпеть, научиться не бояться никого, даже смерть».

– Чё пришёл? – наклонил к плечу голову Иван Павлович, точно ему в ухо вода попала.

– Объясниться, как мне теперь с работой быть... – нахмурился Филипп. – Сдавать комбайн Федюне или погодить?

– А что случилось?! – начальственно привстал Князев, словно чтобы лучше видеть весь подвластный ему мир. – Планета наша перевернулась с ног на голову? Или тебя в администрацию президента пригласили?

– Так я же теперь вроде как покойник. Мертвец в чистом виде! – основательно, резонно объявил свою позицию Гробовой.

Князев с такой силой зажмурился, что у него всё лицо напряжённо собралось возле корневого, заглавно выступавшего носа, увенчанного ядрёной бульбой.

Выдохнул Иван Павлович, как резвую тетиву отпустил:

– Да будет тебе известно, что все вы, работнички мои дорогие, как один по кадровым и бухгалтерским бумажкам у меня не числитесь. Вы самые настоящие мёртвые души. Так что ступай, мёртвая душа, а завтра в восемь без опозданий, как штык, быть на утренней разрядке трезвей трезвого!

– Вот мы с вами к главному вопросу и подобрались... – напряжённо-ласково улыбнулся Гробовой. – Никакого распределения работ не будет, пока вы своих людей не оформите, как полагается.

– Филипп, что я слышу? Тебя ненароком бешеная лиса не цапнула? – властно рассмеялся Князев.
 – Со мной в таком тоне не надо бы говорить... – опустил голову Гробовой. – Я единственный в России живой покойник. И у меня через это есть очень особые права и очень большие возможности.

Князев вдумчиво посторожил:

– Личность ты теперь и в самом деле уникальная. Чего тут!

– Значит, поймём друг друга... – сдержанно кивнул Филипп. – Мне завтра кран будет нужен и грузовик. На полдня. Дадите? Я сполна отработаю.

– Иначе и не мысли... – глухо отозвался Князев.

...Выехали двумя большими тяжёлыми машинами по-осеннему мутным утром, по мокроте. В такую бессолнечную пору, между прочим, ноябрьский лист во множестве почему-то весь из себя особенно ярко, напористо цветист, будто имеет изнутри собственный гордый свет. В любом случае лету аминь пришёл однозначно.

Их ненадолго остановили у припотевшего сырьём массивного чёрно-белого шлагбаума, похожего на гигантскую палку великана-гибэдэдэшника, строго и надёжно запиравшего от мелкотравчатого всяколюдства огороженные колючкой земли при здешнем замке. Тот в своей архитектурной ажурности выглядел как декорация к некоей сказке; так что пока из Забугорья не сбежали последние семьи с детишками, родители на большие праздники водили своих малых на курган с той самой Бабой хоть издали полюбоваться на такое удивительное, с витыми башенками строение из рельефного красного кирпича, которое особенно волшебным выглядело по вечерам, заманчиво сияя сине-красно-жёлтыми мозаичными окнами.

– Куда собрался, Филипп?! – обрадовались, увидев его, здешние охранники, тесно окружили, и, несмотря на ковидные нынешние запреты, весело пожимая ему руку.

– Счастье нашему Забугорью возвращать... – дерзко-загадочно проговорил Гробовой. – А может, и всей планете!

– А какое оно?

– Добуду – увидите.

– А как тебя с этим счастьем по дороге гибэдэдэшники тормознут и поделиться прикажут?

Филипп отмахнулся и медленно, предельно аккуратно достал из-под достаточно новой, для выхода «на люди» куртки сложенную вчетверо розовато-сиреневую бумагу с вензелями и ярко-синей гербовой печатью. Это было свидетельство о его, Филипповой, смерти.

Охранники было сгрудились, бегло читая невиданную бумагу, но тут же и отшатнулись. Оглядели Филиппа сосредоточенно, едва ли не с опаской.

– Что вы на меня уставились как на привидение из замка Шпессарт?.. – снисходительно улыбнулся он. – Живых покойников не видали? Эх, темнота...

Никто ему ничего не ответил. Обтекая каплями, шлагбаум поднялся так хватко, словно палаческий топор, занесённый мощным хладнокровным замахом.

Когда Филипп добрался со своей механизированной кавалькадой до областного центра, ворота краеведческого музея по счастливой оказии (не без подмоги их курганной Бабы?!!) стояли радушно распахнутые. Забугоренцы без проблем въехали во двор и деловито приступили грузиться. Только Филипп, прежде чем они свою каменную Бабу оплели железными петлями и вознесли стрелой крана, порывисто обнял её, по-сыновьи, и уважительно поздоровался.

Тут, не спеша, подошла к ним из служебной двери аккуратная и очень интеллигентная, невозможно вежливая, но слишком просто, чуть ли не бедно одетая старушка. С непонятной для Филиппа должностью старшего смотрителя, – Леокадия Аполлинарьевна.

– Позвольте поинтересоваться, куда наша мадам собралась?.. Не в гости ли к половецкому хану Кончаку?

– А нам откель знать? Мы не начальство! – дерзко улыбнулся Филипп. – Наше дело нехитрое: бери больше, кидай дальше.

– Тогда, дорогой мой человек, хотя бы фамилию свою на всякий случай назовите.

Баба уже ничком лежала в самосвальном кузове, накрытая выдавшей виды лыковой рогожей.

– Гробовой я... – резко улыбнулся Филипп и решительно достал из-за пазухи своё ядовитое-цветное, с ажурными разводами свидетельство о смерти: бумага – всем бумагам бумага.

Подмигнул озорно:

– Вот вам главный человеческий документ! Тут всё полноценно про меня сказано!

Леокадия Аполлинарьевна вздрогнула, охнула и, попятыся, как-то бессильно, болезненно махнула рукой. Кажется, хотела Филиппа перекрестить, да не вышло.

Только выговорила сдавленно, чуть ли не пристыженно:

– С Богом...

...Вернулся Филипп по скороспелой осенней затеми, всякий год поначалу непривычной, мертвенной и уныло-глухой.

У шлагбаума выглянул из кабины, устало вздохнул:

– Эй, мужики, поднимайте своего часового...

Из будки неспешно появился старший охранник в форме с воющим волком на спине. Стрельнул прямо в глаза Филиппу мощным жёстким лучом фонаря. Как стеганул.

Гробовой осерженно загордился своей выдавшей виды разлапистой ладонью:

– Того, аккуратней. Что выскочил как оглашённый?

– Проверить, что везёшь... – глухо, однако при том достаточно внушительно проговорил начальник смены. – Мы факс получили о краже из областного музея, да не разобрать в нём ни слова... Извини, браток...

Сопя, охранник неспешно полез в кузов самосвала. По неуклюжести движений явно чувствовалась его безразмерно вскормленная увесистость. Вдруг за спиной Филиппа раздался какой-то чвакающий звук, напоминающий неуклюжее обвальное падение чего-то густого, весьма тяжёлого. Кажется, охранник обо что-то неудачно споткнулся там, в кузове, и, не исключено, рухнул на нечто весьма не мягкое. По крайней мере, его убойные матюки так внятно прогрехотали над здешними полями, что их вполне разборчиво могли слышать и за два километра в том самом сказочно красивом ажурном замке с цветными окошками. И если в его подвалах реально обитали привидения, вообще-то обязательные для такого особого строения, то их явно пробила такая судорожная дрожь, что они в ту минуту вполне могли походить на затрепетавшие, отчаянно захлопавшие на ветру мокрые бело-снежные простыни.

– Что тут у тебя валяется?.. – сказал, как проскрежетал, охранник. – По всему – труп окоченевший?!

– Баба... – вздохнул Гробовой. – Баба каменная! Талисман нашенского Забугорья!

...Бабу установить на вершине кургана мужики долго не могли, хотя все забугоренцы впряглись и даже пришли свободные от службы охранники, которые состояли при шлагбауме. Праздник возвращения Матери матерей пришёлся, не подгадывая, на сугубый день, на Димитровскую субботу родительскую.

Долго никто не хотел расходиться...

На другой день Филипп, по первому и как бы пробному снегу, как через сито просеянному, поклонившись Бабе, вышел на дорогу к их сказочному замку. За час семь километров отмотал.

Перед тяжёлыми коваными воротами поднял над собой, как хоругвь, своё свидетельство смертное.

Три часа простоял на ветру: за это время всё вокруг свежо забелело мелкой снежной крупкой.

Наконец кто-то вышел: благообразный такой дядечка в норковой глянцевой шубе, правда, без шапки, с красным большим шарфом на шее.

– Ты хозяин?! – как-то неуверенно, несколько не своим голосом крикнул Филипп.

– Я мажордом... – умно усмехнулся мужчина.

– Понятно... – вздохнул Филипп. — Мажордом так мажордом... Ты хозяина сегодня увидишь?

– Он в Италии. Вернётся через полгода.

– Тогда позвони ему, что ли. В общем, он нашу реку Студёнку колючкой огородил. А это – не хорошо. Неправильно. Она – общая. Так что пусть отмотает назад такую свою инициативу. Не стоит народ раздражать.

– А он, народ, вообще-то есть здесь или давно в небытие канул? – Мажордом красиво, от души засмеялся. Кажется, он хотел подойти к Филиппу и сердечно потрепать того по плечу, но сдержался. – А колючка выставлена от диких зверей.

– Всё равно убирайте... – вздохнул Филипп. – По-людски надо всё такое.

– А что вы, молодой человек, за бумагу над собой держите? Руки не затекли? – весело прищурился владелец шубы.

– Свидетельство о моей смерти, – веско отозвался Филипп. – Так что с вами живой покойник говорит. Меня как бы нет. И я могу кому надо устроить самую настоящую финскую баню. И мне за то ничего не будет.

– Невиданные места у вас: каменная баба-оберег, покойник говорящий... Здесь чудеса: здесь леший бродит, русалка на ветвях сидит; здесь на неведомых дорожках следы невиданных зверей... – зябко проговорил мажордом с интонациями явно начавшего замерзать человека: ему уже очень хотелось назад, в благодатное тепло, где отличный коньяк, жаркий, разыгравшийся пышным огнём камин и прочее иное для полного удовольствия.

– А шуба у вас дорогая? – ни с того ни с сего спросил Филипп. Как есть ляпнул.

– Что вы сказали?! – поморщился мажордом.

– Ничего. Вам показалось...

Филиппу вдруг стало стыдно за всё плохое, несправедливое на этом свете. Гробовой до боли ощутил несвойственное ему до сих пор чувство: он тоже виноват по-своему, что жизнь изначально устроена неправильно. Но ничего никому не переделать никогда. Никаким прогрессом. Никакими лозунгами. И даже Великая каменная Баба, Мать матерей, в этом вопросе напрочь бессильна.

...Филиппа застрелили на Параскеву великомученицу. Как раз когда он с какой-то новой просьбой ходил к Бабе на курган. Хотя, не исключено, что Гробовой словил затылком шальной охотничий жакан, он же турбинка, рикошетом завернувший свой кручёный полёт в его сторону.

После недолгих поисков возможного горе-охотника дело закрыли распоряжением районного полицейского начальства – других забот не впрокорот. Младший лейтенант Юрка Протопопов было принялся настойчиво ходить по кабинетам следователей и доказывать, что с гибелью Филиппа Гробового истина так до конца и не прояснена. Мол, с такой тяжёлой свинцовой пулей разве что на медведя ходят или сохатого, каких здесь полвека уже не видать, а идти с ней на здешнюю тощую лису или отошавшего среди голых полей зайца, всё равно что молотом муху взяться пришибить. Однако все Юркины старания вскоре успокоили лейтенантские звёзды, вдруг упавшие ему на погоны. Протопопов повеселел, приободрился и с особым рвением окунулся ворочать новые дела...

– Нехорошо будет, когда рядом станут два надгробия одному и тому же человеку... – вдумчиво, строго проговорила Наталья, стоя перед похоронами на кладбище возле той первой могилы мужа с князевским пегим памятником из чёрно-серой мраморной крошки.

– Естественно... – хмыкнул Тимофей.

– А если... моего нынешнего Филиппа в другом конце кладбища похоронить? Я там такую красивую, такую стройную берёзку приглядела.

– Что в лоб, что по лбу, Наташа... – накосо, из-за ранения, дёрнулись губы Тимофея. – Тут нужно коренное решение. А какое?

Наталья судорожно всхлипнула:

– Дай закурить...

– Так ты же вроде этой гадостью не балуешься?! – даже отшатнулся Тимофей.

– Давай... И спички... Или жалко куревом поделиться? Эх, мужики, все вы жмоты. Что ты, что Князев ваш.

Дело в том, что на этот раз глава КФК на похороны не расщедрился. Только продукты выписал Наталье из своего ларька на поминки. А остатков лотерейных денег хватило лишь на гроб. Правда, и гроб оказался хороший, и Филипп лежал в нём фасонисто, с достоинством, словно ему наконец открылись все загадки земных бед.

– А ты знаешь, сосед, они у меня, мужья-то покойные, оба в один год и день родились! – вдруг тихо проговорила Наталья.

– Так давай мы их друг над дружкой под одним памятником и упокоим?... – вскинулся Тимофей. – Ещё и деньги на этом сэкономишь, которых у тебя нет. И мне копать по копаному легче будет...

Наталья оглянулась в сторону кургана, накрытого ранним зыбким снежком, и отчётливо, с силой перекрестилась. Потом перекрестилась с низкими поклонами на все четыре стороны. Особенно усердно в ту, где километрах в десяти от Забугорья третья сотню лет росло возвышался остепенённый каменной городьбою монастырь, и ту, где их каменная Баба лежала.

– Начинай... С Богом... Никто нас не осудит. А я до батюшки Петра пойду насчёт отпевания...

– Не забудь по пути нашей красавице степной копеечку кинуть... – строго напомнил Тимофей.

Наталья не отозвалась, уже набирала ход, налаживалась: идти в район до Богоявленского монастыря не час и не два, а время, не углядишь за ним, уже завернуло за полдень. А ноябрьские сумерки скорые, глухие...

Проза

Александр Тихонов

Александр Александрович Тихонов – родился в 1990 году в посёлке Большеиеречье Омской области. Живёт в городе Омске. Произведения публиковались в журналах: «Наш современник», «Роман-газета», «Молодая гвардия», «Сибирские огни» и др. Автор книги стихов «Облачный парус» (Омск, 2014), романов: «Охота на зверя» (М.: АСТ, 2016) и «Синдром героя» (М.: АСТ, 2017), соавтор научно-популярной книги «Сила Сибири. История Омского края» (Омск, 2016) и пьесы для детей «Волшебный планшет Джинна» (2017). Лауреат литературных премий: им. Ф. М. Достоевского (Омск, 2015), им. М. Ю. Лермонтова (Тарханы, 2015), «В поисках правды и справедливости» (М., 2016), «Русские рифмы» (СПб, 2018).

Дом на окраине

Отец Оли не вернулся с фронта, поэтому, когда в школе её сосед по парте Колька Воробьёв хвастался пистолетом, выструганным из дерева его отцом, девочку душила обида.

– Батя сказал, найдёт для меня работу в колхозе, – поведал однажды Колька, а Оля выбежала из класса и долго плакала, сидя на крыльце школы. Никто не мог понять, в чём дело, и директор Пётр Афанасьевич даже спросил, не Колька ли её обидел. Девочка отрицательно мотала головой, размазывая по щекам крупные солёные капли, и плакала, плакала, плакала...

Колькин отец вернулся, щеголяя медалями, а её папка остался лежать в германской земле на высотах со страшным названием Зеловские. Олю всегда пугало это слово, от которого, казалось, так и веяло могильным холодом.

Осенью она снова пошла в школу. Уговаривала маму разрешить ей работать на ферме, но та заявила, что сейчас для Оли главное – учиться.

– Папа гордился бы тобой, – шептала она, расчёсывая русые волосы дочери, и плакала. Совсем как Оля минувшей весной на крыльце школы. Слезы текли по щекам, а мама твердила срывающимся голосом: – Ничего, Оленька, ничего. Всё будет нормально. Ты, главное, Боженку попроси, помолись, а Он поможет, не оставит нас.

И девочка молилась. Однажды, когда она случайно сказала об этом тёте Тамаре с соседней улицы, та заявила, что, если бы Бог существовал, Он бы никогда не позволил стольким мужикам из их села сгинуть на войне. А раз уж похоронок пришло почти три десятка, то нет никакого Бога.

Но Оля молилась всё равно... Вечерами, забравшись по скрипучей лестнице на чердак, она долго вглядывалась в ночную тьму и молилась. Бог представлялся ей высоким крепким мужчиной в маршальском кителе. Он шёл по изрубленной осколками земле и отводил пули от советских солдат, выносил на себе раненых. Ей грезилось, что вот сейчас Бог дойдёт до той воронки, рядом с которой лежит её папка. Подойдёт, поможет подняться и скажет: «Живи, Иван Артемьевич. Ты нужен дочери». Она надеялась, что вот сейчас... Но когда Бог с лицом маршала Жукова уходил во тьму на поиски папки, девочка уже крепко спала.

Это был её Бог. Не тот странный, полураздетый мужчина на кресте, и себя-то не сумевший защитить, а маршал-победитель, который непременно вернёт ей отца.

В конце сентября, когда урожай на колхозном поле был собран и дети сели за школьные парты, Оля поссорилась с Колькой. Глупый мальчишка опять рассказывал всем, как хорошо его батя умеет стрелять из ружья и, дескать, именно поэтому он вернулся с фронта живым. Оле хотелось крикнуть: «Мой папка стрелял лучше! Он был охотником!» Но она лишь с обидой смотрела на вредного одноклассника и старалась не заплакать, а, когда Колька опять заговорил про отца, назвала его дураком и Гитлером.

Расстроенная, в слезах, она выбежала из здания школы и помчалась прочь. На окраине села остановилась перевести дух и разрыдалась. Опустившись на траву возле крайнего от реки дома, девочка несколько минут сидела, закрыв лицо ладонями. Когда слёзы наконец перестали сочиться из глаз,

Оля огляделась. Справа, сокрытое пеленой изморози, раскинулось село. Слева змеилась река, к которой по косоугору спускались картофельные поля.

А за спиной девочки высился старый бревенчатый дом. Он стоял на отшибе, заросший со всех сторон высоким бурьяном, с заколоченными окнами и ржавым амбарным замком на дверях.

Оля не помнила в лицо хозяина этого мрачного жилища. Она знала о нём лишь из маминых рассказов да из обычного трёпа Кольки Воробьёва. Мама рассказывала, что раньше в доме жил морской офицер с семьёй, но когда началась война, за офицером с семьёй прислали машину. Офицер и его домочадцы быстро скидали необходимые вещи в кузов грузовика и отбыли на одну из военно-морских баз. Колька же добавлял к этой истории, что офицер обещал вернуться в село, как только война закончится. Дескать, услышал об этом он от своего папки... от своего бати. Но, как бы то ни было, никто в дом на окраине не вернулся. Тщетно осенние дожди стучались в запёртые двери, барабанили по заколоченным окнам. Дом, словно верный пёс, ждал своих хозяев.

Оля поднялась с травы, отряхнулась, вытерла краешком платка вновь проступившие слёзы. Она была как этот дом – ждала отца, спустя долгие месяцы, и верила до последнего.

Раздвигая траву, она подошла вплотную к стене дома. Старый, некогда добротный сруб уже давно просел, врос в землю, и теперь окна, до которых Оля раньше не смогла бы допрыгнуть, находились на уровне её лица.

«А может, это я выросла?» – мелькнуло в голове, и девочка слабо улыбнулась.

Оля подумала, что, будь ставни открыты, она смогла бы без труда заглянуть в окно, даже не приподымаясь на цыпочках. Просто подойти и заглянуть. Осторожно коснулась прогнившей рамы и только теперь поняла, что стоит перед застеклённым окном, а вовсе не перед почерневшим от времени деревянным щитом. Да и стёкла в окне были не грязные и мутные, а чистые, словно только сегодня их омыл дождь или кто-то бережно протёр тряпицей.

Это было странно, но Оле вдруг больше всего на свете захотелось заглянуть через окно в старый дом морского офицера. Так она и сделала. На мгновение зажмурилась, будто боясь, что всё это – лишь наваждение, а потом резко распахнула глаза, и её дыхание же перехватило от восторга. Перед окном стоял большой, накрытый клеёнчатой материей стол, на котором лежало бесчисленное множество морских раковин, стояли всевозможные статуэтки.

– Здравствуй, – прозвучало со стороны сеней.

Оля вздрогнула и обернулась. На крыльце стоял невысокого роста полноватый седой старик.

– Я думала, тут всегда закрыто, – растерянно прошептала девчушка. – Всегда было заколочено. Ещё с начала войны...

– Сейчас я тут живу, – добродушная улыбка озарила лицо собеседника, отчего в уголках глаз появились паутинки морщин. – Понравилась ракушки? Видела когда-нибудь такие?

Оля отрицательно мотнула головой.

– Если хочешь, можешь зайти и послушать, – смилостивился старик.

– Послушать? – удивилась Оля, стирая с лица последние слёзы. – Это как?

– Говорят, там можно услышать шум моря, – заговорщически произнёс дед. – Заходи.

Оля вслед за стариком прошла через сени в просторную светлую комнату и ахнула. Все стены комнаты были увешаны разнообразным оружием: большие кованые мечи в узорных ножнах, тяжёлые палицы, грозного вида винтовки с аккуратными складными прикладами. В углу покоился огромный круглый щит, и стояли, прислонённые к стене, копьё с тяжёлыми каменными и металлическими наконечниками.

– Ого! У вас тут настоящий музей. Как в городе...

– Нравится?

– Очень, – девочка заворожённо разглядывала развешанные по стенам картины.

На одной был изображён мужчина в пиджаке на фоне трёхцветного полотнища. Чем-то этот худощавый лысоватый дядька напомнил Оле товарища Ленина, но она предпочла не говорить об этом хозяину дома.

Вторая картина была и вовсе фантастичной – заснеженная площадь, мавзолей с надписью «Ленин», а вокруг – люди в странной одежде, сжимающие в руках небольшие прямоугольные предметы, напоминающие портсигары.

– Это Москва, да?

– Москва, – кивнул хозяин дома. – Красная площадь. Январь две тысячи...

Он осёкся и замолчал.

– Хороший художник, – заполнила неловкую паузу юная гостья, – но люди какие-то...

– Какие?

– Не такие какие-то. Все грустные и, по-моему, злые...

– Да, люди там не те, что прежде, – хмыкнул старик. – Это фотограф... ну, то есть художник и пытался показать.

– А вот этот, – девочка указала на портрет мужчины, в котором отыскала сходство с товарищем Лениным, – как Владимир Ильич, но без бороды.

Дед засмеялся.

– Вроде того. Всё в жизни повторяется – и партия и вождь. Ты будешь море слушать?

Оля кивнула.

Старик прошёл через комнату, взял со стола небольшую сине-зелёную ракушку и подал девочке. Та прижала ракушку к уху, затаила дыхание. Из недр морского сокровища донеслись резкие, хриплые звуки, будто кто-то быстро-быстро колотил палкой по плотной ткани.

– Это море? – удивилась девочка.

– Наверное, я не ту тебе дал... В этой вертолёт, – пояснил хозяин дома, принимая ракушку из рук ребёнка. – Ка пятьдесят два... Но это не важно.

Он замолчал, потом сказал словно сам для себя:

– Это ещё не скоро. Странно, вроде море было в этой... Или там теперь тоже стреляют?..

– А другие ракушки? Там тоже ирталёт?

Дед встрепенулся:

– Что?.. А, нет... В каждой что-то своё. Я даже сам не знаю, что в некоторых. Но в какой-то из них точно было море. Просто море. Я помню...

Оля взяла со стола большую яркую ракушку и принялась вслушиваться в доносившиеся из её утробы звуки.

– Тут тихо, – наконец произнесла она со вздохом. – Нет моря. И ирталёта нет.

Старик бросил на ракушку холодный цепкий взгляд, потом поглядел на девочку и вымученно улыбнулся.

– Это тоже не скоро... Там нет ничего... потому, что ничего не будет.

– Где? – не поняла Оля.

– На Земле, – уклончиво ответил старик. – Но это будет ещё очень не скоро. После войны.

– А вы тоже с войны?

– Я видел много войн, – хозяин дома помрачнел.

Казалось, спроси его сейчас о виденных им войнах, и он не выдержит, расплачется.

– А как вас зовут? – неожиданно даже для себя спросила девчушка.

– Пётр, – старик приосанился. – А тебя зовут Оля.

– Откуда вы знаете?

– Я многое знаю. – Пётр с прищуром поглядел на ребёнка. – Раз уж море тебе послушать не довелось, может, тебя хоть чаем напоить? Будешь чай?

– Если можно... – растерянно пролепетала девочка.

– Можно, – дед Пётр улыбнулся. – Ты пока смотри тут всё, но руками не трогай. А я чай вскипячу.

Оля кивнула и вновь погрузилась в созерцание завораживающего великолепия. Сначала она долго рассматривала изящную статуэтку женщины с рыбьим хвостом, затем увидела на столе странную фигурку из жёлтого металла, изображающую мужчину в длинной, похожей на платье одежде. Оля улыбнулась, представив на миг, как вот в такой же нелепой рясе заходит в класс её сосед по парте Колька Воробьёв. Она засмеялась, хотела взять статуэтку и рассмотреть со всех сторон, но вовремя вспомнила, что дед Пётр запретил трогать предметы руками. Тогда она подошла к другому краю стола и принялась разглядывать большую золочёную корону, острые зубцы которой были усеяны красными, зелёными и голубоватыми камнями. Искрящиеся камушки так увлекли Олю, что она на время забыла и про бестолкового Кольку, и про деда Петра, который ушёл кипятить чай. Лишь чарующий блеск был ей важен и интересен.

Заскрипели половицы, и из соседней комнаты появился хозяин дома, неся с собой два стакана с чаем.

– Не часто ко мне гости заходят, – Пётр поставил стаканы на краешек стола, принёс два табурета и, сев на один из них, пристально посмотрел на Олю. – А ты чего плакала-то?

– Когда? – девочка провела ладонями по щекам, чтобы удостовериться, что её слёзы не видны.

– Когда возле дома сидела. Я в окно видел.

– Просто плакала. Грустно потому что. – Оля старалась не встречаться взглядом со стариком. Подтянула к себе стакан с чаем и вдохнула необычный аромат напитка.

– С бергамотом, – заметив её удивление, объяснил Пётр. – Из пакетика, правда, но уж какой есть. Он немного помолчал, потом добавил:

– Я же тебе говорил, что многое знаю. Вот и про папку твоего мне тоже известно. О нём плакала, да? Девочка с тоской взглянула на собеседника.

– Он на войне погиб, – сказала она так тихо, что, казалось, Пётр не услышит, но он услышал.

– Так бывает.

– А вы верите в Бога? – внезапно спросила Оля и сжалась, боясь, что сейчас дед начнёт кричать: «Бога нет!», как это обычно делал председатель. – Мама сказала, надо Боженьке молиться, и всё будет хорошо.

– Верю ли в Бога? Верю, – в больших печальных глазах старика блеснули слёзы. – Твоя мама правильно говорит.

– Папка в раю, да?

Пётр залпом допил оставшийся чай и кивнул. Больше девочка ничего не спрашивала. Она прилёбывала странный напиток и попеременно глядела то на причудливые ракушки, то на хозяина дома.

– Тебе пора, – ещё раз посмотрев на молчащую ракушку, хрипло сказал старик.

Оля послушно поднялась и направилась к двери. Она не хотела уходить. Сколько невысказанных вопросов! Сколько тем для разговоров! Но, послушная тихому голосу Петра, шагнула в сени, а затем – на крыльцо.

Пётр подождал у дверей, пока девочка свернёт на тропку, ведущую в село, прошёл в комнату и опустился на табурет.

– Всё войны, смерть, слёзы, – прошептал старик. – Что же вы делаете, люди?! Дом отозвался давящей тишиной.

Старик взглянул на часы. Электронный хронометр «Монтаны» показывал «16:40». Пора...

В очереди за хлебом успокоит он старушку, потерявшую сына при штурме Грозного, выпьет со старым солдатом, единственного сына которого привезли в цинковом гробу из Кандагара. А потом – туда, на опалённый войной Кавказ, где человек по фамилии Лермонтов просит Спасителя избавить Россию от войны.

Не поверит никто в рассказ девочки Оли о старике. Да и не будет через двадцать минут в доме ни статуэток, ни мечей, ни ракушек, из которых доносится стрёкот автоматных очередей и рёв работающих по мирному Цхинвалу установок «Град». Ничего не будет. Останется лишь на окраине села пустой старый дом с заколоченными окнами, хозяин которого не вернулся с войны. Пётр появится в другом месте и в другое время, там, где он нужен, чтобы поддержать тех, кого не обошла стороной война. Это его работа и его крест.

По весне

Дачный посёлок по весне напомнил ему заброшенное кладбище: заросшие бурьяном, заваленные прошлогодней ботвой участки. Вместо поваленных оградок – поломанный штакетник. Илья Иванович знал хозяев доброй половины здешних дач. Вон там ещё не до конца растащенный на кирпичи двухэтажный домина без крыши – дача советского чинуши, тяжело заболевшего в девяностые и умершего в начале двухтысячных. Ну и куда ему двухэтажное дачное надгробие? С собой забрал? А таких вот дач без хозяев или с новыми хозяевами с каждым годом всё больше. Идёшь себе по аллее, видишь за кустами людей в спецовках, жгущих старую ботву, кричишь им:

– Звягины!

Оборачиваются, а это не они.

– А Звягины тут уже не сады, мы дачу купили, – говорит кто-нибудь из новых хозяев.

Остаётся лишь протянуть тоскливое: «Извините, обознался...»

Как на всяком кладбище, встречаются целые домики, аккуратно побелённые, с целыми дверями, относительно ровными заборами. Тут явно рачительные хозяева. «Родительский день» для двухтрёх поколений начинается в мае и длится до октября.

Работавший до выхода на пенсию водителем автобуса, Илья Иваныч частенько вспоминал, как летом ему доверяли дачный маршрут. В восьмидесятые было много молодёжи, спешащей на дачу. В девяностых – сплошь старушки. Теперь же контингент разный, но в основном все люди моложе пятидесяти пересели на машины и добираются своим ходом. Скучно стало ездить в дачном автобусе с такими же, как он, стариками, все темы разговоров с которыми уже измусолены, аки вставная челюсть. Хотелось поговорить с кем-то помоложе, узнать новости, понять, чем дышат люди на десять-двадцать лет старше его.

Прогулка по разорённым дачам без попутчика – полезное в физическом плане, но беспросветно тоскливое занятие. Домишки, похожие на брошенные скворечни, почерневшие, иссохшие калитки, наспех перехваченные проволокой, скрипящие на ветру.

Сегодня Илье Ивановичу повезло. Параллельно ему по соседней аллее шла женщина лет пятидесяти, вела в руках велосипед. Илья узнал её и кинулся через ближайший проход между дачами навстречу.

– Игнатова, – замахал руками, – Петровна!

Женщина остановилась. Поправила сползшую на глаза косынку, прищурилась, пытаясь понять, кто позвал её по отчеству.

– На дачу, да? – уже шёл к ней старик, понимая, что нашёл себе попутчика.

– А! – наконец признала его женщина. – Иваныч... На дачу, куда ж ещё. Надо хоть посмотреть, что с избушкой, забор подлатать. Говорят, опять по дачам лазали.

– Лазали, – со знанием дела подтвердил Илья. – Я зимой ходил тут: заборы поломаны, в домиках все двери нараспашку.

– А что тут искать-то? Уже весь металл, какой был, разворовали.

– Это да... А они на пакость теперь. Моя вон в избушке по осени всё прибрала, коврик старый постелила, кровать заправила. Шторочки там всякие. Всё перевернули, аж тошно. Хоть ничего не делай. Ещё столбы металлические повыдирали.

– Да, – закивала Игнатова, – точно. Ко мне сын приезжал прошлым летом, я ему говорю: «Давай все металлические столбы вытащим и заменим на деревянные, чтобы никто забор не поломал, если придут за металлом». Он пытался-пытался их раскатать, убил день на один столб. А эти махом все восемь выдрали. Силы, видать, много.

– Это они по весне, пока земля оттаивает. В это время столбы как по маслу выдёргиваются. Я вон тоже хочу весь металл к чёртовой матери сдать, чтобы не лазали. Так ведь не отвадишь! Будут каждый год забираться, что-то искать. Моркошка подрастёт – выдерут, лук – туда же.

– Во-во, – дачница закивала. – Мы надрываемся, дачу уноваживаем, сорняки выпалываем. А они пойдут, продадут, на бутылку заработают и радуются жизни. Я тут на рынке прошлым летом с одной ругалась. Пьянчуга с пристани. У неё дачи отродясь не было. Всю жизнь бичевала, сколько её помню. А тут сидит, «викторию» продаёт. Я подхожу: «Откуда клубника?» – «С дачи», – отвечает. Я говорю: «С чьей дачи?» – «Да с моей». Я говорю: «Ах ты, бесстыжая! Нет у тебя дачи». У кого-то наворовала и торгует сидит.

– Всё так. У меня родственники однажды, пару лет назад, приехали на поле картошку копать, а там какие-то крепкие ребята уже половину поля опростали и копают, как будто так и надо. Они с вопросом: «Вы какого чёрта тут делаете?» Те отвечают: «Наше поле!» Родственники мои: «Нет, наше!» А один из бугаёв такой: «Иди, старпёр, отсюда подобру-поздорову, пока не прикопали». Ну, он и сел со своей бабкой на пустые мешки.

– И чего?

– Ничего. Подождали, пока те ребята в машину к себе урожай покидали и уехали, тогда только оставшуюся половину начали выкапывать. Мало ли, дураков хватает. А вдруг и правда пришибут там же на поле. С них станется – лопатой по затылку, и всего делов.

Соседка энергично закивала:

– И ведь не сделаешь ничего.

– Можно пугнуть или попробовать поймать, но... сама знаешь, что потом будет. Кого виновным выставят? Хозяина.

– Это да... Илья Иваныч, а ты не надумал ещё дачу бросать? – вдруг спросила собеседница.

– С чего бы? – пенсионер даже остановился.

– Ну, мало ли. Дети и внуки уже выросли, в большом городе живут. Вам с супругой много ли надо? Всё в магазинах можно купить.

- Да тут такое дело... Ты, Петровна, когда на пенсию?
- Через два года.
- Во-от... С работы уволишься?
- Уволюсь, наверное. Зарплату сокращают всем, так что за копейки днями работать – нет уж, пусть будет пенсия по минимуму, проживу.
- Дача поможет?
- Ну, конечно, – женщина расплылась в улыбке. – Всё-всё! Поняла, для чего тебе дача.
- Не только. Ещё этакое лекарство от скуки и тоски. Сидеть дома неохота, а дача и время занимает, и едой обеспечивает.
- Вот и Анна Викторовна Самарцева, – Игнатова кивнула в сторону одной из дач, калитка которой была распахнута, а возле домика стояли вилы и лопаты, – до чего божий одуванчик, а всё туда же, к земле... Ну, в смысле, к даче.
- Да ладно, все мы к земле тянемся, – усмехнулся Илья, – поздороваться бы надо с одуванчиком. Собеседница кивнула и тут же громко, звонко, по-девчоночьи закричала:
- Анна Викторовна! Вы тут?
- Из домика выглянула немолодая женщина. Худая, с маленьким морщинистым лицом, недовольно посмотрела на бредущих по аллее людей.
- Чего вам надо?
- Ой, извините... – Игнатова смутилась, – я думала, Анна Викторовна на даче работает.
- Умерла она. Ещё по осени, – бесцветно отозвалась женщина и снова скрылась в домике, застучал молоток.
- Илье на ум тут же пришло странное сравнение: вот строили люди себе гнёзда, вили их. У кого-то простенькая избушка из фанеры, тонкая и лёгкая, как птичье гнездо, у кого-то – добротный скворечник. А теперь живут там совершенно иные птицы. Кто-то вырубит старые ели и сосны, посаженные первыми владельцами дач лет тридцать назад, лягут под топор яблони и вишни, на место которых посадят что-то новое. Каждый будет менять окружающий мир под себя. И так станет из года в год, из века в век меняться этот самый окружающий мир, ничего постоянного не оставляя.
- Извините, женщина... – широко улыбаясь, Илья Иванович шагнул к забору и громко добавил: – Можно вас отвлечь на секундочку?
- Неприветливая хозяйка «скворечни» вновь показалась на крыльце, на этот раз с молотком в руках.
- Ну?
- Меня Ильёй зовут. Илья Иванович. Мы с вами теперь соседи.
- И что? – в голосе новоявленной соседки отчётливо различалось раздражение.
- Просто, – старик развёл руками, – хотел познакомиться. Мало ли...
- Неловко развернулся, пошлёпал по грязи к стоящей поодаль спутнице.
- Анна, – ткнулся в спину растерянный окрик. – Меня Анна зовут.
- Обернулся, посмотрел с прищуром.
- Вы извините, что я с вами так, просто мама... – И заплакала.
- Это вы нас извините, – Илья примирительно выставил перед собой ладони, попятился к велосипеду.
- Что это с ней? – не поняла Игнатова.
- Илья Иванович хмыкнул:
- Пойдём-ка отсюда, Петровна.
- Это ты её, что ли, довёл?
- Нет, не я. Это она сама себя... – и пошёл по аллее.
- Спутница догнала старика минут через пять:
- Да кто она такая?
- Дочка Анны Викторовны, – на ходу бросил Илья Иванович, – старшая.
- Это которая в Германию уезжала?
- Да.
- Вернулась, получается... А почему она плакала?
- Мать умерла, – буркнул Илья.
- Так мать-то давно умерла.
- Старик вдруг остановился как вкопанный, и Игнатова едва не налетела на него.
- Ты чего, Иваныч?

Старик запрокинул голову, взглянул на небо, подёрнутое лёгкой рябью облаков.

– Скворчки... Слышишь? Поют, свистят.

Женщина прислушалась, едва различила редкое птичье посвистывание.

– Вот пришла она на дачу, – тем временем продолжал Илья Иванович, – зашла в избушку, а там всё как при матери: на столе перчатки рабочие лежат, на крючках вдоль стен спецовки...

– Ты это о чём?

– О жизни, Петровна. О жизни...

На кой

Андрей и Нина смолоду жили в своё удовольствие. Детей не заводили, предпочитая платить налог на бездетность, а зарплату тратить на себя. Красивая одежда, поездки по Союзу. Оказалось, без обузы в виде вопящих отпрысков жизнь красива и беззаботна. Да и сами они были как та жизнь – красивые, беззаботные, молодые. Годы шли, но родительский инстинкт, о котором так часто писали в журналах, не появился.

«Дети? – улыбался Андрей. – А на кой они мне?» Аргументы вроде «это же твоё продолжение» отметил тут же. Со временем сверстники и соседи женились, разводились, рожали детей, нянчили внуков. Жизнь вокруг кипела, но какая-то иная, сюрреалистическая. Пелёнки-распашонки...

Выходя во двор, Андрей привычно закусывал папиросу и по дуге огибал бельевую площадку, где трепыхались отбелённые простыни и детские чепчики.

– На кой они мне, дети?..

Годы шли. У сестры Андрея, Веры, родился сын. Поздний ребёнок, Вере на тот момент было за сорок, ей не советовали заводить детей в этом возрасте. Но она хотела.

– На кой он тебе? – спрашивал брат, дымя «Примой».

Но Вера тогда ответила, что ребёнок – это она сама, начавшая жить сызнова. Мужа у неё не было. Кто стал отцом ребёнка, неизвестно. «Сама родила, для себя», – говорила она брату. Он же считал, что Вера немногим отличается от него самого. Сам для себя – вот и всё, чем жил и на что ориентировался он и его супруга Нина. Только у Веры ребёнок – дитяtko, а у него с женой – машина, купленная на сэкономленные деньги.

Со временем начала пробиваться седина, Андрей оплыл, а супруга, в прежние времена стройная и красивая, начала неуклонно превращаться в сухую морщинистую старуху. Вещи они по-прежнему носили самые модные, жили лишь собой.

Почему-то начинались ссоры. На пустом месте. «Прожили тыщу лет, – думала Нина, – и вдруг цапаемся». А цапались по пустякам, ругались вдрызг, с битой посудой, красными от слёз глазами. Пару раз Андрей уходил ночевать в гараж, где у него был припасён антистрессовый шкалик.

– Это потому, что у вас детей нет, – сказала как-то Вера. Её сыну, Максимке, тогда было пять. Начались девяностые, и он качался на жалобно скрипящих советских качелях, тронутых ржавью, в великоватой футболке с американским флагом. Андрей и Вера стояли чуток поодаль, наблюдая за мальчуганом.

– А на кой мне дети?

– Вы друг друга любить устали, – натянуто улыбнулась Вера.

Она располнела, стала носить уродливые круглые очки, а вечно распушенные, порой вопреки приличьям, волосы остригла коротко, и они торчали ёжиком.

– А был бы ребёнок, думаешь, лучше было бы?

– Бы, да кабы... – она взглянула на мальчика, раскачивающегося на качелях. Футболка с заморским стягом трепыхалась на худом тельце, – в ребёнке ты себя видишь, учишь его, чтобы твоих ошибок не повторял, душу в него вкладываешь.

– А на кой? – это был уже не вопрос, а постоянная присказка, которой Андрей отгораживался от неудобных речей собеседников.

Он не понимал, зачем жене нужно рожать ребёнка, толстеть, дурнеть, а ему покупать для мелкого спиногрыза пелёнки.

– Андрюха, ты на рыбалку поедешь?

– Нет, у меня ребёнок температурит.

Мог ли он представить подобный диалог? Конечно, нет.

Правда, что уж теперь – обоим за пятьдесят, детей нет и не будет.

Они ругались всё чаще. Нина начала выпивать. Сначала втихую, с подружкой юности, у которой в Чечне погиб сын, потом одна.

– Ну и на кой нужны эти дети, если их потом убьют? – бросил как-то Андрей после очередной ссоры.

Жена зацепилась за сказанное:

– Да что бы ты понимал...

Он встрепенулся:

– Так ты что, ребёнка, что ли, хотела?

Она пожала плечами. Сухие, бесслёзные глаза смотрели не на мужа, а куда-то сквозь него, в невозвратную юность, когда подруга детства качала на руках своего маленького Вадика, позже погибшего в пылающем Грозном, а сестра мужа счастливо улыбалась, обнимая тонкими ручонками объёмистый живот. Живот она называла Максимом.

С соседями жили дружно. Кирпичный пятиэтажный короб замыкался на небольшой дворик, в котором целыми днями играли детишки, чинили машины отцы семейств, вывешивали бельё счастливые и несчастные дочери, матери, бабушки. В квартире над Андреем жила семья с маленьким ребёнком. Пацану было не больше лет, чем племяннику Максиму. Он постоянно бегал по квартире, вопил, громыхал игрушками, отчего Андрей раздражался.

– Ну чё этот мелкий скачет, как сайгак? – зло шипел он, когда ребёнок в очередной раз топал над головами стареющей пары.

Жена не поддерживала его праведный гнев. Она вообще угасала.

Свой «Москвич» Андрей продал, точнее, обменял на продукты. Годы были не то чтобы голодные, но, вышедший на пенсию, он слабо представлял себе, как можно прожить на скудные копейки, которые платили с немалой задержкой. В пустом гараже вечерами гнали с соседом самогонку, пили её там же, не давая продукту наполнить ёмкость больше стакана.

В один из таких вечеров, пьяный в дым, Андрей вернулся домой и обнаружил у подъезда скорую помощь. Жену тогда увезли в реанимацию и едва отходили, но сама она с тех пор ходила лишь по квартире. Ноги отказывали.

Сам он тоже растерял здоровье – начал всё чаще болеть, потом вдруг, внезапно, был поставлен перед фактом – нужно ампутировать ногу и делать ряд болезненных операций. Двухтысячные ворвались в их жизнь чередой болезней. Андрей передвигался с трудом, как и супруга.

– В живот вставили трубку, чтобы я мог по нужде это самое... На кой так жить? – жаловался он. И пил всё больше, чтобы заглушить дикую боль. Пила и жена. А потом, напившись, они орал друг на друга, пока, осипшие, измученные, не засыпали.

– Знаешь, говорят – «бобыль». Вот вы с Ниной – бобыли, – сказала Вера, зашедшая как-то проведать брата.

Максим ждал её в машине. Выглянув в окно, Андрей не узнал племянника. Крепкий темноволосый парень за рулём белой иномарки. Совсем как он когда-то. Вот такой же мальчик мог быть его продолжением, мог ездить на его «Москвиче», который не пришлось бы продавать. Да ладно, ездил бы он! Продавал бы «Москвич» и купил себе что получше.

– Чё это мы бобыли? – вместо согласия, выдал он желчно и зло.

– У вас кроме квартиры ничего нет, – сказала сестра, – вот сляжете – кто будет помогать? Кто стакан воды...

Дальнейшее Андрей знал. «Кто стакан воды поднесёт...» и прочие речи его бесили.

– А не надо мне воды... Ты сама на кой мне это говоришь? Хочешь квартиру оттяпать?

Тогда сестра обиделась, ушла, заглядывала потом пару раз, но и только. В завещании Андрей и Нина оставили пустую строку на том самом месте, где должно было значиться имя наследника. Поэтому, как лиса вокруг кувшина, ходила медсестра-сиделка, поэтому частенько заходили булдыри-соседи и внезапно образовавшиеся невесть откуда родственники.

– Я медсестричке всё отпишу! – орал пьяный Андрей, когда соседи отказывались принести ему водки.

– Всё соседу отдадим! – шамкала беззубым ртом Нина, когда сиделка ставила ей особенно болючий укол.

Так и жили – бобыли, каждый в своей скорлупе, в своих мыслях. Боли становились сильнее, мысли чернее и жгли порой сильнее боли физической. В пропахшей старостью и мочой квартире даже зеркала отражали стариков с неохотой. Они были одни. Каждый одинок, и ещё более одиноки вместе.

На новогодние праздники родственники позвали к себе. Позвали про-формо, ведь знали прекрасно, что старики не смогут выйти из дому, не то чтобы ехать на другой конец города. Незадолго до главного праздника перед подъездом многоквартирного дома появилась прислонённая к стене крышка гроба.

Хоронили Андрея под новый год. Тридцать первого декабря на окраине кладбища вырыли в мёрзлой земле могилу, опустили присыпанный снегом гроб. Провожать старика в последний путь пришло человек двадцать – соседи и медсестра-сиделка. Его жена – тяжелобольная, лежащая, не нашла в себе сил присутствовать на кладбище.

– Отмучился, – говорили мужики, опускавшие гроб на дно могилы. С заиндевелыми бородами, покрасневшими на морозе лицами они напоминали былинных богатырей.

– Отмучился, это верно...

– А Нина Сергевна как?

– Да... тоже недалёк её день. Что-то бурчит себе под нос...

Три месяца отвёл Господь Нине. Сиделка, не отходившая от неё последнее время, уверяла позже, что старуха совсем спятила. Просила позвать детей. Говорила, что они живут в другом городе и должны приехать на её похороны, привезти внуков.

– Внуков хочу увидеть перед смертью, – говорила и блаженно улыбалась.

В конце марта рядом с могилой Андрея вырос второй холмик. Как рассказывали соседи, квартиру старуха отписала Вере и её сыну. Кое-какие вещи завещала сиделке, но и только. На Родительский день прибираться на могилки приходит постаревшая, грузная Вера и высокий подтянутый парень – её сын. Иногда подходит к ним поговорить подруга Нины – та самая, сын которой похоронен на соседней аллее.

Седой

(Из цикла «Осколки»)

Основано на воспоминаниях моего деда, Тихонова Петра Александровича, старшины медицинской службы 89-й тяжёлой гаубичной артиллерийской бригады разаружения РККА

Санька с отцом управились лишь к вечеру, когда холодные сентябрьские сумерки зализывали закатную рану. Заглянув в наполненный под горловину мешок, с трудом можно было различить ровные продолговатые картошины. «Поросята», как называла их мать Саньки, «лапти» – так именовал отец.

За день они вдвоём выпластали половину поля и теперь, присев на картофельную ботву перевести дух, поняли, как отяжелели, освинцовели ноги, а пальцы на почерневших, изжёванных мозолями руках перестали сгибаться.

– Дождь собирается, – жуя травинку, сообщил Санька, – успели бы наши приехать, а то вся картошка промокнет.

Его отец – невысокий кудрявый мужик в заношенной солдатской гимнастёрке навывпуск хлопнул ладонями по коленям:

– Ну, Санька, рессиживаться некогда. Давай оставшуюся картошку собирать, – он зашагал меж кучами ботвы, словно по полю боя, перепыханному взрывами.

Отец, это Санька точно знал, был ранен во время войны и контужен, потому каждый раз, когда старшина медицинской службы Пётр Скворцов надевал гимнастёрку, паренёк становилось не по себе. Отчего, он и сам не мог понять. Может, было страшно за отца, прошедшего с боями всю войну и оставшего запись на стене рейхстага. А может, он жалел себя – родившегося через восемь лет после Победы. Жалел, что не мог помочь отцу тогда.

Пока мальчик раздумывал, наблюдая, как с востока тянет кургузую, иссиня-чёрную грозовую тучу, отец собирал картошку в вёдра, ловко ссыпал в мешки и тащил их через поле. Саньке казалось, что отец несёт раненых. Под обстрелом, сквозь кровавый кошмар. А рычит и храпит за спиной старшины вовсе не вечерняя гроза, но эхо канонады.

– Ну, чего расселся? – весело подмигнул сыну Пётр. – Давай хоть тряпки раскинем, накроем мешки, чтобы не залило совсем.

– Можно ботвы сверху накидать, – подсказал Санька и, гордый своей сообразительностью, потащил к мешкам мясистый бот.

– Накидай немного, – согласился отец. – И куда это они пропали? Можно уже пять раз всё скидать и вернуться!

Соседи, увёзшие в село часть урожая, уже должны были возвратиться, но их всё не было. Санька без труда читал на лице отца раздражение, да и сам переживал, успеют ли до дождя. Ему жутко становилось от одной мысли, что вместо вечерней баньки придётся рассыпать в сарае картошку для просушки. Пока отец завязывал мешки, Санька взглянул на ополовиненное ими поле, тянущееся к ослепительно-жёлтой даже в сумерках берёзовой рощице. Ещё денёк хорошей, тёплой осени, и урожай будет собран.

– Батя, там Седой, – указал в сторону роши мальчик.

Худенькая пега лошадёнка тянула телегу с таким же худым, бледным мужиком. Тот, облачённый в просторный плащ с капюшоном, погонял лошадь, норовисто сходящую с накатанной дороги на травянистую обочину. Мужичка, тонувшего в глубинах объёмистого плаща, ни с кем нельзя было спутать – из-под капюшона выглядывали пряди белых волос, будто прихваченных первыми заморозками.

Пётр прищурился, стараясь разглядеть возницу, потом зло сплюнул:

– Этот ещё...

Неприязни отца к Седому Санька не понимал. Сёстры рассказывали, что сосед служил во время войны у немцев, но в девчачьи байки мальчик не верил.

– Здравсьте, Пётр Алексаньч, – поравнявшись со Скворцовыми, приветственно замахал им Седой. – Давайте помогу мешки вывезти. Всё равно почти налегке еду.

Отец ничего не отвечал. Молча стоял возле своего урожая, стиснув зубы, потом вдруг с затаённой яростью ответил:

– Не нужно, за нами сейчас приедут.

Седой пожал плечами:

– Ну, как знаешь... Хорошо бы, побыстрее приехали, а то вон буря надвигается.

И поехал в сторону села. Там уже зажигались огни, и ветер приносил едва различимый собачий лай.

– Он же мог нас довести, – изумился Санька. – Почему ты не согласился?

Отец с минуту молча смотрел на сгущающиеся тучи, потом сказал:

– Я ему руки не подам, не то что помощь от такого принимать.

Мальчик лишь хлопал густыми ресницами, ничего не понимая.

– Он полицаем был, – пояснил отец, – во время войны. Жил где-то на Украине с матерью, когда немцы пришли.

– Так его потом не расстреляли?

Пётр горько усмехнулся.

– Как видишь... Они перебрались сюда после войны. Я когда с фронта пришёл, даже работал с ним на складе. Думал, он нормальный... А потом приехали двое в штатском, начали по селу ходить, выспрашивать. «Кто, – говорят, – этот человек, чем занимается, что рассказывает о военных годах?» Потом оказалось, что Седой полицаем был. Его – в машину, и повезли. Год прошёл, второй. Мать уже и ждать перестала. Двор зарос крапивой, запаршивел. Она, Санька, помирать собралась, когда Седой вернулся. Лет через пять после ареста, а то и через шесть.

– Выпустили? – опасливо оглядываясь на тучу, вспухающую розовыми высверками, спросил мальчик.

Отец кивнул:

– Он потом перед нами повинился, что сам никого не убивал, а на допросах всё рассказал про убийц, которые тоже улизили от правосудия. Его и отпустили. Правда, крепкий мужик вернулся больным, разбитым и седым как лунь. С тех пор его все Седым и кличут... Давай-ка ещё ботвы сверху накидаем.

Отец тяжело поднялся с мешков, захромал к куче. С ним такое бывало часто, – Санька не раз видел, как в пору непогоды отец, сжав зубы, терпел непреходящую боль. «Фронтные раны дают о себе знать», – говорил он и натянуто улыбался, чтобы не испугать ребёнка.

Начинало накрапывать. Тяжёлые холодные капли срывались с кромки замусоленной тучи и ударяли в комковатую, сухую землю.

– А может, он и правда не убивал никого?

– Предателю не обязательно стрелять, – сказал отец и взглянул из-под руки на змеящуюся к селу дорогу. Там, в оседающей пыли, показалась соседская телега. Поравнялись с бывшим полицаем. Худой детина приветственно помахал, но соседи не ответили, и Седой поехал в село. А дождь шёл за ним. Затяжной, обложной, несущий недели непогоды.

Предателю не обязательно стрелять...

Проза

Александр Евсюков

Александр Владимирович Евсюков – прозаик, критик. Родился в 1982 году в городе Щёкино Тульской области. Выпускник Литинститута (семинар М. П. Лобанова). Публикации прозы, стихов и критики в журналах: «Дружба народов», «Наши современники», «День и ночь», «Роман-газета», «Октябрь», «Нева», «Подъём» и др. Проза переведена на итальянский, армянский, болгарский и польский языки. Лауреат ряда литературных премий, в том числе российско-итальянской премии «Радуга» (2016), Российско-болгарского литературного конкурса (2017), премии «В поисках Правды и Справедливости» (2018), Международного литературного Тургеневского конкурса «Бежин луг» (2018). Обладатель диплома и золотого диплома IX Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» в номинациях «Проза» и «Славянское литературоведение» (2018). Автор книги «Контур легенды» (М.: Русский Гулливер, 2017). Живёт в Москве.

Лодка Саныча

Рассказ

Саныча к нам, первокурсникам Литинститута, подсадили вечером, всего через полчаса, как третья койка в комнате освободилась. Так подкидывают надоевший хлам, о который устали спотыкаться.

Он вошёл после короткого стука с угрюмой усмешкой и, покачиваясь взад-вперёд, пробурчал невнятное приветствие. Из-за его спины маячило озабоченное лицо коменданта общежития. Тот внушительно кивал, подтверждая легальность данного вселения, а затем, не переступив порога, поспешно удалился. Саныч медленно дошагал до своего нового места и, задев тумбочку, подставил к ней потрёпанный жизнью чемодан.

– Я на две ночи, – то ли пригрозил, то ли успокоил он сиплым голосом. Уже неважно – до конца сессии нам оставалось всего два дня. Не дождавшись ответа, Саныч принялся напевать какой-то неведомый нам, но смутно напоминавший о блатной романтике мотив.

Мы с соседом Геной переглянулись, осознавая, что влипли. За неполную неделю своего пребывания в общежитии Саныч менял уже третью комнату. В Москву он якобы приехал по важным делам, но за всё прошедшее время дальние крыльца никуда не выходил и ни разу не брился, так что щетина на впалых щеках торчала иглами седого дикобраза. Мутным бледно-серым взглядом он с вызовом впивался то в одного, то в другого собеседника. Успев разменять седьмой десяток, на каждое несогласие непременно вскидывался в боксёрскую стойку. Это могло произойти в коридоре, за столом в комнате или у плиты общей кухни. Доносился неизменный боевой хрип: «Кто на меня?» Правда, эта его стойка была дырявой и едва ли могла защитить от прицельных ударов, если бы кто-то всерьёз решил их нанести.

Однако до драки так до сих пор и не дошло. Тщедушные мальчишки от прямых конфликтов ускользали, а крепкие мужики успокаивали друг друга и аккуратно, с уговорами отводили Саныча в сторону. Боевой хрип прекращался, Саныч позволял угостить себя, чтобы затем, уже «на свои», продолжить ожесточённо напиваться. Среди ночи входил в комнату и, в темноте добравшись до своего места, ничком валился на койку.

Вот и настала наша с Геной очередь. Гена был старше меня и из-за угловатых очков взирал на Саныча с откровенной неприязнью, очень свойственной тем, кто в недавнем прошлом сам отличился на алкогольном фронте. Теперь у него наступил период продолжительной и, кажется, прочной завязки. А тут – будто подставили зеркало, где то и дело отражаются твои былые безобразия.

Находиться поблизости от Саныча оказалось тяжело и мне. Угар первых дней сессии, громогласное веселье встреч всех со всеми и бессонные посиделки закончились, казалось, ещё в прошлую историческую эпоху. Они сменились азартом сдачи экзаменов с крайне избирательными познаниями в каждой дисциплине. Только Саныч, как игрок, выпущенный в важнейшем матче на замену, не думал останавливаться. Гнул свою линию. И каждый раз при мысли о нём во мне пробуждалась широкая палитра чувств – от непонятого уважения до брезгливой жалости.

– И надо было Ромкиной маме сейчас заболеть!?! – сокрушались мы о спешном отъезде нашего третьего соседа-однокурсника. Вспоминали, как весь вечер после вселения нам с Геней и Ромкой пришлось заниматься сбором и выносом мусора из всех углов комнаты. Как шуршал целлофан, трещали грязные картонки, пованивало тухлятиной. По слухам, до нас здесь проживали строители. Когда всё окончательно вынесли и вымели, остались чистота, простор и прохлада. Но вот вселили Саныча, и появилось стойкое ощущение, что весь тот мусор закинули к нам обратно.

С девушками Саныч заговаривал охотнее и в свою фирменную стойку при них обычно не вставал. Напротив, он оправлял свитер с неясным уже рисунком и наставительным голосом сообщал, что начал писать, когда никто из нас ещё не родился. Его творческий путь был ознаменован двумя тонкими книжками в мягких потрёпанных обложках, вышедшими в незапамятные для молодёжи годы. Никто, даже самые дотошные книжные черви, никогда о них не слышали. Однако он предъявлял ветхие экземпляры с видимой гордостью, чем нередко наводил даже большее смятение, нежели своими боксёрскими замашками.

Поздним вечером одnogруппница Таня, вцепившись в меня на лестничной клетке, возбуждённо зашептала очень тонким голосом прямо в ухо, что всё, чего этот бич достиг в жизни, – пшик. Ни-семьи-ни-детей-ни-нормальных-друзей-только-собутыльники-ни-человеческого-жилья-только-комнатёнка-в-коммуналке-ни-постоянной-работы-две-ничёмные-никому-не-нужные-книжонки-весь-итог. «Он к тебе приставал?» – спросил я. Таня резко замотала головой и продолжила: «Всё, я решила – не буду больше писать, — она захлёбывалась от подступавших к горлу слёз. – Случайно сюда попала, правда, случайно, мне казалось – столичный вуз, интересные люди, будущее... Я же медсестра, насмотрелась на больных, новорождённых. Иногда они умирают, как ни спасай, что ни вводи. Об этом и написала, а тут... Так может закончить каждый!»

Я стеснительно и неуклюже пытался её успокоить. Но дело было не во мне. Таня резко отмахнулась и, спотыкаясь о ступеньки, убежала в комнату. Через полгода она приехала на сессию ещё раз, забрала документы и больше сюда не возвращалась.

Мы сдавали экзамены и важный зачёт из последних голодных сил. Головы пылали от напряжения, а я всё лучше понимал героя Гамсуна из недавно прочитанного романа. Лишний половник супа или кусочек поджарки в столовой казались спасением. Ради этого стоило соорудить перед поварихой самый жалобный вид. Она напускала на себя строгость, но самых горемык всегда жалела и подкладывала добавку.

Субботнее утро. Почти все наши уже разъехались. Ни Гены, ни Тани, ни остальных. Блаженная тишина и пустота внутри и снаружи. Полная счастливая обессиленность, как у марафонского бегуна после финиша. Оставалось собрать вещи, заварить себе растворимой лапши, позавтракать, сообщить об отъезде и отправиться в путь. А ещё – купить подарок маме.

Когда я встал, Саныча на его койке не было. Прошёл по пустому коридору, умылся, настраивая себя на сегодняшние заботы. От родительского надзора я отказался категорически, сам собирался и ездил между городами, но пока это было в диковинку.

Вернулся в комнату – Саныча не было. Может, это и хорошо – не придётся прощаться с натужным сожалением. У меня оставались последние пятьсот рублей, в обрез на скромный подарок маме и на дорогу. И ещё картонная карточка с одной поездкой в метро.

Я точно помнил, в каком кармане куртки лежала сложенная купюра, и решил перепрятать её поудобнее. Засунул руку и вдруг понял, что денег там нет. Почувствовав выступившую испарину, вывернул карман наизнанку, расправил каждую складочку и прощупал подкладку – ничего. Проверил другие карманы – пусто.

В отчаянии осел на койку. Так... Гена уезжал вчера одним из первых, я его провожал. У других не было возможности тут долго рыскать. ...А Саныч оставался тут всё время, и ему, конечно, пона-

добились деньги на опохмел. Больше никому. Значит, ко всему прочему, он ещё и вор?.. Вор, способный взять последнее? Непереносимо. Его надо найти. И что сказать после такого позора человеку, который годится тебе едва ли не в прадеды? Зачем он до сих пор живёт? За этим вот? Козёл старый!

Я выскочил на поиски, даже не заперев комнату, и заметался по этажам. Людей в этот час встречалось мало, и никто не мог ответить ничего вразумительного. Коменданта я сегодня вряд ли найду. Милиция?.. Мобильные были тогда редкостью, однако мог пригодиться бесплатный городской телефон двумя этажами выше. А что им сказать? На кого заявлять? Я вдруг осознал, что не знаю ни фамилии, ни даже имени своего соседа, только отчество. Всё снова упиралось в коменданта – он должен знать.

Обежав всю общажную Ойкумену, я, задыхаясь, встал между этажами. Поглазев на металлические сетки с застывшими каплями краски, натянутые в пролёте, уныло побрёл к себе. Плотная затворённая дверь оказалась приоткрыта.

На единственном в комнате шатком стуле возле стола боком сидел Саньч и отхлёбывал кофе из металлической кружки. Я внимательно на него посмотрел. В холодном оконном свете он был не похож на привычного себя – выбритый, трезвый, в опрятной одежде.

– Здравсьте, – смущённо пробормотал я.

– Проходи, – сказал он.

Я прошёл.

– Присаживайся.

Я присел на тонкую подстилку поверх ржавой сетки опустевшей койки.

– Ты знаешь, что он не утонул? – вопрос прозвучал как на экзамене.

– Кто?

– Сеня Курилов.

Я отрицательно мотнул головой, в которой с трудом сложились вместе фамилия знаменитого драматурга и столь фамильярная форма его имени.

– Тогда слушай. Я был с ним на озере. В той самой лодке. Сеня всегда был самый компанейский. Совсем не красавец, с виду – вылитый бурят. Но все бабы с ума от него сходили. Я был старше, у меня раньше вышла книга. Иногда похлопывал так вот Сеню по плечу и чему-то учил. А его настоящая слава ещё стояла на пороге.

Я попробовал вообразить их – молодых, переполненных неистощимой силой и бесконечным будущим.

– У нас на двоих была лодка. Ничего почти не было, а лодка была. Больше моя, но мотор покупал Сеня. Решили половить хариуса и раздобыть вина. Спустились к берегу, закинули снасти, столкнули на воду. Только рыбалка не задалась – штук пять рыбёшек. Обратном Сеня сел на руль, а я вперёд смотрел с носа. Надо было наоборот, не прощу себе, что не настоял. Но так ему хотелось самому порулить в своей штормовке и в широких мореманских ботинках. А ветерок казался лёгким, волны не было. Он посмотрел вот так в глаза и спросил: «Тебе что – жалко?» Я махнул – заводи. Так и полетели по воде на резвом моторе. Красотища кругом. Тут Сеня окликнул меня, попросил закурить. Повернулся, достаю пачку и сразу – удар, я в воде барахтаюсь, лодка перевернутая рядом. Хватаюсь за неё, она из рук рвётся. На топляк налетели, как бы я со спины разглядел? Вижу, Сеня плывёт к берегу. Он одет легче, ору ему: «Сеня, плыви, плыви!» Сам вцепился в лодку намертво, одежды на мне много, до берега точно не дотяну. А там – люди видят нас. У меня ноги светло, руки как клешни растопырил. Сеня всё тяжелее плывёт, но до мелкой воды близко. Вот он встал на ноги, приподнялся над водой и – всё...

– Так, значит, утонул? – негромко спросил я.

Он резко мотнул головой, смерил меня взглядом. Для Саньча было важно, что его товарищ не утонул, не захлебнулся, не проиграл волнам или дистанции. Он как будто снова встал в эту свою нелепую защитную стойку. Не поднимая рук, внутри себя.

– Нет. Потом сказали, сердце остановилось. Перепада температуры не выдержало. Когда вытащили, лицо было совсем синее. Так не взаправду, что не верилось. Думал, его обязательно откачают и сам он за жизнь ухватится. Он мне снился потом – синим лицом улыбается широко во весь рот. Жутко. Совсем скоро его пьесы прогремели. Писали, что он гений, молодой и ранний. А у меня – всё кувырком. Он плыл в нашей... в моей лодке, столько всего хотел успеть. И вот – сплыл куда-то, на небо наверно... А я, бездарь, остался. Уцепился за край и не отпустил, пока не дождался помощи. Многие пеняли мне за это, я их не виню.

Он шумно отхлебнул кофе и замолчал. А я вдруг почувствовал, как жёсткий каркас койки больно впивается в меня, но не пошевелился.

– Так и живу, – произнёс он, глядя повыше моей головы. – Нет, не как эту неделю. Я тоже писал, упорствовал, часами, ночами. Только редко когда что-то удавалось по-настоящему. Он был моложе, но как будто всё наоборот, и ты с ребячьими силёнками должен продолжить работу здорового мужика. Вырулить до берега. Вот, например...

И, не глядя на меня, он прочитал одно стихотворение – сокровенную боль за внешней бравадой. Настоящее. Но, может быть, мне это показалось именно там и тогда. Память не удержала ни строчки.

– Это ваше? – робко спросил я.

– Ага, – рассеянно кивнул он.

– От души.

– Наверно, так. А знаешь, почему *перо* у писателей и у блатарей звучит одинаково?

Ещё один вопрос с экзамена по неизвестной мне дисциплине. Я не знал.

– Потому что перо, твоё или моё, тоже должно колоть в самое сердце.

Я не мог понять, почему он подвёл к этой странной морали?

– Ну, пойду я, пацан. Собирайся в свою дорогу. А сегодня и правда дела.

Он встал, накинул своё потёртое пальто, как-то необычайно легко подхватил собранный чемодан и вышел.

Слыша из коридора его затихающие шаги, я осознавал, что так и не спросил его о пропавших деньгах и уже не смогу ни догнать, ни выспросить. Не смогу, рот не откроется, а язык не вытолкнет нужные слова. Придётся выкручиваться непонятно как.

Я встал и принялся укладывать вещи, думая совсем не о вещах и не о предстоящей дороге. И собрал почти всё, когда сложенная вчетверо купюра вдруг нашлась во внутреннем кармане дорожной сумки. Я сел, ошеломлённый чудом. До сих пор не могу припомнить, когда именно туда её положил.

Только мы двое

Рассказ

Вечером от прогретой майским солнцем земли, чуть подрагивая, поднимался лёгкий пар. Филин присел на сложенные в штабель кирпичи, укрытые толем, и нежился в закатных лучах, чуть обдуваемый свежим ветерком. Только теперь, расслабленно свесив ноги и задумчиво почёсывая зудящую подмышку, он окончательно укреплялся в мысли, что ему удалось-таки пережить зиму. Эта мысль оказалась такой необъятной и непривычно радостной, что её трудно было уместить в голове.

А потом он заметил этих двоих. В тени у подъезда они коротко переговаривались и явно кого-то поджидали. Попробовал припомнить, видел ли он их за каким-нибудь делом в другой одежде, но не смог. Наверно, память его подводила. Они на Филина не взглянули, да и какое им могло быть до него дело?

Он посидел ещё, потом осторожно спустился со штабеля и, чуть припадая на левую сторону, доковылял до крайнего бака, на котором ржавчина проступала сквозь облупившуюся краску. По вечерам оттуда всегда можно было выбрать несколько неразбитых бутылок, если же повезёт, иногда попадались и более ценные штуки.

А потом в переулке появилась она. В её походке было что-то от школьницы, которую неожиданно отпустили с продлёнки. Она двигалась плавно и невесомо, и от этого казалась намного моложе своих лет. Вот её он точно здесь не видел.

Проходя мимо мусорных контейнеров, она скользнула по нему взглядом. Тень неловкости за себя мелькнула в обветренной Филиновой душе. Но, замерев на секунду, он поспешно нагнулся, отодвигая к самому краю сучковатую доску.

– Э-эй, шмаруха, а ну стой...

Услышав и поняв, что в пустом переулке этот странный оклик может относиться только к ней, женщина не кинулась бежать, как попытались бы другие, даже не ускорила шаг. Она резко, но не торопливо развернулась, как будто встречая судьбу, и приготовилась бороться, пока не оставят силы.

Двое приближались. Поняв, что догонять её не придётся, они переглянулись и пошли медленнее, почти вразвалку. Женщина смогла их рассмотреть: один – долговязый и тощий, в потрёпанной кожаной куртке, другой – приземистый, налитой, в трениках и низко надвинутой бейсболке. Похож на бывшего спортсмена, только с округлым брюшком. Вместе эти двое напоминали комическую пару. В других обстоятельствах она едва ли удержалась бы от улыбки. Но не сейчас, когда вокруг никого.

Тощий нарочно отстал на шаг и сместился к правому краю щербатого асфальта. Треник заходил чуть слева, с ухмылкой обнажая скол на переднем зубе и протягивая руку:

– Гони сюда...

Женщина замерла, а потом ударила на выдохе с коротким замахом. Кажется, так её учили когда-то в юношеской секции самообороны. И теперь она отбивалась: сумкой, кулаком, ногой, целясь между ног. Стремительно, как на перемотке, в памяти пронёсся тот давний – между школой и институтом – случай в лесопосадке, когда она со всей яростной дури отходила несостоявшегося насильника сорванными трусами по его ошалевшей морде. И он вдруг опомнился, с покрасневшим лицом бормоча свои нелепые извинения, помог ей собраться, отряхнул накидку, подал стопку учебников с налипшей грязью на обложках и даже смущённо проводил через пустырь до освещённой улицы.

Но эти двое были настроены серьёзно, их со следа не собьёшь. Сосредоточенно сопя, её стукнули по голове, так что перед глазами запульсировали розовые пятна. Сумку резко дёрнули из рук, и оттуда всё посыпалось и зазвенело. Она решила толкнуть одного – легче будет того тощего, чтобы он помешал другому, и сразу во весь дух устремиться до поворота, а там уже люди, освещение, магазины. Там её увидят и спасут. Она отступила на шаг, чтобы оттолкнуться, и вдруг услышала, как каблук подламывается, и поняла, что нога предательски скользит, и никто уже не даст ей подняться, и теперь навсегда только эти двое, и заорала во весь голос. Что-то острое и неотвратимое тускло блеснуло у тощего в руке. Сзади оглушающим эхом завопила сигнализация дряхлой иномарки.

– Завали хлебало, сука, – прошипел треник, размахиваясь, чтобы выключить наконец эту бешеную бабу.

И тут же сбоку раздался треск. Сучковатая доска переломилась от удара. Долговязый нелепо проплясал несколько шагов и неподвижно рухнул рядом с женщиной лицом вниз. Его напарник отпрянул, закрываясь руками.

– Ты чё, бомжара? – сипло выкрикнул он, но за свирепым нахрапом сквозанул страх. Треник вдруг остался один, а тот, кого он считал никчёмным отбросом, не стоящим внимания, стоял напротив, решительно сжимая щепастый обломок доски.

– Отвали от неё, – глухо проговорил Филин.

– Подруга твоя, что ли? Ну, тогда извини. Братана заберу только?..

Филин отступил на шаг в сторону, пропуская, и в этот момент противник сорвал с головы бейсболку и швырнул ему в лицо. Тут же схватил за грудки и резким толчком повалил в грязь. Доска отлетела в сторону. Они пихали друг друга короткими тычками. Грабитель в трениках брал весом и уже оседлал нежданного заступника.

Женщина высвободилась из туплей. Немедля бежать, спастись, пользуясь спасительной передышкой. Туда, туда, на освещённую улицу, где всё привычно и надёжно, к дому с уютной квартирой. А они пусть разбираются сами.

Филин, оглушённый ударами, с прижатой к асфальту рукой, ворочался снизу. Влекомый какой-то беспощадной силой, он с угрюмой решимостью рванул с места – и вписался во всё это. Дублёная кожа уже не спасала. Он оттолкнулся ногой, пытаясь вылезти, выскользнуть, но вдруг почувствовал, что удары стихли и на нём никого уже нет. Затихшая было сирена иномарки снова истошно взвыла.

– Очнись, очнись уже, – Филина трясли за рукав.

– Эй, вы там! Менты щас приедут, – раздался голос. Мужик в нелепом плаще поверх трусов и майки с лопатой наперевес топал от подъезда к верещавшей машине: – Кто мою пташку тронет, капец тому!

Филин перевернулся на четвереньки, встал и хромающей трусцой побежал, скрываясь за гаражами. Метров через двести он обнаружил, что женщина, спотыкаясь и тоже прихрамывая, спешила следом за ним. Он остановился:

– Куда? Иди назад. Приедут, заодно и этих повяжут.

– Я не пойду, – она замотала головой.

Филин потёр ушибленное плечо:

– Ладно. Берложка у меня тут недалеко.

Они сидели под навесом и слушали, как накрапывает дождь. Женщина убежала босиком. Филин достал из нычки облезлый кусок овчины и подложил ей под ноги. Расстелил самую чистую клеёнку, но неистребимая вонь шла и от неё. Разжёл костерок из щепок и разломанного реечного ящика, потом ещё раз взгляделся в её лицо, обрамлённое растрёпанными светлыми волосами, будто проверяя смутную догадку.

– Ты в какой школе училась?

– В одиннадцатой...

– Ага. Тебя, что ли, Люда звали?

Она кивнула.

– Вспомнил. Ты старостой была. А я ушёл после девятого.

– Коля?.. – спросила она, испуганно всматриваясь в незнакомое лицо цвета запылённого кирпича, и тут же поправилась: – Нет. Лёша?..

– Был Лёша. Теперь меня Филином зовут.

Люда его почти не помнила и назвала наугад. Сколько лет-то прошло? Почти тридцать...

– Чего одна шла?

– Так...

...Муж передумал встречать её с корпоратива. «Ты ведь сама дойдёшь?» – спросил как будто между делом. «Легко», – сказала. В самом деле, устал или не мог оторваться от компьютерной стрелялки. Будет совсем неудивительно, если он не заметит, что она не вернулась домой. И она вышла, ни с кем не попрощавшись, и поехала, но в троллейбусе тесно и душно, а так нестерпимо хотелось простора и ветра. Хотя какой простор в городе? Ну, хоть немного. Поэтому она нарочно сошла на одну остановку раньше. Не перепутала, нет. После шампанского было так легко идти, будто земли вовсе не касаешься. А потом эти двое...

– Задала ты им, – усмехнулся Филин.

– Ты тоже. Этого они совсем не ждали.

Филин со значением кивнул.

– Я один тут. Мало общаюсь. У меня сын был... есть. Тихий рос, послушный. А как во взрослую жизнь вышел, навешали ему ушлые дядьки лапши до самого пола. Что очень он толковый и будет у него через них свой бизнес. Он и поверил, пошиковал недолго, и остался в долгах, как рыба в сетке. Раз звонят в дверь и заходят три амбала. Как домой к себе, ничего не говоря. Главный закурил, а двое выносят от нас телевизор, холодильник и что там было. «Это на первый раз, – только и сказали, – скоро навестим ещё». Жена молчит. Сынок в стенку вжался перепуганный... Но я-то! Когда входили бандюки, сразу понял, что с ними и с тем, сколько сын им должен, мне не совладать. Не справился. Проблеял что-то невнятно и дверь за ними прикрыл. Эти двое, которые сегодня, шпана рядом с теми. Как же стыдно было, что ничего... А ведь думал о себе. Лучше думал.

Сына срочно прятать пришлось, отправлять далеко и нарочно слух пустить, мол погиб сдуру... Перекинули потом по-всякому. Утоп, сгорел, разбился. И мы с женой горюем по нему. А я так в роль свою вошёл, так запил, что и, правда, ушёл в штопор надолго. И вот присела жена как-то возле меня, ругаться устала, глядела-глядела да и залила душу целым стаканом. А на ноге у неё была родинка с полкопейки, так она её взяла и скovyрнула. И не спасли потом. Деньги ушли на

сына, часть долга погасить, а его упрятать понадежнее. Да ещё похороны – и не стало квартиры. Вот так весело всё.

Он пошевеливал узловатой палкой тлеющие угли, украдкой потирая места ушибов.

– Как же ты? – прошептала Люда. – И в больницу не пойдёшь?

– Кто меня там приветит? Не впервой. Заживёт, как на собаке.

– А эти? Будут тебя искать?

– Да ну. Кому я такой нужен...

– Кому-то же... – растерянно прошептала Люда, и совсем тихо: – Мне...

Он замолчал, пережидая что-то внутри. Встал:

– Не надо этого...

И шагнул наружу, подставив лицо под дождь, отмываясь от всех этих месяцев.

– Надо...

Капли мерно барабанили по навесу.

Она прикрывала глаза и слушала. Затем положила его руку себе на колени.

– А у тебя там кто-то есть? – глухо спросил Лёша.

Люда подумала и сказала:

– Нет, наверно. Дочь давно выросла. А кошка меня любит меньше, чем его.

Она улыбнулась и утомлённо прикрыла глаза. Он крепко сжал её руку.

...Вот всё и решилось. Люда осталась с ним. До утра. Потом до вечера и дальше.

Удивительно, что никто её не искал. Окончательно осознав, что их ничего не держит, они выбрали день и вместе отправились в другой город. Вышли рано утром, сделав небольшой крюк – напоследок Люда решила посмотреть на окна бывшей своей квартиры на третьем этаже. Стояла и вглядывалась. Кошка мелькнула рыжим пятном на подоконнике. Белые цветки герани вздрагивали на сквозняке. Мужа она так и не увидела...

Она прикрывала глаза и слушала стихающий перестук дождя. Как это близко от нормального жилья и всё же будто в другой галактике. Филин глотнул огненной воды, чтобы тело отвлеклось от боли. И вскоре бессильно обмяк. Что-то привычно важное выдернули у него из-под ног, и теперь он всё падал и падал, сначала кружась, как сухой лист, а потом тяжелея, прошибая самим собой непрочные перегородки, ударяясь, задевая какие-то невидимые ему выступы боком, плечом или коленом, раздирая кожу и ощущая только приглушённую боль...

– Что там? – сквозь сон ему почудился шорох.

– Не бойся, спи, – тихо и ласково ответила она. – Тут только мы двое.

Люда сидела над ним и с тоской смотрела в темноту. Там у неё жизнь. Которая считалась нормальной, с мужем в стрелялках, с вечно орущей кошкой и с дочкой по праздникам. Нет, не может она здесь остаться. Сбивчивым шёпотом напевала какие-то слова на мотив колыбельной, в отсветах углей глядя на его коричневое, но уже не запылённое, умытое лицо с трещинами на губах. Он дышал всё ровнее. Она наклонилась, прикрыв глаза, но тут же заставила себя открыть их. И поцеловала его в запекшиеся губы – сначала благодарно, а потом по-настоящему. Он ответил ей из глубины далёкого сна, но так и не проснулся окончательно, а, когда она подняла голову, чего-то ожидая, даже захрапел.

Стало понятно, что он отпустил её. Дождь кончился. Люда тихо поднялась и пошла босиком под свежими омытыми звёздами, медленно и благодарно.

Проза

Римма Лютая

Римма Викторовна Лютая – поэт, переводчик, литературный и театральный критик, музыкальный публицист. Окончила теоретическое отделение музыкального училища, Литературный институт им. Горького (семинар Ал. Михайлова и Г. Седых), аспирантуру. В настоящее время – выпускающий редактор православного издания «Вестник Антониевского храма» (Воронеж) и журнала «ЭкоГрад» (Москва). Публиковалась в журналах: «Смена», «Литературное обозрение», «Москва», «Подъём», «Простор», «Новая Немига литературная», «Сура», «Гостинный двор». Член Союза журналистов и Союза композиторов России. Обладатель Шекспировского диплома премии «Золотое перо Руси». Живёт в Воронеже.

Нунути

Рассказ

Почему люди так глухи друг к другу? Болью измучат, словом избыют, – а потом, страдая, безрадостно пьют горькую в одиночестве. «Ну-ну, ти, маленькая... ну-ну, ти, рыженькая... ну-ну, ти, Римулька моя, Господь с тобою!.. не плачь, не печалься, детонька, всё пройдёт...» – звучит тихий голос в моей памяти. Тёплые руки, уютные колени, мягкое родное объятие, свет, льющийся из добрых глаз... Это бабушка.

Я любила у неё бывать, поскольку росла вольной птицей и притом с малолетства чувствовала себя в ответе за всё вокруг происходящее. В куклы и в привычные многим девочкам «дочки-матери» в детстве практически не играла. Кукла – мёртвая натура; гладкий холод пластика или резины вкуче с искусственно создаваемым, притворным существованием человекообразной игрушки мне претили: «Вот ты, кукла Юля, теперь *как будто* завтракаешь... а теперь *как будто* идём с тобою в парк, а теперь давай-ка спать!..» – и в этот момент бездушному лупоглазому телу надо было ноги передвигать, руки поднимать-опускать, или усаживать его, или укладывать. И всё оно, это действие, – ненастоящее, «понарошку». И потому – зачем оно? То ли дело – всё живое, неуловимо меняющееся, требующее личной причастности, непременно присутствия, действия и осмысления. Вот это влекло детскую душу: мне нравилось петь и читать, задачки по физике и математике решать, сочинять истории, рисовать, цветы сажать, играть в футбол и извлекать волшебные звуки из клавиш фортепиано, по крышам-заборам лазить, птиц кормить, смотреть, как восходит луна, как звёзды проявляются острыми лучиками в меркнувшем небе...

Мы с родителями жили в центре города в коммуналке, где на небо редко поднимают взоры и живая земля закрыта-закатана асфальтом. А бабушка обитала совсем в другом мире: одна в домике на окраине, притулившемся среди цветущих трав и заманчиво благоухающих соседских садов, в окружении славных – живых и настоящих – ребячьих друзей: весёлых или грустных бродячих собак, ленивых и игривых кошек, важных петушков и хлопотливых кур, да мало ли чего ещё!.. Там, на заросшей муравой и лопухами, почти непроезжей улице, иногда раздавался возглас: «Точу ножницы!.. полужу посуду, заберу ненужные вещи!..» – это бородатый дядька – старёвщик, точильщик и лудильщик в одном лице – со своей гружёной тележкой проезжал мимо. Он дарил ребягте в обмен на какую-нибудь не подлежащую починке домашнюю вещьцу маленький красный надувной шарик с пронзительным свистком, или вручал приторного леденцового петушка на палочке, или раскрашенную бумажную маску...

В бурной детской жизни моей не обходилось без синяков, ссадин и первых обид, и, если уж совсем бывало невмоготу, я прибегала, поскуливая, к бабушке. И тогда она, как в моём младенчестве, прижимала меня к себе и пела-приговаривала: «Ну-ну, ти, маленькая... ну-ну, ти, рыженькая... ну-ну, ти, Римушенька моя, Господь с тобою, не плачь, не печалься, деточка, всё пройдёт...» И проходило. Так и осталось: бабушка Маруся, Нунути.

Её называли Мария – так же как и её мать, искусную рукодельницу-белошвейку. Марьюшка явилась на свет в начале прошлого века последним, двенадцатым ребёнком в семье моего прадеда-музыканта, а вскоре не окрепшая после родов прабабушка умерла в возрасте сорока шести лет в эпидемию гриппа, от которого погибло тогда людей больше, чем в Первую мировую войну. В те времена эту страшную болезнь именовали «испанкой».

Детство, юность и молодость Марии пришлись на пору социальных катастроф и распада Российской империи: мировая война, две революции, гражданская война, голод 1930-х годов... Зрелость совпала с лихолетьем Великой Отечественной и трудными послевоенными годами. Но удивительная красота бабушки – сияющие серо-синие глаза, белоснежная кожа, соболиные брови и чёрные, как вороново крыло, вьющиеся волосы – не угасала долго. Помня о ней, я и до сей поры люблю синеглазых, светложих и черноволосых людей – они как родня мне... Спортсменка, оптимистка, прекрасная чертёжница, перед войной Мария Васильевна работала на Воронежском механическом «шестнадцатом» заводе, дома умудрялась отлично готовить даже из скудного набора продуктов – на печке и керосинке, как многие русские женщины в те дни. Шила-вышивала, особенно любила лоскутное шитьё и аппликацию из ткани, ныне именуемые модным словом «пэчворк», да и вообще никакого труда не чуралась. В войну оказалась с дочкой Томочкой, моей мамой, в оккупации. В пересыльном концлагере на Западной Украине подорвала здоровье: в голоде и холоде носила мешки чуть не в центнер весом, чтобы покормить болящее дитя. И всю оставшуюся свою недолгую послевоенную жизнь страдала сердечной астмой, гипертонией и другими недугами, о которых мне ведомо не было: бабушка, потеряв мужа на войне, так и осталась вдовой и жила отдельно в крошечном домике на улице Ухтомского. Теперь уж ни улицы этой у Курского вокзала нет, ни самого домика...

Умерла Мария Васильевна мгновенно, на Благовещение, весной, едва расправившей крылья и растопившей серые снега – от разрыва сердца, во сне, в санатории имени Горького, куда её направили на лечение после жестокого приступа стенокардии. И было ей всего пятьдесят девять лет.

В моей жизни это была первая смерть, которая запомнилась детально и была глубоко осознана детским разумом. Я, тогда девятилетняя девчонка, болела – тоже гриппом, лежала с высокой температурой в постели, и дома не было никого из взрослых. В середине дня в дверь позвонил и вошёл, остановившись в полутёмном коридоре, невысокий, слегка сутулый усталый мужчина – кто-то из знакомых бабушки. Принёс тяжкое известие о её смерти, вздохнул, сказал «сочувствую...», оставил траурную бумажку – сообщение то ли от врача, то ли от администрации санатория – вместе с большим букетом кустовых хризантем, почему-то в банке. Бело-жёлтые цветочные головки на длинных стеблях как-то хищно торчали из баночного горлышка, являя собою торжествующий символ свершившейся смерти, и пахли так сильно, так навязчиво и тревожно... Я заплакала, но утешения не было – посетитель торопился и, машинально погладив меня по голове, ушёл. Без сил я опустилась на кровать. Температура всё жарилась, мысли мои путались, сердце колотилось, и голубые стены комнаты, казалось, придвигались ближе и ближе, готовые навалиться и задавить меня, а принесённые цветы таращились из угла своими белыми и жёлтыми глазами, ничуть не сочувствуя свершившейся беде... Сжавшись в углу кровати, я думала о том, как мама вернётся с работы и как мне придётся отдать ей это страшное послание, и, наверно, она заплачет. И боялась думать о том непонятном, что будет потом...

Тогда случился мой первый приступ астмы. Голова загудела, в глазах поплыли бело-жёлтые круги, дыхание прервалось – и, казалось, мне больше никогда не вздохнуть. С трудом поднялась я с постели, приоткрыла окно на пятом этаже и, держась за раму, шёпотом позвала: «Баушка, Маруся моя, Нунути!.. где ты? откликнись!..» Силы вдруг вернулись, спазм ушёл, лёгкие словно расправились – и я смогла вдохнуть холодный весенний воздух. Сначала неглубоко, осторожно, потом всё глубже и спокойнее дышала и смотрела на прозрачное безоблачное небо, где витала душа моей Нунути...

Похоронили Марию Васильевну на Коминтерновском кладбище. Шёл Великий Пост, день был пасмурный, а свежая могила, помню, была усыпана всё такими же безразличными к человеческому горю белыми и жёлтыми кустистыми хризантемами (и не сезон на них был тогда, откуда взялись – кто знает?). И в их мертвенное тяжёлое благоухание вплеталась моя боль от внезапной потери близкой души – они пахли смертью. Дрожащая от слабости и утраты, я молила тогда: «Прости меня, моя Нунути! знаю, ты сказала бы: и это пройдёт, рыженькая, Господь с тобою... И с тобою, родная моя, пусть будет Господь, пусть будет Он всегда с тобою...»

С тех пор друзья не дарят мне этих цветов.

Проза

Ольга Козловская

Ольга Козловская – родилась 6 июня 1969 года в небольшом посёлке Липовцы Приморского края. После окончания Уссурийского государственного педагогического института (ныне филиал Дальневосточного федерального университета) переехала в Балтийск Калининградской области по месту военной службы мужа.

Работала корреспондентом, редактором муниципальной газеты города Балтийска, помощником генерального директора по связям с общественностью «Балтийской нефтеперевалочной компании», в Общероссийском народном фронте координатором по работе со СМИ и заведующим библиотекой Дома офицеров Балтийского флота.

Под крышей серого дома

Рассказ

Знаете, что примечательного в Сочи летом? Вы, конечно же, скажете: это море, солнце, горы, дельфины, чурчела и прочие природные радости. Не буду спорить, ведь именно этим славится прекрасный южный город. Но замечали ли вы, что Сочи – это ещё и люди. Один из самых популярных курортов России летом превращается в современный вавилон по части разнообразия представителей человеческой цивилизации. И делятся они на два взаимодействующих к общей пользе человеческих лагеря: местных жителей и туристов.

Не знаю, как там по статистике, но, из личного опыта, в конце лета на одного сочинца приходится восемь приезжих, включая понаехавших на ПМЖ.

Об этих восьми временных южанах и одном постоянном, объединённых серым двухэтажным домом в сочинском посёлке Вардане, я и хочу вам рассказать.

Я

Первая гостя – это я, самостоятельная дама бальзаковского возраста, плюс-минус. В меру высокая, в меру стройная, с высшим образованием и работой в бюджетной сфере. А зовут меня Ольга.

В Сочи я отправилась с бухты-баракты. Планировала провести отпуск на даче, подальше от потенциальных носителей ковида. Но потом купила авиабилеты, забронировала одноместный номер в частном доме недалеко от моря и через неделю вылетела в место самого что ни на есть массового скопления людей. Да, противоречивость мне свойственна.

Интерес к новому, а в Сочи я летела первый раз, периодически омрачался волнением: что за дом, в котором мне предстояло провести десять дней, какие его хозяева. Отзывы в интернете были благоприятные. Но в эпоху «рейтингов» состряпать самому себе добрую репутацию – дело нехитрое. Волновал вопрос и соседей по общей кухне. В описании говорилось, что находится она на улице. Что-то типа летней веранды, оборудованной плитой и раковиной.

Подогревая, таким образом, весь полёт свои страхи-сомнения, я действительно сильно напугалась, когда вошла в калитку и увидела за общим столом на улице трёх угрюмых бородатых мужчин. Причём у двоих из них смоляные бороды были по грудь. Над моей головой блистали звёзды на таком же, как бороды, чёрном небе. А в малоосвещённом дворе блистали в мою сторону три пары мужских глаз. Если бы ноги не превратились в ватные, я бы точно сбежала. Не знаю куда, но куда-то подальше.

Самый худой и менее бородатый буркнул: «Здрасьте, я Лёха», и исчез в глубине дома. Я вцепилась в свою сумку. Не из-за боязни расстаться со своими богатствами, их там не было. Просто сумка оказалась единственным звеном, которое объединяло меня с привычным и надёжным.

Вскоре из дома вышла молодая худенькая низкорослая женщина, представилась хозяйкой Катей и отвела меня в мой номер на втором этаже.

В эту ночь я твёрдо решила почаще ходить в храм. Если выживу.

Лера

После тревожной ночи в сочинском доме, утром я вышла в холл в состоянии глубочайшей грусти. С такими бородатými и угрюмыми жильцами (это потом я узнала, что они были не постояльцы, а товарищи хозяев, забредшие к ним на часок) я не намерена была соседствовать. Предстояло искать новое жильё и говорить с хозяевами о возврате аванса.

И тут одна из дверей, выходящих в общий холл, открылась, и из-за неё показалась миловидная женщина моего возраста. Радость мою было не описать словами. Можно не съезжать, если такие тут живут.

Через час Лера повела меня на пляж, попутно рассказывая о местных особенностях, достопримечательностях и о себе.

Лера была родом из Новосибирска. Но душой, по её собственному признанию, была жительницей Сочи. Двадцать лет подряд два раза в год она приезжала в этот южный город отогреться и напитываться морским воздухом. После смерти родителей и отъезда единственной дочери в Америку с родным городом Леру ничего кроме воспоминаний не связывало. Да и они, эти воспоминания, по большей части не радовали. Слишком много было в жизни расставаний и разочарований.

Первый раз Лера вышла замуж в начале девяностых за молодого лейтенанта. По выпуску из училища его направили служить в Нагорный Карабах, как раз накануне произошедших там военных действий. Жена офицера, естественно, поехала вместе с ним. Потрясения тех дней и угроза жестокой смерти не прошли даром для обоих. Выехав из Карабаха, каждый из супругов поехал к своим родителям. Больше и не встречались.

Второй муж оказался жадным бизнесменом, приватизировавшим на себя долю в квартире Лериных родителей. Муж считал, что достаточно делить с женой постель и стол, а жизнь за пределами дома и львиную часть дохода оставлял себе. Лера зарабатывала на жизнь парикмахерскими услугами. На хлеб с маслом хватало. Примерно такой же была лепта в семейный бюджет и состоятельного мужа. После того как он оттяпал часть родительского наследства, Лера забрала дочь и ушла. В силу своего доброго и мягкого нрава оспаривать несправедливую приватизацию она не стала. Деньги, вырученные от продажи после развода квартиры, поделили поровну.

О третьем муже Лера вспоминает с благодарностью. Он научил её разбираться в литературе, живописи и любить путешествия. Он был кандидатом филологических наук, писателем и бездельником, жившим в основном за счёт супруги. Но зато был хорош собой и умел красиво рассказывать об искусстве и культуре. Устав от его творческих запоев, в прямом и переносном смысле, Лера покинула и его.

Трудягой она была с самой молодости, работала в престижных салонах красоты, пока не открыла свой собственный. Скопила небольшой капитал и купила таунхаус в сочинском посёлке Головинка.

В лето нашей встречи она доделывала там ремонт и через год планировала переехать в Сочи навсегда.

В силу своей терпеливости и терпимости, Лера была единственным человеком в нашем мини-отеле, который мог долго общаться с ещё одним постояльцем – Андрюхой из Питера.

Но о нём – позже.

А сейчас пришла пора представить хозяев. Не в сумраке ночи, а, так сказать, наяву, я познакомилась с ними после возвращения с пляжа в первый день. Странное впечатление они на меня произвели. Есть такая порода людей, которые постоянно доказывают себе и миру, что они счастливы. При этом счастливы не прямо в этот конкретный момент, а когда-то в прошлом и обязательно в будущем. А для завоевания в настоящем этой птицы завтрашнего дня им осталось буквально чуть усилия и полшага. Главное – определиться, куда поставить ногу. На чёрное или на красное. В итоге ставят на зеро.

Катя

Детство Кати прошло в борьбе. С отчимом, с учителями, со сверстниками. Нелёгкая жизнь выкристаллизовала в её характере черты битого, но непобеждённого воина. После девятого класса Катя уехала от родителей, жила в другом городе неизвестно где и неизвестно на что. Об этом она предпочитала не распространяться. Замуж вышла в восемнадцать лет за мужчину старше её на десять лет и выше на сорок сантиметров. Преимущество мужа в росте и возрасте не позволяло ей грамотно и убедительно давать отпор его нападкам, в том числе и физическим. Через несколько лет после свадьбы Катя с маленьким сыном Никитой ушла от мужа в поисках лучшей жизни.

Девушка освоила массажные техники и стала набирать клиентуру. И так бы и жила она на своей тамбовщине, если бы не регулярные попытки бывшего мужа вернуть семейное счастье. В результате Катя, убегая, но не сдаваясь, оказалась в Сочи вместе с сыном и алиментами.

До встречи с Лёхой Катя работала массажистом в сочинском отеле «Рэдиссон». Но, проработав месяц, ушла оттуда из-за неоправданных финансовых ожиданий. Лёха, и никакой Лёха в принципе, после неудачного брака, в Катини планы не входил, по её словам. А, по словам Лёхи, после того как эта девица грубо его отшила, она очень даже прочно вошла в его планы.

Через месяц они сошлись в Лёхиной квартире в Дагомысе. Было это за три года до моего отпуска.

Лёха

Лёха как раз тот единственный местный сочинец в кругу восьми понаехавших, включая Катю. В свои сорок лет он чувствовал себя усталым стариком.

Кто не знает, Дагомыс – город не для ботаников и слюняев. Когда отец Лёхи понял, что малолетний сын полицейского направил стопы на стезю криминала, тут же определил его в суворовское училище. Обиду на отца за это Лёха таит до сих пор, при этом прекрасно понимая, что иначе бы сел.

Суворовское училище, потом военное, потом горячие точки и увольнение. По чьей инициативе закончилась военная служба, командования или самого Лёхи, – история умалчивает. Но не исключено, что первым не выдержало командование.

Однажды Лёха рассказал, что хотел как-то набить морду одному нечистоплотному командиру. И Лёхины сжатые кулаки этот подполковник увидел прямо перед самым своим носом. Не выдержав такой наглости подчинённого, командир стал мстить. Вспоминая об этом, немногословный Лёха играл желваками. Было похоже, что вспылил он именно в порыве порядочности. Есть у него такая характерная особенность – если прав, говорить то, что думает, невзирая на чины и дружеские отношения.

Катю Лёха увидел нетрезвым взглядом. Шла третья неделя его вольной гражданской жизни. Все дагомысские кабаки были посещены уже не по одному разу. И это стало наскучивать. А что впереди – Лёха не знал. Пенсию себе он уже заслужил, работать не умел и не хотел.

От предков по отцовской линии досталась ему двухкомнатная квартира в Дагомысе. От предков по материнской – дом в сочинском посёлке Вардане недалеко от моря.

Как говорится, есть всё и ничего.

Бродя по улице в поисках смысла жизни, пьяный Лёха увидел кареглазую красотку на высоченных шпильках и в широкополой шляпе.

«Девушка, приглашаю вас в... чебуречную», – выпалил Лёха, увидев вывеску рядом.

Катя, только что покинувшая богатую атмосферу «Рэдиссона», сочла такое предложение оскорбительным, о чём и уведомила Лёху в грубой форме.

«Вот коза!» – подумал Лёха и понял, что обрёл цель жизни.

Сначала друзья героя отступили на второй, а после знакомства с сыном Кати, Никитой, и на третий план. Девятилетний Никита удивительным образом оказался похож на Лёху.

За три года, вплоть до момента нашего знакомства, ни Катя, ни Лёха так работу и не нашли. Зимой жили в дагомысской квартире, летом перебирались в Вардане, сдавая жильё и там, и там. Алиментные деньги полностью отдавали Никите. В общем, материально не бедствовали, но мечтали о больших доходах. А морально... Сохраняли огонёк первой встречи, периодически напоминая друг другу, что они люди свободные, могут уйти, а могут и послать.

Андрюха

Катя заранее предупреждала о новых гостях, кто, откуда и во сколько приедет. Если приезд был вечерним, мы задерживались за чаем на открытой кухне и с любопытством ожидали новой встречи.

Когда в калитку вошёл молодой человек лет тридцати пяти и приветливо поздоровался, мы и представить не могли, какой омут таится за его скромной внешностью.

Бросив сумку в номере, Андрюха спустился с бутылкой водки, колой и банкой солёных огурцов. Через час он пришёл в то состояние, из которого не выходил до самого отъезда.

«Отпуск нужен для того, чтобы расслабляться и пить», – заявил он, выпил рюмку и приступил к рассказу о себе.

Журналист на удалёнке из Питера. Был официально женат три раза. Столько же официально разведён. Сейчас живёт с женщиной и её ребёнком. Мама его выбор не одобрила, как не одобряла и все три предыдущих брака, вероятно, считая сына достойным короны и как минимум полцарства. Сын, похоже, придерживался того же мнения.

«Мужчина должен быть альфа-самцом, который, как лев, окружён и любим женщинами», – неоднократно заявлял нам Андрюха.

При этом его речи шли в разрез с реальной ситуацией, которую он, не стесняясь, оглашал за общим столом. Каждый раз, возвращаясь с пляжа или экскурсии, полупьяный Андрюха извещал, со сколькими женщинами он сегодня походя познакомился и в обнимку сфотографировался. Лучшие из этих фотографий он отправлял своей даме в Питер. Как отчёт о своей «альфа-самцовости».

И ещё Андрюха настолько любил свою родину, что желал ей скорейшего разрушения.

«Что ж ты не валишь в свою Америку?» – спросил у него как-то Лёха.

«А потому, что я люблю Россию и хочу, чтобы в ней хорошо было жить, а не так, как сейчас».

«И как это сделать?» – не унимались мы.

Путём долгих рассуждений он приходил к выводу, что, если бы все деньги хотя бы Прохорова, оказались у Андрюхи, в России тут же наступила полная и безоговорочная благодать.

К исходу второго дня Андрюхину политинформацию выслушивала только добросердечная Лера, пытаясь мягко вразумить нигилиста, что не всё так плохо в России и не всё так хорошо в Америке.

Был ещё один человек, который как-то с интересом и пониманием выслушал Андрюхины сентенции. И звали его тоже Андрей.

Андрей

Андрей приехал из Омска. Больше мы о нём ничего не знали.

Лет ему было около тридцати, спортивного телосложения. Уходил он рано утром, возвращался поздно вечером или на следующий день, сообщая, сколько километров прошёл пешком по местным достопримечательностям. Однажды он в одиночку поднялся на гору Ахун и был доволен преодолённым испытанием.

У стола, за которым постояльцы вместе ужинали, Андрей никогда не задерживался. И мы были очень удивлены, когда два Андрея разговорились о роли мужчины в жизни женщины и своей страны. Андрей-спортсмен и Андрей-нигилист сходились в том, что мужчина – это сила, которую надо уважать.

Повоевавший в своё время, Лёха слушал этот разговор, иронично глядя сквозь дым сигареты. Потом встал, сплюнул со словами: «Ну вы и кадры», и ушёл спать.

Спортсмен больше в разговорах не участвовал, а пьяный нигилист стал приставать к Лёхе с вопросами об альфа-самцах. Чувствовалось, что хотел перенять опыт.

Аня и Юра

Юра и Аня... Этой екатеринбургской паре можно было без конца удивляться. Маленькая белокурая Аня оказалась женщиной со стальным характером. Громила Юра после женитьбы восемь лет назад добровольно отказался от собственного мнения. И это при том, что он был на четырнадцать лет старше жены и имел за плечами неудачный брак. Два сына, родившиеся в этом браке, жили

вместе с Аней и Юрой. В общем, девушка успешно управляла мужским коллективом, двигая вперёд корабль семейного счастья.

Строитель Юра по выходным работал на семью – строил дом. Сыновья помогали. Жена руководила процессом. После переезда в новый дом Аня поставила очередную цель – построить дом в Сочи. Расписали многочисленным родственникам радости летнего отдыха на море в собственном доме, собрали с них деньги, свои вложили и купили участок на сочинском побережье.

Этим летом они приехали на оформление сделки.

За нашими традиционными ужинами выяснилась ещё одна мечта Ани – подняться на Эльбрус. Уже купила ледоруб и специальные ботинки. Глядя, с каким унылым видом Юра реагировал на её мечту, Лера поинтересовалась, будет ли он сопровождать супругу?

А в Юре при росте 190 см примерно 150 кг веса.

«Конечно, буду, – ответил Юра. – Но до той отметки, где стоит последний перед вершиной бар. Там и подожду».

«Ничего, пока я соберусь, ты похудеешь и натренируешься», – уверенно заявила Аня.

Юра без сопротивления согласился.

При такой покорности жене он вовсе не походил на подкаблучника. Скорее, на добродушного и нежного великана, доверяющего своей любимой.

«Юра, какие планы у вас на сегодня, куда пойдёте?» – спросила я как-то утром.

«А куда жена скажет, туда и пойдём», – спокойно сказал он.

Как в той рекламе: к маме – значит к маме.

В последний вечер перед моим отъездом мы отмечали его день рождения.

Праздничное застолье с оттенком грусти

Удивительно легко знакомиться на беззаботном отдыхе. Всего-то несколько дней общения, и словно знаешь этих людей всю жизнь, и происходящее не временное явление, а вечное. А потом вдруг раз – и завершение отпуска. И домой вроде бы хочется. И прощаться как-то грустно. Ведь это всё больше никогда не повторится. И люди, ставшие такими близкими, с большой долей вероятности больше не встретятся на жизненном пути. А если и встретятся, то скорей всего станут лишь отголоском прожитого когда-то мгновенья счастья.

В состоянии такой преждевременной ностальгии я отправилась за покупками к праздничному столу. С меня были фрукты. В последний день хотелось себя и других порадовать чем-то особенным. И помимо прочего, я нашла на рынке дыню в форме золушкиной тыквы. Да, классическая сказочная тыква, которая стала каретой, а в полночь вновь приняла традиционный вид. Прямо именно такая, ярко-жёлтая, с пухлыми выпирающими дольками. Кажется, только поднесёшь ножик к углублению между этими дольками, и дыня сама развалится на десяток ровных кусочков.

Красивая, сказочная. А на вкус оказалась обычной дыней. Юрины шашлыки, Лерины баклажаны по-аджарски и Катины овощи по-армянски оказались гораздо вкуснее. Особенно сдобренные домашним вином.

Разошлись мы глубоко за полночь, после песен, танцев, бесед о счастье и прочих атрибутов душевного застолья. Единственно, чего не было – обещаний вечной дружбы и радостных встреч. Не к месту это было. Да и не нужно.

Всё доброе уходит не прощаясь, оставляя место уже спешащему навстречу новому добру.

Константин Смородин

Константин Владимирович Смородин – родился в 1961 году в Первоуральске Свердловской области в семье музыкантов, раннее детство провёл на Украине, затем семья переехала на родину матери в Саранск (Мордовия). Окончил Литературный институт им. Горького. Автор 6 книг стихов и 10 книг прозы и публицистики, написанных совместно с безвременно ушедшей супругой Анной Смородиной. Публиковался в журналах: «Москва», «Наши современники», «Юность», «Молодёжный журнал “Странник”», «Подъём», «Вологодский Лад» и др. Лауреат нескольких премий. Народный писатель Мордовии.

СЛОВА

Я люблю слова простые,
иногда и сложные,
красотою налитые,
тёмные, тревожные,
словно камешек горбатый
(свежий, как смородина)
из речного переката
малой дальней родины.

Я всего-то лишь полгода
первые и прожил там, –
всё равно меня находят,
словно ходят по пятам
те скалистые мотивы,
реки серебристые
и слова, как ни мути их,
крепкие и чистые.

СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД

Снег летит, не мается.
Дворников осталось мало.
Техника – не справляется.
Город парализовало.
Мэр рвёт на себе волосы.
Губернатор волнуется.
На дорогах – «полюсы».
Машины – «целуются».
Вьюгою украшенный
Старый Новый год!
Небо, вниз упавшее,
переходим вброд.
А гирлянды светятся
в ёлках, средь снегов.
С Ангелом здесь встретиться –
пара пустяков.

АНИСЬЯ

А снег идёт не переставая вторые сутки.
Машины снова забуксовали. Какие шутки?
И если снегом налюбовались! – пишите письма.
В конторе частной над облаками сидит Анисья.
Она когда-то брала лопату и зажигала!
А рядом с нею огонь-ребята, – как самосвалы.
Руководила своей артелью. Служила честно.
И было чисто всё запредельно, до врат небесных.
А нынче служит она обратно в авральной службе.
Её бригада: огонь-ребята возьмутся дружно
и накидают дождя ли, снега... Сгребите попробуй!
Жидка порода. В привычке – нега. Надежда – робот.
Глядит Анисья на снег да листья. В глазах – усмешка.
Жидка порода. Повадки лисьи. Научим грешных!..

* * *

Помню: платформа,
курящая дама в шубке,
рядом – малыш,
рыдающий не на шутку,
и мать поливает малютку отборным матом,
считая его в чём-то там виноватым.
Мне показалось
в железнодорожном шуме,
что я как будто внезапно умер
и нахожусь в аду,
на промежуточной станции,
и какая-то тварь
распекает меня
за отсутствие посадочной квитанции.
Это было давно. В советской России.
На станции Домодедово я ждал электрички.
Начиналась весна. В луже синей
купались голуби в талой водичке.

* * *

На улице тихо. Горят фонари.
Укрыты снегами берёзы и ели.
От лёгкого ветра на счёт «раз, два, три»
на детской площадке качели запели.
Машины уснули. Вокруг – ни души.
И только позёмка метнётся под ноги,
и словно газета тебе прошуршит
все новости света, искрясь на дороге.

ИЗ ДАВНЕГО

Какими были дураками, –
о справедливости кричали.
Пока махали мы руками,
открыли дверь нашу ключами.
И вот уже они в квартире,
вписались в митинг, тут как тут,
о демократии, о мире
всё речи умные ведут.
Вещички ценные крадут.
Ключи на полочку кладут.
«Добро должно быть с кулаками?»
Без кулаков добро – хитро, –
словно с руками и ногами –
уходит из дому добро.
Мы будем долго рассуждать –
какими были дураками,
а воры будут сладко жрать
и подхихикивать над нами.

К СОБЫТИЯМ В БЕЛОРУССИИ

«Мы все желаем вам добра!» –
так говорят. На самом деле
в уме: «Пинай, сябер, сябра!
Вы вместе с батькой надоели.

У вас ещё социализм?
Работают ещё заводы?
Катитесь вместе с нами вниз,
в объятья радужной свободы!»

Август 2020

* * *

Туман, но не Тамань. Ночь. Улица. Аптека –
не наблюдается. Зато есть фонари.
От человека здесь до человека
примерно километра три.

А если по прямой – во тьме дворов срезая,
то даже километра два.
Они идут, всем существом пронзая
случайных смыслов давние слова.

НА СМЕРТЬ РУССКОГО КУБИНЦА В ГЕРМАНИИ ¹

Как-то словно на ухабе время ухнуло, и вдруг
всюду негры и арабы – точно ты попал на юг.

А на деле это – север. Да, Норвегии следы.
Вон фиорды, будто звери, затаились у воды.

Вон скала – готова прыгнуть и пришельцев раздавить.
Только викингов не видно. Где же их былая прыть?

Вон в Германии подолы задирают у девчат.
Только русские монголы заступились: ша! назад!

Только русскому кубинцу засадили в сердце нож,
потому что этим «принцам» он сказал: моё! не трожь!

Будем мы тобой гордиться, наш кубинец удалой,
и за этого кубинца отомстим мы всей ордой.

БРАТУ-УКРАИНЦУ

Как в этой жизни земной всё неоднозначно,
всё запутано, закручено, скрыто туманом.
По всем признакам, вроде ждала тебя, брат, удача,
а оказалась удача твоя призраком и обманом.

Всё чаще думаю: путь спасения лишь для афонских
монахов?

Как можно оставаться цельным, когда ходят по улице
голые девы?

И получить негатив так же легко, как получить
насморк.

И оправдать себя так же легко, как повернуть налево.

Правда, в жизни по-прежнему всё просто в главном:
– Спасись на небесах желаешь? Следуй путём узким.
Какие б ни манили сирены, оставайся, брат,
православным.

Какая б кровь в тебе ни кипела, оставайся, брат,
русским.
3.10.18 г.

¹ Действительный случай: в Германии убили юношу, наполовину русского, наполовину кубинца, который заступился за женщину, преследуемую беженцами-эмигрантами.

Поэзия

Василий Киляков

Василий Васильевич Киляков – родился в 1960 году в Кирове. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковался в журналах: «День и ночь», «Гостиный Двор», «Литературная учёба», «Наши современники», «Новый мир», «Огни Кузбасса», «Октябрь», «Подъём», «Юность», в газете «Литературная Россия» и других изданиях. Лауреат Всероссийских литературных премий: «Традиция» (1996), им. Б. Н. Полевого (1996), премий: «Умное сердце» (2010), «Дойче Велле» (Берлин, 1992) и др. Обладатель «Бронзового Витязя» (2019) Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Лауреат Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» Издательского Совета РПЦ (2019). Лауреат Всесоюзной премии Югра (2020), Всесоюзной премии им. В. Т. Станцева (за сборник стихотворений «От истока к устью»), премии Н. С. Лескова «Очарованный странник» (2020) за книгу прозы «Посылка из Америки» и др. Член Союза писателей России с 1996 года.

* * *

Я помню, мама, ночь разлива
с огнями станций в глубине...
Твои глаза, как ветки ивы,
росой проплакали по мне.
Я помню запахи, и речи,
и до разъезда тракт прямой,
твой плат, накинутый на плечи,
на плате – чернь с простой каймой.
Опять мы вместе – и без сна я...
Но как тревожно мне взрослеть!
Позволь мне, милая, родная,
твою ладонь в моей согреть.
Не виделись мы долго, мама,
я письма слал, я так скучал!
Сто раз читал я телеграмму
и с ней зарю вчера встречал...
А робкий месяц через раму
льёт тонкий свет на нас двоих.
Я ничего не знаю, мама,
роднее чутких рук твоих.
Они теплом меня дарили,
учили сердцу и уму.
Они, они меня кормили
в краю чужом, в чужом дому.
Они сжимали расстоянья,
снимали боль, давали пить...
Но, обречённый расставанью,
тоски не мог я утолить.
Ты так по-доброму красива,
так по-хорошему горда,
что кажется порой: Россия,
как ты – вечна, как ты – седа...

УТРО В ДЕРЕВНЕ

Самолёт позолоченной бритвой
перерезал окошко моё.
За окном – воробьиная битва,
крест полёта... поёт самолёт...
Вянет в банке букет полевой...
И такое волнение, братцы,
словно в небо нырнул с головой,
а до дна – ну, никак не добраться!

ВСЁ ЖИВОЕ

Дождь пробежал – грибной, несчастый.
Играет пескарями брод,
и, как овец печальный пастырь,
пасёт три тучи небосвод...
Я в лес нырнул, я стал невидим – зелень!
Кромсает небо пахарь-самолёт...
Встаёт заря – как петушиный гребень,
и самолёт – как клюв, её клюёт!

* * *

Весёлых песен мало,
а грустных – не унять.
Наверно, что-то стало
в народе убывать...
В озёрах глаз опальных
высоты неба злы,
и кажутся мне сталью
древесные стволы.
И листопад кровав их,
штыки кустов – остры...
Сжигали часто правых
российские костры.

С поникшей головою
 бреду я наугад
 и чую за собою
 ольхи тяжёлый чад.
 Весёлых песен – в меру,
 а грустных – не унять...
 Незримо стала вера
 в народе убывать.

ПОБЕГ

Средь бела дня цыганит мне сорока,
 и опрометью мчатся поезда.
 Стрясётся вдруг: всё брошу я до срока,
 уеду вдаль, уеду навсегда!

На кой мне ляд простор России нашей,
 и грубость нежная хмельных моих друзей,
 собак голодных стаи, и шабашки,
 и мавзолей, и Ленина музей...

Люфтганза, Боинг, Шонефельд... таможня.
 Потом – иноязычья маета.
 У немцев всё изысканно, но сложно:
 кладбищенская душит чистота.

И за неделю – вдруг предельно ясно:
 в чужом дому и брага не сытна.
 И от себя не убежишь, напрасно!..
 Калина горькая – чужая сторона!

Проснусь в ночи – помятый, некрасивый,
 такой, как есть, каким останусь впредь...
 И вновь пойму, что я люблю Россию,
 в которой счастье – жить и умереть.

* * *

Хоровод дождевой облаков,
 и стоят тополя, как колонны.
 Из безвременья – в омут веков
 поднимают свой гомон вороны...

Всё спешешь от забот до забот,
 как прожить каждый день – не чаешь.
 Мчится молодость – поезд тот,
 на который всегда опоздаешь.

За заботами сердце червит...
 Но удержит меня, бедолагу,
 коренная система любви
 да к земле крестьянская тяга.

* * *

Сенокос, сенокос!
 Земляничник берёз,
 вот и ящерка – золотом кожица...
 Сенокос, сенокос...
 Не задеть бы стрекоз,
 да птенцов желторотых – множество!
 И откуда он,
 «сторожок»: не убий! –
 он откуда?
 Усталости наперечь,
 я рисую серпом –
 росный след голубик,
 и толчётся мошка,
 точно наволочь.

Вновь гнездо! Обойду, окошу, сберегу –
 словно сердце родное в повýлике...
 Приготовлю сторожку, как душу свою,
 травянистый душистый навильник.

* * *

Сентябрь, как крепкий тёрн на ветке,
 созрел в замшелый день.
 На гумнах ссорятся соседки,
 а в сердце – сон и лень...

И ветер носит пух в навозе,
 в хвосты толкает кур.
 И гаснет солнце на морозе,
 а луч его – что твой шампур!

Вот он пронзил подворье остро –
 в застреху, в щель...
 Летает пыль, соломы остье,
 в луче от искр – метель!

Лежу в сенáх на сеновале –
 и жизнь люблю.
 И за бытийность эту в теле –
 благодарю!

* * *

Мы разные, а путь у всех один:
 еловая постель,
 рубаха мха да шишки.
 И, сколько огород ни города,
 все помыслы – в достатке да в сынишке...

Дни чередой проходят неизменно,
 пуховым снегом дума шелестит...
 Ты не один, поверь,
 теперь в окно глядишь,
 на колченогий стул склонив колено.

Николай Родионов

Николай Михайлович Родионов – родился в 1951 году. Окончил журфак МГУ, работал в районных и региональных газетах. Стихи публиковал в журналах: «Русь», «Арион», «Москва», «Юность», в сетевом журнале «Парус». С 1999 года выпускает ростовский альманах «Неро», в этом году состоялся 20-й выпуск. Член Союза писателей России.

ЕСТЬ НА СВЕТЕ ВСЁ

Есть на свете всё, во что мы верим.
Нет того, во что не верим мы.
Есть Христос, в мир параллельный двери,
Привидений сонм и силы тьмы.

Есть старенье, смерть, и есть бессмертье,
А болезней, коль не веришь, нет.
Жизнь прекрасна, только вы поверьте
В ваше бытие и белый свет.

Есть и будет всё, что вы хотите,
Потому как Бог не так уж строг.
Лишь безверьем вы не рвите нити
Восходящих к истине дорог.

МУЗЫКА

Музыка восходит к небесам
Или изливается оттуда?
Нет, я вряд ли догадаюсь сам,
Где произрастает это чудо.

Музыка – во всём, она во мне,
Кажется, звучит не умолкая.
Днём ли, ночью в полной тишине
Слышу, вижу – вот она какая.

Посмотрите, люди, на неё –
Дерзкую, навязчивую слишком.
Загрустил – она не преминёт
Ослепить меня своею вспышкой.

Отмахнуться пробовал – она
Сменит тему, но не исчезает.
Вечно в сердце, вечно влюблена –
Красота и сила неземная.

Вторят ей и осень и весна,
Тишиной и голосами вторят,
И душа моя вознесена,
Находясь у музыки в фаворе.

Слушаю по сорок раз на дню –
Всё равно ведь никуда не деться!
Не виню давно и не гоню
Музыку, присвоившую сердце.

НАС В РОССИИ НЕ ЖДУТ

Как же всё-таки грустно, как странно:
Победили в великой войне
И бежим нынче в дальние страны
Из любимой России своей.

С чем боролись, за что наши деды
Кровь свою проливали, свой пот?
Скоро все мы сбежим, все уедем
Из страны победивших господ.

Едем, мчимся легко, без оглядки
Каждый год, каждый день, каждый миг.
Как же можно так жить, как же гадки
Мы, презревшие русский язык.

Где нас ждут? Да нигде, остаёмся
В тех пределах, где мы родились,
Где гуляли по солнечным росам
И смотрели в бескрайнюю высь.

Только всё здесь давно изменилось,
Не похоже на русское, мы
Как-то разом попали в немилость
Силам света, поклонники тьмы.

В этой тьме, в этой лжи, в этой злобе
Растеряли друзей и подруг.
Нет любимой России, и скорби,
И вернуться в Россию потуг.

Алчность прячется за словоблудье,
Погрузив нас в житейскую жуть.
Мчимся вдаль, где нас нет и не будет,
Где предателей предки не ждут.

СУМЕРЕЧНЫЙ СВЕТ

Прокишим молоком, призывом просыпаться
И, как бы ни хотелось спать, – вставать,
И одеяло сбрасывать, как панцирь,
На панцирную грубую кровать.

Такими представлял и представляю
Я сумерки, смотрящие в окно.
Ещё неясно, жмущиеся к краю
Дня или ночи. Впрочем, – всё равно.

Я в это время сплю. Встаю и продолжаю
Тягучие, как клейстер, видеть сны.
А новый день встаёт, подобная пожару,
Заря горит за росчерком лесным.

Огонь заметив, сердце веселится,
Сон исчезает в яркой синеве,
Как маленькое облачко, как птица,
И белый свет беснуется во мне.

Но вот опять за окнами ненастье.
Вновь погружаюсь в сумеречный свет,
В его полуслепой оказываюсь власти,
И – нет огня, и будто б жизни нет.

Нет, так нельзя, ведь это святотатство –
Стенать, как будто провалилась гать.
Пусть вновь заря придёт с призывом
просыпаться
И, как бы ни хотелось спать, – вставать.

ЕЩЁ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Жили-были когда-то Геракл и Тесей –
Настоящие были герои.
До сих пор греки помнят их подвиги все
И причину войны, гибель Трои.

Зевс молчит, и невнятно ворчит Посейдон,
Но Эллада пребудет нетленной:
Нам поведал Плутарх о героях, о том,
Что случилось с прекрасной Еленой.

Как Тесей с Пирифоем похитили дочь
Тиндарея, уехали с нею.
И о том, как Геракл смог Тесею помочь,
В плен попавшему к Аидонею.

Но Афины Тесея отвергли, они
Прежней в нём не увидели силы.
Остров Скирос его навсегда полонил.
Видно, боги его не простили.

А спартанка Елена из Спарты ушла,
Троя стала ей островом Скирос.
И настолько была дочь царя хороша,
Что, как пишут, война разразилась.

Только в песнях Гомера Елена была
Несравненной женой Менелая,
И троянец Парис страстью к ней воспылал,
Гнев богов на себя вызывая.

Жили-были когда-то Геракл и Тесей –
Настоящие были герои.
До сих пор греки помнят их подвиги все
И причину войны, гибель Трои.

ФАНТАЗИИ МУЛДАШЕВА

Ну, профессор, ну, Мулдашев!
Так порою распалится –
Оживают камни даже
И ведут себя как птицы.

И кладут повсюду яйца,
И бегут, летят куда-то,
В голове его гнездятся,
На фантазии богатой.

Он открыл на Гималаях
И в Тибете те пещеры,
Где сопят, забот не зная,
Символы буддийской веры.

Деградируем, но это
Не беда: проснутся боги –
Кровь вольют, наполнят светом
Наши души, книги, блоги.

Каменные великаны
Станут более живыми,
Так что не дробите камни:
Нам делить планету с ними.

Пусть поменьше будет наших
Конкурентов на планете.
Впрочем, пусть нам Эрнст Мулдашев
Скажет всё, что приметил.

Всё он знает, всё он видит –
Пусть предупредит профессор,
Что ещё узнаем, выйдет
Из скалистых гор и прессы.

Может, нам пора обратно
Из своих домов в пещеры?
Там и ЖКХ бесплатно,
Чудно жили вообще бы.

Великаны в наши стены
Вряд ли бы тогда пролезли
Без ТВ, без прессы с теми,
Кто, по сути, бесполезны.

Кто лишь воду льёт и мутит,
Развлекая, отвлекая
От проблем, той самой сути,
Что нас мучает веками.

В ТАКОЕ ВРЕМЯ ЖИВЁМ

В какое время мы живём, в какое время...
Ведь кто не поражён рыжьём, тот просто кремень.

А много ли сейчас таких – непоражённых?
Ты погляди на молодых – одни мажоры.

И телевидение нас прокорму учит –
Так следуй, Митрофан, учась, примерам лучшим.

Коль быт глухой тебе не мил, жить хочешь ярко,
Вооружайся и громи всех, кто с приварком.

Сейчас ты – чистый белый лист, ни сил, ни блага.
Учись, дурак, во власть стремись, чтоб стать
богатым.

Не милосердствуй, не желай стать альтруистом,
Но избавляйся от рыжья легко и быстро.

Ты не жалея ни работяг своих, ни денег,
И будет много у тебя красивых девок,

Немало заграничных вилл себе прикупишь.
А будешь честным, как дебил, получишь кукиш.

ЖИВУ МИНУВШИМ

Положительно нет
светлых дней в этом мире высоком.
Я, толкаясь, живу под надзором незримых светил
И не ведаю – вечный изгой – окончания срока
Пребывания здесь, где всегда о минувшем
грустил.

Почему же меня не пленяет заря золотая,
Что обещана мне много раз, но пока не взошла?
Сколько раз я листал, снова память тревожно
листаю –
Только числа одни, словно жизнь и не жизнь,
а шкала.

Если что-то всплывёт в этом мраке густом,
непроглядном,
Сразу хочется мне показавшийся призрак забыть.
Вроде жил без больших потрясений,
но как-то нескладно,
Будто жизнь не моя, и работа чужая, и быт.

И влюблялся не в тех, и женился как будто бы
наспех.
Видно, всё-таки сильный пожар разгорался
во мне.

Извините за то, что я душу, раскрытую настежь,
Так пытаюсь очистить, свой мрак выметая вовне.

Прояснится, надеюсь, однажды душа прояснится,
И весь мир станет лучше, чем нынче, гораздо
светлей,
Толкотня прекратится, проявится чуткость
на лицах,

Жизнь в любовь превратится,
и сердце потянется к ней.

ВНОВЬ С ПЯТНИЦЕЙ

Вновь с «Пятницей» мотаюсь я по тропикам, куда
Мне не попасть без телепередачи.
Какие там гостиницы, какие там блюда!
А море! – поглядеть – и то удача!

Жар не спадает вечером, а впереди – танцпол
С бодрящими напитками и знойными телами.
Ну, Пятница, ну, пьяница, куда меня привёл?!
Зачем ты в сердце раздуваешь пламя?

Экзотика повсюду, экзотика во всём,
Куда ни кинешь взгляд, к чему ни прикоснёшься.
И Пятница скор на ногу, почти что невесом –
Летит на крыльях, мчится на колёсах.

И горы расступаются, молчат пески пустынь,
И пальмы раскрывают опахала,
Мне предлагая будто бы: не мучайся, остынь, –
Как будто мне сейчас мороза мало.

Как мне найти с душой своей
достойный компромисс,
Чтоб не рвалась куда-то вдаль,
жила согласно смете.
Душа кипит, несносная ей подпеваешь мысль:
Ну почему без «Пятницы» мне это всё не светит?

Поэзия

Евгений Харитонов

Евгений Харитонов родился и проживает в городе Белгороде. Окончил Белгородский юридический институт МВД России. Женат. Двое детей.

Лауреат Всероссийского конкурса молодых поэтов на приз имени Бориса Богаткова (Новосибирск, 2020), лауреат конкурса «Крылья Победы» (Шебекино, Белгородская обл., 2020). Финалист Международного литературного конкурса «На крыльях грифона» (Керчь, 2020).

Стихотворения публиковались в газетах и журналах: «Сибирский Парнас», «Ротонда», «Рассвет», «Зори Табасарана», «Новая жизнь», «Завалинка», «Белебеевские известия»; в альманахах: «Российский колокол», «Молодёжный альманах», «Аты-баты, или солдаты...»

СОН СОЛДАТА

Снится ель зелёная у дома,
Рядом в цвете яблони стоят.
А сестрёнка воду из бидона
Наливает в миску для утят.

Вижу маму за окном широким,
Улыбаясь, машет мне в ответ.
А за тем сараем кособоким
На дрова берёзку колет дед.

Из ведра прожорливым цыплятам
Разбросала бабушка зерно.
И несутся к зёрнышкам, чертята,
Как большое жёлтое пятно.

Только папу я опять не вижу,
Может, на пруду среди камышей,
Взяв с собой червей и дядю Гришу,
На таранку дёргают ершей.

Ну а может, спит себе на печке.
Только вот уже в которм сне
Вижу я, как ворон на крылечке
Рассказать о чём-то хочет мне.

Но внезапно сон прервался взрывом,
Застонала жалобно земля.
А заря румяная застыла,
Увидав изрытые поля.

Шли вперёд немецкие колонны,
Били танки, не скрывая зла,

Видел я, испуганный и сонный,
Как старуха-смерть к нам подползла.

Слышу голос за своей спиной:
«Хватит спать! Стреляй уже, боец!»
Повернув свою головою,
Видел я, как целится отец!

Пулемёт в руках его могучих
Задрожал, не смея возразить.
Вылетали пули грозной тучей,
Лишь с одной целью – поразить!

Я стрелял, прищурившись глазами,
Рукавом с лица стирая пот.
А враги тихонько отползали,
Слава богу, не наоборот!

Приутихли ветры на равнине,
А заря улыбкой расцвела.
Запорхало эхо в небе синем,
Распевая звонкое «Ура!».

Обнимало солнце всю пехоту...
Только я застыл, роняя взгляд,—
Предо мной, прижавшись к пулемёту,
Сном глубоким тихо спал солдат.

Пробежали годы бурной речкой,
Только вот теперь уже во сне
Возле дома папа на крылечке
Рассказать о чём-то хочет мне.

НЕЗАБЫТАЯ ЛЮБОВЬ

В шкафу, среди забытых книг,
Покрытых бархатом из пыли,
Мне вдруг явился женский лик,
С которой счастливы мы были.

Пронзила память, как струна
Мне непокорного нейлона.
И пусть промчались времена,
Но не забыть тот скрип вагона,

В котором ты, накинув шарф
На зацелованную шею,
Мне выставляла шах и мат
Безумной выходкой своею.

Без объяснения причин...
С судьбой промокшего патрона,
Я стал одним из тех мужчин,
Кто проглотил печаль перрона.

Мне звук стального колеса
Со скрипом резал в теле нервы,
Любовь трамбua в корпуса
Вагонов – будто бы в консервы.

Но я тогда ещё не знал,
Что в этот день, грызущий вечность,
К составу кто-то привязал
Мои надежды в человечность.

Брусчатка клеилась к ногам,
Когда я брёл с вокзала томно.
В груди, склоняясь по углам,
Давило сердце многотонно.

Ни гул друзей, ни алкоголь,
Ни похоть женского соблазна
Не заглушали эту боль,
Что рвала душу раз за разом.

Казалось, нету больше сил
И всё закончится обрывом.
Но кто-то медленно гасил
Огонь любовного порыва.

И жизнь опять сменила цвет,
Года листая без прополки.
Но вот знакомый силуэт
Явился мне из книжной полки.

К чему он именно сейчас
Растормошил собою память?
Я вспомнил всё – от цвета глаз
До слов «прощай», сумевших ранить.

До благовония духов,
До аромата нежной кожи.
И звук от шпилек каблуков,
В которых ты казалась строже.

Сотрите память кто-нибудь!
Остановите сердца стуки!
Чтоб перестала биться в грудь
Любовь, обрекшая на муки.

ЗИМА

Декабрём небо зимнее вспорото,
Не заштопать на нём паруса.
И течёт с него белое золото
На равнины, озёра, леса.

Все дороги в округе завьюжены,
Не пройти, не проехать теперь.
А метелица в снежное кружево
Наряжает пушистую ель.

Из-за сопки неспешно потянется
Поздней зорьки румяный обоз.
И, ударив невиданной палицей,
По земле зашагает мороз.

* * *

Воробей в ветвях щебечет,
Разгоняя тишину.
Незаметно ранний вечер
Притащил с собой луну.
Появился блеск хрустальный
На заснеженных домах,
И застыли в ожиданье
Ели в белых кружевах.
В серебристые мундиры
Нарядились тополя,
Прославляя командира –
Ледяного февраля!
И кружит над спящим миром
Одинокая метель,
Наслаждаясь дивным видом
Запорошенных земель.

ПРИЗНАНИЕ

Люблю я с детства поутру
В траве рассыпанные росы.
И как берёзки на ветру
Невольно расплетают косы.

От солнца сморщенный ручей,
Меж бережками задремавший.
И как из земляных печей
Выходит пар, слегка уставший.

Люблю распевку соловья,
Чуть-чуть фальшивую спросонок.
Полёт мохнатого шмеля
Среди ромашек-незнакомок.

И пить взахлёб из родника,
В котором жизненная сила.
Всё это в сердце на века,
Как и любовь к тебе, Россия!

КРИТИКУ

Кусай стихи мои, кусай,
Вгрызайся острыми клыками!
На части жадно разрывай,
Круши наотмашь кулаками!

Топи их с жадностью, топи
На глубине души бродячей,
Чтоб прочитав их не смогли
Ни чёрт слепой, ни ангел зрячий!

Сожги их заживо, сожги!
Не экономь на спичках серу,
А после, как всегда, солги
Про долг, знамение и веру.

Но если выживут в огне,
Со дна поднимутся, воскреснут...
То не найдёшь ты на земле
От них спасительного места!

ВОСХОД НА МОРЕ

С востока яркая свеча
Разбудит утренний росток –
Улыбку первого луча,
Зарытую в морской песок.

На позолоченной ладье
Заря румяная плывёт.
Седая дымка на воде
Со стаей чаек упорхнёт.

Ветра, привыкшие к бегам,
Волну хватают за плавник
И гонят пену берегам
За воротник.

ПОБЕГ ИЗ ДЕТСТВА

Я смотрю в глаза заката,
Вспоминая, как отец
Меня обнял, виновато,
И сказал: «Беги, малец!»

Я бежал, а из кармана
Годы сыпались в траву.
Так пришлось мужчиной рано
Становиться самому.

* * *

Светило солнце через сито
Окаменевших серых туч.
Деревья с ликом монолита,
Туман, всеяден и тягуч.

Остыли гнёзда под балконом,
Земля наелась желудей.
И за окном нависла комом
Армада проливных дождей.

Носился ветер без оглядки
Среди померкнувших аллей.
А в небесах мелькали пятки
На юг летящих журавлей.

Поэзия

Виктор Петров

Виктор Михайлович Петров – родился в 1949 году в Томске. Окончил Томский государственный университет, историко-филологический факультет. Армейскую службу проходил в Заполярье. Совершил пятнадцать исследовательских экспедиций по Чулыму, Чети и Кие. Участник археологических раскопок в Минусе, Барабе, Притомье и на Оби. Автор книг по Древней Руси и о русских религиозных мыслителях, историк. Поэтическое творчество представлено книгами стихов «Колчан сибирских стрел», «Заян», «Речения Яхрома, чулымского шамана», «За пределами суток», «Параллельные миры», «Крепостной дворянин» и публикациями в «Литературной газете», коллективных сборниках, журналах и антологиях. Автор книги «Колодец поэзии. Опыт погружения» (премия «Имперская культура»). Член Союза писателей России.

РОДОСЛОВИЕ

Я сибиряк, три родины во мне:
Престольный юный Томск бело-зелёный,
На снеговой вознёсшийся волне,
Южнее чуть глухой Нарымской зоны.

И древние мордовские Тавлы,
Где иволги поют на угро-финском,
Отцова отчина, духовные тылы
В краю покинутом, но сердцу близком.

И колокольный до краёв Тамбов,
Заветный кров моей нездешней мамы.
Священнический гордый род Лавров
Оберегал в нём горестные храмы.

Три родины, и я в них заключён,
В три стороны душа моя стремится,
Захватывая вечный небосклон
И смутные российские границы.

Я сибиряк, но Родина – одна,
Я из былины, летописи, сказки.
От прусских отмелей и до хребтов Аляски
Моя отчизна – русская страна.

ИДЕОЛОГИЯ

Широко раскрыты ворота,
Нараспашку пёстрая рубашка.
И душа простором налита,
Ей, душе, неведома промашка.

Крупно всё, открыто для людей,
Говором и добротой богато...
Человек не может без идей,
Только неминуема расплата.

Не собрать телеги без оси,
Не поехать, не подмазав ступиц.
У берёзы дёгтя попроси,
Р а д о с т и – у деревенских улиц.

А теперь – со свистом! Но куда,
Вот вопрос: куда направить дроги?
Как проехать, если ни следа,
Ни столба, ни цели, ни дороги!

Ты, возница, вожжи отпусти,
Лошадь доведёт, у ней понятие...
На Руси идеи не в чести,
Лишь благословенье и проклятье.

ТЕМА

Сквозь разряжённый воздух слов
Прошёл я, задержав дыханье.

Всё помнит кровь: и отчий кров,
И холод вечного скитанья.

Волненьем тело налито,
В нём музыка, восторг Вселенной.

Ничто не гибнет, только то,
Что не имеет сердца, тленно.

* * *

Было время потрясений,
Жизнь без отдыха,
Ныне время сотрясений
Воздуха.

Мне не скрыться от вибраций,
Дрожь дорожная.
Жить в покое резервации
Тоже можно.

Будто вынули из слова
Божье семечко.
Бьётся в темя бестолково
Времечко.

ДАНИИЛ В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Иордан с родной рекою Сновь
Схож, да только глубже и печальней.

Росная, пустынная любовь
Слёзы источала изначально.

«Аз тебя измерил много раз
И перебродил твои глубины...»

Я не отрывал бессонных глаз
От своей славянской Палестины.

Сновь-река да Иордан-река
Слились в моём сердце воедино.

Пальма зелена и высока,
Вербы купина
Неопалима.

* * *

Весь век на выщербленный склон
Смотрел с презрением и горечью,
Был в восхождение влюблён,
И вышел – выжил с Божьей помощью.
Достиг вершины ледяной
И обессилел перед будущим:
Чужие кущи предо мной,
А за спиной – родные пустоши.
И высится вдали гора,
И вижу, как по склону каменному
Восходит день...
Но мне пора
Обратно, в пустошь,
к дому маминому.

РОДИНА

Мать ребёнку говорит: «Сокровище,
Моя кровиночка, точь-в-точь папаша!»
И даже если в нём сидит чудовище,
Она поёт ему: «Ты радость наша,
Ты чудо наше!» – и черты смягчаются,
И проступает свет в обличье новом...
Как я могу в своей любви отчаяться,
Одушевлённый материнским словом!

МАЛАЯ БЫЛИНА

Пришлось выходить на огромный простор,
Врага победить и поставить шатёр,
Друзей помянуть, от души погулять,
На Русской равнине улечься – и спать.
Указа не писано богатырям,
Их сон беспробудный стеречь матерям.
С войны справедливой вернулись сыны...
Проснулись: ни матери нет, ни страны.

КОРАБЕЛЬНАЯ СОСНА

Столетиями выковывался ствол.
В. П.

Погибнуть или прогнуться,
Вот выбор, а ветер силён.

Был некогда деревцем куцом,
А стал подпирает небосклон.

Корою, что панцирем, схвачен,
Я вынужден быть гордецом.

Прогнуться нельзя мне иначе.
Чем грохнувшись óземь лицом.

НА ПРУДУ

«Вода холодная?» – спросила ты.
«Дно илистое!» – быстро отвечаю.
И это значит, что, цепляясь за кусты,
Я просто о-ко-че-не-ва-ю.

Конечно, я бы мог лишь повторить
Твои слова, снимая знак вопроса,
Когда бы просто мог я говорить,
Но мне такая не даётся проза.

Подкручивая нервы и слова,
Ищу я фразы с тайной подоплёкой,
Но все же ты, любимая, права:
«Да, да, холодная! И вот ещё – глубоко!»

И если б сразу я ответил так,
То вмиг забылось утро неземное,
И светлый берег, и прозрачный знак,
Что мне тепло, всегда тепло с тобою!

ДОМНА

Героической правдою послевоенной
От рождения полон по самое сердце,
В этой жизненной топке смолистым поленом
Всё сгораю и всё не могу я согреться.

И согреть не могу тех, кто верит и любит,
Этим бедным огнём после бед и сражений...
Только рудные угли оставили люди,
Только пепел сгоревших в печи поколений.

* * *

Есть люди – льды, есть люди – вьюги,
Но есть ещё цветущий люд.
Воспоминанием о юге
На Крайнем Севере живут.
Готовы мы к преображенью,
И нам доступен высший час.
На Крайнем Севере
Цветенье
Сильней всего
Волнует нас.

* * *

Мало услышать меня, хорошо бы ещё и увидеть,
Я ведь в реченьях не весь, много найдёшь и поверх
Скорбной обители слов. Я ведь ещё повелитель
Трав молчаливых и мхов, смех мой ещё не померк.

Время пришлось мне отдать городам и дорогам бетонным,
За арендованный рай звонкой душой заплатить.
Вон птеродактиль дюралевый сшибся с железным тритоном,
Это ведь тоже мой дух, он омертвел во плоти.

Если б не тлеющий свет, указующий путь к моим предкам,
Если бы не тишина чистой сибирской тайги,
Стал бы я книгой навек, гипсовым, гибельным слепком,
Но я живу, я живой... Господи, помоги!

КАРТИНА

Ко дню венчания

Время наше в детях лишь заметно,
И растёт и зреет только в них,
Остальное – просто волны света,
Что не знают горестей земных.

Вот и мы, как мир наш, неизменны,
Время спит и нам дарует сны.
В горизонты, как в живые стены,
Так прекрасно мы заключены!

* * *

По Северу мощи нетленные
Усопших давно деревень,
Покойные тени степенные –
Поморье, Печёра, Мезень.

Их души предзимними стаями
Поднялись с заросших полей.
Иль русскими быть перестали мы,
Иль город деревни милей?

Но брёвен благоухание
Полярные льды сохранят!
И с тайною нашею встанем мы,
И предки нас благословят.

МАМИНО ЗЕРКАЛО

Ах, эти таинственные зеркала,
Конечно, вы многое помните!
Нигде я красивой такой не была,
Как в зеркале в маминой комнате.

И вовсе не важно, что было потом,
Как жизнь берегла и коверкала.
Однажды сестра в деревенский мой дом
Повесила мамино зеркало.

На что-то надеясь, о чём-то скорбя,
Слезами его оросила я.
Но в нём не узнала иную себя –
Усталую и некрасивую.

Не только ведь молодость красила нас,
Наполненных вешними силами.
Лишь в зеркале маминых любящих глаз
Мы были такими красивыми!

* * *

Ты бродил по дорогам забытых времён,
Ты просеивал пальцами шёпот столетий,
В биваках и стоянках всех орд и племён,
О, какими ты солнцами был опалён,
О, к каким родникам принимал на рассвете!

Я от родичей древних была далека,
Я не знала, что больно для них и что свято.
Но сводила мне пальцы вода родника,
И на вкус лебеда оставалась горька,
И вскипала поверхность земли под лопатой!

Я узнала тебя! От последних времён
Проведи по своим заповедным дорогам.
Глубина не пугает того, кто влюблён.
Как приходом твоим этот век оживлён!
Новый век, но и тот, что уже за порогом.

РУССКАЯ БАБА

Мужик опять в загуле,
А было – гладь да тишь.
Но, как грозу в июле,
Загул не отвратишь.

Терзают детки-бедки,
А ты им песни пой!
...Ночуешь у соседки –
У мужика запой.

И будешь бестолково
Побитое латать,
Любя его такого,
Каким он мог бы стать.

Его же песня – спета!
Он будет пить и злеть.
А ты его за это –
Жалеть, жалеть, жалеть...

* * *

Я верю простому печному огню,
Печальную музу из дому гоню,
Довольно печалей на свете!

Но светлая муза не явится мне,
И радости искорки тают в огне,
Да радость ли – искорки эти?

Не стоят и строчки вражда и война.
Душа нестареющей болью полна,

Орловские берега

Антонина Сытникова

Антонина Сытникова – родилась в 1955 году в селе Дерновое Тростянецкого района Сумской области. Автор четырёх поэтических книг, пяти коллективных сборников стихов и детской книжки-раскраски. Стихотворения публиковались в журналах: «Роман-журнал – XXI век», «Молодая гвардия», «Форум» (Москва), «Родная Ладога» (СПб), «Подъём» (Воронеж), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Славянин» (Харьков), «Дон новый»; в альманахах: «Орёл литературный», «Невский альманах», «Междуречье» (Россия – Украина – Беларусь), «Чаша круговая» (Екатеринбург). Лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды» (2017), региональной литературной премии им. А. А. Фета (Курск), победитель Международного поэтического конкурса «Лики истории» (Россия – Украина – Беларусь, 2014), регионального конкурса «Омские мотивы» (2015), финалист Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы» (2016, 2018) и 4-го Международного поэтического конкурса им. Н. Григорьева (СПб, 2017). Лауреат газеты «Российский писатель» за 2015 год. Член Союза писателей России. Живёт в Орле.

* * *

Прикоснулась к корням,
Вновь припала к истокам,
Напоили меня
Здесь живительным соком
Эти лес и река,
Что достались в наследство,
На года, на века
От далёкого детства,
Где за рыжей горой
Притаилось болото,
Там ночами порой
Плакал жалобно кто-то.
Мне печаль иногда
В сердце снова стучится,
И не ясно тогда,
Плачу я или птица.

ДВЕ МАТЕРИ

Когда в саду роскошно птицы пели,
Светило солнце на макушку дня,
Две матери у детской колыбели
Укачивали песнями меня.

Две матери – Россия с Украиной.
Моя любовь и нежность. И тоска
По времени, когда они – едины.
Одной картины два цветных мазка.

А позже дед рассказывал мне сказки
О реках меж кисельных берегов,
Куда наш предок накануне Пасхи
Пришёл обороняться от врагов.

Святому долгу без оглядки внемля,
Он не жалел ни времени, ни сил.
И полюбил тогда Сумскую землю
Не меньше, чем Орловщину любил.

Вдыхая сладкий запах медуницы,
Здесь преграждал дорогу чужаку.
На воду глядя с берега Ворсклицы,
Он вспоминал далёкую Оку.

Отец мой тоже принял эстафету.
Он, в сорок первом севший в самолёт,
Лишь в сорок третьем, на исходе лета,
Прервал на время длительный полёт.

В слегка осевшей, старой русской хате
Стоял духмяный запах чабреца –
Возле Орла, в Приокском медсанбате,
От ран лечили моего отца.

И, перевязки делая умело,
Установив нежданное родство,
Сестричка русская душевно пела
Украинские песни для него.

Замкнулся круг, наполненный любовью.
Я – русская, украинка – сестра.
Два факела горят у изголовья,
Зажжённых от единого костра.

И зову сердца как теперь не верить!
Орловщина – моя вторая мать.
Я прихожу сейчас на Окский берег,
Чтобы Ворсклицу с грустью вспоминать.

* * *

Сжалась, как шагреновая кожа,
Бывшая великая страна.
Стала абсолютно непохожей
На себя, просторную, она.
Только за распахнутой калиткой
Колобродит прежний соловей...
А туман распухшею улиткой
Зелень объедает у ветвей.
Цепь тревожно звякнула в колодце.
Долго ль новой ожидать беды?
Бог помилуй! – может быть, придётся
Нам платить за капельку воды.
За духмяный вересковый воздух,
За журчанье вешнего ручья.
Слюнки истекают у прохвостов –
Изобильна родина моя.
Выйду на рубиновом рассвете
Травы-изумруды собирать,
Рябью набежит жемчужный ветер
На аквамариновую гладь.
Всё это дарилось, безусловно,
Мне, рождённой в звонкой красоте.
Пусть и дальше соловей влюблённый
Трели рассыпает в темноте.

* * *

На зелёной планете
Под названьем Земля
Неразумные дети
Вновь из пушек палят.
И кричат: «Я сильнее,
Это я победил!»
А от боли немея,
Выбиваясь из сил,
К ним взывает планета:
– Пощадите меня!
Я невзвидела света
От стрельбы и огня.
Стали полны озёра
Кровью вместо воды,

Открывается взору
След не той борозды,
Что оставит на пашне
Юный пахарь весной,
Здесь воронки кричащей
Снова ширится вой.
И зияют глазницы
В опустевших домах,
И границы, границы
На земле и в умах.

СВЯЗЬ ВРЕМЁН

Стихи читала о войне
Девчушка в платьице сатиновом.
Метались в клубе по стене
Отсветы лампы керосиновой.

Летел и рвался голосок
Сквозь зал немислимыми волнами,
В проём окна наискосок
Луна заглядывала полная.

Рыдали бабы не таясь,
А мужики волненья прятали.
Откуда в пигалице связь
С войной прошедшею треклятою?

Косички, галстук... Десять лет.
А в сердце – знание недетское.
От поражений и побед
Мы никуда, видать, не денемся...

Спустя полвека – тот же зал.
(Он не сравним с другими залами!)
Косой закатный луч упал
На обветшалый красный занавес.

И в загустевшей тишине,
Со сцены, убранной гравюрами,
Стихи читает о войне
Девчушка в платьице гиппоровом.

* * *

*Памяти моего дяди
Алексея Неговора*

Здесь сентябрь, как пирог слоённый,
То оранжевый, то зелёный.
Катит тыквы по огороду,
Запрягает мышей в подводу.
Перед тем, как домой собраться,

Рассказать захотелось вкратце,
Что за синей прохладной речкой
Было поле с медовой гречкой.
И с утра и до самой ночи
Там трудилась, что было мочи,
Над кипеньем крутым летая,
Пчёл, в согласии дружном, стая.
А потом на широком блюде
Плыло золото. Брали люди
Распечатанных сотов ломти.
Свет в ячейках лучисто-ломких
Распадался на сотни капель
И на хлеба горбушку капал.
Дядя Лёшка – костыль под мышкой,
Возле ульев ходил вприпрыжку.
Наблюдал за порядком строго
И почти забывал про ногу,
Что осталась в бою под Курском
На прославленном поле русском.

* * *

Ты жива ещё, моя старушка...
С. Есенин

Пока живут ещё старушки
В людьми забытых деревнях
И травы собранные сушат
В духмяных сумрачных сенях,
Где вековые ароматы
Полыни, мяты, чабреца,
На лавке старые ушаты
И рядом свежий след корца...
Жива Россия. И пред Богом
Всё ещё может быть права.
И говорят ему о многом
Молитвы простенькой слова:
«Поддай сегодня хлеб насущный
И отведи от нас беду.
Тот срок земной, что нам отпущен,
Дозволь прожить с собой в ладу...»
А вверх уходит – Боже Правый –
Спаси Россию в трудный час!
Многострадальная Держава

Опять в плену. На этот раз
Не мчится с гиканьем и свистом
Лихой раскосый басурман,
Не танк ползёт, не слышен выстрел,
Лишь клевета, подлог, обман.
Растёт невидимая сила
И разрушает изнутри.
Благословенная Россия
В незримом пламени горит.
И с каждым днём огонь всё выше,
Неистов, яростен и лют.
Но вечерной набат не слышит
Беспечный православный люд.
И лишь отдельные моленья
Осанну Вышнему поют.
Стоит старушка на коленях –
Спасает Родину свою.

* * *

Катит полночь яблоко луны
По крутой дороге небосвода.
Кто бы ведал, как сейчас нужны
Тихие мелодии природы!

Пусть они – прозрачные – текут,
Не взрывая гневом эту полночь,
Чтобы неба крапчатый лоскут
Вытер всю накопленную горечь.

И пролил предутренним дождём
Тёплую живительную влагу:
Каплями – в иссохший водоём,
Строчками – на ждущую бумагу.

Чтобы снова были силы жить,
Прирастать, как дерево, ветвями
И минутой каждой дорожить,
Дорожить хорошими друзьями.

Запахнувшись пледом тишины,
Катит Орлик медленные воды.
Катит полночь яблоко луны.
Катит жизнь мгновения и годы...

Нижегородские берега

Лариса Бухвалова

Лариса Бухвалова – член Союза писателей России. Живёт в городе Павлово Нижегородской области. Автор шести книг стихов: «Звучание сердца» (1993), «Голубь из жёлтой глины» (2003), «Вид из окна» (2011), «В тернистых аллеях» (2014), «Мы из разных миров» (2017), «Несение звезды» (2021). Публиковалась в журналах: «Зарубежные задворки» (Германия), «Литературный меридиан» (Дальний Восток), «Нижний Новгород», в интернет-альманахе «Новый континент» (США); в альманахах: «Земляки», «Третья столица», «Арина», «Светлояр русской словесности». Финалист и дипломант международного фестиваля «Мгинские мосты» (Ленинградская область), лауреат Всероссийского фестиваля «Чистое детство», дипломант всероссийских фестивалей «Русский смех», региональных фестивалей «Ока литературная». Один из авторов литературно-музыкального проекта «Русские бабы» (Елена Крюкова и Анастасия Ростова, Лариса Бухвалова).

НИТОЧКА ПОСКОННАЯ, НЕБЕСНАЯ

В каждый нитяной клубок бабушка вкладывала тело – орешек, бумагу, мой тетрадный ученический лист. Начиная накручивать, творила молитву, о жизни говорила, думала, смотрела в окно на наш кургузый тополь – на лето, осень, зиму, на вёсну. Именно на «вёсну». В ней были вёсла, лодка смолёная, в путь налаживаемая. По весне, по волне, по первой борозде на усаде. С лопатой, с лопастью по винту накручивалась на спираль пряжа, кудель галактики, запрягалась с нитью клубка, шло повествование, сотворение, стихотворение.

ГОЛУБАЯ НИТКА НА БОБИНЕ ¹

Помню с детства – мамина любимая –
крепкая, в коробочке хранимая
нитка на бобине очень прочная.
Мама умерла, а нить не кончена.
Ушивали многое и разное
этой нитью выгоревшей, ситцевой:
Бабушка с иглой умудряется,
мамино лицо, моё – традиция.
Ниточка посконная, небесная
не порвётся, потому что честная.
Ариадны нить во тьме космической.
Третье поколение – не истрачена.
Сколько ей и платьев перетачано ²,
сколько ей носков, трусов заштопано.
Нитка жизни. Ниточка семейная.
Из бобины, переданной Макошью ³.

От иконы Троицы, от вервие ⁴.
Тянется она, как будто вечная.
Дочке подаю – вот нитка крепкая,
голубая, бесконечно прочная.
Связанная тайной связью с предками,
Через сто галактик не закончится.

ИГРА С ОГНЁМ

Одна – ни братьев, ни сестёр.
Мне ближе всех стал враг –
Бегу стремглав кормить костёр,
С мальчишками в овраг.
И вот – огонь большой горит –
Полынь и сухостой.
Трещит, гудит и говорит
Со мною злой огонь.
Он жулик рыжий, как и я.
Он рвётся в языки.
И дым пускает на меня.
И ест с моей руки.

¹ Бобина – (франц.) большая катушка для прядильных машин.

² Тачать – шить сквозной ниткой.

³ Макошь – покровительница женщин и женских ремёсел.

⁴ Вервие – верёвка, шнур (устаревшее). В православии это длинная верёвка (около 40 метров), опоясывающая престол поверх катасарки. Вервие символизирует собой путы, которыми был связан Христос, ведомый на суд, и Божественную силу, которая держит собою всю Вселенную.

Как пёс голодный и родной.
И я в восторге вся.
Любуюсь золотой золой,
Как выводком лисят.
Ему я снова есть даю –
Возьми, поешь, живи!
Щенки твои с ладони пьют
Дары моей любви.
 За сердце бабушка схватясь,
 Взмолилась в вышине,
 С обрыва, набожно крестясь.
 А я чуть не в огне.
А я с костром-то говорю,
Девчонка – друг огня...
И страшно ей, что сотворю.
Ей страшно за меня.
 Огнёвка то, растёт в дому,
 Она ж нас всех сожжёт!
 – А я огонь люблю! Ему
 гудрон дарю, как мёд.
И вот уж чувствует меня.
Сметливый конь-огонь.
Я для него – дитя огня,
Сама огонь – лишь тронь.
 А бабушка мнит о худом,
 Схватила за ремень.
 От топота гудит наш дом
 В кромешный Божий день.
И вот, как в детстве, я с огнём –
Стихами выжгла мир –
Горячим, золотым пером.
И жизнь прожгла до дыр.

* * *

Памяти бабушкиной сестры Грунюшки

От кромешной тоски,
Между небом «осьмым» и девятым,
Тётя Груня носки
Полосатые вяжет робятам.
 Не своим, а чужим,
 Коль своими судьба обделила.
 Нитка жизни спешит,
 Что давно померла, позабыла.
Месяц, будто, январь,
Воскресение дня выходного.
В печке, в вольной, стоят
Караваи большие ржаного.
 Свет от утречка свят,
 Сквозь герань пробивается резкий.
 На окошках хрустят,
 Инда снег по зиме, занавески.
Из деревни, из всей.
На показ ришелье вырезное.
В Елизарово ей.
Припасла накануне сувои.

Только хлебу остыть.
А кукушка молчит. Эка жалость.
Видно, встали часы.
Вот и «Утро в бору» задержалось.
В сени выйти дока.
Нынче дух, аж зашлось, осязаем.
И отколь облака
на приступок крыльца напозаюют?..

ПОКУПКА КИЛЬКИ

После этой долгой спячки,
Сна в слепой зиме медвежьей,
Вышла я на снег горячий,
Лёд перчёный семисвечный.
 И в период всехней линьки,
 В поселковом магазине
 Встала за солёной килькой
 В очереди, посредине.
Для семи голодных кошек –
Сфинксов, спящих на окошке,
Продавец, продай на грошик
Горстку кильки в чёрной крошке.
 В дивном марте, в этом веке,
 Мир и килька да прибудет!
 Кошки тоже человеки.
 Кошки – мартовские люди!
Всем видна с небес парадных,
Я топчу снега земные –
С килькой, хлебом, псом патлатым
В марте, в эти выходные
 На тропе спляшу слоистой
 В ботах дырчатых, сюрпризных.
 Распалиться, просолиться –
 Вот она – соль нашей жизни!

* * *

Из избы несу в корыте
Горы тряпные, отжатых
Простыней белёных кипы,
Занавесок мятый бархат.
 Глубоки снега по марту.
 Облака, в них солнце светит.
 А бельё-то вешать надо,
 Чтоб проветрил ткани ветер.
Чтоб от смерти до бессмертья,
Въявь, их сквозь ветра продули,
Провертели в круговерти
Мировой небесной бури.
 Над ноздрястым настом марта,
 Над малин седой тесьмою,
 В бархатных кистях косматых
 Обдаёт меня весною.
Как шагну назад снегами,
Облаками неба, Рая –
Провалилась, ровно камень,
Грубая, насквозь земная.

Нижегородские берега

Анастасия Ростова

Анастасия Ростова – поэт, прозаик, литературный критик, автор поэтического сборника «Лезвия Розы», тетради сонетов «Венок Разрешений», исторической феерии «Маки Прованса» и фантастического романа-голограммы «Лепестки». Дипломант X Всероссийского фестиваля авторской песни, поэзии и прозы «Господин Ветер» (2021). В 2021 году награждена знаком отличия «Невечерний свет», лауреат Международного поэтического конкурса «Хвала сонету!» (2020), премии литературно-художественного журнала «Нижний Новгород» в номинации «Поэзия» (2018), поэтического интернет-конкурса «Бегущая строфа» (2018), международного творческого конкурса «Всемирный Пушкин» (2018), Международного фестиваля «Всемирный День Поэзии» (2018). Дипломант II слёта молодых литераторов (Большое Болдино, 2015). Финалист открытого Межрегионального конкурса фантастического рассказа «Будущее для человека» (2015).

Только свобода

ФОТИНЬЯ

Синий плед неба в заплатках иных планет,
Снег, голубое пальто – мне от силы девять,
Бьются в висках океаны, в тетрадках бред:
Я сочиняю. Случилось. Не переделать.

Мама ругается: «Замуж-то кто возьмёт?»
Папа вздыхает: «И правда, товар-то штучный!»
Я намечтаю и бластер, и пулемёт,
Замуж подальше пошлю, но пока беззвучно.

Бабушка мысли читает мои сквозь лоб –
Раньше, чем мне, ей моё всё прекрасно слышно:
«Не для нарядов ты, а по душе озноб!»
Вьюжит мука. Наше тесто выходит пышным.

«Ты оставайся собой, продолжай мечтать, –
Скорбная складка у бабушки под губами: –
В мире моём я – Фотинья, совсем не та...»
Кто не поймёт, те живут и умрут рабами.

Бабушка в мир свой отправилась через год,
Плакал отец, даже сахар горчил полынью...
Где-то внутри, под кудрями ещё живёт:
«Ты продолжаешь – и славно. А я – Фотинья!»

ПАМЯТНИК БРАТУ

...и вот они тебя собрали вновь –
Кто сколько смог, по искрам и по крохам,
По параллельным выдохам и вдохам,
По памяти и по обрывкам слов.

И этот ты как будто и не ты –
Струящийся спокойным грустным светом,
Как ангел из разбившейся ракеты,
Как сон, не дотянувший до мечты.

«Не прав» уже не значит «виноват» –
Не все при жизни расправляют плечи...
Ты не судим по правде человеческой
И в смерти не один. Мы помним, брат.

ИЗ ДЕТСТВА С ПРИВЕТОМ

Так стремишься вернуться из дальних стран
В город школы, песочниц, дворов и детства –
Поискать в нём рубцы от заживших ран,
Отдышаться и заново оглядеться.

Мы гоняли по пыльной коробке мяч
(Кто не мог в нападении, был в воротах)...
Серый умер, Юляха – серьёзный нач,
Ксю в разводе – сбежала от идиота.

В Петербурге, в Стамбуле, в раю, в Москве –
У ребят изменились места прописки...
Тонет солнечный луч в золотой листве,
СМСки летят, как тогда – записки.

Вот и не к кому с тортом уже прийти,
Только дурочка Оля меня окликнет...
Отдаю ей коробку, и я – в пути.
«Ничего не вернуть, – я шепчу, – привыкни».

ВЛАДИСЛАВУ КРАПИВИНУ

Мы же, правда, увидимся, Командор?
Оболочки подводят – бывает, стыннут...
Проходите зеркальный свой коридор –
Тёплый ветер расправит, как парус, спину...

Птицы книг вам под ноги стремглав летят –
Разве будет вам скучно с такою стаей?
Миллионы фонариков у ребят –
Это ваши созвездия расцветают!

Вам – салюты от тысячи кораблей,
Самолётики, планеры – с жёлтых окон!
Для детей, остающихся на Земле,
Серебрится нейронная сеть волокон:

Загадали загадки нам – и ушли,
В новый класс прошагали, до новых знаний...
Помнят вас журавлята и журавли –
Улыбайтесь оттуда. Вы наше знамя.

НАДЕЖДЕ КНЯЗЕВОЙ

Летит, бежит, идёт по городам,
Листая книги лиц, сердец и судеб
Раскладывая буквы по рядам,
Как пишу разливают по посуде,
И говорит на разных языках –
На струнном, человечьем или птичьем,
Как мягок волос, ласкова рука,
Как славен Бог в любом своём обличье...
Она поёт... Молчи – она поёт,
Не смей перебивать и прекословить,
Не осуждай поющую её,
Не путай нитей в трепетной основе,
Не рви, не замыкай их на себе,
Давай ей быть, как музыке и эху,
Как сказке иль народной ворожке,
Как здравице, застрявшей под застрехой,
Дай просто ей с тобой происходить –
Прими преображенье и круженье,

Попутай «позади» и «впереди»,
Ищи наощупь нужные ступени...
Твой берег – безымянная земля,
Не знает короля и корабля,
И за тобою первый ход и шаг.
Довольно миру этому неметь,
Тесни собою и кимвал, и медь,
О Человек, что так душою наг...

СПИРАЛЬ

Посвящение К. С.

Шагающих в волнах вдвоём
Какая сила остановит?
За спуском следовал подъём,
И прирастала новь к основе.

Нас мучил солнечный рентген,
Но он не выявил изъяна:
Ты не сказал: «Сдавайся в плен!»
Я не ответила: «Не стану!»

К ступням, обласканным песком,
Струилась песня с теплохода...
Мы шли тропинкой-волоском,
В конце которого – свобода.

Мы назывались «ты» и «я»,
Был парус, не было штурвала...
И смерть, в улитке бытия
Вдруг закружившись, застревала.

ЦЫГАНКА

Сидел на остановке и курил...
Портал вокзальный. Преисподней лица.
Сквозь выцветший реальности акрил –
«Эй, мать, а научи меня молиться?»

Ты весь – одно желание обнять
И плач по женщине – любимой и беспутной,
Набрал ты номер Бога сквозь меня...
Глаза блестели поволокой мутной.

В моей гортани – песни и стихи,
Как в горлышке восточного кувшина...
Нас окружали дУхи и духИ...
«Пиши. Я – Саша, а она – Марина!»

«Я всё отправлю почтой ей, как есть,
Я даже разворачивать не буду...» –
Последняя надежда, а не лесть,
Последний отсвет прежней веры в чудо...

«Она ведь у меня уже сидит,
А сам я в розыске, и завтра суд – закроют...»
И наркоман, пьянчуга и бандит
Ревел, как сто лирических героев...

Смеялся он на шатком берегу,
Крича: «Я верю брату вашему цыгану...
Умеете – я всё теперь могу,
Я, если хочешь, на колени встану!»

И ток был – сообщение одно,
Небесным скорострельным телеграфом:
«Ты оттолкнёшься, Саша, это – дно,
Иди сдавайся. Выплати все штрафы».

«Потом, как выплывешь. Ты будешь бизнесмен –
Я жду тебя с цветами на концерте...»
Ушёл, смеясь. Закончился обмен
С той вечной силой, что сильнее смерти.

ВЕСНОДЕЛЬНИЦА

Говорят, что она вызывает весну не глядя,
Не касаясь, не думая, даже не видя в снах...
Вышивает созвездия танцем на водной глади,
Пропуская сквозь пальцы любимые имена.

Говорят, что она чемпионка по весноделью –
Обречённые жизни с ней вместе не верят в смерть:
Из болота тоски поднимается газ веселья,
Звонкий гейзера плеск, рассмеясь, разрезает твердь...

Говорят, не страшны ей железные когти стужи –
От нападков зимы ей становится лишь весной.
Говорят, семь веков ей для счастья никто не нужен,
Но... ты можешь проверить. Рискни – познакомься с ней.

СОКОЛИНАЯ ПЕСНЯ

У Марьи в прошлом – недооценка людских страстей, языков и правил:
С чужого джема крадут и пенку, недобрый глянул – считай ограбил.
Что девка счастье пером опишет, зевака праздный охотно верит,
Но сокол с Марьей летят всё выше – всё голоднее не-люди-звери.

И вот у Марьи дыханье сбито, колпак и посох блестят железом,
Сапог испанский для долгих пыток и край просфоры, чтоб губы резать...
И судят, судят её за почерк, за взгляд искрящийся соколиный,
Она молчит, как Маресьев-лётчик, и их не ставит ни в грош с полтиной.

Назавтра солнце встает над рощей, клубится дым покрывалом рваным,
Весь исхудавший, как чьи-то мощи, сокол решается стать Иваном.
Росистых капель сверкают грани – он вопрошает о Марье море...
Эта легенда не перестанет – как золотой цвет и цвет лазорев.

Берега Амура

Александр Герасимов

Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург. Родился в 1955 году в таёжном Приамурье, на Дальнем Востоке работал учителем, корреспондентом, редактором газет и телевидения, председателем телерадиовещательной компании, трижды избирался председателем Амурской областной организации Союза журналистов России. Награждён орденом преподобного Сергия Радонежского Русской Православной Церкви, Заслуженный работник культуры РФ. С 2011 года живёт в Калининграде. Рассказы публиковались в России, Австралии, Германии, Канаде. Член редакционного совета литературно-художественного журнала «Берега».

Рассказы

Волки летом людей не кушают

В электричке сел напротив бабульки. Улыбчивая, чем-то на мою покойную матушку похожа. Должно, видит в моих глазах участие и рассказывает не умолкая: «Нас в войну у мамы пятеро было. Отец погиб. Деревню немцы сожгли. Жили в землянке. Всю траву вокруг съели. Крапиву, лебеду, заячью капусту. Однажды все ушли, я выбралась из землянки, в лес забрела, заблудилась. Плачу. Подходит большая серая собачка, лизнула меня. Я обняла её, реву: собачка, отведи меня к маме домой. Та пошла и на меня оглядывается, зовёт за собою. Привела к землянке. И потом ко мне приходила, когда я одна оставалась. Играла со мною. А как-то старшая сестра вышла на порог и увидела. Даже белую стала: это же волчица, говорит. Потом вернулась мама, успокаивала, говорила: волки летом людей не кушают, они зимой нас съедят. Но мы к зиме в город перебрались, построили шалаш и жили в нём».

Электричка к нашей остановке подошла. Помог бабушке спуститься по вагонным ступенькам, взял под локоток, пошли к привокзальной площади.

– Сестрёнка Аня умерла, слабенькая была. Молочка бы ей. Корову Малинку вместе с колхозным стадом угнали, чтобы немцам не достались. А уж как наши вернулись, идёт мама по улице. Мимо стадо коров гонят. Одна корова как выскочит, бросилась к маме и давай её лизать! Наша коровка – Малинка!

Не успел я дослушать этой истории. Бабушке надо было к автобусной остановке, мне в другую сторону. Попрощались. Шёл я к дому и всё думал про ту коровку Малинку, мне так хотелось, чтобы её им вернули...

Счастье

Реанимация. Белые ширмы. Сосед, весь в проводах и трубочках, улыбается в потолок:

– Сорок пятый. Весна. Усурийск. Мне четыре года. Жили в угловой комнате казармы. Вбегает отец, очень возбуждённый: «Дежурный! Открывай пирамиду!» Прибегает сержант – дневальный по казарме, открывает замок комнаты, где в «пирамидах» составлено оружие. «Давай пулемёт! – Отец хватает пулемёт: – Коробку патронов и за мной!»

Отец вылетает на улицу, за ним с большой железной коробкой гремит сапогами дежурный. Солнечный день. Я бегу следом. И отец меня не прогоняет. Он зовёт меня! Я понимаю: сейчас будет война. Отец будет стрелять по немцам-фашистам, и я ему нужен. И страх и восторг.

Отец устанавливает пулемёт на забор. Сержант подаёт металлическую ленту с жёлтыми патронами. «Ура-а-а! – кричит отец и длинной, очень длинной очередью веером выпускает пули в весеннее небо. – Ура-а-а! Победа-а-а!»

Откуда-то выскакивают люди с оружием. Все стреляют и кричат. Мне становится страшно, я убегаю и прячусь.

Мама находит меня в темноте под кроватью, на руках выносит в ясный день. Мама плачет и целует меня: «Победа, сынок. Победа...»

«Шутник»

В деревне пастух был. Звали его Полтора-Ивана. Здоровенный добрый дядька, в войну контуженный – глуховатый. Осенью погнал он коров через убранное кукурузное поле. И тут волк ему на спину запрыгнул. Вцепился мёртвой хваткой в брезентовый капюшон плаща, рычит, мордой крутит. А Полтора-Ивана на ухо тугой, рыка волчьего не слышит. Подумал, что кто-то из деревенских шутит, подкрался и напрыгнул сзади, покататься захотел. Бригадир колхозный любил так порезвиться.

– Да ладно, – говорит Полтора-Ивана, – пошутил и слазь. Не буду я тебя катать.

Шутник не слезает, ещё и дёргается на спине.

– Что за дурак? – говорит пастух.

А тут вниз глянул и увидел: между ног серый хвост болтается.

– Что за ерунда? – нагнулся, схватил за хвост и дёрнул хорошенько.

Батюшки! Так это же волк!

Полтора-Ивана, не выпуская хвоста из рук, раскрутил хищника над головой и со всей дури – невероятной своей силищи – бросил. Волк пролетел над полем и шмякнул в придорожное дерево. Сдох сразу, даже не визгнул. Крупный волчара оказался, всех коров распугал. Пришлось до вечера стадо собирать.

А в деревне над пастухом потом долго смеялись.

Конфуз

Борода у деда во-о-от такая, до пояса. Сам он – мужчина крупный и очень старый. И собака у него тоже большая и старая, очень лохматая. Они вместе любят сидеть на завалинке, греться на солнце. Дед всегда в шапке и валенках. Собака сама как старый тулуп в серых валенках. Иногда дед один сидит. А иногда собака без деда.

Соседка Бабаня, баба Аня Бабанина, старушка подслеповатая, мимо идёт, кланяется:

– Здравствуйте, дедушка.

Пёс в ответ:

– Гав! Гав!

– Тьфу, нечистая! Прости Господи!

В другой раз сам дед на завалинке. Бабаня вновь идёт, кланяется:

– Здравствуйте! Вы собачка или дедушка?

– Дедушка!

– Слава Богу, прости Господи!

А ещё дед рыбалку любит. На деревенское озеро ходит с правнуками Сёмкой и Васькой. Штаны снимут и давай руками карасей ловить. Дед свою длинную рубаху в поясе верёвкой подвяжет и рыбу за пазуху прячет. А собака на берегу ждёт.

Вот раз увлёкся дед рыбалкой. Правнуков эта затея утомила, стали они нырять и плескаться. Дед ловит и ловит, а пойманные караси разгулялись в пузыре рубахи и давай его в воду тянуть. Дед к берегу хочет вылезть, а рыба в глубину тащит. Дед кричит:

– Сёмка и Васька сиротами остались! Внучата сиротами остались!

Главное дело, не на помощь зовёт, а причитает по внукам-правнукам. Людям и невдомёк, что тонет.

Только пёс все понял, бросился в воду и стал за ворот деда тянуть. А тот пузырь рубахи руками держит, чтобы караси не разбежались. Здесь и народ подоспел, – помогли вытащить.

Кукушкины слёзки

Под утро, чуть свет, приснился мне цветок – венерин башмачок. Глаза не открывая, боясь спугнуть наваждение, стал о нём думать. Этот цветок мама называла «кукушкины слёзки». Дивное прозвание на нашем Амуре. Цветок и впрямь похож на дутую обманную каплю – слёзонька кукушки по подброшенному кукушонку.

Амурский венерин башмачок – таёжная орхидея. Встречал разных видов и окраски. Есть с россыпью бисерных крапинок на пухлом зеве цветка. Бывает нежно-золотистый. А ещё светло-лиловый. Ещё и малиново-розовый, похожий на капризно надутые губочки с трепетно проступающими яркими капиллярами.

Часто венерин башмачок видел рядом с ландышами, должно быть оттого, что зацветают в одно время – конец мая и начало июня. У белого ландыша дерзкий радостный запах, рядом с ним аромат орхидеи неуловим. Но на таёжных полянах, у опушек роц и лесочков являлись мне и одинокие венерины башмачки, а порою семейки. Даже в горной тундре на съёмках фильма о северном заповеднике встретился: крохотный, обдуваемый ветрами. Помню, директор заповедника опустил перед едва приметным цветиком на колени, восторженно, затаив дыхание, со всех сторон щёлкал затвором фотоаппарата, сказал, что ещё никто никогда в мире не встречал орхидею, растущую в таких условиях.

Венерин башмачок занесён в Красную Книгу России, охраняется законом.

И о запахе амурской орхидеи. Оказался он тонким и нежным, трогательным, волнующим. Както в Таиланде был на экскурсии в великолепном Саду Орхидей, в королевстве тысяч фантастически красивых цветов, но что удивительно: совсем не помню их запахов. А прозрачный аромат моих таёжных кукушкиных слёзок, кажется, не забываю. Не от этого ли воспоминания я улыбался просыпаясь?

Малина

Малина-малинка... Уж какая она на рынках крупная да калиброванная. Всяко-разная. Не только малинового окраса. И светло-розовая, и жёлтая, и свекольно-пунцовая, и чуть ли не чёрная в цвет ежевики. Красивая ягода, но всё водянистая. И аромата истинного нет. Разве сравнится она с малиной нашего детства? В глубинах памяти сохранил я вкус и запахи той настоящей малины.

Ещё только солнце восходило, карабкалось в утреннее небо, а мы уже бежали по холодной траве к высоким развалистым кустам, ведь даже ночами ягоды вызревали. Тянули руки в росистые колючие ветки, осторожно стягивали нежные ягоды с плодоножек.

А к полудню малинка вновь поспевала. В зной она бывала ароматнее. Горячий воздух густо пропитывался запахом спелых ягод. Но и твёрдые с недозрелыми бочками отправляли мы в ненасытные наши рты.

– Да подождите же вечера, – просила мама, улыбаясь, – пусть ягодки ещё немножко на солнышке прогреются.

Вечерами, набегавшись за день по улицам, мы опять вспоминали о малине. Уже тоненько позванивали комарики. Малина на закате была несравненно слаще утренней и дневной, только уже и сил не было собирать её. Мама помогала нам: ладошки спелых ягод протягивала младшему брату и мне.

Стрекоза

Июль, палящий зной, зыбко слоится воздух. Потоки солнца обжигают, прохожие идут чуть тенистым краешком вдоль сникших деревьев.

Увидел её на тротуарной плитке – прозрачные крылья безжизненно опущены. Наклонился, поднял. Занесло же бедолагу в хаос городской суеты. Ладно бы в парк улетела или на полянки городских клумб, – в этом районе последние травинки пожухли.

Красивая: голубые дымчатые полушария фасеточных глаз, грудка зелёного нефрита, брюшко синее перламутровое. Лапки недвижны, скрючены. Осторожно трогаю пальцем эти лапочки. Живая! Ухватилась цепкими коготками. И куда мне её? Поменял я маршрут, отнёс стрекозку на пруд у моего дома, устроил в тени камышей.

Вот как-нибудь приду на берег с удочкой, и моя стрекоза прилетит, сядет на поплавок и будет его раскачивать. Да ладно, – скажу ей, – дались мне те караси, веселись, красавица!

У стрекозы любимая забава – на поплавке рыбака танцевать. А как она ловит комаров! Помните, вы видели: ловит на лету в стремительном рывке, зажимает в лапках, первым делом отгрызает крылышки, а пока те тихо падают, зависает в воздухе, со всех сторон обжёвывает комарика, заглатывает, тут же – броском в сторону – хватает следующего, опять крылышки опадают... Места охоты стрекозы усыпаны комариными крыльями. Чтобы приметить это – надо вернуться в детство.

Страна дождей

Непогодой назвал бы нашу летнюю жару.

Знойно-гнетуще. Жухнут травы, рабски сникают листья, в морном выцветшем небе плавится бесформенное светило. Ни продохнуть. Ни спрятаться. И мглистыми ночами душно, не отпускает.

Но приходит август. Месяц гроз.

Перед рождением первой грозы мир обомлевает, цепенеет, как пред погибельным пределом. Надсада, растерянность, опустошённость. На деревьях листик не шелохнётся. Птицы не летают, голосов не подают. Время останавливается. Пыльные окрестья недвижны. Даже сердце замирает, раздумывает – стучать ли...

Дневная тягучесть перерастает в ночную. Где-то за горизонтами беззвучно проблёскивают, круговертят, но никак не приблизятся грозы.

И только за полночь, под самое утро, когда и не надеешься уже, вдруг сверкнёт рядом совсем! Разорвёт, треском ошеломит тишину! Ударят хлёткие капли. И как обрушатся лавины негаснущие молний и каскады несмолкаемые громов! И как хлынут потоки вод! Сначала полосами, окатно. Вослед густо, огрузно.

Отрадно, тревожно, жутко. А люди улыбаются, засыпая блаженно под высверки, сияния и грохот.

Потом приходит рассвет.

Наступает утро упокоения и чистоты.

Умиротворённость и благоуханность – дольный мир после грозы.

Благорастворение воздушных.

А как милы сердцу слепые грибные дожди! Они из детства. Солнышко даже за облака не прячется, щурится, жмурится. Серебряные дождики свозь лучи моросят. И зонты люди не раскрывают. А промокнув, не огорчаются. Но главное, ручаюсь, обязательно случаются радуги. Можете проверить.

Вёснами и летом бывают и самые обыкновенные дожди. Вдруг явятся из ниоткуда, пошумят, а потом растворятся в синеве неба и просохнут в зелени травы. Тоже хорошие дождики.

Обложные дожди, когда всё небо плотно беспросветно затянуто. Могут идти многими днями и ночами напролёт. И кажется, уже конца им никогда не будет, что во всём мире так.

В такие дожди хорошо думать, ничто не отвлекает. И в этом своя прелесть.

Лихие от напора ветров дожди – косохлёсты. В пути застанут – сухим не выбраться. Зато так хорошо после них греться у дымного костра, у натопленного камина или у раскалённой печи, – приключения, о которых рассказываете, посмеиваясь.

Дожди с градом, горохом-разбойником, иногда в мандарин величиною и ледяною формой. Они жестоки, беспощадны, но и в этой безумной стихии есть чарование.

Дожди со снегом. Они могут пойти и в августе. Люди любят фотографировать в такую погоду цветы, считают их необычно красивыми в снежных шапках и сугробах.

Осенние дожди. Спокойные, затишные. Сквозь них не надо торопиться. Они наполнены мудростью, надеждами и думами о вечном.

Проливаются, моросят, низвергаются, тарабаниют, шелестят и грохочут ливни, дождики и грозы. В России они особенные. Приносят печали, томления и радости, преисполняют сердца Вселенской любовью.

Зазимок

Первый снег – зазимок. Выпадает под утро, перед рассветом, когда морозен воздух. Белым-белёхоньким всё припорошит. Необыкновенно светло от него. И так радостно на душе. Казалось бы, просто снежок выпал, а улыбаешься как ребёнок. И никак надышаться не можешь этим прозрачным искристым снежным воздухом.

На Амуре первый снег случается в конце октября, часто в мой день рождения. Мама рассказывала: родила ранним утром, в окно посмотрела – падают большие белые снежинки – зазимок.

Какое красивое и почти забытое нами слово...

Письма в минувшее

Брата похоронили за кованой оградкой рядом с мамой. Когда-то он целую зиму выковывал ту оградку, устанавливал её, показал, где будет и его могила.

Серёжа был учителем. Жил в учительском доме во дворе школы. Уже и не работал по болезни, а к нему стучались в любое время днём и ночью, если случались аварии: отключалось электричество, забивало канализацию, – шёл – ладил, ремонтировал, спасал. Мужик. Всё умел делать.

Он писал картины по памяти: приамурские пейзажи, трогательные натюрморты цветов. Вырезал из дерева таёжных изюбрей, лосей, глухарей. Это было развешано по стенам школы от гардероба до самых дальних её уголков. И ни один ученик не осмеливался что-то повредить, все знали, чьи это работы.

Когда перестал вставать, звал жену читать и перечитывать мои рассказы. Слушал. Просил передать, чтобы вспомнил я и написал о том, как в детстве мы ехали с мамой в тёмную ночь на попутке-полуторке где-то очень далеко за городом, куда-то к отцу ехали, и заглох мотор, стало темно, машину окружили волки... Я пытаюсь вспомнить ту историю, но никак не могу. А ведь я на три года старше.

Не успел расспросить. И не вывести уже ни в разговорах, ни в письмах.

Берега Амура

Ольга Крутикова

Ольга Крутикова – родилась в 1981 году в селе Новокиевский Увал Амурской области. Выпускница Благовещенского государственного педагогического университета.

Работает пресс-секретарём областного управления госслужбы. Публиковалась в литературных альманахах: «Амур» и «Приамурье».

* * *

Мой дед, мой дед, погибший под Берлином,
Скажи, что видел ты в последний раз,
Воронежского храма лик старинный?
Сестры прощальный всполох серых глаз?
Немецкими рассветами отпетый,
Красивый русский молодой комбат,
Мой дед, мой дед, хотя совсем не дед мой,
А бабушки моей любимый брат.
Ты не успел создать семью, беззвучно
В могиле братской спишь на самом дне,
Но я – твоя единственная внучка –
Пишу тебе письмо в небытие.
Мой дед, мой дед, твой помня подвиг славный,
Сегодня празднует цветущая земля.
Хотя какой ты дед, ведь по годам мне
Теперь годишься только в сыновья.

* * *

Здесь, на Востоке Дальнем,
Снова зима и боль.
К синей своей печали
Ты прикоснуться позволь.
Вижу отсюда в стужу
Сквозь молодой январь:
Носишь в себе не душу –
Зыбкую сизую марь.
Месяц ревнивый носишь
Над снеговой тайгой.
Ночью выходят лоси
К сердцу на водопой.
Заяц бежит, испуган,
Филин во тьме молчит,
И голубичной вьюгой
Сердце во сне сочит.
В город твой новый, славный,
Морем разбуженный гулким,
Розовых птиц отправлю,
Как оживёт багульник.

Только молчишь, не рад ты.
Занесены дороги.
Нет к нам в тайгу возврата.
Солнце – медведь в берлоге.
Здесь, на востоке брошенном,
Вьётся позёмки след.
И не найдут прохожие
На твою боль ответ.

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Между тобой и мной двухтомник зелёный,
Оттиском золота имя твоё на нём.
Ты куришь трубку на фото, и дым обречённо
Тянется тенью сквозь мой оконный проём.
Так от твоих стихов светло и душисто,
Словно букет разнотравья держу в руке.
Мне никогда не найти этих слов монисто,
Чтобы с тобой звучать на одном языке.
Здесь, среди людей не поющих, отчаянно
жутко.
Я и сама у молчанья давно в кабале.
Спой мне там, на небе, под Божию дудку.
Это и всё, что хочу я сейчас на Земле.

* * *

Послушай, я знаю такие места,
Где с глазу на глаз и из уст в уста
Срывается ветер, как птицы с куста,
Душицей бежит за верстою верста,
И сотни несмятых цветут васильков,
И скроено небо из светлых шелков.
Колосья пшеницы – царевичей ряд,
К ним звёзды ночами встают на парад,
И мягкой постелью ложится трава.
Послушай, я знаю такие слова,
Что кругом твоя поплывёт голова
И ты на ногах уцелеешь едва.

* * *

Под твоими ногами снег как чудо,
Ковёр из только что скошенных одуванчиков.
Завернись в него и лети отсюда,
Как последний адепт, из секты сплошных
романтиков.
И не надо лечиться от чьих-то пустых разговоров,
И прикуривать солнце из чьих-то ладоней чужих,
Ты ведь сам себе проводник, ну вот тот, который
От Небесного Лекаря к душам людей земных.
И носи, как мантию, не снимая с плеч своих
Так искусно скроенный в дорогом ателье
Этот газовый шарфик из парящего Млечного
От, тебе знакомого, Небесного Кутюрье.

* * *

И снова к Тебе прихожу. Аскетичен, строг.
Всезнающ, и всемогущ, и, конечно, светел.
Пожалуйста, сотвори мне горячий грог.
Звучит, как последняя просьба моя на свете.
Сейчас отдышусь и пойду постигать Твой смысл.
А именно: ужин готовить, бельё стирать,
Детей воспитывать, мужа с работы ждать.
И я в этом смысле отменный специалист.
Одно не совпало, мой ласковый нежный Бог,
Прости панибратство моё, не сочти гордыней.
По духу я откровенный синий чулок,
Такой исключительно аквамариновый, синий.
Мне нравится грог Твой, он лечит меня изнутри,
И улиц небесных широкий льняной палантин.
И кресло-качалка у ясной и тихой зари,
Тебе заменяющей жаркий глубокий камин.
И этот Твой взгляд, как обычно животворящ,
Меня провожающий в путь неизменно длинный,
Когда Ты стоишь, завернувшись в свой синий
плащ,
Такой невозможный, неведомый миру синий.

* * *

Вот с таким оттенком скупого официоза
Ты больше мне писем вежливых не пиши.
Луна сегодня крайне амбициозна
И претендует на место моей души.
Пора уступить и без лишнего боя сдать.
Пожалуй, взаправду махнёмся телами с ней.
И от таких волнительных реинкарнаций
В подлунном мире станет ещё светлей.
Пойду шататься по небу бездомным мигрантом,
Сверкать то грошами, то крупной зелёной
валютой.
А может быть, стану почище земного
бриллианта,
Но мерить меня не в каратах, а в кратерах будут.

* * *

Ночь надо мной склонила профиль свой
точённый,
Сидит, не поднимая головы.
Сегодня снилось, будто я – учёный.
И мой предмет исследования – вы.
И я часами билась над задачей
Найти к вам ключ – решение простое.
Все ваши фразы ничего не значат.
Все мои мысли ничего не стоят.
Я – мореплаватель, уставший от отплытий,
Фантаст, безумный от изобретательств.
Ещё не знаю: вы – моё открытие
Или гипотеза без всяких доказательств.

* * *

Если снег – то холодное молоко,
Если вороны – то кофейные зёрна.
Я устала от этих метафор, хочу легко
И воздушно, без мелодрам и попкорна,
Рассмешить тебя. Или немного согреть.
Растопить и расслабить. При этом остаться
Белым снегом – лицом, и глазами – черней,
Чем огромные стаи вороньего братства.
Откровенно, без хитросплетения слов,
Напоить тебя воздухом, морем, движеньем,
Чтобы выдумке всех философских основ
Ты сейчас предпочёл тишины притяжение.
И от косноязычий, отправленных прочь,
Стать защитой, шатром, небоскрёбом, завесой!..
В турке зимнего города варится ночь
Черноглазым горячим двойным эспрессо.

* * *

И глянец блестящим веет мне
От жизни – уже не матова –
Когда прилетают феи две –
Цветаева да Ахматова.
Как Золушке – рис от гречки
Очистят мой стих за час
От всякого просторечья
И пошлых бессмысленных фраз.
Продлав работу, феи
Вздохнут, покачав головою,
Что вся волшебства эпопея,
Чтоб принца задеть за живое.
Но сказки финал изменчив.
Когда пропадёт вдохновенье,
Я буду смотреть на вещи
Без всякого сожаленья.
И если почует опасность
Мой принц и поймает с поличным,
Я буду сама бесстрастность,
Мол, так, ничего личного.

Берега Амура

Валерий Черкесов

Валерий Черкесов – родился в 1947 году в городе Благовещенске Амурской области. С 1982 года живёт в Белгороде. Собственный корреспондент «Литературной газеты» по Центральному федеральному округу.

Автор более двадцати книг поэзии, прозы, публицистики, произведений для детей, изданных в Москве, Белгороде, Благовещенске, Воронеже, Хабаровске. Стихи и проза печатались во многих столичных и региональных антологиях, альманахах, сборниках, журналах, газетах.

В Союз писателей СССР (России) был принят 30 марта 1991 года. Лауреат Всероссийской литературно-театральной премии «Хрустальная роза Виктора Розова» и Международной литературной премии «Прохоровское поле», дипломант IV Международного славянского литературного форума «Золотой витязь». Награждён медалями «Патриот России», «За вклад в отечественную культуру», «За заслуги перед землёй Белгородской» II и I степени.

9 МАЯ В БАЛТИЙСКЕ

Обозначились чертой
Корабли на горизонте.
Чайка вскрикнула в полёте
Над свинцовой волной.
Вечной памяти гранит –
В камень женщина одета,
Малыша прикрыв от ветра,
Смотрит, как заря Победы
Над Прибалтикой горит.

ПЯТИДЕСЯТЫЕ

Днём – на «железке», на мануфактуре,
к ночи – раскладывали лото.
И не роптали на жизнь, ну а кто
вдруг начинал, тут же в голос бабули
шикали: «Что это ты, понимаешь,
жалишься, ведь не война, не война-то!..»
И позволялось лишь тёте Наташе,
вдóвой, рыдать, как весной в 45-м.

ЛЕДЕНЦЫ

Слипшиеся леденцы
тают в ладошках.
Мальцы,
делим их честно, по-братски,
словно паёк солдатский,
и запиваем водою
из фляжки с осколочной вмятиной,
и гордимся страной,
где есть такая вкуснятина.

БОЦМАН

Поднимавшийся в атаку
с отрядом пехоты на Балтике,
конвоировавший английские суда в Арктике,
повоевавший с японцами на Тихом океане
и списанный на берег из-за контузии
при тралении американских мин у Корейского
полуострова,
боцман Иван Павлович Чернавцев,
надрвавшись в заплёванном павильоне
Первомайского парка,
не обходил лужи.

Он брёл, пошатываясь, посередине дороги,
распевая: «Раскинулось море широко»,
и машины осторожно объезжали,
а завалившись в глубокую вымоину,
рвал на груди полосатый тельник, ревя:
«Врагу не сдаётся наш гордый “Варяг”».
Когда мы, пацаны, волокли моряка домой
тяжеленного, как набитый камнями матрас,
он незлобливо матерился и обещал назавтра
накормить нас до отвала соевыми конфетами.

ПОЛЕ 1945 ГОДА

Думали, земля не уродит:
Столько смертоносного металла
За войну в себя она впитала!
Лемех в борозде гремит, звенит.
Думали, но делали своё:
На себе родимую вспахали,
Зёрна, помолвившись, закопали,
Песней разогнали вороньё.
Бабы, старики и ребятя –
Мужики на фронте воевали –
На поле порою ночевали, –
Не хватало для работы дня.

Политое потом и дождём,
Кровью окроплённое в сраженье,
Поле ожило – на удивленье! –
Добрые хлеба взошли на нём.
И когда с Победою пришли
По домам солдаты, подавали
На столы большие караваи –
Дар спасённой матушки-земли.

ОН И ОНА

Кляла, но под руки брала
И на себе домой тащила.
Откуда поднималась сила? –
Об этом ведать не могла.
А он, как малое дитя,
Мужик о сорока годов
Кричал отчаянно, без слов,
Седою головой крутя,
Скрипел зубами по утрам
И глухо всхлипами давился...
...А хуторской народ дивился
Замысловатым орденам:
Французский, польский и ещё
Какой-то пламенно сияли.
Позвякивали медали,
Оттягивали плечо.
Не инвалидом в майский день
Он был, – защитник, победитель!
(О, как же, ноги, вы болите,
Когда протезами скрипите!)
Как будто солнечная тень
Стояла рядом, улыбалась
Его счастливая жена.
Ни сострадание, ни жалость –
Ничья! –
была им не нужна.

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

Он бы поехал,
поклонился печальному холмику,
под которым отец
уснул навсегда, –
желанье своё
наконец-то исполнил,
да не знает, куда.
Он бы показал это место
своим потомкам.
Может быть, когда-нибудь
помянули деда
горькою стопкой,
слезу уронили на грудь.

Далеко-давно
замолчала война,
но в сердце его
не утихла она,
осколком горячим колется:
где же отец покоится?..

* * *

А в распадке – голубица,
и на мари – голубица.
Собираю, загребаю
ягодки ладошками...
Это детство снится, снится...
Тяжелеют на ресницах,
щиплют веки нестерпимо
слёзы вновь непрошенные.

Неужели было это?
Щедро раздавало лето
пацанве послевоенной
все свои богатства
поровну – и не монеты,
а закаты и рассветы
и надежду, что однажды
папы возвратятся.

* * *

На плешивых полянах, повибитанных выпивохами,
среди буйства черёмух, роняющих пенистый цвет,
мы росли, словно дички, довольствуясь сызмальства
крохами,
в многоликой стране, отходящей от боли и бед
недалёкой войны, о которой из первых уст знали,
и – Закурим, товарищ! – взятяжку дымили юнцы,
и по праздникам, помню, отцы надевали медали –
у кого они были, конечно, отцы.

* * *

Горько, больно поверить, и всё же когда-то случится –
в неизвестную вечность последний уйдёт фронтовик.
Будет солнце лучиться, сильнее и ярче светиться
или дождик печальный внезапно заплачет в тот миг.

Как шинелью накроют, как знаменем, тёплые тучи:
– Спи спокойно, солдат, под покровом святой тишины
в небесах заповедных, где, может, не хуже – не лучше,
чем на брэнной земле, но зато не бывает войны.

Берега Новороссии

Юрий Хоба

Место обитания – Донбасс. Полтора километра от линии фронта. Автор семи сборников прозы, Золотое перо Донбасса.

В прошлом – помощник капитана судов заграничного Азовского морского пароходства.

Спаси и сохрани

Рассказ

– Где только смергонька моя бродит? – пожаловалась бабка Серафима, и, словно соболезнуя хозяйке, под грузным телом всхлипнула панцирная кровать.

В ответ на такие слова жены дед Михей лишь пожал плечами. Как и всякий вдосталь побродивший по белу свету, понимал, что в жизни человека бывают моменты, когда смерть воспринимается не старухой с косою, а избавительницей. Но так, как молчание могло быть истолковано двояко, молвил:

– Костлявая вроде почтарочки с пенсией. В положенный день, тюрики-макарики, мимо двора не пройдёт. Поэтому ждать её прежде срока – зряшная трата нервов. Ты лучше соберись с силами и давай выдвигаться ближе к подвалу. Слышь, возле коровников опять стреляют...

– Слышу. Но куда я не пойду. Хватит прошлого раза. Уронил с крыльца, чуть вторую ногу не поломала.

– Ещё скажи, что сделал это, тюрики-макарики, нарочно.

– Никто тебя не корит. Сама виноватая. Мыслимое ли дело, центнер весу к старости нажила. Тут не только грыжа, пупок у мужика развяжется. Если на горбу такую тяжесть таскать... Так что иди сам в свой подвал... Надо же хоть одному уцелеть. Обоих убьют – куры с голоду околеют, лихие люди машину угонят, барахлишко последнее растащат. Вернётся после войны внук Игорёха, а здесь голимые стены... Ты только табуретку с тряпьем подвинь. Заштопать кое-чего требуется. И костыли у изголовья поставь. А они пусть стреляют. Не впервой...

Дед Михей возражать не стал. Но не потому, что в бабкиных словах имелась логика. Он просто решил вернуться к начатому разговору чуть позже. После того как утвердит на ступеньках подвала заготовленные ещё вчера доски.

Вот уже который день кряду мастерит бабке эвакуатор. Для этого приспособил к садовой тачке старое кресло и хорошенько смазал солидолом ручную лебёдку. Остались мелочи, устранение которых позволит забыть о взятой в гипс бабкиной ноге и собственной грыже.

Добросовестно выполнив наказания, облачился в испятнанный сигаретным пеплом полушубок и вышел на крыльцо. Во дворе пахло подтаявшим навозом и сгоревшим порохом.

Запахи исходили от заброшенных коровников и силосной траншеи, из которой торчала башенка боевой машины пехоты.

– Сколько раз говорилось, тюрики-макарики, – проворчал дед Михей, – не трожь говнецо, оно и смердеть не будет.

Однако стрелок боевой машины адресованную ему претензию пропустил мимо ушей. Точно так же не слышал он и журчание небесных колокольчиков, которыми жаворонки приветствовали весну. И вдобавок был слишком занят. Вколачивал короткие очереди в степь за околицей.

Отсюда, со двора, деду Михею видны коровники, поле со свалывшимися лохмами ржи-самосейки и окаймлённые ошметками снега козырьки окопов на отстоящем за километр от хутора половецком кургане.

Венчали горушку скелет геодезической вышки и прикреплённый к нему флаг цвета заношенных подштанников. А ещё на кургане валялся опрокинутый броневичок и ещё какая-то железная ветошь. Скорее всего, останки павшего на поле боя бензовоза.

У окопавшихся в степи тоже имелся свой стрелок. Судя по всему, он затаился в норужке под опрокинутым броневичком. Правда, дуэль на какое-то время прекратилась. То ли окопавшийся под панцерником пулемётчик наконец понял, что бронированная дичь не по зубам, то ли его уgomонили осыпавшие курган осколки мелкокалиберных снарядов.

– Ну вот, – горестно молвил дед Михай. – А я, тюрики-макарики, что говорил? Размялись, теперь кое-что начнут большими лопатами кидать. Главное – начать. А потом чем посерьёзнее станут лупить...

Хотел добавить к сказанному, однако в балочке, за хутором, послышалось ворчанье танковых моторов, поэтому сплюнул себе под ноги и полез в подвал крепить доски, по которым должен ходить вверх-вниз уже готовый к работе эвакуатор.

Дед Михай не счёл нужным прежде срока раскрывать свои планы, поэтому бабке Серафиме оставалось лишь гадать, что означает пришедший на смену пострелушкам стук молотка.

– До чего шепутной старик, – сказала она. – Горит всё на нём. Особенно – носки. Вон, целый ворох протёртых на пятках скопился...

Однако в словах её имелось больше одобрения, чем укора. Сама даже в теперешнем своём состоянии находила занятие. Картошек начистит, петли на дедовом полушубке суровыми нитками обновит или, как сейчас, устроит ревизию обносившемуся барахлишку.

– Ты, – сострил однажды дед Михай, – и на смертном одре работёнку найдёшь. К примеру, тюрики-макарики, ленты на венках начнёшь поправлять.

Шутка получилась корявой. Но бабка Серафима оставила её без внимания. Понимала – хотел похвалить, а остальное – побоку. И вообще не имелось повода обижаться. Дед и во хмелю улыбчив, если тюкнет себя молотком по пальцу, кроме «тюрики-макарики», иного не слышала. Скажет, словно удивится случившейся промашке.

Однако своенравен. Велено отправляться в подвал, а он стучит и стучит молотком. Поглядеть бы, чем занимается, да спаленка с другой стороны дома.

Зато единственное окошко всё равно что рамка, в которую вставлена мартовская акварель. В верхней её половине небо цвета проклянувшихся сквозь снежную скорлупу пролесок. Где-то там, в подсвеченной истлевающими сугробами синеве, должны раскачиваться крылатые колокольчики.

Чуть ниже, посреди акварели, зыбится пологий холм. На нём смурноликые сорняки стерегут поверженные ниц колосья всё той же ржи-самосейки. Поэтому холм одного колеру с грязной холстиной, поверх которой запеклась сукровица.

Так же ревностно сорняки стерегут подорвавшийся на mine комбайн. Правда, сейчас он ничем не напоминает бабке Серафиме зелёную игрушку. Огонь и туманы нарядили его в ржавые одежды.

Часть акварели, а именно то место, где холм скатывается к пересыхающему летом и сейчас, наверное, взбунтовавшемуся ручью, застыт ивы, в причёсках которых пробиваются предвестники грядущего тепла – жёлтые пряди.

А ещё бабке Серафиме хорошо видна пытающаяся заглянуть в окошко яблонька с забинтованным мешковиной стволом. Упавшая посреди огорода мина нанесла деревцу ещё несколько увечий. Однако менее существенных. Поэтому дед Михай ограничился тем, что повывдёргивал застрявшие осколки плоскогубцами, а раны залепил садовым варом.

Только бабка Серафима всё равно печалится за судьбу деревца, чьи плоды к исходу лета наливаются таким солнечным жаром, что о них можно ожечь ладони. А больше всего яблонька радуется весной, когда заливает спаленку розовым сиянием.

– Выживет ли после такого? – однажды засомневалась бабка Серафима.

– Обязательно, – заверил дед Михай. – Не имеет права прежде срока погибнуть, тюрики-макарики, то, что делает землю похожей на рай.

– А когда он, этот срок, наступает?

– Ты о том Господа поспрашивай. Не меня. Моё дело – в навозе копать да молотком стучать.

Вот и сейчас стучит молоток во дворе. Только как-то глухо. Будто торопясь отделить живых от умершего, вколачивают в крышку гроба гвозди из сырого железа.

Неудачное сравнение заставило бабу Серафиму поёжиться. Однако прохуdivшийся носок уронила на одеяло по другой причине.

Вначале прошумело над крышей стайей скворцов, затем в ряду нечёсанных ив выросло чёрное, с огненными прожилками дерево. За ним второе, третье...

Что было дальше, бабу Серафима не видела. Она откинулась на подушки и прикрыла глаза рукой, в пальцах которой были зажаты игла с ниткой.

Точно так поступала в детстве, когда отказывалась лицезреть опрокинутую на скатерть молочную крынку, потраву, которую учинил в палисаде оставленный на её попечительство телёнок, и, как следствие всего, сердитое лицо матери.

Только прошлое подобно укатившимся за окоём грозам. Куда горше настоящее. Это всё равно, что сравнивать шлёпнувшую по седушке ладонь матери с карающей десницей Господа. Может смириться, а может и воздать за грехи тяжкие.

Правда, таковых за бабу Серафимой не водилось. Да и за дедом Михеем тоже. Чтобы грешить, надо иметь свободное время. А его у них отродясь не было. Все забирала тяжёлая, как у всякого подверстанного к земле, работа.

Впрочем, на небесах могли иметь своё мнение. Ведь почему-то наслали войну, которая вырвала бок у яблоньки-любимицы и которая сейчас грызёт душу её хозяйки.

По-другому не скажешь. Страх – совсем не то, каким он представлялся в мирное время. Это подтвердит всякий, будь то кошка или человек, кто познал горечь пыли полувековой давности, которую выплёвывают уголки застигнутого бомбардировкой дома.

– Смертонька, – молвила, не отнимая руки с зажатой в пальцах иглой с ниткой от глаз. – И где ты, смертонька, ходишь? Почему не хочешь забрать меня из этого ада?

И небеса вяли бабкиным молитвам. Дом вздрогнул, словно остановленный снарядом танкер, и вопль разлетающегося оконного стекла извещал о конце света.

– Дед! – позвала бабу Серафима. – Ты живой?..

Но откликнулась лишь сорванная с навесов и теперь опрокинувшаяся на пол входная дверь. И сразу же стало зябко. Казалось, спаленку захлестнуло холодное, вперемешку с гарью половецкое.

Кое-как дотянувшись до поверженных костылей, поднялась на кровати. Расстояние от спаленки до сеней в молодости бабу Серафима пролетала игривым ветерком, а теперь оно показалось ведущей в никуда полевой дорогой.

Видно, так уж устроен земной путь всякого живого существа. На рассвете он мчится по заросшей весенними ирисами долине, а вечером едва карабкается на холм. И чем ближе ночь, тем круче подъём.

А здесь ещё костыли, будь они неладны, норовят подsunуть какую-нибудь пакость. Это только считается, что они помощники захромавшему. На деле же цепляются за малейшую неровность. Былинку, черепки сброшенного с подоконника цветочного горшка, усыпанный стеклом пёстрый половичок. И уж совсем неодолимой оказалась распростёршаяся поперёк сеней входная дверь.

Впрочем, бабу Серафиме не пришлось расходовать остатки сил на штурм столь серьёзного препятствия. Да и звать запропастившегося деда Михея не имело смысла. Какой резон окликать человека, если на крыльце вперемешку с кирпичным крошевом и щепками валяются обрывки полушубка?

И тогда бабу Серафима вновь закрыла лицо рукой. Точно так, как делала это в детстве, когда не желала видеть разлитое молоко, учинённую телёнком потраву и сердитое лицо матери.

– Господи, – взмолилась она, – как же так? Я ведь для себя смертоньку просила...

Однако никто не ответил бабу Серафиме. Жаворонки унесли свои колокольчики подальше от линии фронта, а стрелок затаившейся в силосной траншее боевой машины пехоты был слишком занят делом. Он всаживал гремящие очереди в ошетилившийся сорняками курган. И степь отвечала ему той же монетой.

Берега памяти

«Каждый день сначала»

Незадолго, буквально за месяц-полтора до своего ухода, Валентин Яковлевич Курбатов собрал и послал некоторым своим друзьям книгу переписки с Валентином Григорьевичем Распутиным. В одном из писем он писал о мотивах, побудивших его работать над книгой: *«(Милая наша Родина) забыла своё детство, да и не хочет вспоминать его – стыдно перед Европой. Вон уж мы вычеркнули из памяти ещё такую недавнюю “деревенскую прозу”, словно и не было. Также стесняемся. Я из духа сопротивления этому забвению собрал книжку нашей переписки с Валентином Григорьевичем Распутиным. Вдруг и издатель найдётся. А пока вот хоть друзьям покажу. Вот самая больная часть. Вспомните и Вы то время».*

Из переписки Валентина Распутина с Валентином Курбатовым

Валентин Курбатов: *Опять оправдываюсь. Как же! Печатать свою переписку при жизни! Без предисловия не обойдёшься. Надо объясниться. Хотя нечаянно открыл со школьной поры не попадавшего на глаза лермонтовского «Героя нашего времени» и только хмыкнул. Вот и Михаил Юрьевич оправдывался: «Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь; оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критики. Но обыкновенно читателям дела нет до нравственной цели и до журнальных нападок, и потому они не читают предисловий». А душа всё равно просит оправдания. Да ведь первоначально книжки-то и рождаются не для «читателей», а чтобы самому в себе и в прошедшем оглядеться. Тем более, когда оборачиваешься на свою переписку с ушедшими художниками, как вот я сейчас на переписку с Валентином Григорьевичем Распутиным. А только уж гляжу смелее, чем несколько лет назад при публикации переписки с Виктором Петровичем Астафьевым («Крест бесконечный») и с Александром Михайловичем Борщаговским («Уходящие острова»).*

Вот и Валентин Григорьевич Распутин при чтении «Креста бесконечного» сомневался: может, надо было бы подождать, «чтобы дать остыть некоторым горячим высказываниям и некоторым убеждениям дать отстояться до времени», но сам же через несколько строк и видел, что время уже перестало быть временем в старинном понимании, потеряло длительность, в которой можно «остыть» и «отстояться».

«Река времён» Гаврилы Романовича Державина полетела водопадом и уже не «уносит», а обрушивает нашу память. Забвение торопится отнести ещё вчера всеобщую для русского сознания «деревенскую» литературу к почтенной истории, уже ничего не определяющей в нынешнем миропонимании. Они и сами, «деревенщики»-то, чувствовали закат («Последний поклон», «Последний срок», «Прощание с Матёрой»), но всей любовью и памятью ещё надеялись удержать лучшее в человеке – долгую землю и высокое небо.

Но человечество уже торопилось освободиться от «обузы» нравственных обязательств и пожить «по своей воле». А уж как нынешние молодые люди вышли на улицы, уткнувшись в айфоны и планшеты, как прежде монахи в молитвенники, уж можно слова «память» и «народ» вычёркивать из словаря или ставить осмотрительное «устар.». И сейчас оглянуться на переписку с последним земным наследованным писателем – это уж просто хоть по-человечески проститься с последним нецифровым веком. Вон в Швейцарии сразу учат деток «не пачкать пальцы чернилами», а прямо с детского сада тыкать в клавиши, отнимая у них, о чём они ещё не знают и теперь уже никогда не узнают, почерк – как личность, как самую верную фотографию души. И умрёт чудо рукописи, которое мы ещё застали.

Валентин Григорьевич и тут был последним.

Возьму несколько писем, самых трудных для нас двоих, да и для всех нас девяностых годов. Не все подряд, как в книжке, а те, где побольше и побольнее. Глядишь, когда книжка выйдет, читатель и в неё заглянет. Тем более там-то диапазон в сорок лет.

30 апреля 1993 г.

Псков

Слава Богу, ты хоть на относительной свободе!

Я десять раз за время твоей болезни собирался в Москву, но теперь уже не только на Сибирь, а и на Москву никаких карманов не хватит. Придётся домовничать и понемногу возвращаться мыслью в прежние границы, когда и поездка в соседнее село было событием и уходила в домашнее предание. Оно, может, и к лучшему. Мысль меньше суется, и начинаешь, как матёринская Дарья, «на жизнь до-о-олго смотреть». Отечество наше окончательно посыпалось. Референдум (оставаться ли Союзом или проститься с ним. – В. К.) был его последней возможностью как-то оглядеться. Оно предпочло безумие. Что же теперь остаётся? Стоять в одиночку. Воспитывать детей людьми. Искать кусок хлеба. Побольше делать для церкви. Да молиться, чтобы Бог дал человеческую кончину без унижающего страдания. Жизнь не получилась. Оказалось, что она больше должного связана с родной идеей и идеей общественной. А в одиночку жить не выучился – всё кажется напрасно и бесцельно, как-то уж очень животно. И в церковь мало гожусь, хоть только в ней, в долгих службах с о. Зиномом и нахожу единственное успокоение.

Слишком далеко успел выйти из церковной ограды, чтобы вернуться совсем и не оглядываться. Сейчас бы какую-нибудь долгую, требующую терпения и не вовсе бессмысленную работу, но слово как-то существенно поистратилось, размылось в своих существенных смыслах, оказалось выпущено, будто вместо зерна одна половина осталась, – отчего никакие статьи и никакие книги (и искреннейшие и честнейшие) уже не действуют на человека. Надо бы домом заняться, с избой возиться, в деревне подольше жить, но и домашние обстоятельства не пускают, и мысль заранее бежит, как от самообмана. Работать-то хорошо, когда душа просит, а когда сам себя из-под палки заставляешь, то и дом не в радость.

По инерции что-то ещё делаем: к Пушкинскому празднику готовимся, к Дню славянской письменности, но тоже как-то всё через силу и без интереса. Никто к нам не едет. Манили Крупина – ему некогда, Белова – тоже. А на большее уже и фантазии нет – надо ведь, чтобы и читатель писателя знал. Как-то вдруг осталась матушка-литература без авторитетов. Я ещё сочинил на свою голову Религиозно-философское общество им. Кирилла и Мефодия (у нас было в прошлом веке братство их имени). Так вот тут лень-то мысли и сказала и вся бесполётная скудость нашего любомудрия и обнаружилась. Скорее стал скрываться за приглашение авторитетов, чтобы сами себя стыдиться не начали, пустого празднословия своего. Но и в приглашениях какая-то усталость холостой мысли. Вроде и своё говорит, но такое чувство, что в сотый раз произносит и сам ни одному своему слову не верит. Правда, это всё питерские: Прохоров, Корольков (спец. по Леонтьеву). Но что-то мнится, что и московские будут не зажигательнее. Мысль вообще, кажется, по Руси холостой пошла. В межеумочный период попала, никак за живое не зацепится.

Прости, что я вместо ободряющих обыкновённостей о здоровом воздухе, о румяной пользе Подмосковья, о калорийности санаторного питания всё в свою занудную сторону ворочу, но уж тут подлинно – у кого что болит...

Выбирайся поскорее, Валентин. На кухне-то всё-таки легче разговаривать, чем в письмах.

17–21 мая 1993 г.

Москва

Спасибо тебе и за пасхальное поздравление, и за письмо, хоть и невесёлое, да твоё, с твоей интонацией и твоим умением говорить точно. Спасибо и за статью для «собрания», статью умную, но излишне для меня лестную, поскольку «страдания» мои происходят по большей части из обыкновенной русской лени, а «философ» из меня в статьях оказался никудышным. Но я ведь никогда и не претендовал ни на то, ни на другое и в самые благополучные, «хвалебные» времена страдал втай-

не от своего несоответствия той фигуре, какую из меня, вероятно из добрых побуждений, делали. В больнице пришлось читать вёрстку книги, которая выходит у П. Алёшкина в его «Голосе». Я давно в свои вещи не заглядывал – и неожиданно больше всего понравились «Деньги для Марии». А потом, вероятно по примеру великих, стал усложнять мысль, тянуть фразу, и получалось на своём материале «по следам».

Если это и уничижение паче гордости, то искреннее.

Но о том Распутине, о котором ты писал, ты написал очень хорошо, с некоторой, правда, усталостью в конце статьи, там, где и Распутин через силу водил пером.

Захотелось мне после этого перечитать твою книгу обо мне – да ведь её нет, а теперь, наверное, и не достать.

Пишу сейчас ещё из санатория, но опущу письмо по возвращении в Москву. Это и не в чистом виде санаторий, а больничный, и согласился я на него, чтобы не оставаться в больнице. А здесь повезло благодаря праздникам: две недели был один в палате и от последней тоски иногда присаживался к столу и написал в «Сибирь...» ещё один очерк по следам своей летней поездки по Лене, которая и прогнала меня по больницам. Если удастся когда-нибудь поплыть дальше (как собирался), придётся эту свою работу или выбрасывать, или переписывать, но пока пусть будет. Нынче на «мокрую» поездку едва ли решусь, да и кармана моего не хватит. Ты прав: надо прижимать хвост. Алёшкин заплатил мне хорошие деньги, но, во-первых, жизнь в Москве, и, во-вторых, скоро втроём возвращаться домой.

Очень огорчил меня Савелий своим интервью в «Правде», где ради хлёсткого словца, меня защищая, со мной же и не посчитался. Деньги на храм я тебе давал не собственные, ты это знаешь; думаю, знал и Савелий, и не демократы довели меня до операционного стола; даже под запал такие вещи говорить не годится. И никто меня из квартиры не гонит решительно, лучше бы об этом вовсе не вспоминать.

От друзей защищаться труднее, чем от врагов. Тут Володя Крупин добавил мне одну операцию, хотя мне хватает и собственных. А тут М. Лобанов, зная, что мне не пришлось платить за операции ни копейки, всё-таки оставил в «Дне» тот текст, который нуждался в поправке, но без поправки звучал... Хотел было на все эти вещи писать разъяснение-опровержение, и надо было написать, да по слабости пожалел и себя, и своих адвокатов.

Нынче впервые за последние пять лет еду на Праздник славянской письменности. В начале июня собираюсь в Иркутск. Но уже так боюсь новых осложнений, что и думаю об этом втихомолку. Всё более вижу, что писать ничего «агитационного» сейчас не следует. Кого можно было образумить – образумился, остальных или нельзя, или пусть доспевают сами, под солнцем родной действительности. Время не только межеумочное, но и глухое для восприятия, дурное. Вот-вот начнём терять друг друга физически: кто на пределе лет, кто на пределе сил.

«Лит. Иркутск», вероятно, будет прекращаться. Нет денег. К тому же Валентина Сидоренко горит только одним рвением – борьбой с еврейством и масонством, в старой России немасонов для неё уже не остаётся, всех ставит к стенке. Епархия, помогавшая раньше деньгами, теперь не может. А богатый дядя не находится, и искать его надо не в Москве, а в Иркутске.

Как видишь, дела все тоже невесёлые, но доживать надо. И хорошо бы – не в камере. Камеры боюсь потому, что сойду там с ума от бессонницы. Потерял сон, а таблетки давать не будут.

В Иркутске перехожу на травы.

29 июня 1993 г.

Псков

...Очень жаль, что мы с о. Зиномом приехали в Москву, когда тебя нет. Бог весть, удастся ли нам ещё вот так выбраться вдвоём. А так-то хорошо, что ты не в Москве. Сюда бы и вообще-то без крайней нужды приезжать не надо. Я выбрался на открытие выставки Юрия Ивановича Селиверстова, которую вытаскивал из Савелия клещами, да и с о. Зиномом хотелось доехать до Владимира и до Покрова-на-Нерли, куда его зовут на предмет обсуждения, как обустроить алтарь. Ещё не знаем, доедем ли. Но собрались.

Очень я был рад, что на Пушкинском празднике сумел уговорить Василия Ивановича остаться и съездить в монастырь. Он и сам потом понял, насколько ему это было нужно, и уехал покойнее и светлее, чем приехал. Уже в поезде с какой-то острой тоской заговорил о Викторе Петровиче, как-то минуя всю болезненную нынешнюю внешность, и тут-то я особенно ясно и понял, почему он всё время вспоминал мать, и видно было, что действительно не находил себе места. Она для него была связана и с Виктором Петровичем, и вот он не может разорвать сердце.

Но сам, конечно, руки не протянет, чтобы не быть неверно понятым. Да и не он это должен делать. И хоть я верю, что все вы правы, а Виктор Петрович менее всего, но вот, поди ты, никак мне не смириться с тем, что вы порознь и пока ещё продолжаете удаляться друг от друга, и никак для себя не определяю, верно ли это перед Богом, а не перед короткой человеческой правдой. Всё казалось, что следовало бы резче говорить друг с другом, а не друг против друга. Это, может быть, было бы большее, но зато здоровее.

Но теперь, похоже, уже ничего не воротить. Единомыслия уже не будет. Его не будет по многим частностям между тобою и Беловым, тобою и Клыковым, тобою и Шафаревичем, тобою и Крупинным, и по частностям болезненным. Я уже не говорю о себе – со мною-то вообще согласиться нельзя: больно широк, надо бы поуже.

Но, видно, в конце концов придётся единомыслие понимать пошире и Россию пожестче, чтобы устоять в главном. А мы оказались жестче, чем следовало, и вот на этом-то и можем быть пойманы расторопными дирижёрами, которые мелкие трещины сумеют довести до неперешагиваемых пропастей. Нам бы удержаться всё опережающей любовью, которая простит и срыв, потому что неловкое слово можно поправить и скверный поступок поправить другим поступком, а мы, к сожалению, слова выучились ставить впереди любви и считать их вырубленными в бронзе или начертанными на небесах. За это и будем платить тяжкой мерой всё более плотного одиночества и в конце концов оставлять сиротой свою Родину. Без любви мы подлинно «кимвалы бряцающие».

Сто раз повторю когда-то поразившее – победить нельзя только безоружного человека. Это доказал Христос, но никто не хочет его доказательств, хотя всяк берёт его на вооружение. С тоской и отчаянием вижу, что сегодня Христос чуть не дальше от России, чем до крещения. Особенно это видно в церкви, разделённой столь же решительно, как и всё наше бедное общество. Об этом на брёвнах у бани говорить или в тихих прогулках над Ангарой, вышелушивать из слов ядро смысла, оглядывать себя из края в край и потихоньку выбредать к истине. Но куда уж мечтать об этом. Всяк поневоле наособицу, и это, может быть, страшнее всех иных средств, направленных против человека.

Родные душой люди должны видеть друг друга во всякий час, когда темнеет и теряет опору душа, тогда и земля у них стоит здоровой и мир не потеряет рассудок. Спасти Родину можно только любовью к ней и друг к другу. Мы за любовь принимаем что-то другое, и немудрено, что ничего у нас не выходит.

Прости, Валентин, что всё выходят какие-то торжественности, тогда как за ними стоит простая тревога, что мы делаем многое не так, и хоть твердим о новом качестве жизни, но сами упорно этого нового качества понять и принять не хотим, предпочитая привычное оружие, которое по внутренней ложности своей лучше работает в руках демократов, ибо они знают его главный секрет – в его пользовании не надобна совесть. А с совестью оно осекается.

Впрочем, всё это только смутная догадка о чём-то, никак не проступающая в прямое слово. Но всё отчетливее я вижу для себя, что наша всечеловечность, и наша всемирность, и наше избранничество истолкованы нами не так, как следует, и, кажется, неверно поняты (да простит мне Фёдор Михайлович). И именно оттого, что взяты ложные задачи, выходят соответственные результаты и мы всё выходим примером наоборот и скоро станем несчастьем мира под стать евреям (в рассеянии-то уж вот-вот догоним, и не указание ли нам, что ни один там «всечеловеком» и указательным примером не является). Тут есть какой-то кончик мысли, за который много можно чего вытянуть, и только боязно это делать, потому что вытянешь, как кажется, что-то неутешительное и мало работающее на величавые идеи, которые мы тут высиживаем о своём «четвероримстве».

Нет покоя, нет устойчивости, нет чистого образа будущего. А хотел-то написать только – больше будь на Ангаре, Валентин, в деревне да в покое сиди. И нашего брата на порог не пускай. Настоящая-то наша работа вся впереди. А сейчас так... разговоры, и на них найдутся другие мастера.

1 ноября 1993 г.

Псков

...Никак не знал, куда тебе написать, но чувствую, что обстоятельства вот-вот позовут в Москву. Когда бы знать, что ты там, я бы даже и приехал. Слишком переменялся мир, тысячелетие успело смениться досрочно, Россия успела сменить генетику и вот-вот родит из своих потёмок какую-то неведомую нам державу с чужим языком и мыслью. Сейчас бы самое время на завалинке собраться всем деревенским сходом и рассудить – чего человеку делать. Не прохожему, не уличному человеку, а нам самим, каждому по отдельности и всем вместе.

Очень похоже, что никакой России может не остаться вовсе, а борьба за неё переносится из парламентов в человеческое сердце, в каждую отдельную душу. Какое-то партизанское существование, отсиживание по лесам, во всяком случае сейчас, на период ближайшего ожидающего нас безумного правительства. Надо просто сохранить человека, сберечь простое его сердце и живую душу. Никто, кроме культуры, этого не сделает. Никакой пример, кроме её молчаливого спокойного сопротивления и стояния на своём, не поможет. Во всяком случае мне не видится ничего другого. Методы Невзорова и М. Астафьева, за список которых нам придётся голосовать, себя исчерпали, и, если они этого не поймут, это принесёт новые беды и новые жертвы. Или, по крайней мере, наше сопротивление должно быть иным. Нам действительно придётся взяться за перо и спокойно и твёрдо, несмотря на рёв тысяч «глушилок», говорить и говорить о чистом русском человеке, терпеливо лечить его от помрачения.

По мне, это и всегда было единственным делом литературы, но теперь... кажется, что теперь это услышит или должен услышать даже глухой. Культура не умеет и, как кажется, не должна бороться политическими средствами – она неизбежно терпит в этой борьбе поражение. Неужели опыта прежних Дум не хватило, чтобы убедиться в напрасности сидения в них всем Милюковым и Набоковым? А уж наши «думцы» будут и того беднее. Или хоть там, в Думе, не соревноваться в красноречии, а учиться незаметному терпеливому делу.

Не знаю. Иногда такое отчаяние охватывает и такой стыд, что хоть беги. Не за страну, не за правителей наших. Это уже как бы позор естественный. А за литературу. За то, что она втягивается в те же средства противостояния и оставляет читателей сиротой. Никто, как наше поколение, не измельчил так значение русской литературы в глазах читателя, никто не уронил его так низко. Сидели ли Толстые и Достоевские по правительствам, даже Бунины и Горькие? А нам непременно трибуну подавай, министерское кресло. А что выходит? У того же умного критика Сидорова, у Клыкова?

Ну ладно. Это у меня старая песня. Это я от одиночества брюзжу, от усталости. И оттого же к тебе напрашиваюсь на денёк, чтобы душой подкрепиться.

В Москву, если не будет тревоги, приеду в начале мая. Тогда, может быть, с Марией и в Печоры. О писательском съезде, о будущем, уже как-то и забылось, пользы от него не будет. Надо, наверное, но как вспомнишь, что будет, какие честолюбия и самолюбия переговорят всё остальное, – и в сторону опять. Ничем нам союз теперь не поможет.

7 августа 1995 г.

Иркутск

Твои письма пришли с перерывом дней в пять-шесть, но с тех пор минуло недели две, а может быть, и больше, как я получил последнее. Но тут уже вмешалась не одна моя лень, которой я предаюсь во всю Ивановскую, а кое-что поинтереснее. Это кое-что – случившийся со мной удар, выбивший меня из памяти примерно на час. Нечто подобное со мной уже бывало, но слабей и короче, и, возвращаясь в память, я себя сразу находил, а тут ещё потребовалось время, чтобы вспомнить, кто я и где я.

...Никак не могу согласиться с тобой в полном оправдании Виктора Петровича, что бы он ни говорил и ни делал, широтой его могучего таланта и полнотой жизни. Мне кажется, что ты невольно поддался «задаче» – и выполнил её, находя необходимые доказательства. Доказать можно всё что

угодно, когда задаёшься такой целью. Ни зла, ни обиды у меня на Астафьева нет, и я искренне надеюсь, что если поживём ещё, то и сойдёмся и сдружимся. Но делать это придётся заново, потому что того В. П., которого я знал, у которого немало взял и который как человек и как талант был целен, здоров, – того Астафьева уже нет. «Не сотвори себе кумира» – вот о какой заповеди он запомнил. После Толстого, на которого ты ссылаешься как на авторитет, не оглядывавшийся на так называемое общественное мнение, это не кажется тебе столь большим грехом... А вред? Если он прав в своей «органической правде», то ведь правы и черниченки, и нуйкины, и окуджавы, ибо он сознательно рядом с ними встал, рассылая проклятия и требуя расправы. До того и Толстой не доходил. Толстой в ссоре не участвовал, он поставил себя земным богом и устанавливал законы самовластно. В. П. полагает, что талантом всё оправдывается и талант из любого кривого положения его выведет и выпрямит, что он не может быть неправ, ибо достиг положения, когда и неправда превращается в правду, если смотреть на неё из вечности. Если [из] последней вечности-то смотреть, то и государство действительно только зло и Россия избилась и никому больше не нужна. Но до вечности-то ещё дотянуть надо. Как бы ты отнёсся к священнику, который проповедует в храме, что Бога нет? В. П. сейчас со своей кафедры делает то же самое: обязанный от зла спасать, он не оставляет своему читателю никакой надежды. Ты смотришь на его роман с высоты вечности, а те, кто подхватили его и представили к долларовой оплате, ценят совсем по-иному – как орудие, стреляющее по своим. И не ты ли, бросаясь защищать истязаемое пропагандистской сворой тело, говорил, что отказываться от своей истории, какой бы она ни была, смерти подобно... В. П., живший и участвующий в ней, отвергает её с матом.

Всю жизнь, ты пишешь, осматривался, не договаривал – теперь требуется выговориться. Да уж так ли оглядывался и осторожничал? Кажется мне, что мы и тут поддаёмся внушению. Да в тех условиях творилось больше и значительней – потому что чуяли, искали и внимали, фигура умолчания перед читателем таяла, как снежная баба. Не сказал ли тот же В. П. о войне в «Пастухе и пастушке» безжалостней и чётче, чем в романе? Но – не истязая героя и читателя. Не говорили ли многие из нас в те «сумерки просвещения» полезней и одухотворенней, чем теперь, когда свет бьёт со всех сторон, всё известно и всё понятно?! Да от этого ярко бьющего света ничего не видно и ещё меньше понятно, хочется в укрытие, в тень, в Запрет. Не я говорю – великие говорили, а действительность подтверждает, что на свободном-то полностью выпасе искусство и отравляется. А сострадание превращается в один из пунктов распорядка дня.

В. П. решил, что ему всё можно, и ты потворствуешь: ему с его талантом, поднимающимся в необжитые высоты, действительно всё можно. Но если можно великим, если им это прощается и превращается в знаки величия, если это к тому же щедро оплачивается, то почему нельзя невеликим? Одним можно по величию таланта, другим по малости. А ответственность – штука, которой распоряжается одна лишь вечность, ну и гуляй тын-трава по некогда великой русской литературе, величие которой нынче приобретает другой нравственный знак.

Это-то как раз и есть идти по течению, а не против, как ты говоришь. Потому что то направление, к которому примкнул вольно или невольно Астафьев, победит. И не столь большие для этого теперь потребуются сроки. Монархист Пушкин, кликуша Гоголь, реакционер Достоевский – уж если они были смяты и прокляты, что говорить о нынешних тормозилках! Недолг их испуганный ропот!

Заканчиваю, Валентин. Надеюсь, не обидел ни тебя, ни Астафьева. В. П. я продолжаю любить, но с болью. А с тобой, чуёт моё сердце, нам ещё предстоит поспорить о размерах правды.

14 февраля 1996 г.

Псков

...Про главное-то я и не спросил – работалось ли в Переделкино? Подвинулись ли те два рассказа, что начались в Сибири? Лицо твоё было невесело, и я побоялся и спрашивать. Сам-то вот рассыпался, ну, думаю, и у всех так. Хотя Володя Личутин сказал, что работал как следует. Но он всегда работает как следует, и у него материал спасительный: нырнул в XVII век, и поминай как звали!

Я по приезде отправился в Михайловское – на Пушкинский театральный фестиваль. И что это было за чудо после Москвы с её песком и солью вместо снега! Всё сверкало, скрипело, искрилось,

слепило, звенело. Актриса из БДТ Светлана Крючкова бормотала про себя: «Тоже мне гений – “Мороз и солнце! День чудесный!” Тут любой дурак в окно выглянет, у него и вылетит: “Мороз и солнце! День чудесный!” Ты попробуй в петербургский дворовый колодец выгляни, я на тебя посмотрю, что ты запоёшь!»

А дни были действительно снежны, сини, почти мучительны – бывает такая красота, что уж и тяжело, лучше бы немного победнее. А на панихиду тонкие интеллигенты не пошли. Приехал наш владыка, монахи избегались, высматривая на дороге его «Волгу», чтобы ударить в колокола. Наконец, опоздав на полтора часа, явился, привёз хор, басы которого уже «разогрелись» в дороге и так хватило «исполла эти деспота», что владыка метнулся было обратно, да уж подступающие сзади удержали. Сказал баушкам о величии Пушкина и с Богом перешёл к панихиде, а там и на «со святыми упокой!», и к могиле пошли, и быстро засинели носами, и, слава Богу, управились скоро.

Я всласть походил потом и по Михайловскому, и по окрестным лесам, и тем более что возвращаться в гостиницу не хотелось. Там, как и всегда в Пушкинских Горах в это время, было холоднее, чем на улице. Начальство «грелось» в банкетном зале с великими актёрами. Мы «грелись» в общем с величинами поменьше, и всяк злословил на свой лад, потому что каждый про себя считал, что в банкетном зале место было как раз более по нему, чем по тем бездушным людям, которые там сейчас ели и пили на серебре. В общем, днём был Пушкин, а вечером всё известное-преизвестное и недвижимое от века.

Дома ждала новость от Миши Петрова. Новгородская и Псковская писательские организации отказались от учредительства журнала «Русская провинция», и выбирайся как знаешь. А механизм пущен, а первый номер уже готов, и второй в наборе. Отказались Б. Романов и С. Золотцев. Теперь надо искать выход – скорее всего, надо пытаться склонить к учредительству сами администрации. У нас такая надежда есть. Хотя всё это очень тяжело и хорошо говорит о господах писателях. Вообще обстановка у нас такая – порога не хочется переступать. Да у нас ли одних?

19 марта 1996 г.

Псков

Ну, каково дома, Валентин? Помогают ли стены закончить новые рассказы? Работается ли? Я чего-то вылетел из ритма и никак не соберусь. И потом, меня всё несёт втягиваться то в один конфликт, то в другой. Теперь особенно в дела Пушкинского Заповедника, где всё вверх дном, где всё разорвано в клочья, потому что слишком много держалось на Гейченко, а тут и он помер, и матушка-система, которая ещё могла по инерции поддержать порядок, пока оглядится новый директор. А теперь времени ни у кого нет и никто не хочет терпеть друг друга ни одной минуты, требуя, чтобы другой немедленно думал так же, как он, иначе на него разом слагается бумага в министерство, администрацию, президенту, Патриарху.

И временами видно, как каждая сторона тоскует по своей «чрезвычайке»: расстрелять бы подлеца-противника – и никаких забот, а тут войой, доказывай, терпи. Я получаю по шее отовсюду и всякий раз даю себе слово отступить и заниматься «своим делом», но уж, глядишь, опять пишу письма. Звоню, еду, чтобы опять получить по морде там и тут. Всё то же. Лета жду – уеду в деревню, спрячусь и примусь думать о высоком и вечном. Слава Богу, скоро картошку можно готовить для посадки, земельку копать, а там, глядишь, и сенокос поспеет, и уж вот там-то меня никто в городе не найдёт.

Разве вот в Красноярске свидимся. Виктор Петрович придумывает какой-то библиотечно-писательский семинар в Овсянке, клянчит деньги и собирается позвать тебя, и Белова, и меня, грешного. И за его бодростью и размышлениями о книжном деле России я слышу тоску навоевавшегося сердца, которое ищет опоры в некогда родных сердцах. Хорошо, если бы это так и было понято и принято и тобой, и Василием Ивановичем. Потом разойтись будет не поздно, но упустить возможность собраться, как встарь, никак нельзя.

Он когда-то сам первый протестовал, когда я говорил о вашей неразлучности, а вот повоевал-повоевал и понял, что все вы друг другу написаны на роду и никуда деться друг от друга не можете, потому что в народном сердце теперь навсегда втроём прописаны.

Впрочем, найдёт ли ещё деньги-то? Президентские выборы съедят всё, что возможно и невозможно. Больно уж много кандидатов – на всех не напасёшься.

Увидишь Валу Сидоренко, кланяйся. И Мише Трофимову – тоже. Я очень люблю того и другого, несмотря на глубину своего вероучительного падения. Авось когда-нибудь они меня и простят, догадавшись, что за Христа можно не только оторвать голову ближнему, но и любить этого ближнего, даже не соглашаясь с ним в политических взглядах.

Обнимаю тебя и теперь уж в Москве жду. Таково непостоянство характера: из Москвы гоню тебя в Сибирь, а уедешь – жду не дождусь возвращения.

15 апреля 1996 г.

Иркутск

Собрался вчера, в Велик день, написать тебе, но такая грусть-тоска нашла да полезла в письмо, что пришлось его оставить. И поехал на коллективную Пасху, которую каждый год собирает наш Владыка, но и там было невесело. А между тем получил от тебя второе письмо, и если не ответить теперь, то уже и не отвечу, как не однажды случалось.

Всё меньше я удивляюсь «великосидению» или даже «великолежанию» Савелия – до того не хочется ни выходить, ни делать. Так бы лежал и лежал. Читать есть что, а размышлять не хочется. Притом лучше лежать в Иркутске, а не в Москве – там неуютно. Да вот беда: надо охлопатываться пропитанием, а потому суетливой жизни пока не избежать.

Из Москвы я улетел на день раньше, и воспользоваться бесплатным военным самолётом, как собирался, не пришлось. Скончалась мать, было не до бесплатного. Десять дней провёл в Братске, затем вернулся в Иркутск и в изнеможении лёг в больницу. И только накануне Пасхи выписали, так что «родные стены» оказались в этот раз неласковыми. До того накололи меня, что жду не дождусь, когда мне станет лучше, а потом хорошо.

В больнице в вечерние часы можно было даже что-нибудь и черкать карандашиком, но не черкалось. Смерть матери, хотя мы её ждали, произвела впечатление. Двадцать с лишним лет назад, когда похоронили отца, смерть его воспринималась острее, но то, что острее, и сходит быстрее. Здесь же словно в меня, в старшего, передана была очерёдность околевания, и я явственно почувствовал, что она во мне; потребуется, вероятно, время, чтобы приспособиться к этой тяжести. Боли нет, а именно вошедшая властно и по-хозяйски тяжесть. Двигаться тяжело, говорить – тоже. Надеюсь на дачу, там должен потихоньку размяться.

Теперь о возможной акции примирения, которая могла бы произойти в Овсянке и которая, конечно, не могла обойтись без твоего влияния на В. П. и неоднократного, вероятно, напоминания. Ох, боюсь я, Валентин, как бы из этого не вышло противоположное. Белов, я думаю, и не поедет: провода-то ведь оголены с той и другой сторон, и соприкосновение накануне ли выборов, или сразу после выборов опасно. В. П. не удержится, чтобы не отвесить свой обычный «поклон» коммунакам, которые виноваты во всём, но особенно виноваты в том, что произошло после 91-го года, а Белов не удержится возражать. Я более покладистый человек, но не удержусь и я. Хотя встреча и Овсянская, но по цели она будет похожа на Римскую. А та никого не примирила, кроме В. П. с Баклановым, несмотря на совместную декларацию. А в окружении вызвала обозление, вспомни статью Т. Годуновой, и не только её. По сути ты прав, но то, что должно произойти, пусть происходит естественно (и уже происходит), всякая публичность здесь может быть только вредна.

Всё в конце концов можно и отбросить, и забыть, и есть сказанное тобою, во имя чего что должно сделать, – но «...не утерпит» один, затем другой...

Вале Сидоренко я твои слова передал. А от себя попенял за дерзость молчания. Она ответила благоволящим тоном: «Я ему напишу». Вот уж в ком гордыни-то! Устраивает, предположим, какое-нибудь «событие» (епархиальное), колотится изо всех сил, а сама на него не идёт. Чтобы замечено было не присутствие, а отсутствие, чтобы спрашивали друг друга: «А что с Валею, где Валя?» – а потом названивали ей, но дело она возле нашего Владыки делает хорошее и хорошо. Написала хорошую повесть; если не разругаемся до моего отъезда, то привезу для «Москвы» или «НС».

У меня лежит восемь (одну оставлю) твоих книжек. Или отправлю почтой, или привезу. В Москве буду к середине мая. Собираюсь там дожить до выборов, проголосовать за комуняка и, если не произойдёт ничего чрезвычайного, тогда уж и вернуться. Подгадал бы к тому времени военный самолёт!

25 апреля 1996 г.

Псков

...Я и сам понимаю всю сложность возможной овсянской встречи, но и знаю, что не делать такой попытки – значит потакать злу. Кажется, они переносят встречу на август, чтобы мерзость выборов могла отодвинуться. А что выборы – мерзость (при всех исходах), видно уже сейчас по взаимному количеству грязи. В победе Зюганова я почти не сомневаюсь именно потому, что ненависть к нему выходит за все пределы. Бесплатные цветные газетки, рисующие его чудовищем, сделают своё дело. Во всяком случае сделают его в провинции, как ни пугают старух, что он закроет церкви, и как сами попы уже ни подсюсюкивают властям в этой лжи.

Ну это – Бог с ним. А вот что ты зиму пролежал – это горе и горе. Хорошо, хоть бы с пользой. Поправился бы хоть как следует и на год-другой позабыл про больницы. Жалко, что лето опять будешь в Москве. В деревне оно как-то здоровее. Правда, в твоей деревне от политики не спрячешься – народ вокруг дошлый. Да, впрочем, теперь, кажется, и ни в какой деревне не спрячешься. Если уж даже в монастыре не укроешься. Я был на страстной неделе и в Пасху в Печорах – только поворачивайся, всё про выборы норовят спросить. Хорошо, хоть служб не отменяют и там успеваешь прийти в себя.

Очень понимаю и то, что ты пишешь о маме. Сам я каждое утро радуюсь, что она рядом, дивлюсь её юмору и свету – при её-то жизни, радуюсь таланту, который в каждом движении, в том, что она вяжет, в том, как смотрит кино, как вспоминает, как говорит о своих подружках («а у тово дому чуть не все девки мово, 13-го году, все из одной деревни. Все толстые и зовут Тонями»), как складывает стихи про комара, которого убила ночью... И боюсь заглядывать в будущее, торопясь наглядеться и нарадоваться. И в тысячный раз думаю, что жить надо одним домом и на своей земле, а то дед у меня лежит в одном углу России, отец – в другом, брат – на Украине, так что и на могилу не съездишь. Я уж не говорю о дядьях, тётках, двоюродных братьях. Ни роду, ни племени. От этого больше всего Россия и болеет, а не от дурных политиков и идей. Вернее, идеи и политики до этого довели, а теперь и не знают, как собрать. А уж чего собирать? Прав ты: давно не народ, а одно население.

2 октября 1996 г.

Псков

...Судя по Псковскому ТВ, ты в Москве. Вчера показали, как Зюганов решает судьбу псковского губернатора, и я увидел тебя рядом. Во всяком другом контексте это не вызвало бы моей досады, но тут было невыносимо. Невыносимо, что можно играть, «насолить демократам» судьбой людей целой области только из соображений политической пользы.

А ведь нам тут жить. Конечно, Владимир Вольфович тотчас прилетел и не дал своему протеже и рта раскрыть – «озолочу». «Вся партия будет работать на нас, нас 51 голос. Из любого правительства, из любого бюджета вырвем, а ваш Туманов один, где ему с нами тягаться. А подтасуете что – мои ребята тут – мало не будет!» Но и тут даже вчерашние противники Туманова (а и противники-то как везде: «Пенсию вовремя не дают». А где её дают? «Заводы не работают». А где они работают?) присмирели и поняли, куда могут заехать с Владимиром Вольфовичем.

А тут Зюганов, народно-патриотический фронт. Знал бы ты, какую страшную рану нанесло это зюгановское заявление и народу, и патриотическому чувству и сколько людей разом отшатнулись от движения. И слепые видели, что отдавать власть Жириновскому – это предательство остатков здравого народного смысла, и, если до этого часа ещё думали о коммунистах с уважением, тут как волной смыло. Ведь это игра людьми, Валентин, судьбой целой земли. Неужели нельзя было увидеть? Я понимаю, что ты приходил в этот президиум не эти вопросы решать и так уж поверну-

лась судьба, но она теперь всегда так будет поворачиваться. Этим ребятам на народ плевать. Да и на Россию тоже.

Помнишь, ты после встречи у этого самого нашего губернатора Туманова говорил, что если он так только говорит, то и это уже благо. А он и делал для славы России, для памяти, для церкви необычайно много, может, иногда чего-то у того же народа отрывая, потому что хотел гордость Родины в них воскресить, а им уж не до Родины – им своё отдай. Пока это везде плохо согласуется. Он рисковал и знал это.

Конечно, у него пока чутья не хватает. Я потому ни слова за кампанию нигде о нём не сказал, несмотря на просьбы, чтобы он сам видел и сам делал. И сейчас ему урок преподнесён живой и долгий, вразумляющий.

Но средства, средства отвратительны. И с его стороны не лучшие. Лужкова зазвал, Черномырдин дал деньжонок на пенсии. Но суть, но основа, но стратегия! Опомниться не могу. Тяжело. Мы можем решать свою судьбу, можем хлопотать о своей земле, которую знаем, о своём начальстве, но решать там за нас, подписывать решение народно-патриотическим блоком – это совать людей в петлю.

Сам-то новый губернатор Михайлов, может, и парень неплохой. Вольфович не дал нам узнать его, потому что говорил один, но руководить-то будет Вольфович, и уж он затеет из области такой сольный концерт, что свет покажется в копеечку. Предвижу даже и начало победной речи: «Отсюда, с западных рубежей России, мы начали победное шествие по ещё не прозревшим районам страны...»

Нельзя, нельзя нам сидеть в президиумах ни с Ельциным, ни с Зюгановым – ни тому ни другому до Родины нет дела. Наше дело – держать народную душу со страдающими, труждающимися и обременёнными, с потерянными и преданными, а не за парадными столами. Мы эту работу делаем сегодня как никогда плохо.

Прости, Валентин, недоговорённость была бы несправедлива по отношению к дружбе.

22 декабря 1996 г.

Москва

Прости, что отзываюсь на твоё письмо с огромным опозданием. Но трудно было отвечать. Сразу не стал писать сознательно, потому что мог сорваться и на резкость, а затем потянулось уже от нежелания беречь и тебя, и себя. Но объясниться всё же необходимо, и лучше сначала письменно, хотя и жаль, что мы с тобой разминулись в Москве всего на день. Однако, объяснившись, легче будет и встречаться.

Ты не в первый раз пытаешься поставить меня на место, не мною занимаемое, а определённое для меня тобою. Сначала – года два назад, когда моя подпись оказалась под письмом против церковных обновленцев. Я её не ставил и не обманывал тебя, говоря, я не нашёл её под письмом, но мог поставить. В старые времена, когда я наверняка был бы более воцерковлённым человеком, я наверняка был бы и на стороне старообрядцев. По консервативному своему складу характера и ума, по согласию с аввакумовским доказательством: до нас положено – лежи оно так во веки веков. Я даже в юности узких брюк не носил – и не потому, что комсомол не велел, а потому, что мне это казалось нарочитым, вздорным. Понимая прекрасно, что это невозможно и вредно – находиться России за «железным занавесом» от Запада, я втайне тоскую по нему: сколько доброго было бы не загажено! Так же втайне я сочувствую зарубежной церкви, более охранительной и аскетической к букве православия, чем патриаршья, но всегда до сих пор был против её приходов в России. По тому закону, который говорит, кто мыслию, взглядом возжелал, уже согрешил, – я грешник, но по теперешним временам это не самый тяжкий грех.

С Зюгановым же я вожжаюсь не потому, что скорблю или скучаю по коммунизму (хотя скорблю – может быть, да, как должно скорбеть по поводу всего, чему народ в течение десятилетий отдавал силы). Но он мне кажется порядочным человеком, порядочней всех, кто имеет всё. Коммунизм ему не вернуть, он и сам это, я думаю, понимает, но составить силу, способную хотя бы тормозить властный разбой, худо-бедно ему удалось. И удалось бы больше, если бы «чистые» патриоты не боялись бы замазаться, белыми платочками вытирая руки в то время, когда надо было выхватывать страну из грязи, грязней которой не бывает. Делиться на красных и белых нынешним летом

было безрассудно, безрассудно и сейчас. Но казакам достаточно того, что им дозволено носить лампасы, монархистам – что можно ставить памятники последнему государю, а что вытворяют со страной и народом, за лампасами и памятниками не видать.

Я думаю, ты не обличил Астафьева, когда он лобызался с дурачащим всю страну... язык не поворачивается, чтобы назвать его президентом. Тебе это показалось неприятным, но допустимым в борьбе с Зюгановым (какой там, к дьяволу, коммунизм, как будто ты веришь в его возвращение!). А когда я сел рядом с Зюгановым на пресс-конференции, посвящённой, кстати, финансированию науки, образования и культуры, это сочлось не менее как предательством. Вот уж: с кем вы, мастера культуры? – с палачами вроде Зюганова или со спасителями Отечества, как Ельцин?

Я запачкаться, Валентин, не боюсь, и ни в каких глубинах души согласия у меня, чтобы хоть маленькой запятой оговориться, с Ельциным быть не может. Ваш Туманов, верю тебе, был более подходящей для Пскова фигурой, чем новый, которого поддержал Зюганов, но взыскивать с меня за Зюганова – это в тысячу раз менее оправданно, чем спрашивать с Астафьева за творимое Ельциным.

Тысячу раз я давал зарок встать посередине, но то ли характер, то ли слабая воля не позволили. А больше того: как вспомнишь, что делается... да и вспоминать не надо, всегда перед глазами. О своей Аталанке я тебе уже писал. А в середине октября ездил в Кяхту, чтобы обновить впечатления. В городке за 20 тысяч не работает ничего, всё стоит. Не работают ни школы, ни больница, полное оцепенение. А по улицам старушки гоняются за покупателями, предлагая сигареты не в пачках, а по одной, поштучно, чтобы насобирать на полбулки хлеба.

Я тебя тоже понимаю всё меньше. С редактором «Огонька» ты не побрезговал обсуждать литературно-библиотечное дело, а затем выработать совместное обращение, но, увидав в аэропорту Лыкошина с Володиным, решительно пошёл сдавать билет. Не те попутчики. Но в таком случае выходит, что согласие-то, к которому вы призываете, готовится внутри одной стороны, а вторая, грубая и лапотная, так и останется ненавидимой. Видел ли ты опубликованный примерно месяц назад список президентского совета по культуре из 40 человек? Ни одного из «вражеского стана». Это и есть «примирение»: вы молчите, а мы, нахапавшие выше головы, остаемся при своих интересах.

Мне уж в приличное общество не попасть, не попасть совершенно искренне – не хочется, с отверженными умирать легче.

Всё. По этим делам точка.

Книжка с твоим предисловием скоро выходит. Ещё раз перечитал: предисловие очень хорошее. Но дадут ли нам ещё какие-нибудь денежки, не уверен. Ибо и издатели не уверены, и правильно, что книжка пойдёт.

В Иркутск ездил, чтобы добрать справки для оформления пенсии. Тяжело болен брат, тяжело больна тётка, надо было навестить и помочь. Глаза видят всё хуже – прошёл очередное обследование (бесплатное, чего в Москве уже не получить), чтобы сменить лекарства и очки. Предстоит ещё операция, по-видимому, двухразовая, по пока можно потянуть. Словом, не развеселился и в Иркутске. Кругом споры среди бывших своих, глупая злоба. Очень по-нашенски. Но светит каждый день солнышко, лежат богатые снега, стоят морозы.

С наступающим Рождеством Христовым и Новым годом тебя, Валентин! тебя и твоих домочадцев! Дай-то Бог обойтись вам в 1997-м без всяких уронов. О счастье уж не вспоминаю. Не до жиру, быть бы живу!

Очень надеюсь, что ты не обидишься на мои слова.

3 января 1997 г.

Псков

...Спасибо за спокойное и твёрдое письмо. Видно, мы по-настоящему друг с другом и не говорили. Не о чём нам с тобой спорить: мы до звука согласны в целях и разве методы видим разные. Да и люди вокруг разные и каждый из них по-своему красит «нашу» идею, и тут надо просто на полчаса дольше поговорить, чтобы эти оттенки перестали мешать. Мы вон с Семочкиным иногда в письмах

начинаем Бог знает в чём друг друга подозревать, а съедемся, начнём пушить друг друга и вдруг на полуслове с удивлением увидим, что пора обниматься. Что это помрачение общей подозрительности и расхлябанность слов, потерявших ось, привели к несогласию-то.

А повернёшь слово как следует, вернёшь ему настоящий смысл, и тут и видно, что сердце бьётся одно. И я ведь, когда кричу о том, что не наше дело по президиумам сидеть, не к «середине» зову. Это уж надо или машиной быть, или совершенно равнодушным человеком, чтобы в таком месте устроиться. Я только хочу, чтобы истину не «обуживали» до партийных границ. Она непременно окажется шире, и, сделав её слишком «нашей», ты начинаешь увечить её, а заодно и себя и не заметишь, как сделаешься невольником этой узости, когда тебе уже «товарищи по партии» в сторону и шагу не дадут ступить, сочтя всякий такой шаг предательством. А дело-то не в нас. Сужая истину, мы страшно вредим и без того уже потерявшей голову Родине. Они ведь нас как раз в эту узость и загоняют, провоцируют, постепенно расширяя своё поле и вытаптывая на нём всё живое и родное, что мы могли бы спасти, когда бы не страшились быть шире, потому что чего же страшиться, когда это наша земля и наше всё, что в ней и что надумано о ней. Когда это чувство «нашего» крепко, то можно и ошибаться, и делать неловкие шаги, но сбить человека всё равно будет нельзя и передёрнуть его карту тоже, ибо он везде искренен. Вот только об одном этом я и твержу год за годом и одного этого и хочу – быть дома во всей своей Родине, а не в одном углу, куда меня медленно затолкают опытные софисты другой страны.

И у Астафьева не один редактор «Огонька» был, которому я как раз слова-то не дал на «круглом столе», а много добрых людей из Костромы, Перми, Челябинска, Красноярска, Иркутска (Г. Машкин). И звал-то Виктор Петрович и тебя, и Василия Ивановича, и Носова, и Лихачёва, и Солженицына. Конечно, было, наверное, там не без расчёта и не без честолюбия, но всё опять же зависело бы от интонации разговора, от того, как и о чём заговорили бы собравшиеся. Хотя, конечно, теперь уже ясно, что ничего такие разговоры не дают, что непременно или на «разборку» съедут, или на «круглые места», но и это говорит не о времени только, но и о нашей усталости, от неверия в побуждения друг друга, а в конце концов и о потере ответственности перед той же Родиной (прости, что я будто на риторику съезжаю, – не риторика это), потому что, когда ответственность эта есть, куда угодно поедешь и с кем хочешь станешь говорить и дела не унизишь. А ведь то, что мы умудрились окончательно развести «лагеря», это нам нигде не простится. Надо и о неприятии говорить не в «параллельных» изданиях, а принародно и лицо к лицу, веря, что искреннее слово будет и услышано искренне, и понято верно. Хотя и сам уж так устал, что начинаю тоже думать, что это романтизм. А не хотелось бы так думать, потому что это равносильно смерти.

Ну, на бумаге всего не скажешь – только измучаешься. Как у тебя расписание-то? Теперь в Москве будешь? Авось я к началу февраля соберусь. Пока письмо доберётся, уж и святки, поди, отойдут. С Крещением тебя! Пошли Бог крещенской чистоты и святого Духа бедным русским водам.

На этом и простимся. Жаль, что теперь мы уже воспринимаем всё менее болезненно. Втянулись. Но лучше совсем-то это минувшее не забывать, чтобы окончательно не успокоиться в сегодняшнем нашем полубытии.

Переписка Валентина Курбатова с Валентином Распутиным предоставлена Владимиром Тыцких (г. Владивосток).

Берега памяти

Виктор Клыков

Виктор Клыков – сопредседатель Литературного Совета Ассамблеи народов Евразии, член Союза писателей России, Международной Ассоциации Писателей и Публицистов АРПА (Лондон), литературной группы «ДООС» (Добровольного общества охраны стрекоз), создатель и президент литературного клуба «Русская поэзия в Австрии». Автор семи книг стихов и эссе. Победитель от Австрии Первого международного поэтического конкурса «Литературной газеты» (2004). Награждён медалью им. А. С. Грибоедова, орденом В. В. Маяковского, медалью «Литературный Олимп» Лиги Писателей Евразии, дипломом и серебряной медалью Давида Бурлюка, серебряной медалью 2-го Евразийского литературного фестиваля ЛИФФТ и др.

Даниил Соложев – русский художник, поэт и музыкант XX века

Мои первые встречи с Даниилом Андреевичем Соложевым

В 6-м номере 2020 года журнала «Берега» я упомянул в очерке «Моя аэроэра XX века» о моей встрече на Международном салоне аэронавтики и космоса в Бурже в 1965 году с Даниилом Соложевым, его женой Лизой и с их близким другом Жоржем Рубисовым. До сих пор помню картину знакомства. Был солнечный майский день. Мы, директор советского павильона И. Б. Иосилович и я, стояли недалеко от входа в павильон, о чём-то беседовали, посматривая на проходящих мимо французов. Невдалеке появилась группа из трёх человек, явно направляющихся к нам. Это была замечательная троица. В середине возвышался моложавый долговязый мужчина, напоминавший Дон-Кихота, слева грациозно шествовала миниатюрная очаровательная голубоглазая Дульцинея, справа катился невысокий круглый толстяк, похожий на Санчо Панса. Подойдя к нам, высокий симпатичный джентльмен широко улыбнулся и на чистейшем русском языке представился: «Я Даниил Соложев, это моя жена Лиза и Георгий Рубисов». Мы были приятно удивлены – они оказались русскими эмигрантами первой волны. Завязалась оживлённая беседа.

Мне они сразу понравились своей раскованностью, столь необычной в то время для советских граждан, и симпатией, с которой они говорили о советской России. Наши гости были в полном восторге от советского павильона. Говорил в основном Даниил Соложев. Он оказался художником, его жена – преподавательницей русского языка, а толстый господин – преуспевающим инженером. Прощаясь, г-н Соложев пригласил нас в гости посмотреть его картины.

Встреча оставила приятное впечатление, и мне захотелось снова встретиться с ними. Я тогда активно интересовался живописью, посещал московские музеи, особенно Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, где очень хорошо была представлена живопись французских импрессионистов, экспрессионистов и авангарда конца 19-го – начала 20-го века. В стране была «оттепель». Открывались выставки «закрытых» ранее советских художников, таких как Фальк, Тышлер, а также современных, входящих в Профсоюз графиков, и др. В Париже я уже успел сходить в Музей современного искусства. Поэтому я очень обрадовался возможности пообщаться с современным русским художником, живущим во Франции, и увидеть его работы.

С любезного разрешения моего шефа, выбрав свободное время в один из следующих дней, я отправился в гости один. Исаак Иосилович решил не рисковать своей репутацией посещением русских эмигрантов. Я же об этом не думал, купил букетик цветов и, взяв небольшой русский сувенир, поехал к Соложевым. Я был очень смущён, когда попал в их 11-й район Парижа, где уже тогда жило много эмигрантов из Французской Северной Африки, нашёл их небольшой домик во дворе-колодце более высокого дома, поднялся по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж,

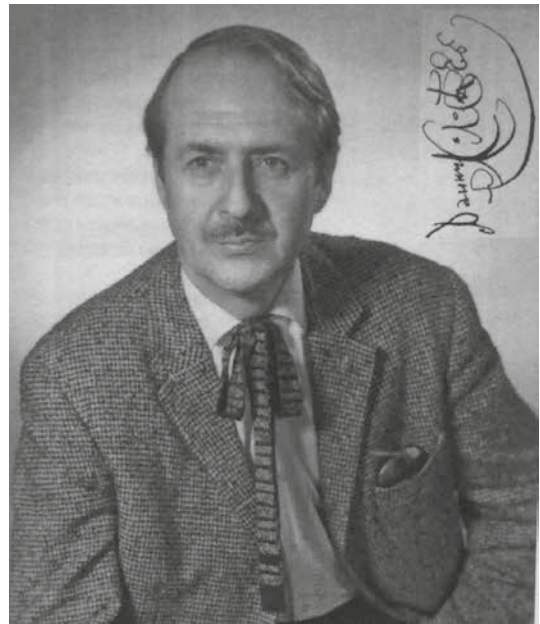
увидел их маленькую квартирку. Кухня и душ были в одном небольшом помещении 3–4 кв. м, гостиная, она же столовая, – в комнате не больше 12, и спальня примерно 8 кв. м. Я никак не ожидал, что такие внешне преуспевающие люди могут жить в такой квартире. Всё это не шло ни в какое сравнение с квартирами, в которых уже жили в Москве я и мои знакомые.

Но моё настроение тут же улучшилось, как только я увидел светящиеся радостью лица гостеприимных хозяев. Меня провели в уютную гостиную, где стояло пианино, на котором лежала скрипка. На стенах от пола до потолка висели картины, полки с книгами и антикварными сувенирами из разных стран, на небольшом письменном столе лежали книги, стояли фотографии и всевозможные забавные безделушки. У окна стоял круглый столик на одной ножке и несколько стульев. Очаровательная хозяйка накрыла столик скатертью, поставила небольшие тарелки с рюмками и бутылку вина. Мы сели за стол, выпили любимого Соложевскими вишнёвого ликёра Черри Бренди. Даня (так звала его Лиза) поставил на середину комнаты мольберт и стул, на него большую папку, раскрыл её и стал показывать свои картины и рассказывать. И я неожиданно перенёсся в другой мир, в волшебный сказочный мир художника, поэта и музыканта Даниила Соложева. То, что я увидел, не было похоже на работы других художников. Картины на мольберте менялись одна за другой передо мной, как в кино, потом ставились рядом с ним. Постепенно комната превратилась в сияющее всеми цветами радуги радостное царство, в котором летали бабочки и стрекозы, плавали рыбы и русалки, оживали цветы, превращаясь во влюблённые парочки, плясал русский самовар, в безудержной весенней пляске уносились куда-то юные девы, в небе парили рыбы, а в подводном мире кукарекали петухи и печальная дама играла на скрипке. Всё это буквально заворожило меня, и я засиделся у них до позднего вечера.

Уходя, я уносил дорогие для меня подарки: картину «Подводное царство» и две книги в переводе на французский с замечательными иллюстрациями Соложева – Библию Иерусалима «Послания Святого Апостола Павла» и «Тарас Бульба» Н. Гоголя. Даниил был также талантливый график. Работы Соложева в этой области очень ценились, а иллюстрации к «Тарасу Бульбе» считались одними из лучших. Об этом можно судить по фотографии разворота книги с его дарственной мне надписью.

Привлекает к себе внимание и необычность письма, искусно исполненного художником русской вязью. Таким же образом он переписывался с русским писателем-символистом, художником и каллиграфом Алексеем Ремизовым, большим знатоком древнерусского искусства и старославянской вязи. Интересно также, что в России до эмиграции Ремизов дружил с Велимиром Хлебниковым, который воспринимал его как старшего товарища и учителя. Эта дружба основывалась на их общей творческой установке на поиски «русского стиля». Именно это и сблизило Соложева с Ремизовым.

В тот приезд в Париж мы встретились ещё один раз. Соложевы пригласили меня в шикарный ресторан рядом с Опера Гарнье. Обед был изыскан, нас обслуживало несколько официантов. Я был опять потрясён. Меня поразили их симпатия и внимание, с которыми они отнеслись ко мне, в общем-то незнакомому молодому человеку. Видимо, главным для них было то, что я русский, приехавший из горячо любимой, но недостижимой Родины. Как потом подтвердилось, Даниил был очень открытым человеком. Он легко и охотно шёл на контакты особенно с людьми из России, приглашал к себе в гости, показывал (да и дарил) свои картины. Позже Лиза рассказала мне, что в гостях у них в разное время были Сергей Михалков, Андрей Вознесенский, Бэла Ахмадулина, Евгений Евтушенко, Геннадий Рождественский и др.

*Даниил Соложков
27.02.1908 (СПб) – 21.10.1994 (Париж)*

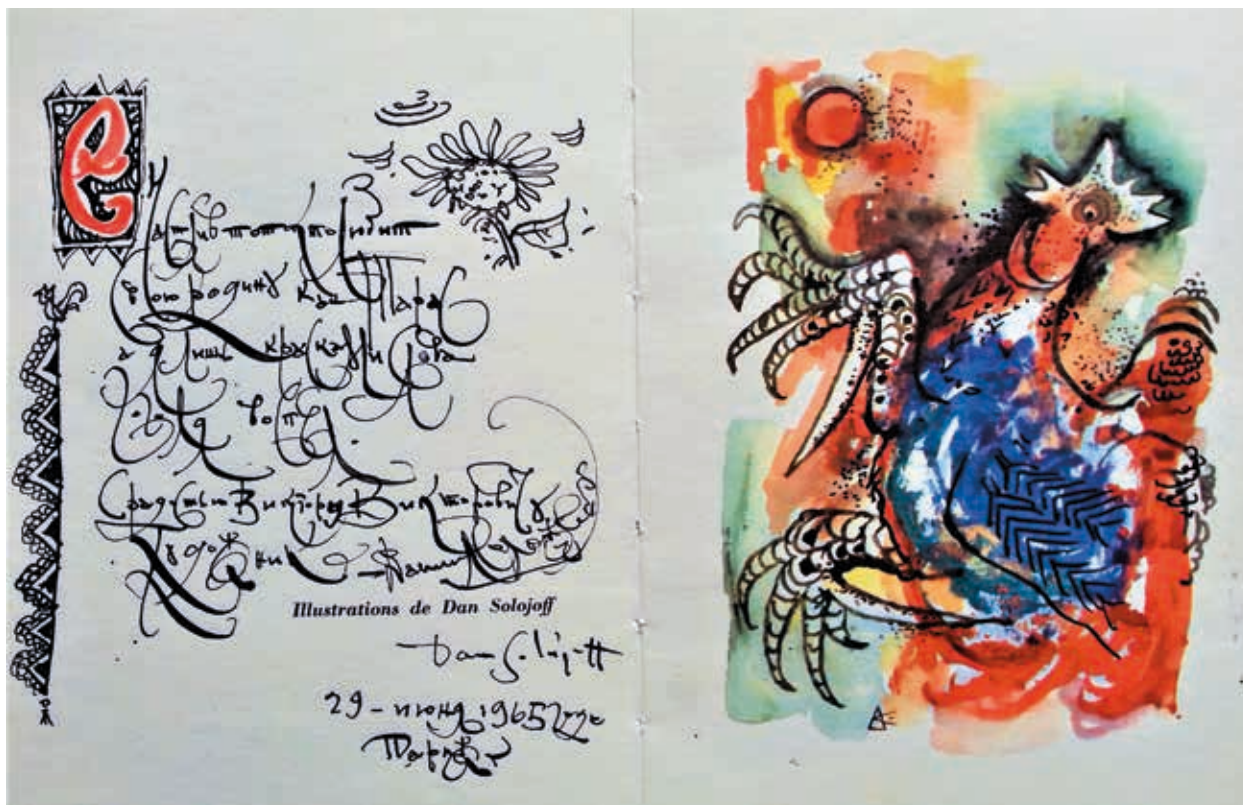
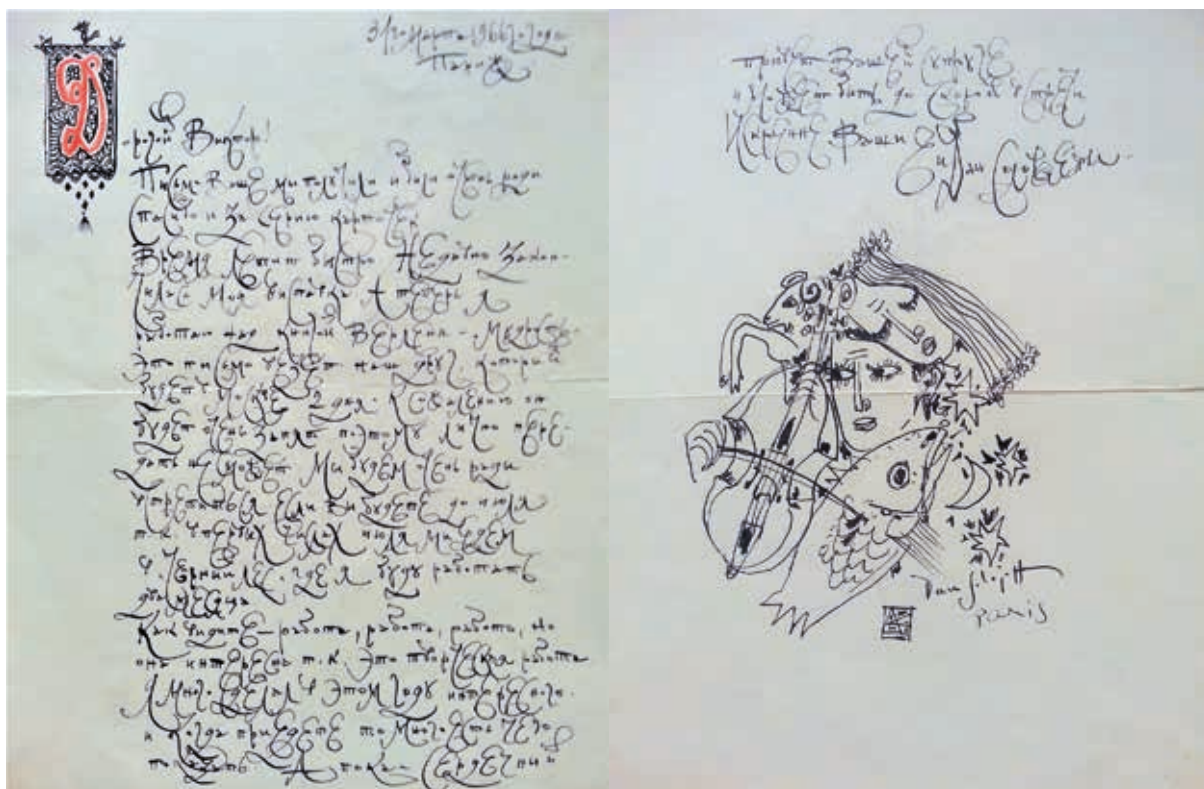

Фото разворота книги Solojoff «Tarass Boulba»

Письмо Д. Соложова, 1966

Закончилась выставка, и я улетел в Москву. Мы переписывались, поздравляли друг друга с праздниками, днями рождений, делились семейными новостями.

Одно из первых писем Даниила, особенно интересное и красивое, было написано соложевской славянской вязью с замечательным рисунком, стало для меня символом поэтического вдохновения. Целиком публикую его впервые.

В одном из писем я послал Даниилу Андреевичу открытки с видами старинных русских городов. Ему особенно понравились виды Углича. В ответ он писал: «Ваши картинки Углича очаровательные. Я часто (в мыслях) ходил по нему и жил его старинной жизнью – вся история снова встала перед глазами, и было страшно. Слава Богу, что всё это уже только история. И Углич живёт спокойной жизнью». Узнав о рождении нашей дочери, Даниил послал нам тёплое письмо с поздравлениями, сообщив, что послал «кое-что. Это всё чепуха, но так хотелось сделать Вам что-нибудь – не сердитесь. Вы поймёте». Мы подождали посылку некоторое время, а потом забыли. Прошло полгода, когда неожиданно мы получили сообщение, что нам пришла посылка

из Франции. Международное почтовое отделение оказалось далеко от дома, на другом конце Москвы. На почте служащий взял квитанцию и надолго исчез. Появился он, небрежно волоча по полу длинный зелёный мешок. Оттуда он достал большой плоский пакет и передал мне. Я очень удивился, что бы там могло быть? Дома мы с женой, стораая от любопытства, его распаковали и обнаружили огромную красивую коробку шоколадных конфет. Такого мы у нас в Советском Союзе никогда не видели! К нашему величайшему огорчению коробка была изрядно помята, а конфеты высохли, выпали из ячеек и превратились в одну несъедобную массу. Соложевых мы поблагодарили за внимание.

К сожалению, и письма приходили с большими задержками. Вероятно, поэтому Соложевы не получили от меня сообщения о моей следующей командировке во Францию летом 1967 г. Я был включён, как инженер-разработчик и переводчик, в состав делегации Министерства автомобильной промышленности СССР, направляемой во Францию для ознакомления с работой установок по комплексному испытанию автомобильных двигателей на заводах Рено и Пежо. Мы должны были на несколько дней прилететь в Париж, потом уехать на заводы этих компаний в Гавр и Бельвиль. В Париже я узнал, что Соложевых нет в городе, и отправился в галерею Кати Гранофф, в которой постоянно с 1956 г. выставлялись картины Даниила Соложева.

В галерее я потерял дар речи. Работы Даниила Андреевича висели рядом с картинами всемирно известных Пикассо, Брака, Дюфи, Марке, Сутина и других выдающихся художников. Катя Гранофф была любезна и сообщила мне, что Соложевы уехали и будут не скоро. Я очень расстроился, передал для них сувениры и письмо.

В октябре в Москве я получил трогательное письмо от Дани: «Мы были очень огорчены, что не смогли увидеться. Прямо-таки плакать хотелось. Столько времени ждали и вот тебе – на! А мы были в Голландии. Приехали и – сюрприз. Будем ждать с нетерпением...» По возвращении в Москву я, зная их большую любовь к русской классической музыке, послал им пластинки с Поэмой «Колокола», ор. 35 – музыкальное произведение для смешанного хора, трёх солистов (сопрано, тенора и баритона) и оркестра, написанное С. В. Рахманиновым в 1913 году на слова одноимённого стихотворения Эдгара По в переводе Бальмонта, а также его Концерт No 2, Ор. 18 в исполнении Святослава Рихтера. Соложевы были очень рады: «Спасибо, дорогой мой. Колокола гудят по миру... и Richter (почему-то написал не по-русски, не знаю) концерт Рахманинова мы очень любим. Большое, большое спасибо».

Подводное царство

Из писем Дани я узнавал также, что он много и успешно работает, выставляется во Франции и за границей – в Германии, Голландии, Швейцарии. Но это не очень сказывалось на его благосостоянии, так как значительная часть его картин продавалась через галерею Кати Гранофф. Как позже я узнал, в середине 50-х годов Соложев подписал с ней долговременный договор, по которому она выплачивала ему постоянное месячное содержание, а он должен был передавать ей все его картины, не получая за них гонорара. С ростом его известности росли и цены на картины, а получаемые им средства практически не менялись. Кстати, скромную квартиру, где он прожил всю свою жизнь, он купил на гонорар, полученный от продажи иллюстрированной им книги «Цветы зла» Бодлера.

О жизни Соложеских до нашей встречи

К сожалению, неожиданно для меня, ждать наших следующих встреч мне пришлось долго, очень долго. А пока есть время, я расскажу об их жизни, чтобы читателю было яснее положение Соложеских во Франции и как они туда попали. Кратко о своей жизни сказал сам Даниил Андреевич Соложев в «Биографпредисловии» к своей книге «Дизеи и Бемоли» (Париж), опубликованной вдовой Елизаветой Соложеской и близкими друзьями Н. и В. Ошаниными в 1995 году после его ухода в другой мир. Вот его фрагмент.

«Родился я в России, в Санкт-Петербурге 14 февраля (по старому стилю) 1908 года.

В 1917 году я был убит. Похоронили меня в 1920 году... Воскрес я в 1950 году в городе Лионе, во Франции, выступая как художник и поэт...»

Эта краткая биография требует пояснений. Даниил родился в дворянской семье военного врача Андрея Афанасьевича Соложеского и провёл своё раннее детство в Петербурге. Его мама Елизавета Петровна Албанская была княгиня из династии черногорских королей Кара-Георгиевичей, породнённой с российской императорской семьёй.

Отец был из простой семьи, дослужился до генерала и в Первую мировую войну отвечал за снабжение медикаментами царской армии. Семья была принята в императорском дворе.

Семья Соложеских жила в центре Петербурга. Даниил начал учиться в частной гимназии Лентовской, одновременно занимаясь музыкой (роялем) и рисованием. После революции октября 1917 года семья покинула Петроград и переехала в Керчь к его бабушке. Там он продолжил обучение в Александровской мужской гимназии, старейшей гимназии Крыма. В это время проявились его способности к музыке и рисованию. Преподавателем рисунка в гимназии был Дамиан Васильевич Шибнев¹, ученик И. Е. Репина и П. П. Чистякова, с отличием закончивший Высшее художественное училище при Императорской Академии художеств. Шибнев не только прекрасно знал русскую живопись, но и работы современных французских художников, с которыми познакомился во время своего пребывания во Франции в 1906 году. Там он увлёкся работами импрессионистов, их методами познания и отображения природы, с присущими им яркими красками, тонкой, живой передачей воздуха. Нет сомнения, что во время занятий рисованием с учениками гимназии он передавал им эти знания, показывал свои парижские работы и оказал большое влияние на становление Д. А. Соложеского как серьёзного художника. После преподавания в гимназии в 1921 году Д. В. Шибнев был назначен заведующим картинной галереей при Керченском археологическом музее, больше не выезжал за границу и не мог давать уроки живописи Д. А. Соложескому в Кишинёве, как утверждают некоторые источники. А его картины до сих пор можно увидеть в этом музее.

В Керчи произошла удивительная встреча, которая осталась в памяти у Дани на всю жизнь. Недалеко от их гимназии находилась Романовская женская гимназия. Однажды мальчиков их гимназии пригласили на концерт девочек в эту гимназию. В ходе концерта на сцену вышла девочка с большими белыми бантами и огромными голубыми глазами. Она села за фортепьяно и стала играть. Сердце Даниила сильно забило. Он влюбился в неё с первого взгляда, но всё же постеснялся подойти к ней. Это случилось в 1920 году. Им было всего по 12 лет.

Вскоре к городу подошли войска красных, началась паническая эвакуация, и они навсегда покинули Россию. Соложеские эвакуировались сначала в Константинополь, потом в Королевство СХС, образованное в декабре 1918 года в результате объединения Сербии, Черногории и Государства сло-

¹ Старый Мариуполь, История Мариуполя. Самобытный художник – Дамиан Шибнев.

венцев, хорватов и сербов. (В 1929 году оно было официально переименовано в «Королевство Югославия».) Позднее они переехали в Молдавию, тогда входившую в Румынию, в Кишинёв. В 1925 году Даниил с отличием оканчивает гимназию, учится игре на скрипке, рисует и пишет стихи. На одной из встреч русских эмигрантов он увидел прелестную девушку с огромными голубыми глазами, которая замечательно играла на фортепьяно. Он сразу узнал её. Это была она: его любовь из детства, которую он впервые увидел в Керчи. Она тоже влюбилась в него. Удивительно, что их встреча вообще состоялась. Как рассказывала мне Лиза, когда большевики занимали Крым, она с матерью переехала к дяде, брату отца. Они были русские греки. Дядя Лизы был крупным землевладельцем, имевшим репутацию хорошего и справедливого хозяина у работавших у него крестьян, и почётным консулом Греции в Крыму с широкими связями в дипломатических кругах. Французы предложили дяде вывезти его из Крыма на французском крейсере, который в это время барражировал в Чёрном море. Зная любовь и уважение к нему местного населения, он был уверен, что с ним ничего не случится, и отказался в пользу семьи своей сестры. Так Лиза оказалась в Кишинёве. А дядя был расстрелян несколько лет спустя.

В 1931 г. Даниил женился на Елизавете Ильиничне Симмелиди, Лизе, Лизочке, как он всегда ласково называл её. Вскоре они переехали в румынский город Брайлов и больше не расставались. Их жизнь, как и жизнь миллионов людей в то время, особенно в Европе, складывалась непросто, но им помогала любовь. Чтобы прокормить семью (с ними жила мама Лизы), Даниил работает днём ретушёром в фотоателье, рисует на улице портреты, вечерами играет в ресторанчиках на скрипке. В свободные минуты пишет стихи. Значительно позже в Париже я слушал его великолепную игру на скрипке, видел рисунки и ранние акварели. Особенно мне нравится его акварельный портрет Лизы.

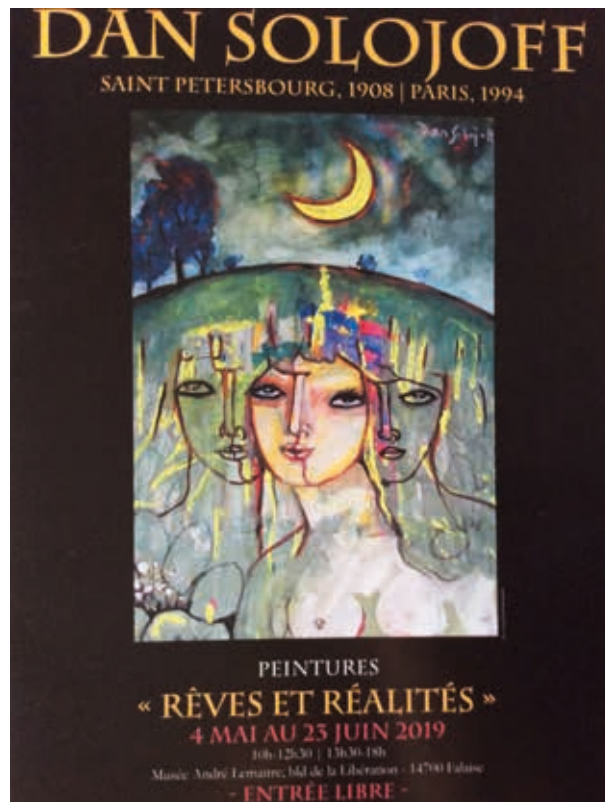
Началась мировая война. В 1944 г. во время уличной облавы Даниил был задержан немецким патрулём и вывезен в принудительный трудовой лагерь под Бремен на севере Германии. Не желая расставаться с мужем, Лизочка Соложева, выросшая в богатой интеллигентной семье (до революции её отец был директором Одесского отделения Государственного банка России), никогда не знавшая чёрной работы, добровольно отправилась в лагерь вместе с Даней и пожилой матерью. Так как она очень хорошо знала немецкий язык, её взяли вольнонаёмной переводчицей к коменданту лагеря, и семье отгородили уголок в бараке. Это спасло им жизнь. Как могла, она помогала и другим военнопленным. Но условия жизни и работы были тяжёлыми, Даниил заболел туберкулёзом.

Война заканчивалась. Эту часть Германии в 1945 г. освободили англичане. Соложевы подали документы с просьбой разрешить им поехать во Францию, где у Дани давно жила тётя. Ждать пришлось долго. Даниила мучил туберкулёз. Болезнь обострилась. Он решил пойти в английскую комендатуру в Бремене и узнать причину задержки. Ему пришлось пройти более 10 км. После чего, полностью выбившись из сил, на пороге комендатуры он упал в обморок. Оказалось, что разрешение уже пришло и они могут ехать во Францию. По приезде они устроились в одном из бедных кварталов Лиона. Денег не было, немного помогала его тётя. Постепенно он поправился, хотя здоровье до конца к нему так и не вернулось, начал рисовать. Его портреты и рисунки охотно покупали. Наступил счастливый и самый плодотворный период в жизни художника. К нему вернулся врождённый оптимизм, радость жизни и творчества. Он рисовал, и рисовал без усталости. Писал пейзажи, цирковые сцены, картины на религиозные сюжеты; работал в основном акварелью, гуашью, китайской тушью на бумаге и немного маслом.

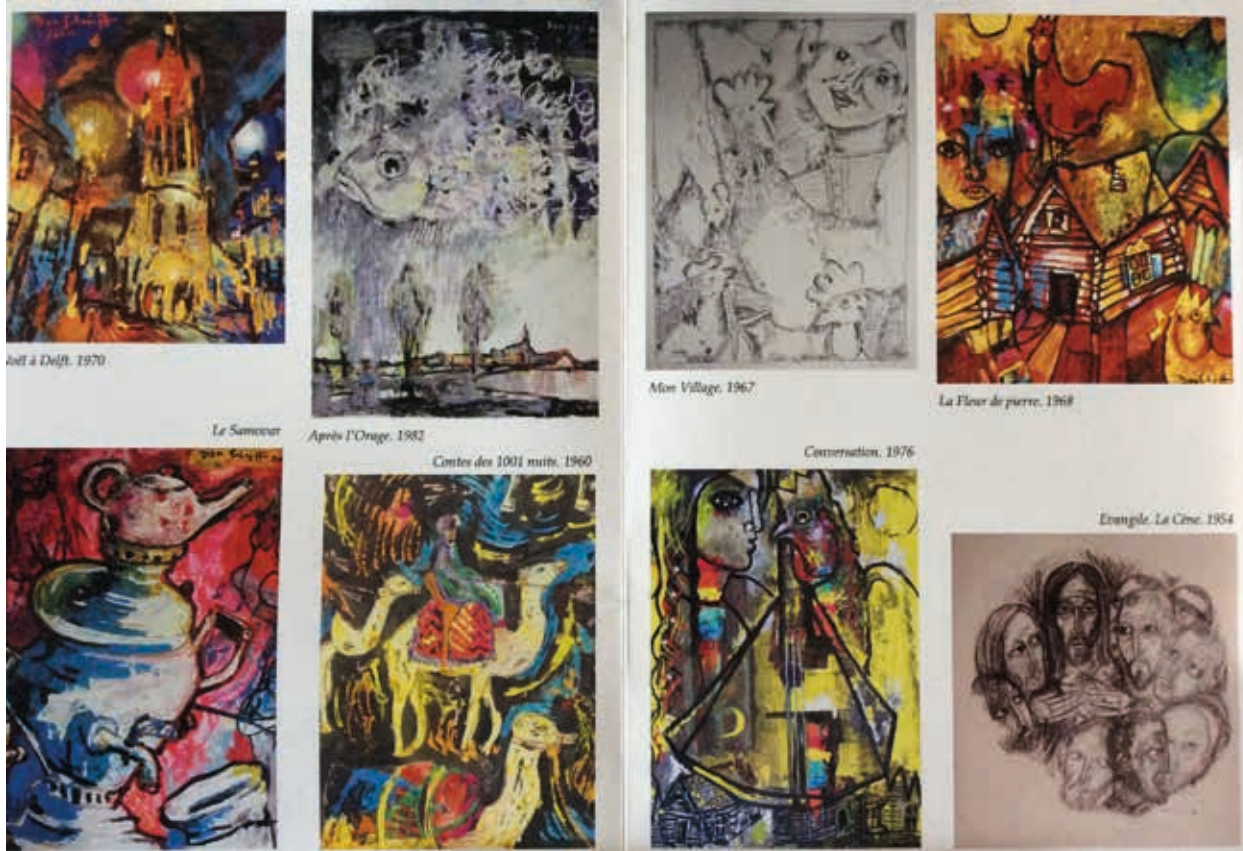
Его заметили. В 1949 г. состоялась первая персональная выставка в Лионе, в 1950 г. он участвует в художественных салонах в Монте-Карло Княжества Монако. К нему пришёл первый успех. С 1954 г. он стал постоянным участником выставок салона «Лионского общества изящных искусств». Получил сначала бронзовую, потом серебряную, в 1958 г. – золотую медаль этого салона. Несколько его работ купил Лионский музей. С 1956 по 1968 г. его картины выставлялись и успешно продавались в известной парижской галерее Кати Гранофф, специализировавшейся на искусстве современных художников, – одной из самых престижных во Франции. В 1959 г. сделал серию рисунков о России «Моя деревня» пастелью и китайской тушью. В 1960 г. он с Лизой переехал в Париж и стал постоянно выставляться в галерее Кати Гранофф. Художник получил признание не только в кругу любителей живописи, но и своих коллег. Однажды, находясь в Каннах, он познакомился с Марком Шагалом. Придя с Лизой на его выставку, они поздоровались с ним по-русски. Шагал встретил их радостно и сказал: «Наконец-то можно говорить на русском!» Прощаясь, он дружески

Дан и Лиза Соложесвы с Марком Шагалом,
1965 г.

Афиша выставки, 2019

Картины Соложесва, выставка-2019

посоветовал ему: «Пишите свободно, давайте простор вашим фантазиям». Я думаю, это помогло Даниилу утвердиться в избранной им манере живописи и в свободном выражении своих порой сказочных фантазий, его внутреннего мира и волшебных воспоминаний детства. Может это и роднило его с Шагалом. Он никогда не писал свои картины в манере других художников. Даня ценил М. Шагала, но очень огорчался, когда его сравнивали с ним. Однажды ему сказали, что его картина похожа на работы Шагала. Соложев тут же уничтожил эту вещь.

Они совершенно разные художники. Творчество Даниила в значительной мере питалось русскими источниками, его картины и рисунки наполнены природой и жизнью России, увиденной им в детстве, русской деревней, фольклором. Его рисунки изящны и артистичны. Он поднялся до высочайшего уровня экспрессии и красочности картин и рисунков, особенно в религиозной серии «Евангелие», в иллюстрациях к коллекционным изданиям «Послания Апостола Павла», «Цветов зла» Ш. Бодлера, «Мудрости» Верлена, Н. Гоголя «Тарас Бульба», а также в композициях и абстракциях. В 1976 г. Катя Гранофф писала: «...его фантазия неисчерпаема, никогда на двух его картинах не повторяется один и тот же мотив... Я знаю, что этот поэт находит в себе и только в себе неисчерпаемый источник вдохновения». Это её высказывание относится не только к Соложеву-художнику, но и Соложеву-поэту. К этому времени сформировался его круг общения с русскими эмигрантами: художниками Еленой Рубисовой (также известная поэтесса), Юрием Анненковым, Ростиславом Добужинским, Осипом Цадкиным, Олегом Цингером, Сергеем Голлербахом и др., с писателем Алексеем Ремизовым, поэтами Юрием Терапиано, Ириной Одоевцевой и др., жившими во Франции.

Наша дружба на расстоянии

Шло время, мы продолжали переписываться, сообщать о новостях, поздравлять друг друга с праздниками. Его карьера художника успешно развивалась. С 1967 г. его персональные выставки состоялись не только во Франции, Германии, Голландии, Швейцарии и других странах Европы, но и в США и Канаде. Даниил много и без усталости работал, стал получать хорошие гонорары, что дало им возможность больше путешествовать, прежде всего, чтобы пополнять свой творческий багаж. Ему это было необходимо, так как в его каждодневной работе художника «...каждый день чистый лист бумаги должен был превратиться в картину. Работать без натуры, как работаю я, не легко. Надо иметь духовный экилибр для того, чтобы всегда чувствовать слияние линий и красок. Вы ведь знаете, что все мои работы – это жизнь, но только перелитая через мою душу. Поэтому я откликаюсь на всё – всё нужно знать, чувствовать и видеть... Укатим куда-нибудь в какую-нибудь новую страну и как губка буду всасывать в себя художественный материал... Без работы для меня отдых – не отдых»¹. Так он и работал, не останавливаясь, всю жизнь.

В 1972 г. на выставке «Значительные картины русских художников во французских собраниях» в рамках Осеннего салона в Большом Дворце на Елисейских Полях его работы соседствовали с картинами Гончаровой, Ларионова, Кандинского, Филонова и других известных русских художников 20-го века.

Моя жизнь в Советском Союзе складывалась в этот период не так успешно, как мне хотелось бы. Сначала мне намекнули, что переписываться с заграницей не стоит. Потом «потеряли» в райкоме мою положительную характеристику на выезд на шесть месяцев в Канаду для работы переводчиком в советском павильоне на Всемирной выставке «Экспо-67» в Монреале. Вместо этой командировки мне предложили курировать строительство нового здания Научно-исследовательского института технологии автомобильной промышленности, где я тогда работал инженером-конструктором технологического оборудования. Это меня совсем не интересовало. Тогда же я получил интересное предложение перейти в Научно-исследовательский институт планирования и нормативов Госплана СССР с повышением и перспективой. Я согласился и с интересом занялся новой технико-экономической работой, которая требовала от меня всех сил. Переписка с Соложевными прекратилась. Но эти необыкновенные люди, как сейчас говорят, «наши соотечественники», живые встречи с ними, сказочные и необыкновенно красивые картины, рисунки, стихи и музыка

¹ Письмо Д. Соложева, февраль 1967 г.

Дани и его с Лизой искренняя симпатия ко мне и к моей семье жили в моей душе, так же как и мечты о новых встречах с ними. Шли годы.

В 1974 г. я защитил диссертацию по теме «Экономическая эффективность международных инвестиционно-производственных проектов» в Институте экономики АН СССР и стал там старшим научным сотрудником. В 1978 г. поступил на факультет экономистов-международников Академии внешней торговли СССР. На преддипломную практику в 1982 г. впервые с 1967 г. выехал за границу в ООН по промышленному развитию (ЮНИДО) в Вену, в капиталистическую страну Австрию. После её успешного прохождения и окончания Академии в марте 1983 г. я начал работать в ЮНИДО. Эта организация занималась в то время оказанием помощи развивающимся странам в подготовке технико-экономических обоснований инвестиционных проектов в различных отраслях их экономики. Благодаря знанию французского языка я стал вести эти проекты и во франкоязычных странах.

Новые встречи с Данилом и Елизаветой Соложевymi спустя 18 лет

Я прошу прощения у читателя, что отвлекаю его от увлекательной темы изобразительного искусства и литературы, но делаю я это только для того, чтобы показать, «сколь неисповедимы пути твои, Господи!» и сколь непредсказуем и долог был мой путь к моим любимым русско-французским друзьям Даниилу и Елизавете Соложевymi. Мне и в голову не приходило, что я снова смогу с ними встретиться. Но неожиданно уже через два месяца в мае 1983 г. мой суровый немецкий босс в ЮНИДО отправил меня в командировку в Мали. Суровый, т. к. в первый день моего появления на работе он встретил меня словами: «Работать, работать, работать!» – на русском языке с железным немецким акцентом. Тем самым дав понять, что у него не разболтаешься. Так оно и было. Да и отправка сразу без раскочки в африканскую страну Мали с её суровым тропическим климатом, эпидемическими болезнями и нестабильной политической ситуацией в стране была не простым испытанием. Пришлось сделать кучу прививок и взять с собой ещё специальный набор лекарств, выданный медицинским центром ООН в Вене для использования их в Мали.

Но, знаете, в каждой сложной ситуации всегда есть хотя бы одно хорошее «но». И оно было. Самолёты из Вены в Западную Африку летали с пересадкой на AIR FRANCE и с обязательной ночёвкой в Париже! В моём любимом Париже. Я тут же забыл обо всех проблемах и... вспомнил Соложевymi. Конечно, я очень хотел их увидеть, но я давно не общался с ними и даже не переписывался, ведь это было запрещено. Прошло 13 лет после их последнего письма, на которое я не ответил. Они могли обидеться, переехать на другую квартиру или уехать в другую страну, с ними могло произойти (как и со мной) всё что угодно. Я встречался с ними всего лишь в мой первый приезд во Францию в далёком 1965 г., то есть 18 лет тому назад! Но внутри теплилась надежда, что, может быть, мы увидимся. Поколебавшись, решился и позвонил. Их старый номер телефона был со мной. Услышал незабываемый чуть хриловатый, приятный голос и спросил: «Даниил?» В ответ очень громкое и радостное: «Виктор! Где ты?» – «Узнал, помнит, родной!» – пронеслось в голове. Сказал, что через два дня буду в Париже. Ответ был краток: «Приходи, обязательно приходи. Мы ждём тебя». Рядом слышал радостный Лизин голос: «Да, да, конечно». Я был потрясён. Помнят, ждут!

Так мы встретились вновь, как будто не расставались. Они остались такими же симпатичнейшими русскими интеллигентами и совсем не постарели. Мы так же сидели за качающимся круглым столом на одной ножке, так же пили вишнёвый ликёр. А Даня ещё более увлекательно рассказывал и показывал свои новые картины, рисунки, книги и читал, потрясающе читал свои стихи! Картин и книг, иллюстрированных им, стало больше. Появились серии бабочек, замечательных пейзажей, абстракций и многое другое. На следующее утро я улетел в Мали. С тех пор каждый раз я летал во Французскую Африку с обязательной остановкой в Париже, чтобы заглянуть к Соложевymi. У них я встретил Жоржа-Жана Рубисова, сына Рубисова-старшего, который присутствовал при нашем знакомстве в 1965 г. Жорж был симпатичный джентльмен, очень похожий на отца, только худой и высокий, бизнесмен и винодел. Иногда они с Лизой играли на фортепьяно в четыре руки, а Даня играл с ними на скрипке. Много лет спустя при нашей встрече Жорж-Жан рассказал мне, что однажды он позвонил Дане и сказал, что собирается на следующий день зайти. Даня ответил: «Что ты, что ты, у нас будет Виктор!» Я даже представить не мог, что Даня так трепетно ко мне относился. Вместе с Соложевymi я был на службе в русской церкви на Рю Дарю, где они все годы их жизни в Париже были уважаемыми при-

хожанами. Посещали близлежащие кафешки, где я уже мог заплатить и за них, прогуливались по набережной Сены вдоль книжных рядов. Оказалось, что Соложев был также библиофилом, известным в Париже коллекционером редких книг, особенно русских. Собирал прижизненные издания русских классиков. Знаменитый дирижёр Геннадий Рождественский встречался с ним и рассказал о нём в своей книге «Парижские букинисты». Он считал его талантливым поэтом и привёл в ней стихи Даниила Андреевича. Одно из них «Колыбельнодумная вязь» своей изысканной «звукописью» очаровало его и напомнило ему стихи Велимира Хлебникова: «Усните чаруши, / Усните глубоши, / Усните голубыши, / Усните все под крышей. И я усну спокойно / И лавно и «Лукойно»¹.

Однажды у Соложеевых я познакомился с их молодыми русскими друзьями Надеждой и Владимиром Ошаниными, давно жившими и работавшими в Париже, которые с ними регулярно общались и поддерживали их. Отец и сын Рубисовы и Ошанины очень любили живопись Дани и покупали его работы. Он же время от времени сам охотно дарил друзьям свои произведения и иллюстрированные им книги. В итоге они собрали наиболее полные коллекции картин и рисунков Даниила Соложева. Прошли годы, он стал известен в Европе, Канаде и Соединённых Штатах Америки, где неоднократно с большим успехом проходили его выставки. Его картины и рисунки, книги с иллюстрациями находятся в коллекциях ценителей искусства во всём мире. В 1989 г. Даниил получил звание почётного доктора Гуманитарного Университета штата Флорида. Но Соложеевы жили всё в той же скромной квартире и остались такими же простыми и сердечными людьми. Как я отметил это раньше, они очень любили путешествовать и не стремились к улучшению комфорта. Однажды даже отказались от предложенной им Жоржем Рубисовым большой новой квартиры. Вся жизнь их была в искусстве: в живописи, поэзии и музыке. Несколько раз я был у них с моей женой Олей, и всегда это были удивительно тёплые и интересные встречи.

Вынужденный покинуть Россию в 12 лет, живописец, график, иллюстратор и поэт Даниил Андреевич Соложев всегда мечтал познакомить россиян со своим творчеством. К сожалению, этого не произошло до сих пор, в России не было ни одной его персональной выставки. Безусловно, это большой пробел в истории русского искусства, который необходимо восполнить как можно скорее. При этом в разных странах мира их было более 30. При жизни Соложева в 1991 г. в России состоялась единственная выставка репродукций его картин «Несколько капель моря жизни» в Доме учёных в Новосибирске, на которую Дани из-за болезни не смог приехать. Выставку организовал Владимир Ошанин, он же рассказал о творчестве Соложева – художника и поэта. Картины Соложева и рассказ о его жизни вызвали у собравшихся большой интерес. Лишь в 1995 г. три его картины были привезены в Москву профессором Ренэ Герра, известным французским коллекционером и исследователем искусства русского зарубежья, дружившим с Соложеевыми многие годы. Они были представлены в Третьяковской галерее в рамках выставки «Они унесли с собой Россию... Русские художники-эмигранты во Франции. 1920-е – 1970-е» из собрания Ренэ Герра. Я был на этой выставке. Она произвела на меня грандиозное впечатление большим собранием произведений наиболее известных художников русского зарубежья 20-го века. Достойное место среди них занимал Даниил Андреевич Соложев.

Находясь почти всю жизнь за рубежом своей родины, Даниил страстно любил её, живо интересовался всем, что происходило в России, переживал и радовался её успехам, страдал, что живёт на чужбине. Всё его творчество проникнуто этим чувством.

Он писал Рене Герра:

«Нет у меня / Ни родины, / Ни дома. / Есть только / Звуки / Прошлых похорон.
Какой-то / Мутный, / Дребезжащий / Звон. / Конец / Какого-то / Растрёпанного / Тома.

.....

Нет у меня / Ни родины, / Ни дома...»

Даниил Андреевич Соложев был замечательным поэтом. К сожалению, об этом знал только узкий круг русских эмигрантов и друзей, так как он писал стихи в основном на русском языке и издавал их малым тиражом (50–100 экземпляров) за собственный счёт. Из трёх его поэтических сборников, опубликованных при жизни, только последний «Капля воды» (1974) в прозе был написан на французском и издан в Париже. Первый сборник «Лучи», изданный в Румынии в 1938 г., потерялся. Как образно сказал сам автор: «...утонул в море скитаний и мучений», но остался в памяти автора

¹ Рождественский Г. Парижские букинисты: Фрагменты из книги // Наше наследие. 1998. № 46. С. 165–166.

и вошёл спустя много лет во второй сборник «Избранное», изданный дважды – в Мюнхене (1967) и в Париже (1973). Кроме того, стихи Соложева с 1990 г. печатались в русском альманахе «Встречи» (Флорида). Так мало, но как талантливо написано, как сильно выражены любовь и тоска по детству, любовь и страдание по вынужденно покинутой родине, любовь к любимой Лизе, Лизочке, с которой он прожил тяжёлую жизнь эмигранта и прекрасную жизнь творца, художника, поэта и музыканта. Он и его жена Елизавета Соложева так и не приняли французского гражданства, а остались с Нансеновскими паспортами, выдававшимися людям без родины, хотя они и прожили и работали во Франции более полувека. Даниил Андреевич скончался в 1994 г. после продолжительной болезни и похоронен на известном русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем, рядом с многими выдающимися представителями русской эмиграции 20-го века.

Елизавета Ильинична Соложева, его жена, друг и единомышленник, прожившая с ним 63 года, ушла в мир иной в 2008 г. До её последних дней мы общались с ней: говорили о Дане, обменивались письмами. Я ежегодно поздравлял её с днём рождения, писал ей стихи, звонил по телефону. В этом почтенном возрасте она оставалась, очень живой, интересовалась жизнью близких ей друзей и знакомых, событиями в мире, вспоминала счастливую жизнь с Даней. Мы с женой посетили её в последний раз после её 100-летнего юбилея. Она хотела увидеться с нами отдельно от других гостей, так как видеть сразу много знакомых ей было уже тяжело. К сожалению, после юбилея она была уже очень слаба, лежала в постели. Она улыбнулась нам, когда мы вошли. Мы немного поговорили, она была рада нам, улыбалась. Через месяц она скончалась и была похоронена рядом с мужем. На их могиле был поставлен большой крест-памятник с головой Христа работы самого Даниила Соложева, выполненный в технике майолики.

Мы помним и продолжаем любить

Мы помним и продолжаем любить Даниила и Елизавету Соложевых, замечательных русских людей, оставшихся до конца своих дней патриотами своей вынужденно покинутой родины. Даниил Андреевич Соложев, талантливый русский художник, поэт, музыкант и человек, ушёл, но его художественные произведения и поэзия живут, радуют и славят Россию. К сожалению, в России до настоящего времени так и не было его персональной выставки картин. Хотя они ценятся не только друзьями Соложева, но и коллекционерами и продаются время от времени на аукционах также в России.

Проходит время, но близкие друзья Даниила Андреевича Соложева помнят и ценят его творчество и стремятся что-то сделать для его популяризации. Особенно много для этого сделали Владимир и Надежда Ошанины. После его ухода они вместе с вдовой Елизаветой Соложевой издали в Париже в 1995 г. небольшим тиражом посмертную книгу стихов Д. Соложева «Диезы и Бемоли», в 1996 г. альбом его картин и рисунков «Дан Соложев: “Жизнь, творчество”»¹. Очень интересную статью «Нет конца моим цветным мечтаньям» с глубоким анализом его живописи и поэзии опубликовала Надежда Винокур в русско-американском еженедельнике «Вестник»² к 10-летию со дня смерти Д. А. Соложева с репродукцией на обложке его картины «Вечер». Нам его прислала Лиза с радостной записочкой: «Ещё одна “памятка” о Дане... Почитайте – увидите, как хорошо понято Данино искусство и он сам». Мы с женой получили большое удовольствие, читая эту статью.

В 2005 г. Ошанины опубликовали впервые в России повести Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» с иллюстрациями Соложева. В 2011 г. к ним совершенно неожиданно обратилось московское издательство «Летний сад» с предложением бесплатно издать в серии «Культурный слой» стихи Д. Соложева. Недавно Владимир написал мне об этом: «...мы с радостью согласились и охотно впряглись в работу, тем более что составители (Г. Лукомников и В. Орлов) работали над сборником с небывалым энтузиазмом и серьёзностью. Работы было очень много, девять месяцев мы практически занимались только этим... и результат налицо». Я считаю, что результат блестящий. Получилось первое, замечательно изданное и практически полное собрание стихотворений Даниила Соложева в России. Это и неудивительно, так как и издательство и составители имеют высокую репутацию в российском литературном мире. А Герман Лукомников ещё и известный поэт авангардного направ-

¹ Dan Solojoff: Une vie, une oeuvre / E. Solojoff, N. et V. Ochanine [Paris].

² Вестник (vestnik – russian american biweekly) Nov 10, 2004, No. 23 (360) <http://www.vestnik.com>.

ления, которому не могли не понравиться стихи Дани. Для меня удивительным и очень приятным стало то, что моя книга стихов «Вдохновение / Inspiration»¹ с рисунком Д. Соложева на обложке была издана тем же издательством.

Это случилось совершенно неожиданно. Я уже должен был послать книгу в издательство, но всё никак не мог найти рисунок, подходящий названию книги. Вспомнил, что уже в первой книге стихов «Сердце русское волнует» в 2001 г. я с разрешения Елизаветы Соложевой использовал несколько картин Дани для её иллюстрации и на обложке дал фрагмент его изумительной картины «Синий лес». Торопясь, я стал перебирать мой архив, и неожиданно из него выпало то первое его мне письмо, которое я упомянул в начале моего рассказа. Увидев рисунок Дани, я понял, что в нём есть всё для поэтического вдохновения: скрипка – олицетворение музыки, влюблённая пара, звёзды, Агнец Божий и рыба – символы христианства. Дани мне однажды сказал, что он часто добавляет рыбу как символ «водички и жизни». Я почувствовал, что он благословляет меня на обложку с его рисунком. В этой книге я также опубликовал моё стихотворение, посвящённое Соложевым, вдохновлённое его картиной «Подводное царство».

ДАНИИЛУ И ЛИЗЕ СОЛОЖЕВОЙ

Вода журчит и пузырится,
она щекочет нежно нас,
в глубинах тёмных свет искрится
прозрачных мириадов глаз.

Волшебный мир к себе нас тянет,
Русалка с рыбою всплывают,
и память свечи зажигает
О Данииле и о Вас!

В литературном клубе «Русская поэзия в Австрии» Русского Дома в Вене в 2007 г. я рассказывал о творчестве Даниила Соложева, показывал его книги и читал стихи. Член клуба Лидия Гошчинская, искусствовед и поэт, захотела поближе познакомиться с его творчеством. В следующую поездку в Париж я взял её с собой и познакомил с Лизой. Они подружились, и Л. Кузнецова (её литературный псевдоним) написала и опубликовала в журнале «Мосты» № 18 (2008, Франкфурт-на-Майне) очень интересную статью: «Dan Solojoff. К столетию со дня рождения Д. А. Соложева». Не встречаясь с Соложевым, Лидия, стоя перед его портретом в их квартире, глубоко и верно почувствовала этого удивительного человека – музыканта, поэта и живописца: «...боясь шелохнуться, настолько воздуж... этой комнаты озвучивался то Бахом, то Мендельсоном, то Чайковским, а через них звуками и запахами родины самого исполнителя: бесконечным ропотом волн, солью и ветром с лимана, октябрём, который леденит мозги, шёпотом акаций и рождественским божественным покоем, разлитым по светлым душам... Всё это – его музыка и поэзия, но есть и третья ипостась – цвет и линия. Мир Соложева-живописца – это торжество цвета, едва тронутого лёгкой линией, но в нём есть и вдохновение звуком, а вместе – единство поэтического образа, – словесного, живописного и музыкального». И ещё она очень точно отметила особенность Соложева-иллюстратора: «...он не был скован повествовательностью, обобщением материала и характерами образов, но находил сугубо свой, сущностный, не просто иллюстративный, но остро пережитый вариант прочитанного».

В моей книге «Im Flug der Poesie» («В поэтическом полёте») (2017), изданной в Австрии на немецком языке, на задней обложке я поместил фотографию очень яркой и радостной картины Д. Соложева «Россия». Его картины, их настроение очень близки мне и очень хороши для иллюстраций стихов. Они наполнены поэзией и музыкой автора и вместе с его стихами наиболее полно раскрывают его необыкновенный и многогранный творческий талант. Даниил Андреевич очень сильно повлиял на меня как поэта. Многие мои стихи вдохновлены его картинами и посвящены ему и Елизавете Соложевой. В 2011 г., когда известный международный Журнал ПОэтов готовил номер «Гоголь google» № 4–5, посвящённый Н. В. Гоголю, я предложил иллюстрировать его рисунками Соложева. В журнале было опубликовано 6 иллюстраций из сделанных им для книги «Тарас Бульба».

¹ Клыков В. В. Вдохновение / Inspiration. – М.: Летний сад, 2003.

К 100-летию юбилею художника в 2018 г. Ошанины мечтали организовать выставку картин Даниила Соложева во Франции. Как сообщил мне Владимир, это оказалось очень трудно сделать, особенно если не располагать необходимыми денежными средствами, и получилось только в 2019-м в Нормандии. С помощью общих друзей они вышли на Селин Летурнер, директора музея Андре Леметра в городе Фалез, и показали ей альбом с картинами и рисунками Дани. Альбом ей очень понравился, и дальше всё пошло как по нотам. Музей получил поддержку мэрии города, предоставил для выставки два больших зала и взял на себя практически все расходы: покупку рам, оформление страховки, печать афиш. Остальное (вставление в рамы, этикетки и проч.) сделала семья Ошаниных.

По персональному приглашению мэрии Фалеза и Ошаниных я с женой и дочерью прилетели на открытие выставки 4 мая из Вены в Париж, а потом на машине ещё часа три мы ехали на север до города Фалез. Этот старинный город поразил нас своей величавой крепостью XII века, царящей над ним, и богатой историей. Достаточно сказать, что в нём родился герцог нормандский Вильгельм I Завоеватель Англии, ставший в 1066 г. её королём и родоначальником нормандской династии королей Англии.

Даже я, видевший уже раньше коллекцию Ошаниных, был поражён представленной экспозицией и эффектом от погружения в цветовой мир картин Д. Соложева, собранных вместе организаторами в просторных залах музея. На выставке было представлено 120 картин по разным тематикам: пейзажи, музыка, танцы, композиции, иллюстрации, абстракция, религия, руссика и др.

Кроме картин и рисунков, демонстрировались также книги, иллюстрированные Соложевным. Выставка продолжалась до 23 июня включительно. По окончании выставки Владимир Ошанин написал мне: «Успех был большой. Для посетителей (и они это постоянно отмечали) это было открытие неведомого им мира. Были трогательные записи в “Золотой книге”, а уж устных отзывов бесчисленное множество. Учителя местных (и не только) школ приводили на выставку целые классы. Вот для примера одна из записей в переводе на русский язык: “Выставка Дана Соложева – истинное наслаждение для глаз и чувств. На ней можно, не уставая, проводить целые часы. Это из тех выставок, которые заслуживали бы объехать всю страну. Нам особенно понравились книжные иллюстрации, благодаря которым появляется желание перечитать Бодлера и познакомиться с творчеством Ивана Шмелёва, о котором мы, к нашему большому сожалению, никогда не слышали. Пейзажи, натюрморты, абстрактные композиции – всё замечательно. Спасибо музею города Фалез за этот замечательный подарок! Элен и Мишель Н., г. Кан. 10.05.2019”. Был даже отзыв в стихах на целую страницу. В местной прессе о выставке было сказано много лестного. Вот несколько выдержек из газеты “Журнал де л’Орн” от 16 мая 2019 г.: “Мощь, чувственность и оригинальность произведений Соложева не оставляют равнодушными, впечатляют. (...) Удивительная подборка картин, которые надо обязательно увидеть, в частности, ряд серий на тему музыки, танца, иллюстрации к «Сказкам 1001 ночи», «Цветам зла» Бодлера. (...) Великолепная выставка, удивительная, которую пропустить нельзя”».

На выставке нам было также приятно встретиться с друзьями и почитателями творчества дорогого нам Даниила Соложева, с которыми мы не виделись много лет: с Жоржем-Жаном и его женой Мариной Рубисовой, прилетевшими из Калифорнии, с Надеждой и Владимиром Ошаниными и их сыном Денисом, инициаторами и соорганизаторами этой замечательной выставки.

Выставка создала для нас редкую возможность собраться вместе и вспомнить любимых нами русских парижан. Мы искренно благодарим госпожу Селин Летурнер, директора музея Андре Леметра и его сотрудников, а также мэрию города Фалеза за финансовую поддержку и организацию такой великолепной выставки французско-русского художника Даниила Соложева. Я восхищаюсь также Надеждой и Владимиром Ошаниными и благодарю их от всего сердца за их многолетнюю, поистине самоотверженную и титаническую работу по сохранению памяти о Д. А. Соложеве и популяризации его творчества, которая неизменно сопровождается успехом. Желая вам, мои дорогие друзья, сил и здоровья для её продолжения!

Много в этом плане делал и обаятельный Жорж-Жан, младший Рубисов. После выставки он пригласил нас в гости в свою парижскую квартиру, купленную ещё его отцом. Мы провели очень приятный вечер, вспоминали Даню и родителей Жоржа-младшего. Георгий Алексеевич (Жорж-старший) был успешным инженером, бизнесменом (работал и с Россией), литератором и музыкантом, его жена Елена Фёдоровна Рубисова – талантливой художницей, писательницей и поэтом. Они были

самыми близкими друзьями Соложевых, и, я думаю, именно они ввели их в круг художников и литераторов русской парижской эмиграции. Они были очень добрыми людьми и материально помогали художникам, музыкантам и поэтам. Я вспомнил, что читал о них и о Соложевых в книге Софьи Львовны Иваницкой¹ и о том, как они предложили ей жить у них, когда она «совершила свой прыжок из Варшавы в Париж в непонятную новую страну». Они были первыми, кто протянул ей руку помощи в чужой стране. Рубисовы поселили её в маленькую комнату, и, чтобы ей не было скучно и хватало пространства, Жорж повесил картину «Синяя птица». «Она летела, раскрыв крылья с размахом на всю стену. Я была потрясена. Кто автор? Потом узнала – им был Даниил Соложев. Она, эта птица, напомнила мне пьесу Метерлинка, там Птица Счастья тоже была синяя, а значит, подумала я, размах этих крыл в новой стране должен принести мне счастье», – пишет Иваницкая. Это очень близко тому, что неожиданно для всех сказала Лиза после панихиды по Соложеву в соборе Александра Невского в Париже в 2004 г.: «Я была с ним счастлива все эти долгие годы, и когда он не был известен и работал ретушером, другого заработка не было, и когда болел туберкулёзом – всегда! А почему? Мы ухватились за хвост его Синей птицы и крепко держались, несмотря ни на какие невзгоды... Но вот уже прошло 10 лет, как его нет рядом... и птица улетела... А куда она улетела?.. В небо... Может быть, летит всё ближе к нему...»

Потом Иваницкая сблизилась с Ириной Одоевцевой и стала её секретарём до отъезда Одоевцевой в Россию. Для меня это была совершенно необыкновенная книга, из которой я узнал много нового о жизни русских парижан, и особенно Соложевых. Им в книге посвящена отдельная глава, из которой видно, что они дружили с выдающимися литераторами и художниками русской эмиграции. Одоевцева бывала в доме Рубисовых и слушала, как Даня читал стихи. «...он был ещё и музыкант и просто превосходно играл на скрипке. После каждого прочитанного стихотворения звучала его скрипка. Этого я не могу забыть!» – говорила она Соне. Лизу они неоднократно слушали, когда она играла в четыре руки «сначала со старшим, а потом, когда его не стало, с младшим Жоржем. И каждый раз замечательно!» – добавляла Одоевцева. Соложев подарил ей свои книги «Цветы зла» Бодлера и «Мудрость Верлена». «И знаешь, что самое интересное, – с восторгом сказала она Соне, – и представить трудно – он иллюстрировал эти роскошные книги, а для первых 50 экземпляров сделал рисунки вручную на пергаменте». Об этом мне говорил и Даня. Причём он делал одновременно десять экземпляров каждого рисунка, разложив пергамент на полу. И однажды при встрече он показал нам, как это делал. С кистью в руке он, присев, быстро двигался от одной стены комнаты до другой, клал воображаемые мазки и весело хохотал, радуясь своей находчивости. Эти книги имели колоссальный успех и были мгновенно распроданы. Сейчас их можно увидеть только на аукционах. Одоевцевой также нравились стихи Соложева, она считала его замечательным поэтом, не похожим на других: «Его стихи так же оригинальны, как его живопись. Прежде всего, они аллегоричны. Женские фигуры у него олицетворяют весну и всегда открывают какую-то тайну, а по небу несутся облака – символ смятения. А краски всегда очень яркие и свежие. И если ты видела его живописные работы, то можешь сказать, что часто их одушевляют скрипки. Они, как человеческие судьбы, разломаны на части. В чём-то похожи на судьбы нас всех». Одоевцевой очень нравилось его стихотворение:

Снежно и мягко.
Ярко и хрупко.
В рое снежинок двор.
Дом раскурил
Свою старую трубку
Белым дымком
В простор.

«Так просто и так образно» – Ирина Одоевцева.

Когда Жорж услышал, с каким восторгом я говорю о книге Софьи Иваницкой, то просто сказал: «Так давай позвоним ей. Сам ей всё скажешь». И по памяти набрал номер телефона. Он сказал ей, что у него гость из Москвы, который читал её книгу. Ещё не веря, что я буду говорить с автором этой книги, я взял трубку, представился, услышал слабый, но радостный голос Сони. Со всем жаром я высказал чувства моей благодарности и восхищения ею, за её совершенно потрясающие воспоми-

¹ Софья Иваницкая. О русских парижанах. – М.: Эллис Лак, 2006.

нения, которые стали уникальными, неповторимыми свидетельствами чувств, мыслей и высказываний выдающихся людей русской эмиграции, а для меня особенно важные, связанные с Соложевым. Я прочёл по телефону вдохновлённое её книгой моё стихотворение:

РУССКИМ ПАРИЖАНАМ

Мне дорога ночная тишина,
луне серебряной я нежно улыбаюсь,
и ею жизнь моя вдохновлена.
И в этой жизни нет времён и заграницы,
плыву вперёд-назад через века,
и голос я Одоевцевой слышу,
и вижу рядом Соложеских я...
Случалось рядом быть – бывал в Париже
и где-то близко, около бродил,
я подходил к ним ближе, ближе, ближе
и... почему-то снова уходил...
Уж многие ушли из тех,
кто долго на чужбине жил,
кто был свободен и вольнолюбив
и сердцем и душой кто верен был
давно покинутой родной России.
И их любовь, пройдя через года,
соединилась с нашей,
чтобы жить всегда.

Она была тронута. Встречи с ней, к большому сожалению, не получилось. Она болела, а мы через два дня улетали в Вену.

Мы расстались с Рубисовыми с желанием снова увидеться, сделать что-то вместе для сохранения памяти Соложеских. Я обсуждал уже возможность создания документального фильма о Соложеских с известным русским режиссёром, которого эта тема заинтересовала. Жорж готовил альбом с живописью Дани из своей и его отца коллекции картин и рисунков Д. Соложеского, собираемой с начала 60-х годов прошлого века, и с его же стихами. Не получилось. В декабре прошлого года я получил печальную новость о его кончине от коронавируса. Но альбом будет! Работу над ним закончили вдова Жоржа и наши общие друзья Н. и В. Ошанины. Он будет издан в Санкт-Петербурге, малой родине Даниила Соложеского, осенью этого, 2021 года.

Надеюсь, что придёт время и на родине художника и поэта Д. Соложеского найдутся люди, государственные учреждения и фонды, которые заинтересуются его творчеством и организуют персональные выставки его картин и вечера его поэзии. Ведь жизнь Соложеских так интересна, трагична и вместе с тем так наполнена волей и творческим талантом этих русских людей 20-го века, достойно преодолевших все трудности эмиграции и сохранивших любовь к России. Я думаю, что создание о них художественного или документального фильма было бы также весомым вкладом в кинолетопись о русской эмиграции.

Берега прочтения

Валентина Ефимовская

Валентина Ефимовская – поэт, литературный критик, редактор, автор многих публикаций в периодической печати, пяти книг стихов, книги литературно-критических статей, а также текстов к пяти альбомам по искусству. Лауреат ряда литературных премий, имеет многие светские и церковные награды. Стихи В. Ефимовской переведены на сербский, китайский, азербайджанский языки. На протяжении 15 лет В. Ефимовская является заместителем главного редактора культурно-просветительского и литературно-художественного журнала «Родная Ладога»; советник Российской академии естественных наук. Живёт в Санкт-Петербурге.

«О Вечности мысля... или Возможность бесконечности»

*Отражение неограниченной реальности в поэзии Андрея Реброва,
к 60-летию поэта*

Не должно быть сокрыто от вас, возлюбленные,
что у Господа один день, как тысяча лет,
и тысяча лет, как один день.

2 Петра 3:8

Бесконечность всегда в возможности,
а не в действительности.

Аристотель. Метафизика

Поэтический талант – дар исключительный, понимаемый людьми как божественная благодать, особенная способность личности. Но для проявления и развития творческого дара необходим отклик от самого человека – свободное принятие этой Божией милости и усилие собственной воли, направленной к соработничеству с Творцом. Щедрость Господа безмерна, от вместимости человеческой души зависит, сколько человек может принять Божиих щедрот. Современный петербургский поэт Андрей Ребров обладает боголюбивой душой, приобщённой к духовному бытию через крещение, исполненной благодати через воцерковление. Его творчество направлено на познание сокровенного и невидимого, бесконечное и вневременное он постигает через образы реального мира или, как говорили Отцы Церкви, – исходя «из Троицы в себе». И этому есть основание.

Так рассказывает Андрей Ребров о своём жизненном пути и о становлении как поэта. «Родился я в 1961 г. в семье рабочих, потомственных петербуржцев-ленинградцев, детство прошло близ Николо-Богоявленского собора, в котором перед призывом в армию осознанно принял таинство крещения. Учился в вечерней школе, работая в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, на почте и т. д. После возвращения из армии работал в Экспериментальном вычислительном центре, также машинистом-кочегаром в котельной, что позволяло посещать несколько литературных объединений и писать стихи. Первая книга “Крылица” вышла в 1991 году».

В свой юбилейный год Андрей Ребров оглядывается на основные вехи духовного становления: «В разные годы я совершал паломничества по святым местам России: жил на Валааме, в Дивеево, Задонске, Оптиной пустыне, в Псково-Печерском монастыре. Несколько лет принимал участие в поездках писателей и учёных, организованных поэтом Ю. Шестаковым, по памятным местам, к литературным духовным и воинским святыням России – на Куликово поле, на Бородино, на Прохоровское поле и др.». Прикосновение к истории Руси-России, общение с монашествующими помогло поэту в творчестве, направленном на восстановление прерванной в богоборческие времена связи

с традицией русской классической литературы, стоявшей на фундаменте православного мировоззрения. Географическое и историческое расширение горизонтов Отечества способствовало продвижению по пути поиска смысла бытия и воцерковлению. «Путь субъективного самоутверждения в творчестве, – считает Андрей Ребров, – ведёт в духовное небытие, становится базисом “искусства ради искусства”. А это может быть чревато оскудением мыслеобразов и истощением их энергетической наполненности». «Смысл творчества, – убеждён поэт, – в служении Господу силой собственного поэтического дарования»¹. Благоприятно на духовное развитие поэта повлияли встречи с митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Иоанном (Снычёвым), по его благословению в 1990-е в Санкт-Петербурге было создано «Православное общество писателей», которое возглавил выдающийся писатель Николай Коняев, а ответственным секретарём был избран поэт Андрей Ребров.

Некоторые его стихи, как образец современной духовной поэзии, цитировал в своей книге знаменитый русский композитор Валерий Гаврилин. Особенно отмечал эти строки:

*Бородино листа, / Свеча горит, / а выше, –
Три сомкнутых перста, – / Так крестятся / и пишут.*

Запоминающееся маленькое стихотворение не только отражает мировоззрение поэта, но даёт понимание самой жизни как явления, как промыслительного понятия. Хотя существует много определений человеческой жизни, сходных и противоречивых, в приведённых поэтических строках содержатся главные её характеристики: напряжённое духовное сражение – «Бородино листа»; жертва – горящая свеча; трёхперстное крестное знамение – молитва-обращение к Иисусу Христу, с исповедованием веры в Него как в Сына Божия, или предстояние – покаяние. Всё это нематериальные, духовные понятия, которые, кажется, невозможно выразить образами зримого мира, однако можно передать поэтическим словом. Слово, имея божественную природу, имеет способность животворить, связью слова и образа может выражаться бесконечное разнообразие и богатство жизни, свидетельствующее о сложной структуре Мироздания, которую интуитивно чувствует и убедительно изображает поэт Андрей Ребров.

*Разверсты двери в церкви запустелой – / Прообраз запечатанных времён.
Лишь зимний вихрь, позёмкой то и дело / Кадя во тьме у храмовых икон,
Порой тепло доносит из придела / Страстной Андрея Критского канон.
Там в алтаре морозной звёздной сканью / Мерцают – утварь, стены и полы,
Там старцы, словно в гуще Мирозданья, / Творят канон, чтоб светом покаянья
Исполнить каждый квант греховной мглы. / И паки, паки будут дни светлы,
Светлы, как Рождество в ночной пещере, / Длинные, как путь несения Креста...
И может, в срок Пришествия Христа, / Когда времён свершится полнота,
Той церкви распечатанные двери / Преобразятся в Райские Врата.*

Сложной взаимосвязанной системой реальных образов поэт проявляет мир невидимый, божественный. Зная труды Отцов Церкви, понимая смыслы богословия, Андрей Ребров, показывая отношения в тварном мире, наполненном божественными энергиями, не касается Божественного образа. Руководствуясь мыслью преп. Максима Исповедника, который говорил: «Бог – един, безначален, непостижим и обладает всей силой целокупного бытия; Он совершенно исключает всякую мысль о времени и образе существования бытия, поскольку недоступен для всех сущих и не познаётся ни одним из сущих через Свою естественную проявленность»², поэт только указывает на Божие бытие, передаёт собственное его ощущение и личное переживание. Сообразуя каждое с метельной позёмкой, определяя эталонную насыщенность истинного света степенью его яркости в ночной пещере Рождества, овеществляя его глубиной душевного покаянья, уширяя храмовое пространство космическими далями, поэт показывает возможность и необходимость расширения человеческого бытия в тварном мире.

При этом он не ставит задачу отыскания и изображения новой, по личному усмотрению оригинальной модели мира, как сейчас модно. Для него – Богоцентричная – она исконна и единственна. Поэт верит, что большинство людей думает так же, поэтому усложняет задачу – надеется убедить нас в том, что человек рождается не для смерти, а для жизни вечной, что существует путь из времени к вневременному бытию. Исходя из собственной веры, основываясь на личном жизненном опыте,

¹ Из «Автобиографии» для Энциклопедического словаря «Литературный Санкт-Петербург. XX век» / Ред. О. В. Богданова, 2015.

² Максим Исповедник, прп. Главы о богословии и Домостроительстве воплощения Сына Божия. http://www.odinblago.ru/sv_otci/tvorenia/2/ (дата обращения – 22.04.2021).

он чутко, с Божиим страхом, размышляет о Вечности, которую пишет с большой буквы, понимая её как независимое от времени свойство Божественной сущности.

*Месяц речной – всё взрослее и строже... / Веет бессмертьем от звёздной воды.
Юность ушла... И за лунной дорожкой – / Свежие звёзды – как чьи-то следы.
Время течёт... Но, о Вечности мысля, / Долго гляжу я, как в детстве, с мостка –
В воды реки, углублённые высью, / И оущаю: как юность – близка...*

Имея фактический опыт ощущения гравитации, следствием которой, как доказывает физика, может быть искривление пространства-времени, поэт учитывает эту гипотезу в своём поэтическом мире, предполагая, что с течением и вследствие искривления времени возможно его возвращение. Для исследования и выявления истины математики используют формулы, поэт Андрей Ребров в своих исканиях оперирует простыми, родными каждому человеку образами: воды, реки, звёздной ночи, лунной дорожки. Но не просто называет их, а показывает в сложных взаимоотношениях, в сопряжении миров видимых и невидимых, в нераздельном единстве настоящего, прошлого и будущего. Здесь вода восходит в небеса, здесь река углублена высью, а месяц нисходит в воду реки. И во всём этом не усомнишься, всё это правда жизни, всё гармонично и выверено, как в математической формуле.

Действительно, у Андрея Реброва в сложном поэтическом отображении реального мира ощущается благозвучие, математическая соразмерность. Для того чтобы показать особенности его поэтического бытия, можно использовать математические аналогии. Об этой стороне своего творчества поэт, вероятно, не размышляет, но интуитивно закладывает в систему своих доказательств законы мировой гармонии. Интуиция в творчестве, как и в науке, имеет большое значение, являясь чувственным способом постижения истины, не требующим обширного опыта или строгих логических рассуждений. Эта некая необходимая данность бытия. Профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета Владимир Николаевич Катасонов, доктор философских наук, математик по первому образованию, говорит: «Никакое доказательство в математике невозможно без интуиции: математик сначала видит картинку, а потом уже формулирует доказательство»¹. То же можно сказать и о процессе поэтического творчества. Андрей Ребров не претендует на глубокое знание физических законов, но он их чувствует, ощущает существование взаимосвязанных, иерархических миров, видит образы, отражающие другую реальность.

*Глядится высь в разлившееся Нево, / Наводнены безбрежностью сады.
И с яблонь, яко с жизненного древа, / В поток небесный падают плоды.
И, словно чьи-то прожитые годы, / Несут их вдаль речные облака.
И чудится, / что яблоки на водах, / В скопленье, / сочетаются в века.
И те века плывут, / плывут... / И встречно / Течёт им / жизнь грядущая моя.
И я гляжу на яблочную вечность, / Преображаясь чудом Бытия.*

Совокупностью разных множеств (сады, яблоки, века), находящихся в разнонаправленном, путном или встречном движении развития, формируется, как в математике, объединённое множество. По представлению математика Георга Кантора, множество есть «собрание целиком объектов действительности или нашей мысли»². Основываясь на собственном опыте познания действительности, мы верим поэту. Но как можно поверить его парадоксальной мысли, как могут быть «наводнены безбрежностью сады», как яблоки «сочетаются в века»? На обыденном уровне кажется невозможным поэту донести ясные ему понятия до наших чувств, передать собственными умственными доводами ощущение красоты, гармонии, веры. Но интуитивными ощущениями, средствами поэтического языка, совокупными усилиями поэта и слушателя, вероятно, можно добиться того, что читатель увидит «путь несения креста», поймёт, как может быть одновременным, что церковь

К покаянью отверзла нам двери, / Затворилась в молитву и пост...

согласится с возможностью того, что

*/ ...сплочённые молитвой,
Как древнерусские войска, / Стремятся буквы вдаль листка...
И полнокровная строка – / Сродни Непрядве после битвы.*

¹ Цит. по: Кирьянов Дмитрий, иерей. Исповедание великого логика. <https://www.mgarsky-monastery.org/kolokol.php?id=1249> (дата обращения – 19.04.2021).

² Цит. по: У интуиции есть своя логика. Гёдель. Теорема о неполноте. Де Агостини, 2015. С. 30.

Для прояснения своей веры в существование актуальной бесконечности, в несомненном стремлении к жизни вечной поэт прибегает к реальностям иных, высших порядков и, кажется, своими поэтическими средствами подтверждает правильность представлений о взаимосвязях в мире, выявленных немецким математиком Куртом Гёделем, который своими теоремами доказал, что причины большинства явлений не принадлежат этому миру. Знаменитая его теорема говорит, что формальные системы обладают неполнотой, то есть в каждой из них есть некие исходные посылки, которые, в отличие от ряда других, невозможно доказать. Гёдель показал это на примере арифметики, где существуют истинные закономерности, которые невозможно доказать законами самой арифметики, то есть она обладает неполнотой. Здесь тщетно выстраивать цепочки различных доказательств внутри самой системы, требуются внешние дополнения из систем более высоких порядков сложности. Так формируется бесконечность, свидетельствующая, по мнению учёного, о божественной природе мира. Гёдель писал: «Я убеждён в посмертном существовании, независимо от теологии. Если мир является разумно сконструированным, тогда должно быть посмертное существование»¹.

Другими словами о том же говорит и поэт Андрей Ребров:

*Пронзают сумрак зоркие лучи, / Светло глядящей в зеркало свечи.
И, слившись с отражением её, / Мой долгий взор лучится в Бытие,
Где ныне я... Мой род запечатлён / В необозримом зеркале времён.
И я, как в вещем полузабытыи, / Глазами внуков зрю в глаза свои,
Из глубины которых на меня / Взирают предки – горняя родня.*

В пространстве своего сердца поэту удаётся совместить различные времена. В «необозримом зеркале времён» он не просто видит свой род, но, задавшись целью определить личную духовно-нравственную ценность, выносит на суд каждого бывшего и будущего члена этого бесконечного ряда свою жизнь. Привнося в неё элементы из высших миров, в которых ныне существует его родня, он определяет значимость своего существования пополнением из этого бесконечного ряда, находящегося во времени и вне времени. Такое видение имеет богословское основание: «не должно быть сокрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (2 Петра 3:8).

Так поясняет современный богослов митрополит Константин (Горянов) сущность времени: «Возлюбленный ученик Христов Иоанн Богослов, находясь в ссылке на острове Патмос, удостоился видения о конце времён, и эти видения были и во времени и вне времени. Он записал их в своей великой книге Апокалипсис или Откровение. Почему записи носят и временной и вневременной характер? Как это понимать? Это для нас, людей, жителей планеты Земля, время условно делится на прошедшее время, которое нам уже не принадлежит, наше настоящее, о котором говорится, что “есть только миг между прошлым и будущими”, этот миг и называется жизнь, и есть будущее время, которое нам ещё не принадлежит. А Бог вечен, то есть Он владеет всеми временами и пространством, будучи Сам вне времени и пространства, которые Ему принадлежат»².

Обретение Вечности – естественный итог человеческой жизни.

*Цвели целительные травы / Под взором солнечным небес.
И, как Мамврийская дубрава, / Дышал иссопом русский лес.
В душистой дымке золотистой / Ягнёнок пасся на лугу,
И женщина несла тернистый, / Смолистый хворост к очагу,
Где, до поры, тая дыханье, / Заветно тлел огонь костра,
И старец, будто в ожиданье, / Стоял у ветхого шатра...
И голубь реял крестоносно, / И шло служенье муравья...
Всё было значимо и просто, / Как в вечной книге Бытия.*

Через обычные вещи талантливому человеку могут открыться многие тайны мира: трудным служением муравья, ярким цветением трав, пряным веянием иссопа говорит с поэтом Вечность. Но не ради поэта она проявляет себя, а для просвещения других людей, чутких к поэтическому слову, способному показать жизнь в её духовных законах. Так отчасти их сформулировал преп. Иустин (Попович): «Люди осудили Бога на смерть; своим воскресением Он их осуждает на бессмертие.

¹ Цит. по: Кирьянов Дмитрий, иерей. Исповедание великого логика. <https://www.mgarsky-monastery.org/kolokol.php?id=1249> (дата обращения – 19.04.2021).

² Константин (Горянов), митрополит. Проповедь в день Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской. Александро-Невский кафедральный собор, г. Петрозаводск, 7 февраля 2021 г.

За удар он воздаёт объятиями, за оскорбление – благословением, за смерть – бессмертием. Никогда люди не являли себя более ненавидящими Бога, чем тогда, когда распяли Его; и никогда Бог не показывал большей любви к людям, чем тогда, когда воскрес»¹. Пасхальная тема – тема милосердной любви – стержневая в творчестве Андрея Реброва. «Христос Воскресе!» – это не только пасхальный возглас, это суть нашей жизни, это свидетельство нашей богочеловеческой природы, требующей предстояния перед Вечностью, осмысленного пути и перспективы бессмертия.

*К заветной маковке горы / Вершу свой путь тяжёлый:
Всё ближе звёздные миры, / И неоглядней доли.
И вспоминается в пути, / Как смертно не хватало
Хоть искры веры – чтоб дойти, / Дожить до перевала.
Бывало, свет иных вершин / Сбивал с пути вначале...
Но, здесь в предоблачной тиши, / На гулком перевале
Вдруг ощущается легко: / Что каждый стук сердечный
Созвучен поступи веков. / И верится: жизнь – вечна...*

Легко в это поверить, но понять сложно. Сложна и поэзия Андрея Реброва, причину чего можно изъяснить словами французского социолога Эдгара Морена: «Для меня сложность – это задача, а не ответ»². Сложен и образно-лингвистический строй поэзии Андрея Реброва. Его красочный, узнаваемый поэтический язык содержит архаичные словосочетания, церковно-славянские обороты, но в той необходимой пропорции, которая не отяжеляет поэтическую речь. Наоборот, в таком симбиозе появляется новизна, облагороженная традицией. Такая речь позволяет описать обширный спектр поставленных автором вопросов разной степени сложности. Так, в частности, передать высокую надбытийную красоту такой сложной духовной личности, как богослов митрополит Константин (Горянов), в посвящённом ему стихотворении.

*Золотилось небо спелой рожью, / А в полях синели васильки.
Шёл монах сумняшеся ничтоже / Вековой тропой, и кулики
Щебетали в долах васильковых / Под ржаную вязью облаков.
И лучилась к полю Куликову / Тропка летописною строкой.
...Шёл чернец строкой незавершённой, / Посох предрержа в руке своей,
Мимо новорусских вавилонов, / Мимо стойких дедовых церквей.
А издали, сквозь птичье пенье, / Сквозь халдейский ропот городов,
Доносился грозный гул сраженья: / Гром гранат, глухой, как стук щитов,
Посвист пуль, звучащий, словно эхо / Впившихся в простор ордынских стрел,
Лязг пропятах танковых доспехов, / Трубный гуд страстных монастырей.
Шёл монах без усталости и страха / На армагеддонское жнивье...
И служило посохом монаху / Пересвета древнее копьё.*

Доктор философских наук, профессор А. Казин щедро оценивает значение поэзии Андрея Реброва: «Высокая поэзия всегда соседствует в нашем мире с болью и верой – так и должно быть, особенно в России, где радость-страдание существования является онтологической ценой за очищение души. В замысле мирового Художника Россия есть болевая – и именно поэтому благодатная – точка бытия. Хорошо, что в наше апокалипсическое, по многим признакам, время ещё находятся люди, готовые принять в своё писательское (словесное) дело – свет с Востока и нести его дальше... Таков поэт Андрей Ребров»³.

Душе, проникнутой божественными энергиями, исполненной любви к Творцу и Его творению, дано не только верить в существование божественной реальности, но и осознавать собственное место в Мире, оценивать соответствие своей текущей жизни с Божиим замыслом о ней и о человеке вообще. Андрею Реброву во многом это удаётся делать средствами поэзии, которая, отражая в полноте нашу действительность, с её божественной красотой и адским уродством, мелодичной гармонией и хаосом диссонансов, показывает, что все сложности земной жизни претерпеваются и оправдываются Богоощущением и тем, что «все роскошные бесконечности Божии воспринимаются как свои»⁴.

¹ Иустин (Попович) преп. Философские пропасти. – М.: Изд. совет РПЦ, 2005. С. 142.

² Цит. по: Джузеппе Дель Ре. Космический танец: Христианская Россия, 2006. С. 60.

³ Казин А. Л. Совмещение времён / Ребров А. Б. Зоркая свеча: Избранные стихи. – СПб.: ИД «Родная Ладога», 2013. С. 238.

⁴ Иустин (Попович) преп. Философские пропасти. – М.: Изд. совет РПЦ, 2005. С. 129.

Нина Черепенникова

Нина Ивановна Черепенникова – родилась в Москве. Окончила философский факультет МГУ, там же – аспирантуру, кандидат философских наук. При Союзе писателей России занималась в литературном семинаре, которым руководил С. Н. Есин. Публиковалась в «Советской России», «Литературной газете», «Московском литераторе», в журналах: «Молодая гвардия», «Московский вестник», «Слово», на электронных сайтах: «Российский писатель», «Русская народная линия». Автор книги рассказов «Хочу остаться человеком». Член Союза писателей России, живёт и работает в Москве.

«Сияние слова», или Свет немеркнувшей звезды

Размышления о книге Геннадия Сазонова «Сияние слова Василия Белова»

1

Начать хочется с оформления этой книги, которое стало её ярким началом: радостным, оптимистичным и жизнеутверждающим. Просто какая-то праздничная книга-подарок. И тем более ценная тем, что воспоминания написаны человеком, который лично встречался с Василием Беловым, жил с ним в одном городе, встречался с людьми, близко знавшими писателя, одним словом – информация из первых рук. Жаль, что тираж её невелик (Сияние слова Василия Белова: Встречи, беседы, воспоминания. – Вологда: Интелиформ. – 500 экз.). На обложке – солнце, пронзающее зелёную листву. Именно в этой вечной борьбе света (где солнце как аллегория) с холодным мраком сатанинской тьмы и видится мне смысл творчества Василия Белова. И на фоне вечной красоты природы – портрет классика современной русской литературы – поэта, драматурга, прозаика, публициста и общественного деятеля. А его взгляд как бы спрашивает читателя, взявшего в руки эту книгу: «А вы любите Россию?»

Книга выстроена оригинальным образом и содержит массу информации: в ней и воспоминания людей, с которыми в разное время общался Василий Иванович, здесь и мнения о писателе Белове российской читающей публики и почитателей его творчества – земляков и просто людей, знавших писателя, с которыми в различных обстоятельствах сводила его судьба. Всё это, безусловно, даёт читателю увидеть большого человека глазами его современников: без возвышающих его тенденций, то есть таким, каким он был в общении с людьми – всегда эмоциональным, непосредственным и, как правило, имеющим своё собственное мнение на происходящие в стране события.

Повествование о жизни заключено в биографические «тетради», которые не только не вступают в противоречие с официальной биографией писателя, но, наоборот, дополняют её и помогают последовательно и образно воспринимать течение жизни Василия Белова.

Может быть, он в чём-то и ошибался, как и все максималисты, но в нём всегда крепко сидел неподкупный и строгий критик, наблюдающий и заставляющий посмотреть на себя со стороны. Правда, есть мнение, что «максималисты всегда правы». Менялись с возрастом и убеждения, корректируемые бунтарским характером Василия Ивановича. Однако духовные «обновления» не изменяли привязанности к земле: в душе оставалась непреходящая любовь к русскому крестьянству, судьба которого проходит главной темой в партитуре его жизни.

В этих пяти «тетрадах» содержится весь жизненный путь писателя и фиксируются духовные изменения такой сложной творческой натуры, каковым был Василий Иванович Белов. Однако все перипетии его сложной личности, сопутствующие столь интересной и непростой его судьбе, всегда базировались на любви к России. И пусть эти слова звучат пафосно, однако это неоспоримо: все

силы его природы были сознательно направлены против сил зла, стоящих на пути процветания горячо любимой им Родины. Духовный путь неординарного русского человека тем часто и отличается от жизненного пути европейца: именно растворённостью в социуме своей страны и постоянной заботой о своём народе. Потому, наверное, этот путь бывает столь часто непредсказуем и тернист, как, впрочем, и исторический путь нашей страны.

Начинается же книга с предисловия, в котором автор объясняет свою задачу – «раскрыть личность писателя» и «увидеть Василия Белова живым, и непосредственным, каким он был на самом деле». Глава первая – «Грязовецкая тетрадь» – посвящена бурной юности Василия Белова. Для кого-то, может быть, покажется нереальным факт, что писатель Белов оказался живым свидетелем и, более того, активным участником большой социалистической стройки под названием «Великая Монза». На этой некогда знаменитой стройке выпускник ФЗУ Василий Белов, имея специальность столяра пятого разряда, и начал свою трудовую деятельность. Там же Василий освоил и ещё одну специальность – механика электростанций, что подтверждает мысль: талантливый человек талантлив во всём.

При этом любознательному читателю будет интересен новый факт биографии Белова, например то, что юный Василий мечтал и о море, о чём свидетельствует отсылка документов в Рижское мореходное училище. Ещё Василий мечтал профессионально заняться музыкой и поступал в Вологодское музыкальное училище, куда его не приняли по причинам, понятным только членам экзаменационной комиссии, не принявшим во внимание усердие, с которым Василий самостоятельно выучился играть на гармонии, что, безусловно, говорит о любви к музыке. Этот невесёлый эпизод из жизни, однако, не помешал Василию не только самостоятельно совершенствоваться в игре на гармонии, но и любить музыку всю свою жизнь.

В этой связи мне вспоминается эпизод из книги оператора А. Заболоцкого, друга писателя, в котором тот привёл высказывание одного из преподавателей ВГИКа по поводу желания крестьянских детей получить творческое образование: «Тьма, рвущаяся в гении...» Сказано ехидно, но, вопреки злорадству, жизнь всё же доказала тот непреложный факт, что из крестьянских детей вышло очень много знаменитостей. Вспоминается справедливое замечание В. Г. Распутина (в речи на Шукшинских чтениях) о крестьянских самородках: «Один из героев у него (Шукшина. – Н. Ч.) говорит: “Посмотри, что ни великий человек, почти всегда из деревни. Почитай газеты: что ни некролог, то выходец из деревни”». Может, потому и вызывает крестьянство такую жгучую ненависть городских «гениев без гения»? Даже и место им уготовано у подножия городской творческой элиты. Примером тому может служить памятник выпускникам ВГИКа, поставленный во дворе института. Возможно, что устремлённость к достижению своей цели больше всего и расстраивала «городских гениев», и вполне вероятно, что косвенно также повлияло на ускорение темпов уничтожения русских деревень как кузницы целеустремлённых, упорных и талантливых в достижении своих целей крестьянских самородков. Примеров подобных выдающихся талантов много.

Но тогда же, по воле судьбы, грязовецкий край сыграл важную роль в жизни будущего писателя. Как подарок судьбы принял Василий предложение главного редактора районной газеты «Коммунар» Петра Неклюдова работать корреспондентом. Именно там и началась профессиональная литературная жизнь писателя Василия Ивановича Белова. Однако сам Василий Иванович рассказал автору книги о том, что увлечение литературой пришло к нему ещё раньше – во время службы в армии, где в газете Ленинградского военного округа «На страже Родины» и в журнале «Звезда» были впервые опубликованы его юношеские стихи. В Грязовце же, при деятельном участии Белова, местная литературная жизнь заметно ожила.

Однако литературе пришлось на время отступить, так как осенью 1958 года делегаты районной конференции избрали Василия Белова первым секретарём Грязовецкого райкома комсомола. Так поэт стал неутомимым вожаком молодёжи и со всей пылкостью природы целиком отдался этой работе.

Безусловным достоинством книги, на мой взгляд, является то, что автор, не повторяя автобиографические опусы о великих современниках, не только сумел подвести итоги жизненных отрезков писателя, но показал и связь времён между ними, проложив мост между началом жизненного пути писателя и его собственной оценкой бурной своей деятельности.

Судьба как бы отблагодарила Василия Ивановича за все его неудачи и превратности. Именно в Грязовце произошли самые значительные изменения в его жизни: он познакомился с девушкой, ставшей верной спутницей всей его жизни; окончил среднюю вечернюю школу и был единодушно

избран первым секретарём Грязовецкого райкома комсомола. Тому же, кто хочет основательнее ознакомиться с этим периодом жизни писателя Белова, автор предлагает подробную ссылку на источники. И конечно же, самым лучшим источником этого периода, на мой взгляд, является его повесть «Страшнее всего тишина», где Василий Иванович честно воспроизводит обстановку, в которой довелось ему работать. Конечно же, автору было трудно найти соратников Белова этого периода: прошло много лет и навсегда ушли люди, близко его знавшие. Тем не менее автору книги удалось разыскать и побеседовать с тем (единственным), кто работал с писателем в пору его комсомольской деятельности – Вениамином Мельниковым, недолго проработавшим вместе с Василием Беловым. Мельников был вынужден заступить на его должность потому, что главной мечтой комсомольского вожака Василия Белова оставалось твёрдое желание серьёзно посвятить себя литературному творчеству.

Там же, в Грязовце, мы встретим иного Василия Белова: принципиального и честного предводителя молодёжи. Что ж, время требовало твёрдых характеров... Как вспоминает в беседе с автором этой книги дочь Паисия Чащина (колхозного механизатора – бригадира), отец охарактеризовал секретаря комсомола так: «Много не болтал, слушал нас очень внимательно, что обещал, то и сделал». И далее, старый комсомолец характеризует трудные будни молодёжи: «Тут и с кулаками целая война, и с дезертирами приходилось возиться, и с тифом, тут и политграмма, и заготовка хлеба, и сплав леса...» (см. «Страшнее всего – тишина»). Да, для страны это было тяжёлое время... И первый секретарь Василий Белов старался быть достойным руководителем.

За то короткое время, пока Василий проработал в руководящей должности, он приобрёл немало верных и надёжных товарищей, обсуждавших с ним актуальные моменты укрепления советской власти в Грязовце. Нет сомнения и в том, что Василий, убеждая колхозного парня не поступать в духовную семинарию, был искренним и непреклонным в своих взглядах: «Я начинаю горячиться. – Да ведь всё это чушь, Бога нет и не было!» (см. там же). Было и такое...

Что ж, признаком сильной и цельной натуры всегда было растворение в любом деле, за которое брался. И ещё – искренне верить в правоту своей деятельности. Факты биографии Василия Белова нас в этом убеждают.

Для кого-то из почитателей подобные факты станут откровением, но это так: писатель Белов в то время был атеистом, да ещё каким боевым... Пройдёт немало лет, и Василий Иванович станет верующим человеком... Поворот на 180 градусов и, как итог – переосмысление всего: деяний собственных и истории Отечества. В результате секретарь райкома становится глубоко верующим человеком.

Много позже на вопрос Николая Чепурных, корреспондента газеты «Завтра», отчего он считает себя грешным, Василий Иванович ответит так: «Я был коммунистом, секретарём райкома комсомола, обычным человеком...» (газета «Завтра», 2003 г.). Однако на этом, как показала жизнь, запас его «противоречий» не исчерпывается.

Ещё ранее, в беседе с В. Бондаренко, Василий Белов, защищая советскую власть, подытожил: «Советская власть – была нормальная власть, даже сталинская власть, и народ к ней приспособился. А потом началась ненормальная власть, которой народ просто не нужен. Советская власть была создана и Лениным, и Сталиным, и даже Троцким, всеми большевиками, и государство, надо признать, было создано мощное. Может быть, самое мощное за всю русскую историю. И вот его уже нет, и не будет. Нет и советской власти. Я понимаю, что и я приложил руку к её уничтожению своими писаниями, своими радикальными призывами. Надо признать. Я помню, как постоянно воевал с ней... Вроде бы был и прав в своих словах, но государство-то разрушили. И беда пришла ещё большая...»

Кто-то воскликнет: «Какие, однако, исключаящие друг друга взгляды у писателя Белова!» А вы задайте себе вопрос: много ли в нашей стране писателей (тех же либералов), способных пересмотреть своё прошлое и признать свои ошибки и заблуждения? Их просто нет, и в своих ошибках они не признаются ни за что и будут стоять до конца на удобных своих позициях, дабы не испортить отношения с существующей властью! Да и просто: конформистам всегда слабо – осмыслить свои прошлые взгляды и, как результат – пересмотреть честно свою деятельность! Признавать свои ошибки (да ещё зафиксированные в творчестве) – это не каждому писателю под силу. Признать свои ошибки может только сильный и талантливый человек... А тем более – публично в них признаться под силу только крупному таланту! И, на мой взгляд, вообще нельзя сравнивать «сальто» либералов, бросившихся в капиталистические объятия, и всенародно покаявшихся в своём социалистическом прошлом (предвкушая за это сытую жизнь) с поисками внутренней гармонии писателя Василия Бе-

лова, увидавшего смысл в возврате к Богу и православным ценностям. Это два разных пути: один – к мамоне, другой – к Богу.

По мнению скульптора В. Клыкова, создателя памятника русскому поэту К. Батюшкову в Вологде, «силовое поле» Вологодской земли создают два имени: современного нам писателя Василия Белова и выдающегося русского поэта Константина Батюшкова, чьё 200-летие в 1987 году отмечала вся Вологодская земля. «Живи, как пишешь, и пиши, как живёшь: иначе все отголоски лиры твоей будут фальшивы» – призывал собратьев по перу знаменитый поэт. Вот и получилось, что в центре забот писателя Белова судьба северной деревни и крестьянства стали основными, так как писатель считал свою жизнь неотделимой от народа... Он писал, «как жил», раз и навсегда обозначив пренебрежительное отношение к крестьянству как русофобское.

2

Вот потому в «Вологодской тетради» много места отводится анализу судьбы деревни. Как известно, это главная тема творчества Василия Ивановича Белова и его сердечная боль. И конечно, в своей публицистике писатель много говорит о погибшей деревне. Я бы назвала его публицистику горькой, ибо уже сейчас для всех очевиден тот факт, что разграбленная наша Родина вряд ли сможет возродить деревню... Я бы назвала эти очерки реквиемом по крестьянству.

Публицистически очерки Василия Ивановича прямо выражают его взгляды на огромную роль крестьянства в жизни России во все времена. Можно и нужно рассматривать оскудение национального фонда как следствие оскудения русской деревни, а затем и её уничтожение, считает писатель.

И особенно важно именно сейчас говорить о значимости беловского слова. Да, именно сейчас, когда традиционные нравственные ценности объявляются несовременными, а пресловутые «общечеловеческие» объявляются единственно значимыми для всего мирового сообщества. Вся публицистическая риторика писателя Белова направлена на защиту истерзанной нашей Отчизны, и писатель, не уставая, призывал в своей публицистике весь русский мир дать решительный отпор интернационалистам, без устали твердящим о бесперспективности русских деревень.

Воистину, писателю Белову было присуще провидение, потому он и питал сильное отвращение к разгорающемуся процессу глобализации, ибо одним из немногих разглядел в нём вымирание человеческого общества. И постоянно напоминал о том, что коренное крестьянство необходимо возродить, ибо оно имеет самые глубокие корни в русской земле. Именно крестьянство поможет отстоять Россию в глобальной и беспощадной борьбе за мировую власть, считал писатель.

Теперь же всё большему количеству людей становится очевидным и тот факт, что насильственно внедряемые в современную жизнь и глубоко чуждые для русских «новые ценности» пагубно сказываются в культуре, в быту и в образовании нашего народа. «Новые ценности» ломают «через колено» нашу генетическую народную память и обезличивают нашу национальную особенность. «Надо стряхнуть дурман чужебесия», – писал Василий Белов. Борьба с чужебесием станет для писателя Белова одной из главных тем и будет постоянно встречаться как в публицистических, так и в художественных его произведениях. Россия должна жить и развиваться по пути, предначертанному ей Богом, и не встраиваться в чуждые ей системы ценностей, противоречащие природе её народа. Ну как тут не вспомнить мнение учёного-этнографа Льва Гумилёва, убедительно доказавшего несовместимость различных этнических культур, разделённых многовековым развитием различных этносов? Да и сама жизнь доказывает этот тезис. При всём скептическом отношении писателя Белова к работам Л. Н. Гумилёва этот вывод, на мой взгляд, является бесспорным...

Как тут не забить тревогу, когда уже второе поколение детей мечтает стать «успешными» в бизнесе, насмехаясь над наивностью советских детей, мечтавших стать капитанами, полярниками, врачами и лётчиками. Увы, открывать новые земли, делать великие прорывы в науке и искусстве – подобные настроения теперь являются редкостью среди подрастающего поколения. Ни для кого не секрет, что сейчас идёт настоящая борьба за умы подрастающего поколения! Время, когда дети, не расстающиеся с гаджетами, постоянно встречают рекламу приобретения карты «Гинькофф», стимулирующей денежные накопления детей: деньги, которые заработаны выполнением мелких работ по дому. Допустимо ли это в стране, где дети испокон веков исполняли работы по дому, руководствуясь только голосом совести и долгом перед родителями! Внедрение подобных «карт» нужно рассматри-

вать как мину замедленного действия, от взрыва которой (по замыслу «минёров») должны рухнуть уважаемые в России незыблемые семейные традиции, а вместе с ними и семья.

И безусловно, надо признать, что даже у самых откровенных и смелых в своих возмущениях публицистов мы не часто встречаем такие пламенные и горькие призывы остановить национальную деградацию народа, ведущую в конечном итоге к потере национального суверенитета. Таков был Василий Иванович Белов: категоричный и смелый в суждениях и оценках современной России, ставящий перед современниками жёсткий вопрос: бытовая комфорт или нравственность? Вопрос, пока неразрешённый нашими современниками... Вопрос, который уже давно склоняется своим решением в сторону перевеса бытового комфорта...

Василий Иванович, как и все пылкие максималисты, иногда романтизировал действительность. Так, однажды, руководствуясь романтическим порывом, он вручил и настоятельно порекомендовал прочитать сочинения русского философа И. Ильина тогдашнему руководителю страны – М. Горбачёву. А цель стояла весьма благородного характера – просветить руководителя, чтобы он понял истоки и направления правильной политики столь могущего государства, каким является Россия. Думается, что тогдашний Генсек даже не понял смысла и содержания книги, которая явно вступала в противоречие с поставленной перед ним «хозяевами мира» задачей по уничтожению России.

А своё согласие баллотироваться кандидатом на выборах Верховной власти в 1989 году писатель объяснял тем, что «надеется оказать влияние на ход событий в стране». С этими мыслями Василий Иванович Белов становится народным депутатом Верховного Совета СССР. Однако его участие в работе Совета не предотвратило запланированное падение великой державы... Но будет неправильным называть выступления писателя Белова на высокой трибуне «гласом вопиющего в пустыне», так как люди, делегированные народом участвовать в принятии правильных и нужных законов, увидели, что имеются ещё на Руси те, кто верит в возрождение некогда великого государства. Иные даже поддерживали писателя Белова, хотя так и не смогли противостоять заранее спланированному хаосу в стране.

У писателя Белова было много предложений, адресованных не только к персонам, стоящим у властных рычагов управления страной, но и к своим соотечественникам, ждущим от перестройки положительных перемен. Отрадно сознавать, что в его борениях и заблуждениях (а порой и противоречиях) проявлялась несокрушимая вера в свой народ, вера, идущая от пылкого сердца...

И всей своей деятельностью Василий Иванович доказывал это.

Его справедливая критика перестроечной «музыки», направленная на реформирование людей, в соответствии с самыми низменными вкусами, в основе своей архисправедлива и поныне! «Вопли на чужих языках, своё кряхтенье, взвизги... Дикие звуки то и дело сверлят наши бедные головы. Круглые сутки, уже много лет» (Жажда мелодии. – М.: Палея, 1999). Эта «музыка» продолжает мучить нас и поныне, ибо решается задача «перевоспитать целую нацию, целый народ...». Нынче же вовсю запущен процесс активного подключения к подобной «музыке» и самых маленьких детей.

Хотя были случаи, когда, при своём максимализме, Василий Иванович иногда попадал не в ту цель. Примером тому может стать критика песни «Подмосковные вечера» (муз. В. Соловьёва-Седого, сл. М. Матусовского). Досталось как замечательному композитору (тоже, кстати, выходцу из крестьян, яркому и талантливому самородку, чьи песни стали золотым фондом России), так и поэту. Да разве его музыку к советским песням можно сравнить с беспомощными и серыми в большинстве своём песнями нынешних композиторов (исключая, конечно, творчество А. Пахмутовой)?

Вот и с его критикой всех советских ВИА (одним махом) мне тоже трудно согласиться. Такие песни, как «Вологда» и «Беловежская пуца» в исполнении замечательного ВИА «Песняры», давно и по праву вошли в реестр лучших в эстрадном песенном репертуаре.

Автор книги Геннадий Сазонов не является уроженцем Вологды, но, приехав туда, что называется, «прикипел» душою к красивому краю и его людям. Так, его встречи и знакомства с яркими характерами вологодских людей нашли своё отражение в главе «Харовская тетрадь». Если хотите узнать больше о людях, живших рядом с В. Беловым, внимательно прочитайте эту главу.

Что касается портрета Белова кисти художника О. А. Бороздина, то здесь надо отдать должное – эта удачная работа является замечательным подарком всем нам. Так, из всех книг писателя Василия

Белова, имеющихся у меня дома, я вижу, как правило, на первой странице чёрно-белую фотографию писателя. В них почему-то представлен фотопортрет благодушного и милого пожилого человека с бородой, облик которого как-то слабо соприкасается с той неистовой одержимостью, которой отличается всё творчество русского писателя. Спасибо автору книги ещё и за то, что он напомнил всем о том, что в природе имеется портрет Василия Белова кисти выдающегося художника Олега Бороздина. А портрет получился удачным! Большой художник «увидел» большого писателя! С портрета глядит на современников очень живой человек – писатель Василий Белов. Взгляд его, строгий и напряжённый, как бы «прошивает» насквозь, так глубок он и проникновенен. Это тот самый случай, когда живописный портрет оказывается лучше самой высокотехнической фотографии, потому что в нём больше настоящего человека. Фотографии редко удаётся передать внутреннюю жизнь человека, и лишь большой художник в состоянии увидеть главные, характерные черты. А зафиксировать правильное видение натуры ему помогла интуиция. Жаль, что портрет мало тиражировался при издании книг Василия Белова. Впервые я увидела этот портрет в книге с названием «Василий Белов. Лад», изданной в 2012 году издательством «Прогресс-Плеяда». Приобретена же она была на Учредительном съезде «Русский Лад».

Книга бесценна своими подробными рассказами о быте и укладе крестьянской жизни Русского Севера, об обычаях и поверьях, народных идеалах, о культурной преемственности крестьян и, по словам автора, рассказывает «о ладе, а не о разладе крестьянской жизни». На мой взгляд, эта книга – эстетическая энциклопедия крестьянского быта.

Тому, кто не был в Вологде, будет интересно узнать и о том, как соотечественники хранят память о писателе Белове. Земляки не только не забывают своего писателя, но они уже провели четвёртые «Беловские чтения», на которые приехали писатели из разных городов России, «от Дальнего Востока до Украины». Эти чтения включали в себя множество различных мероприятий, в которых приняли участие и земляки писателя Белова. Более того, появилось новшество, названное «Малыми Беловскими чтениями», в которых главными и основными участниками являются дети школьного возраста. Автор этой книги, бывший членом жюри одной из секций, отметил, что дети с удовольствием высказывали свои суждения о произведениях классика. «Всё, как у взрослых», – отмечает автор, и главным фактором здесь является непосредственное участие детей в качестве «литературных критиков» после собственного прочтения рассказов писателя Белова. И самое ценное – появляется желание вынести своё мнение на публику. Думается, будет лишним напоминать о том, какое это огромное дело – приучать детей к чтению настоящей литературы в наше время, когда детей настойчиво отучают от книг! Душа радуется, видя удовольствие на лицах детей, принимающих участие в «Малых Беловских чтениях». (Все эти славные мероприятия подкреплены цветными фотографиями.)

Есть в книге и фотография открытия в г. Харовске первого в России народного памятника писателю, которое свершилось 25 октября 2017 года.

В «Вологодской тетради» автор предлагает читателю узнать то, «что таилось» в душе писателя, и «понять в нём самое сокровенное», для чего рекомендует «вдумчиво» прочитать о том, как он ездил на знаменитый архипелаг Валаам. Мне удалось прочитать его в сборнике публицистики писателя, выпущенном издательством «Алгоритм» в 2013 году («Когда воскреснет Россия?»). В этом сборнике особенно отчётливо осознаётся актуальность правдивых и порой жёстких слов писателя о том, что произошло и происходит в нашей стране. Особую притягательность публицистические очерки имеют и потому, что в них «правда, горькая правда», с которой будет не лишним ознакомиться большому кругу читателей.

Очерк «Дорога на Валаам» исповедальный, и рассказывает он о том мучительном процессе, который переживает каждый творческий человек – о пути к себе. И это особенно дорого потому, что подобная рефлексия написана от первого лица человеком, чьё имя для российского читателя очень дорого. Повествование о неординарном пути к самому себе писателя Василия Белова – как о трудном и неповторимом жизненном подвиге – заслуживает весьма высокой оценки, ибо может стать примером как для будущих поколений писателей, так и для подрастающего поколения.

И конечно же, безразличен нам взгляд писателя на священное это место, столь сильно привязанное к духовной истории нашей страны. Что стоят одни упоминания в монастырской книге записей посещений таких людей, как Д. И. Менделеев, Ф. И. Тютчев, И. И. Шишкин, Ф. Васильев, которые по зову души в разное время посетили архипелаг. И пусть великий наш композитор П. И. Чайковский попал на Валаам якобы случайно, но пути Господни неисповедимы, и теперь нас радует, что туристический катер отходит от Валаама под музыку Первой его симфонии. И пускай предприимчивые дельцы, давно прилепившиеся к нашему духовному достоянию, стараются максимально использовать посещения Валаама знаменитыми людьми, а несмолкающий говор суетливых людей, стоящих на палубе и озабоченных лишь успешным окончанием своего долгого путешествия, не обнаруживает расположенность к прекрасной музыке Чайковского, хочется надеяться на лучшее. Давайте верить, что кто-то из них вдруг осознает великую миссию русского народа и кто-то из молодых людей, стоящих на палубе среди отъезжающих, пусть пока лишь один, вдруг осознает всё увиденное на острове и по-новому осмыслит свою жизнь. И не последнюю роль в его озарении будут играть художники – И. И. Шишкин и Ф. Васильев, размышления великих учёных – Д. И. Менделеева и В. Соловьёва, творения великих писателей – Ф. Тютчева, А. Апухтина, В. Белова. И очень возможно, что звучащая музыка Чайковского разбудит в душе всё самое светлое, растревоженное посещением Валаама. И это будет тоже путь к себе.

Прозорливый писатель В. Белов не мог не увидеть и унижающее человека, пренебрежительное отношение к природе, в котором преуспевают как местные жители, так и туристы. Всё это оскорбило писателя и заставило напомнить в своём очерке о человеческом достоинстве в отношении к природе. Тем более что речь идёт о таком святом месте, каковым является архипелаг Валаам...

Да, русский писатель со времён Радищева глубоко страдает и не может целиком отдаться стихии своих чувств, пребывая в пространстве наслаждений. «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала...» – писал Радищев три столетия назад. Но наши СМИ вместе с придворными психологами упорно призывают нас на всём протяжении нового столетия «думать только о хорошем». И «не заикливаться на плохом»... Но настоящий писатель, болеющий за судьбу разграбленной и истерзанной Родины, не может внимать лукавым советам современников и, как Радищев, оскорбляется увиденным...

Сам писатель делит свою жизнь на две части: до Валаама и после. Был атеистом и коммунистом, а к старости пришёл глубоко верующим человеком. И был бесконечно горд, что ему удалось своими силами, при поддержке друзей, восстановить церковь Николая Чудотворца на Сохте. В восстановительной работе Белов показал незаурядные навыки как плотника, так и каменщика: строил леса и делал кирпичную кладку. На полученный гонорар писатель купил лес, кирпич и цемент. Потом три лета строил с помощниками разрушенные стены храма, возводил леса, ремонтировал простреленную пулями крышу. Воистину – русский умелец, про которого в народе говорят: у него руки золотые... Ведь не зря исстари про русских мужиков говорилось: мастер на все руки. Хочется верить, однако, что генетическая память до сих пор не покидает Россию. Чему примером могут служить построенные собственными руками загородные дома, новые колодцы и т. п.

Да вот только это заложенное генетикой качество русского мужика шибко не нравится «новым боярам», и они не устают строить в городах и всях магазинчики с завлекающим названием «Красное и белое». И не только мужское население страны охотно посещает эти магазинчики: уже потянулись туда и женщины, и молодёжь... Но Василий Иванович упрямо считал, что «противостоять дурному» надо всем миром! Ещё он говорил: «...протрезветь бы в первую очередь. Хотя как протрезвешь, если спаивание продолжается?» И большой задачей писателей является – будить народ! «Я только этим и занимаюсь все годы. Всей прозой своей» (Беседа с В. Бондаренко в журнале «Наш современник», 2002, № 10).

С церковью в Сохте связана жизнь Белова с детства: он в этих стенах учился и закончил два класса. Занимаясь восстановлением храма, Василий Иванович вспоминал с горечью, что не попавшие на войну по возрасту его одноклассники в основном умирали от вина...

О крепких связях писателя с Северной столицей рассказывается в «**Петербуржской тетради**». Не будет преувеличением сказать и о том, что это тоже очень познавательный материал для многих почитателей Василия Белова. Там писатель Белов бывал часто, ведь в городе на Неве жили его

хорошие друзья и единомышленники. Спасибо автору за то, что многие, прочитав эту книгу, откроют для себя новые имена и новые книги... Так, лично для меня стало открытием имя питерского фотомастера Анатолия Пантелеева и его «Русского альбома». Василий Белов, приезжая в Петербург, останавливался у своего друга Пантелеева в отведённой для него комнате. Теперь эта комната стала мемориальной и в ней висит табличка: «Комната писателя Василия Ивановича Белова».

И конечно же, особую благодарность испытываешь к Анатолию Пантелееву за то, что он записал беседы Василия Ивановича с поэтом и учёным, профессором С.-П. университета Рональдом Нелепиным. Их тоже можно найти в этой книге.

Говоря о «жанровом универсализме» писателя Белова, автор не мог не рассказать и о его увлечении драматургией, потому что постановка Беловской пьесы «Александр Невский» состоялась тоже в городе на Неве, а именно в «Александринке».

Нельзя не вспомнить и тот факт, что в круг петербургских друзей входили два выдающихся человека XX века – хирург Фёдор Григорьевич Углов и композитор Валерий Александрович Гаврилин.

В последней, «**Зарубежной тетради**», автор утверждает, что перечень стран, которые посетил писатель, весьма внушительный, но сохранились лишь записи о поездке во Францию, где состоялась встреча студентов и преподавателей Сорбонны с русским писателем Василием Беловым. И совсем на другой основе состоялась поездка в Японию к профессору университета «Васеда» Ясуи Рёхэй.

Это был ответный визит, так как японский профессор-литературовед «воочию захотел увидеть автора», книги которого были переведены на японский язык. И посмотреть на русскую деревню своими глазами. Автор приводит несколько отрывков из записанных впечатлений японского профессора, суть которых заключается в фиксации постепенной и неминуемой гибели деревни Тимоники, где родился «Белов-сан».

В итоге хочется сделать вывод, что книга Г. А. Сазонова представляет собой отменный путеводитель по творчеству большого писателя земли русской – Василия Ивановича Белова. Такие книги-исследования нам очень нужны. Если раньше биографические книги, выходявшие в серии ЖЗЛ, отвечали строгим требованиям (как правило, они были написаны авторами, обладавшими литературным и аналитическим талантами), то, увы, сейчас это утверждать невозможно. Многие авторы подобных «биографий», не щадя ушедших людей, смело судят о том, в чём разбираются понаслышке. И стало привычным – любопытствующими ушами собрав слухи об интимных моментах личной жизни выдающегося человека, бесстыдно изложить их в своём опусе. И это, к сожалению, тоже соответствует духу времени. Есть подозрение, что подобная тяга к «объективной всеохватности» также входит в список «общечеловеческих ценностей».

Вот поэтому книга Геннадия Сазонова, отступая от суперсовременных требований при написании биографий, и представляет собой особую ценность.

Также особенностью книги является и рассмотрение поэтапно жизни столь неординарного человека – писателя Белова – и его окружения: родных, друзей и земляков. Геннадий Сазонов сделал это весьма добросовестно: здесь мы встречаем не только тщательное изучение жизненных факторов, повлиявших на существенные изменения линии судьбы Василия Ивановича, но и бережное отношение к личной жизни писателя. Всё повествование опирается на анализ произведений писателя Белова, а также на мнения многих людей, встреченных Василием Беловым на жизненном пути. Всё вместе смотрится органично и в итоге позволяет читателю увидеть творческую личность в единстве и борьбе с непредсказуемой жизнью.

В Послесловии приводится мнение о данной книге Ольги Сергеевны Беловой, верной спутницы жизни писателя. Она, на мой взгляд, сразу же отметила существенное – «необычный жанр и композицию» и то, что «всё написано с любовью к Белову». Сказано просто и замечательно! А я бы добавила сюда обращение ко всем писателям: пишите с любовью о своих коллегах-писателях! А коль не любите – не пишите вовсе.

Берега прочтения

Лидия Довыденко

Лидия Владимировна Довыденко – секретарь Союза писателей России, член Союза журналистов России, кандидат философских наук, главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», прозаик, публицист, краевед, общественный деятель. Автор 22 художественных, историко-краеведческих, публицистических книг, ряда телевизионных фильмов.

«Моё большое бытие»

О параллелях в творчестве и судьбе Николая Гумилёва и Бориса Корнилова

Среди невинно убиенных поэтов XX века к ярким личностям относятся Николай Гумилёв (1885–1921) и Борис Корнилов (1907–1938). В судьбах этих русских поэтов, несмотря на их принадлежность к разным эстетическим направлениям, разным эпохам, границей между которыми стал 1917 год, совпадают не только насильственная смерть – расстрел по ложному обвинению, которое у обоих позже было снято, их имена реабилитированы и творчество вышло на читательские просторы, снискав любовь и даже поклонение их талантам. Но можно также отметить и параллели в их истоках и жизненной почве: у Гумилёва отец – врач, у Корнилова – учитель, у обоих родственники были репрессированы, у Гумилёва – сын Лев Николаевич, у Корнилова – родители и сёстры. Оба поэта имели поэтически одарённых жён: и Анна Ахматова, и Ольга Берггольц, превосходящие в известности своих избранников, с которыми были расторгнуты семейные узы, но не терялась с годами духовная связь.

Ольга Берггольц в письме матери поэта – Таисии Михайловне Корниловой – писала: «Я сохранила все книги Бори, и с помощью товарищей собрала всё, что было напечатано в газетах и журналах. Родная Таисия Михайловна, милая моя мать, мать первой моей любви, – обнимаю вас и плачу над Борисом вместе с вами, – ужасно, что всё так случилось, но чудесные стихи его живы и будут долго жить, их будут знать, им будут радоваться сотни тысяч русских людей».

Также и для Ахматовой творчество Николая Гумилёва было Вселенной:

Вселенную перед собой, как бремя
Нетрудное в протянутой руке,
Как дальний свет на дальнем маяке,
Несу...

Много общего в судьбе жён поэтов.

Анна Ахматова в поэме «Реквием» вспоминала:

Показать бы тебе, насмешнице / И любимице всех друзей.
Царскосельской весёлой грешнице, / Что случится с жизнью твоей –
Как трёхсотая, с передачей. / Под Крестами будешь стоять
И свою слезою горячею / Новогодний лёд прожигать.
Там тюремный тополь качается. / И ни звука – а сколько там
Неповинных жизнью кончается...

А Ольга Берггольц рассказывала, как моталась, билась её голова о края тележки, на которой её везли в тюремную больницу, как «она сказала вознице: – Смотри, смотри, как умирает враг народа, – а он ответил: – Да что ж мы не люди, что ли? – Смахнул слезу и повёз осмотрительно, довёз живой».

Позже она написала:

...Двух детей схоронила / Я на воле сама,
Третью дочь погубила / До рожденья – тюрьма...

«На всю оставшуюся жизнь»

У каждого из этих двух незаурядных поэтов, Гумилёва и Корнилова, творчество – это свидетельство русского человека о своей эпохе, отражение их живого микрокосмоса, вовлекающего читателя в свои нескончаемые глубины.

Но молчи, несравненное право –
Самому выбирать свою смерть,

– писал Николай Гумилёв. Это право было отнято, но мысли о нём нашли отражение в поэзии.

Я хотел бы на шестом десятке
От разрыва сердца умереть...

– предрекал себе Борис Корнилов.

Пророчества о собственной смерти в стихах не осуществились ни у одного, ни у другого поэта.

Николай Гумилёв писал: «Так не умею думать я о смерти...», участвуя в сражениях Первой мировой войны, служа в конной разведке Лейб-Гвардии Уланского полка, ежедневно подвергая себя риску на Восточно-Прусском фронте, он так привык к ощущению опасности, что в письме Лозинскому из Ковно (Каунас, Литва), откуда его перебрасывали на другой фронт, говорил: «...В общем, я могу сказать, что это лучшее время моей жизни. Оно несколько напоминает мои абиссинские эскапады, но менее лирично и волнует гораздо больше. Почти каждый день быть под выстрелами, слышать визг шрапнели, щёлканье винтовок, направленных на тебя, – я думаю, такое наслаждение испытывает закоренелый пьяница перед бутылкой очень старого, крепкого коньяка. Однако бывает и минута затишья – в то же время минута усталости и скуки. Я теперь знаю, что успех зависит совсем не от солдат, солдаты везде одинаковы, а только от стратегических расчётов – а то бы я предложил общее и энергичное наступление, которое одно поднимает дух армии».

Предрекая свою смерть в 53 года, Гумилёв угадал цифры, но не их порядок.

Надо жить до старости, / До славы,

– писал Борис Корнилов.

Не осуществилось. Удивительная судьба у последнего стихотворения, которое запомнил наизусть неизвестный сокамерник Бориса Корнилова и которое мать поэта Таисия Михайловна открыла в 1967 году поэту Валерию Шумилину (1936–2016). Стихотворение называется «Продолжение жизни»:

Я однажды, ребята, замер. / Не от страха, поверьте. Нет.
Затолкнули в одну из камер, / Пошутили: – Мечтай, поэт!
В день допрошен и в ночь допрошен. / На висках леденеет пот.
Я не помню, где мною брошен / Легкомысленный анекдот.
Он звереет, прыщавый парень. / Должен я отвечать ему,
Почему печатал Бухарин / «Соловьи» мою, почему?
Я ответил гадюке тихо: / – Что с тобою мне толковать?
Никогда по тебе «Соловьи» / Не намерена тосковать.
Как прибился я к вам, чекистам? / Что позоришь бумаги лист?
Ох, как веет душком нечистым / От тебя, гражданин чекист!
Я плюю на твои наветы, / На помойную яму лжи.
Есть поэты, будут поэты, / Ты, паскуда, живи, дрожи!
Чуешь разницу между нами? / И бессмертное слово-медь
Над полями, над теремами / Будет песней моей греметь.
Кровь от пули последней, брызги / На поляну, берёзу, мхи...
Вот моё продолжение жизни – / Сочинённые мной стихи.

А смерть Гумилёва стала легендой. Он взял с собой в тюрьму Евангелие и Гомера, и даже чекистов, расстреливавших поэта, потрясло его самообладание, определив его, как «шикарно умер»: «И чего он с контрой связался? Шёл бы к нам, нам такие нужны!»

Но он знал, чувствовал то, о чём сказал в стихотворении о рабочем:

Всё он занят отливаньем пули, / Что меня с землёю разлучит.

Голоса потаённой России

Поэтические голоса, спрятанные до поры до времени под замками спецхранов, всегда жили в памяти, в сохранившихся рукописях, в уцелевших сборниках на книжных полках в квартирах их ценителей, они жили, несмотря на то что поэзию их не хотели ни видеть, ни слышать власти. Но жили в сердцах народа, и не случайно слова Бориса Корнилова в песне «Не спи, вставай, кудрявая...», которую абсолютно все пели в Советской стране, называли народными, потому что имя его было под запретом.

А поэты были и остаются выразителями духовной сущности русского народа, описывали народность своими, быть может иными, чем их современники, словами, став «потаёнными субъектами» в истории русской литературы с их глубокими внутренними чувствами. Они видят себя частью узнаваемого окружающего мира в своей творческой жизни.

«Я буду говорить откровенно, – писал Николай Гумилёв, – в жизни пока у меня три заслуги – мои стихи, мои путешествия и эта война. Из них последнюю, которую я ценю меньше всего, с досадной настойчивостью муссирует всё, что есть лучшего в Петербурге. Я не говорю о стихах, они не очень хорошие, и меня хвалят за них больше, чем я заслуживаю, мне досадно за Африку. Когда полтора года тому назад я вернулся из страны Галла, никто не имел терпенья выслушать мои впечатления и приключения до конца. А ведь, правда, всё то, что я выдумал один и для себя одного, ржанье зебр ночью, переправа через крокодилы реки, ссоры и примиренья с медведеобразными вождями посреди пустыни, величавый святой, никогда не видевший белых в своём африканском Ватикане – всё это гораздо значительнее тех работ по ассенизации Европы, которыми сейчас заняты миллионы рядовых обывателей, и я в том числе».

Борис Корнилов по малому возрасту не мог участвовать ни в Первой мировой, ни в гражданской войне, но в стихотворении «Апшеронский полуостров» он заявит о себе: «Я поклонник работы, войны и огня».

И поэтому к теме гражданской войны он обращается в поэме «Триполье», повествуя о трагедии – гибели комсомольского отряда и смерти атамана Зелёного.

*Шли Аронова, / Ратманский / и гармоника за ними / на гражданскую войну.
А война глядит из каждой / тёмной хаты – / я в боях...
Бьёт на выбор, / мучит жаждой / и в колодцы сыплет яд.
Погляди её, брюхату, / что для пули и ножа / хату каждую на хату
поднимает, / зло / визжа.*

В 1934 году на съезде писателей Николай Бухарин объявил Бориса Корнилова надеждой советской лирики, а через два года были репрессированы и Бухарин, и Борис Корнилов. Гибель миллионов крестьян – зажиточных, работающих – считалась советской властью оправданной. А к 90-м годам, с распадом СССР, от самого крестьянского мира не останется и следа. Многие критики видят в поэме торжество коммунистов и комсомольцев, но поэт на самом деле чувствует и понимает трагедию своего народа, трагедию гражданской войны:

*И на каждой лесной версте, / У любого кержачьего скита
Русь, распятая на кресте, / На старинном, / На медном прибита.*

«Замолчи! Нам про это не петь», – останавливает поэт себя, не найдя слов для пронизывающей сердце сути. Но не петь – невозможно, когда

*Ты видишь прижатые уши, / свинячьего глаза свинец,
шатанье слежавшейся туши, / обсосанной лапы конец.*

В сущности, все войны, прошедшие по Русской земле, есть не что иное, как явленное в земном, низшем, плане столкновение сил вышних, наступление тьмы на свет, борьба тленного с вечным, земли с небом. И эту «мистерию духа», это столкновение тёмной, всегда чужой и чуждой силы с вечной Россией – Святой Русью – как некое пророческое предупреждение о будущих битвах необыкновен-

но чутко улавливали и Гумилёв, и Корнилов. Не оттого ли о самых мужественных стихах Гумилёва, то же можно отнести и к стихам Корнилова, Сергей Маковский скажет: «...прикровенный смысл их кажется безнадежно печальным. Отсюда осознание их в поэзии ответственности за каждое слово»¹:

*Снова звёзды пылают и кружатся, / ходят сосны, сопя и трубя,
закрывая глаза от ужаса, / я обманываю себя,
Покачнётся и скажем: – Что ж это / и к чему же такое всё, /
неужели исхожено, прожито / понапрасну, ни то ни сё? /
Ни ответа, ни тёплой варежки, / чтобы руку пожала нам,
отвернутся от нас товарищи / и посмотрят по сторонам,*

– отмечает Корнилов.

Стихи обоих поэтов побеждают и недоброжелательное слово, и врагов. Сердце интуитивно чувствует священное и прекрасное.

Анна Ахматова писала: «Война была для него эпосом, Гомером, и когда он шёл в тюрьму, то взял с собой “Илиаду”. А путешествия были вообще превыше всего и лекарством от всех недугов. И всё же и в них он как будто теряет веру (временно, конечно). Сколько раз он говорил мне о той “золотой двери”, которая должна открыться перед ним где-то в недрах его блужданий, а когда вернулся в 1913 <году>, признался, что “золотой двери” нет. Это было страшным ударом для него. По моему глубокому убеждению, Г<умилёв> – поэт ещё не прочитанный и по какому-то странному недоразум<ению> оставшийся автором “Капитанов” (1909 г.), которых он сам, к слову сказать, – не навидел. Разочарование в войне Г<умилев> тоже перенёс, и очень горькое:

*Для чего безобразные трупы
На лугах венценосной весны.*
(«Гондла», 1916)

Борису Корнилову не довелось увидеть Африку в реальности, только в тифозном бреде его герой – художник Добычин – идёт по золотым пескам, а затем встречает сенегальца-красноармейца, а после выздоровления он узнаёт о реальном чернокожем командире красноармейского отряда, погибшем в одном их боёв.

Осмысление пространства России в рамках сакрального её смысла сопровождалось и у Гумилёва, и у Конилова сближением мотивов духовного странствования и духовного воинствования, где поэт ведёт духовную борьбу с силами «всемирного распада».

Обогащённый внутренним духовным опытом, пройдя войну, поэт обращается к теме России, её православной судьбе:

*Я – угрюмый и упрямый зодчий / Храма, восстающего во мгле.
Я возревновал о славе отчей, / Как на небесах, и на земле.
Сердце будет пламенем палимо / Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены Нового Иерусалима / На полях моей родной страны.*

Борис Корнилов чувствует приближение Великой Отечественной войны:

*Снова звёзды пылают и кружатся, / ходят сосны, сопя и трубя,
закрывая глаза от ужаса, / я обманываю себя.*

Глубоко личностный смысл творчества обоих поэтов перерастает в общечеловеческий. Духовные коллизии звучат многограннее, воплощены более бесстрашно. Творчество поэтов оказалось для нас, читателей, тем духовным сокровищем, которое они искали, создав его своим взволнованным словом.

«Участие России в войнах Европы – это всегда, – как отмечал Е. Н. Трубецкой, – служение общечеловеческому делу культуры, поскольку для неё это освободительные войны, никаких собственных корыстных (захватнических) интересов Россия здесь не имеет». Но, с другой стороны, в этих войнах Россия обретает своё духовное единство и целостность. В этом проявляется особенность

¹ Красников Геннадий. Роковая зацепка за жизнь, или В поисках утраченного неба // gumilev.ru

Н. Гумилев и А. Ахматова

русского национального патриотизма. Россия, – отмечает Трубецкой, – никогда не вдохновляется служением голому национальному интересу. «Чтобы отдаться чувству любви к родине, нам нужно знать, чему она служит, какое дело она делает. И нам нужно верить в святость этого дела, нам нужно сознавать его правоту. Нам нужна цель, которая бы поднимала наше народное дело над национальным эгоизмом»¹.

Оба поэта живут в городе на Неве. В «Заблудившемся трамвае» Гумилёва «загадкой» предстаёт человеческая жизнь, вовлечённая в «бездну времён», вне которых уже и сам поэт:

*В красной рубашке, с лицом как вымя, / Голову срезал палач и мне,
Она лежала вместе с другими, / Здесь в ящичке скользком, на самом дне.
...И всё же навеки сердце угрюмо, / И трудно дышать, и больно жить...
Машенька, я никогда не думал, / Что можно так любить и грустить.*

Борис Корнилов созвучен здесь с Гумилёвым, мечтая о «земной красоте»:

*Айда, голубарь, пошевеливай, трогай, / коняга, мой конь вороной!
Все люди – как люди, поедут дорогой, / а мы пронесём стороной...
...Но я поднимаюсь и снова расту, / темнею от моря до моря.
Я вижу земную мою красоту / без битвы, без крови, без горя.*

В духовных исканиях обоим «больно жить», потому что:

*Понял теперь я: наша свобода
Только оттуда бьющий свет.*
(Н. Гумилёв)

*Не я ли у вас будто был и не был / Вчера и позавчера.
Не я ли прошёл – не берёг, не лелеял? / Не я ли махнул рукой
На то, что зари не нашёл алее?
На то, что девчат не нашёл милее?
И волости – вот такой...*

(Б. Корнилов)

Философское обобщение судьбы, обретшей божественный свет, на вопрос, где я, «сердце стучит в ответ:

*Видишь вокзал, на котором можно
В Индию Духа купить билет.*
(Гумилёв)

Символично, что и Б. Корнилов видит исход в творчестве, создающем великий образ:

*Я нарисую воздух, / Грозу, / В зелёных молниях орла –
И под грозою / Над орлом, / На звёздах / Чтобы моя любимая была.
Я нарисую так, чтобы слышно было – / Десятый вал прогрохотал у скал,
Чтобы меня любимая любила, / Чтобы знамёна ветер полоскал,
Орёл разрушит молний паутину, / И волны хлещут понизу, грубы...
И скажут люди, посмотрев картину, / Что это отражение борьбы,
Что образ мой велик и символичен.*

¹ Трубецкой Е. Н. Отечественная война... С. 394.

Эстетическим и духовным ориентиром и для Гумилёва, и для Корнилова было пушкинское творчество. «Заблудившийся трамвай» – вещь насквозь пушкинская: и отблеск родных стихий «Капитанской дочки», и мощное эхо «Медного всадника». Прощальное признание в смуте сердца и мира, потерянности в миражах и бездорожье исторического «бурана». Создание многоголосое, будто вырывающее у судьбы какую-то весть о гибельном спасении мира. Слово возвращается к утерянному значению, становится «прямой силой», «расковывает косный сон стихий», усиливает контрастность картины, за которой большее – вселенское и родное. Гумилёв не сомневался в несомненном, был бодр и твёрд духом – «жил, писал, любил». Никогда не исчезал и, надо думать, никогда не исчезнет из стихий, слагающих русскую судьбу»¹.

Б. Корнилов и О. Берггольц

Примечательно, что у самого начала творчества Б. Корнилова и в самом конце его пути стоит имя Пушкина, которому он посвятил свои первые стихи, и в конце жизни вновь обратился к творчеству Пушкина, его последние семь стихотворений обращены к поэту, в котором он видел образ собственной судьбы: «Думаю о Вас не об убитом, а всегда о светлом, о живом». Лирика Корнилова в его последние годы жизни самоопределилась в главных качествах: исповеди души и исповеди поколения.

Совпадения двух поэтов в творческом облике, но не в социальном портрете, в зыбкости земного распорядка не зачёркивают их собственную многомерность и значимость в стремлении обозначить дыхание эпохи и движение чувств в отношении земного и небесного. Но вот в социальном плане не сошлись ли бы параллели двух поэтов в крест, проживи они дольше?

Несомненно, что они оба легли бы на полях Великой Отечественной войны рядом с лучшими её защитниками. Но их убили раньше. Простить? Примириться?

22 апреля 2021 года открылся памятник Примирения в Севастополе. Как сказал князь Н. Д. Лобанов-Ростовский: «С этой идеей 10 лет тому назад выступили мы – представители потомков первой волны русской эмиграции за рубежом – руководители Международного совета российских соотечественников: граф Пётр Петрович Шереметев, я, а также тогдашний исполнительный секретарь организации Евгений Семёнович Табачников. Инициатива создания памятника была одобрена Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом как “уместная и своевременная”. Она получила единодушную поддержку и на Всемирных конгрессах российских соотечественников, проживающих за рубежом, и на прошедшем в июне прошлого года 5-м международном Ливадийском гуманитарном форуме, став сильным стимулом единства русского мира».

Трагическая драма 1917–1921 годов (и я бы добавила 1936–1939) потрясла и изменила историческое развитие нашей России и многих государств. Это были горестные годы, большие человеческие потери. Но, выстрадав их, Россия осмысляет сегодня, что без стремления к Примирению и Прощению, к обретению веры не может быть поступательного движения вперёд. Нынешнее наше желание – возрождение России во всей её былой целостности и величии». Главный смысл памятника – примирение всех ныне живущих с историей, разные, порой полярные оценки её не должны приводить к расколу общества. Главный урок, о котором будет напоминать монумент, – это то, что ни одна идеология не может оправдать убийства друг друга.

¹ Смирнов Вл. Поэзия Николая Гумилева // hajam 2 narod.ru

Русский мир без границ

Берега Лондона – Москвы

Лидия Довыденко

Русские аристократы – Отчизне

Мечты Господни многооки,
Рука Дающего щедра,
И есть ещё, как он, пророки –
Святые рыцари добра.
Он говорит, что мир не страшен,
Что он Зари Грядущей князь...
Но только духи тёмных башен
Те речи слушают, смеясь.

Николай Гумилёв

Полвека меценатской деятельности

5 сентября 1970 года Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский впервые увидел свою историческую Родину, Россию, ступив на землю своих предков с трапа самолёта в Шереметьево. И вот уже 50 лет Никита Дмитриевич, меценат и коллекционер, геолог и финансист, потомок князей Ростовских, Рюрикович в 33-м колене, родившийся в Болгарии, живущий в Великобритании, находит поводы для того, чтобы приезжать в Россию, и за особые заслуги перед ней он получил от президента паспорт гражданина Российской Федерации и орден Дружбы.

Эти заслуги заключаются в том, что князь Лобанов-Ростовский вместе со своей первой женой Ниной собрали значительную коллекцию театральной живописи Серебряного века, которая считается лучшей частной коллекцией в мире, и подарили России. Они сохранили от забвения, от исчезновения русское искусство в эмиграции: дивные красочные листы художников, связанных в основном с Дягилевскими сезонами. Бенуа, Бакст, Шагал, Ларионов и Гончарова, Челищев и Серебрякова, Экстер и Кандинский, Васнецов и Судейкин... Не перечислить художников, определивших направление в искусстве, названное «Великим русским экспериментом». «Я хотел бы быть Лоренцо Медичи, чтобы жертвовать на искусство с безоглядной щедростью», – говорит Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский. И его безупречная филантропическая деятельность создала ему мировое имя. Он неустанно собирает вывезенные в прошлом веке культурные ценности из СССР и России и возвращает на Родину. Его дары находятся в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, в Доме русского зарубежья, в Музее М. И. Цветаевой, в Музее личных коллекций, в Театральном музее имени А. А. Бахрушина в Москве, в Музее театрального и музыкального искусства в Санкт-Петербурге, в Резиденции посла России в Париже, в Резиденции Посольства Российской Федерации в Лондоне, в Посольстве России в Софии, в Музее МИДа РФ в Москве и в Институте востоковедения РАН тоже в Москве. И это далеко не полный перечень.

Вечер чествования в Доме русского зарубежья

Никите Дмитриевичу было посвящено мероприятие в Доме русского зарубежья в Москве 15 июня 2021 года.

Я под впечатлением от великолепного, изумительного литературно-музыкального вечера, который назывался «Рюрикович на переломе эпох: к 50-летию благотворительной деятельности в России князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского».

Понимая, что в России недостаточно знают вклад Рюриковичей в историю России, он уделяет внимание созданию и продвижению собственных мемуаров, воспоминаний членов своей семьи, материалов, связанных с трагической историей рода. Никита Дмитриевич представил две книги: «Рюрикович на переломе эпох. Князь Никита Дм. Лобанов-Ростовский: “зэк”, “вор”, чемпион-пловец, геолог, банкир, меценат» (сост. Н. А. Алпатова, Н. Д. Лобанов-Ростовский. – Москва: Минувшее, 2020); и книгу княгини В. Д. Лобановой-Ростовской «О российской трагедии XX века: До и после 1917 года. Воспоминания матери. 1903 – Санкт-Петербург, 1937 – София» (в двух книгах. – Москва: Минувшее, 2020).

В программе вечера прозвучала литературно-музыкальная композиция, просто потрясающая, с участием народного артиста России Евгения Киндинова и заслуженной артистки России Галины Киндиновой. Выступили лауреаты международных конкурсов – учащиеся, выпускники и педагоги Детской музыкальной школы им. С. И. Танеева. Сценарий этой композиции на основе представленных книг написала профессор МГУ, доктор культурологии Екатерина Сергеевна Фёдорова. Отрывки из этих книг в последние годы публиковались в литературно-художественном журнале «Берега».

Картина подарена князем Н. Д. Лобановым-Ростовским историческому музею в Софии (Болгария) в 2018 году

Рюрикович на переломе эпох

Обращаясь к русскому искусству конца XIX – начала XX века, Никита Дмитриевич свидетельствует, что это «было своего рода Возрождение, но важно, что каким-то образом оно было подготовлено генетически и возбуждено в разных областях *одновременно*. Не было области, отрасли, в которой бы ни совершился этот взрыв в тот короткий период. Франция, например, имеет своих могучих композиторов, литературу, но такого яркого периода цветения культуры сразу во всех её видах я не знаю, хотя чётко осознаю высокий уровень и уникальность тех культур, с которыми в жизни соприкасался. Особо восхищает меня и XIV век – время Рублёва, и несмотря на то что этот культурный расцвет состоялся на 200 лет позже Византии, но это универсальный гений человечества... Возвращаясь к Серебряному веку, должен отметить, что для меня важны и общественные преобразования того времени, и законодательно-правовые, и промышленные, и архитектурно-строительные, транспортные и так далее, – все абсолютно. Гениальные люди жили в то время!»

Впервые Никита Лобанов-Ростовский попал на Дягилевскую выставку в Лондоне в январе 1954 года, когда ему исполнилось девятнадцать лет, и был покорён, как он говорит, «вошёл» в это искусство: «А поскольку я стараюсь всё делать целеустремлённо и, видя в чём-то перспективу, занимаюсь этим до тех пределов, пока не замечаю, что всё сделано и дальше неинтересно, то и коллекционированием занялся энергично. И так состоялся этот замечательный “эпизод моей жизни”, называемый коллекционированием, – одно из самых моих приятных времяпрепровождений». Книга Рюриковича обогащает и просвещает. Герой её говорит: «Чтобы сделать что-то хорошее для России, нужно преодолеть много препятствий. Меня это не останавливает, я к этому привык. И потом, я же не ради сегодняшнего дня стараюсь – я смотрю на столетия вперёд».

О книге княгини В. Д. Лобановой-Ростовской «О российской трагедии XX века: До и после 1917 года. Воспоминания матери» Никита Дмитриевич рассказал, что сейчас вышло второе её издание в Москве, не считая публикации в Болгарии в 1936 году. Он сожалеет, что не опубликовал эти трагические записки своей бабушки раньше, ведь они написаны без политической злобы верующим православным человеком, принадлежавшим к одному из самых знатных родов России, оказавшемуся в изгнании, изложены великолепным русским языком и очень важны для подрастающего поколения. Книга раскрывает неизвестные подробности взаимоотношений Григория Распутина с аристократией, прекрасные страницы посвящены святому преподобному Серафиму Саровскому.

*Книга болгарского автора
Н. Филипова*

*Nikita Lobanov vruchae gravuru Tsariu Simeonu 2mu, ego deda
Tsaria Ferdinsanda. Sofija 2010 g.*

Чей разведчик?

Никита Дмитриевич родился в Болгарии в 1935 году, эту страну его дед выбрал для жизни после 1917 года потому, что считал: в Софии самый лучший, самый красивый по своему звучанию православный хор. Лобанов-Ростовский дорожит Болгарией, у него там много друзей. На вечере в ДРЗ Никита Дмитриевич дарил гостям книгу, которую о нём написал болгарский автор Никола Филипов «Разведчик ли вы, князь Никита Лобанов-Ростовский?» (София – Москва, 2020). В конце книги автор приходит к заключению, что Лобанов – разведчик в пользу РФ. Личность князя легендарна, и неудивительно, что потрясённые встречами с ним, люди пишут книги о Никите Дмитриевиче. Восемь лет назад он подарил мне книгу «Дерзкие параллели» Эдуарда Гурвича, который «дерзко проводит параллели между судьбой своей и жизнью Лобанова-Ростовского. И вот книга Николы Филипова. Со свойственным Никите Дмитриевичу юмором книгу Николы он подписывает: «Дорогой Лидии Владимировне от главного подозреваемого». Это биографическое исследование болгарского автора переведено на русский язык профессором МГУ Е. С. Фёдоровой, и ей же принадлежит предисловие, а также вступительное слово Румена Петкова, бывшего министра внутренних дел Болгарии, который отметил, пожалуй, главную черту Никиты Дмитриевича из всех «осознанных необходимостей» – дарить и одаривать, и я лично с удовольствием это подтверждаю. Встречи с ним захватывающи уже от одной мысли, что он не только дворянин и не просто дворянин, а Рюрикович. Обретение целостности – вот что происходит, когда встречаешься с князем. Чувство целостности – оно постоянно ускользает, от нехватки добра или радости. Но когда видишь Никиту Дмитриевича, ты понимаешь, что жизнь тебя щедро одарила. Никола Филипов, рассказывая о собирательской и меценатской деятельности Никиты Дмитриевича, разоблачает домыслы о якобы агентурной работе, потому что героя его книги интересовали прежде всего культурные и исторические традиции, что позволяло ему встречаться с Евгением Евтушенко, Елизаветой Второй, её племянницей Александрой Кентской, болгарским царём Симеоном Вторым и актрисой Катрин Денёв, основой чему была его выставочная деятельность в Европе и США. «Подозреваемому» было нелегко, требовалась выдержка и выносливость, а также высокий дух и благородство.

125 лет Восточно-Китайской железной дороги

16 июня в Институте востоковедения РАН состоялась конференция на тему: «125 лет Восточно-Китайской ж. д.».

125 лет назад состоялось заключение русско-китайского союзного договора, от имени России подписанного князем А. Б. Лобановым-Ростовским, который в то время был министром иностранных дел. Действующая на тот момент в Китае династия прислала своего наиболее выдающегося

государственного деятеля Ли Хунджана, Япония – маршала Ямагату, и Корея – Мин Ёнхвана, которому поручено было предложить России принять Корею под свой протекторат. Они прибыли на коронацию Николая Второго, но параллельно были приняты важнейшие документы экономического содержания о Союзном договоре с Китаем, одна из статей его давала России право пользоваться бухтой Киао-Чао (Цзяо-Чжоу) для стоянки Российского флота. Китай согласился на постройку железной дороги через Маньчжурию для кратчайшего соединения с Владивостоком.

Никита Дмитриевич рассказал, что договор дал Китаю эпохи империи Цин защиту от нападения Японии, облегчил экспорт китайских товаров в Россию. Расходы по постройке дороги были всецело за счёт России, а они были огромными из-за технических трудностей, трудного рельефа местности, отсутствия зачатков индустрии в Маньчжурии.

Россия пришла на помощь Китаю. При посредничестве и ручательстве России китайское правительство получило заём во Франции на 400 млн франков для уплаты контрибуции Японии. Это дало возможность России, Франции и Германии потребовать и добиться отозвания, без проволочек, войск Японии с полуострова и вообще с азиатского материка.

Правительство Японии вынуждено было уступить требованиям европейских держав и вернуть Китаю Ляодунский полуостров. Это была дипломатическая победа Лобанова, после которой его сразу стали называть русским Бисмарком.

И сейчас жизненной необходимостью России является поддержание дружеских отношений с Китаем, чтобы вместе противостоять двум таким экономическим гигантам, как ЕС и США. Экономическое сотрудничество и культурная интеграция России и Китая будут и дальше усиливаться при ведущей роли Китая.

Дорогу можно рассматривать как экономическую экспансию России, наподобие того, как сейчас Китай строит за свой счёт, например, проект «Нового Шёлкового пути», который развивает Китай, – через Казахстан с выходом в Россию в районе Екатеринбурга, далее – через Казань, Нижний Новгород и Москву – в Белоруссию и далее – в Европу.

Сегодня это гигантское строительство делается для того, чтобы продавать легче и быстрее китайские товары. То есть это следствие китайской экономической экспансии. КВЖД работала на пользу обеих сторон. Китайцы воспользовались этой дорогой, чтобы поставлять товары в Россию. Охрана от нападения Японии была реальна. Известно, что Лобанов-Ростовский не щадил своих сил на посту министра иностранных дел. Громадные задачи, выпавшие на его долю, расшатали его здоровье. Продолжительные переговоры с Ли Хунчжаном и Ямагатой, Мин Ёнхваном, приведшие к благоприятному экономическому результату, сократили его дни.

Между тем, история заключения русско-китайского договора 1896 года показывает, что Пекин сам искал себе союзника в противостоянии Японии в лице России и был инициатором заключения союзного договора с Россией.

Никита Лобанов и Румын Петков, 2018 г.

Аристократы – для России

С конца 1970-х годов представители русской эмиграции, старое дворянство, аристократы, казалось бы, в полной мере настрадавшиеся от новой власти России после 1917 года, после 1945 года стали различными способами помогать своей исторической отчизне.

Вот как пишет об этом Никита Лобанов-Ростовский: «Назову здесь графа П. П. Шереметева, барона Э. А. Фальц-Фейна, Н. В. Вырубова, графа С. А. Капниста, Ю. А. Трубникова, князя А. А. Трубецкого, князя Д. М. Шаховского (здесь можно назвать и многих других). Это и благотвори-

*Yura Trubnikov, Kniaz D. Shahovskoi,
Graf P. Sheremetiev, Kniaz N. Lobanov, Graf S. Kapnist.
Parij, 2010 g.*

*Н. Д. Лобанов-Ростовский с Евгением Арсеньевичем
и Галиной Максимовной Киндиновыми
и директором музыкальной школы имени Танеева
Гугули Ревазшвили*

рительность, и содействие развитию российского образования, науки и технологии, и возвращение предметов художественной ценности и исторических документов в Россию».

Граф П. П. Шереметев обратил свои взоры в Иваново (возрождение традиций старинного хорового искусства, открытие Ивановского кадетского корпуса, Ивановского университета образования и имиджа); основал культурные «Шереметев-центры» в городах: Томск, Иваново, Ярославль.

Князь А. А. Трубецкой с 70-х годов старался содействовать техническому росту России, работая на фирме «Томпсон» и поставляя компьютерные системы связи для Академии наук, ТАСС, Морфлота, РАО «ЕЭС России» и Газпрома. Благодаря его финансовой помощи были опубликованы монографии об Итальянском и Швейцарском походах А. В. Суворова и о Средиземноморском походе эскадры Ушакова; он помог открыть в Москве выставку и затем опубликовать собрание акварелей военного художника Кадоля, офицера наполеоновской армии, писавшего виды Москвы.

Н. В. Вырубов и его племянник Ю. А. Трубников, последовательно занимавшие пост главы «Земгора» в Париже, передали большое количество ценных даров музею И. С. Тургенева «Спасское-Лутовиново», Дому русского зарубежья в Москве, многим библиотекам малых и средних городов России.

Граф С. А. Капнист, как представитель Российского института стратегических исследований во Франции, долгие годы содействовал решению для России промышленных, экономических и торговых вопросов, оказывал помощь русским, попавшим в беду и затруднительное положение за границей.

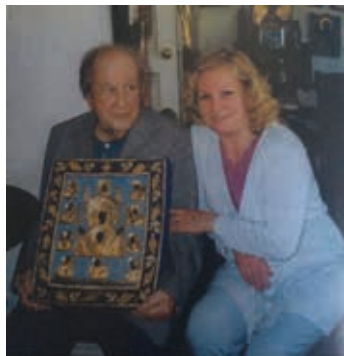
И вот князь Лобанов-Ростовский. Работы русских творцов Серебряного века – 150 имён – возвращены из небытия, составляя коллекцию театрально-декорационной живописи Нины и Никиты Лобановых-Ростовских. Кроме живописных работ, нашли своё место в музеях России множество других историко-культурных предметов, документов, текстов и художественных произведений. Летопись подобной деятельности обширна, и ей ещё предстоит быть описанной в каталогах, книгах по искусству и культуре. Сегодня можно говорить о сложившемся за полвека серьёзном и ответственном отношении к России представителей её древних родов, о мере их морального долга перед отечеством и внушительных плодах деятельности.

Русский мир без границ

Берега США

Князь Алексей Щербатов, Лариса Криворучкина-Щербатова

Право на прошлое

Отрывок из одноимённой книги

Воспоминания... кому нужны?
Воспоминаниям не верьте.
Так, разве для себя...
Так, разве для тебя...
Вновь растревоженные сны
За несколько минут до смерти?

П. Фатьянов

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ДВОИХ

Странное испытываешь ощущение от необходимости погружать себя в океан давно ушедших дней... Я был уверен, что безнадежно упустил время «собирать камни». А разбрасывал я их много и бездумно. К счастью, память моя ещё способна цепко удерживать немало событий и фактов такой долгой и такой быстротечной жизни, этого драгоценного дара Небес. Почему я не написал мемуары раньше? Попытки были, но безуспешные: не нашёл достойного партнёра, способного выразить всё так, как мне бы того хотелось. Пока не начал работать со своей нынешней женой. Многие факты были бы упущены, если бы у неё не хватило упорства с пристрастием допрашивать меня о, казалось, навсегда забытом, докапываться до самых сокровенных глубин, неожиданно порой для меня самого напоминать эпизоды, которые она записывала с моих слов в течение нескольких лет нашей дружбы. Не было бы многих лирических и философских отступлений и той эмоциональной окраски в описаниях, которые именно она смогла дать ярко и живо, словно сама пережила всё вместе со мной. Думается, это благодаря нашей удивительной духовной близости. И вот перед вами продукт нашего содружества, сотрудничества и соавторства. Кому-то название книги покажется тривиальным. Конечно, любой имеет право на своё прошлое. Не стану этого оспаривать. Но я имею в виду то прошлое, естественным продолжением которого должно было стать моё будущее. Вначале я намеревался назвать воспоминания «Право на утраченное прошлое». Однако согласился с моим соавтором: право на то прошлое, на которое претендую я, как часть его, невозможно потерять – оно принадлежит России, ибо для России жили, воевали, трудились и писали мои прародители. И право это дано мне вместе с фамилией. С детства уготованная мне карьера военного или дипломата согласно традициям предшествующих поколений, князей Щербатовых и Бярятинских, не состоялась в силу вмешательства в судьбу обстоятельств от меня не зависевших. Расскажу, как сложилась моя жизнь.

Князь Алексей Щербатов

Теперь кажется, всё это было давно, словно в другой жизни, когда, приехав по делам в Нью-Йорк, я страдала от отсутствия русских книг и друзей. Какофония чужих языков на улицах, непрерывный английский со всеми сленгами мира в моём рабочем офисе доводили до иступлённой жажды общения на родном языке. Спасение, как часто случалось со мной в минуты, отравленные безысходностью, явилось в писании стихов и рассказов, рождавшихся будто помимо воли. Однако любому пишущему нужна аудитория хотя бы из одного слушателя. Даже этого единственного тогда не было. Пока не свела меня судьба с Алексеем Павловичем Щербатовым. И если вначале я потребительски использовала время этого безотказного человека, ревниво следя за его реакцией в моменты чтения моих произведений в ожидании очередной похвалы, то довольно скоро сама превратилась в слушательницу.

Его рассказы: то трагичные, то забавные – вместе с неповторимым голосом проникали в душу, в сердце, в сознание, завораживали, рождая яркие видения и образы. А чего стоили долгие телефонные разговоры, когда он «сыпал» историческими сведениями и датами? Я, полная энтузиазма, старалась записывать всё им сказанное на оборотной стороне договоров с американо-советскими компаниями, на полях газет. Но попытки успеть за этой уникальной информацией заканчивались невообразимой путаницей: меня приводило в отчаянье несоответствие услышанного с полученными на уроках истории представлениями. И вместе с накапливавшимися вопросами яснее вспыхивало понимание: непозволительная роскошь – «раскатить» подобные энциклопедические знания по телефонным шнурам. Всё, чем владеет этот необыкновенный человек, этот свидетель живой истории и сам – её часть, должно быть собрано вместе, как рассыпавшееся ожерелье из драгоценных камней. Нужно немного ювелирной работы и терпенья, чтобы украшение имело достойный футляр и хранилось в соответствующем для него месте.

Сообща мы пытались найти литературного партнёра для написания его мемуаров, но, по выражению самого Алексея Павловича, «комбинации были неудачными». Наконец, уступив уговорам, я согласилась попробовать «выручить его» и, надо сказать, не без вдохновения взялась за свою часть работы, нанизывая факты историка на нить, соединившую нас.

Лариса Щербатова

О РОССИИ

И кнутом и пряником потчевала судьба меня. Трудно однозначно сказать, чего больше выпало на мою долю. Оттенок же некоторой трагичности, кажется, был предопределён мне с самого первого мгновения земной жизни. Родился я в 1910 году 1 ноября (по старому стилю), в тот момент, когда комета Галлея, являющая свой лик Земле каждые семьдесят пять – семьдесят шесть лет, пролетала над Петербургом. Это заинтересовало увлекавшегося астрологией дядю моей матери Ивана Викторовича Бяратинского, и он заказал для меня гороскоп у известного в то время специалиста. Сейчас, по прошествии времени, интересно было бы сравнить его с прожитым. Возможно, он всё ещё среди моих бумаг, оставленных в Брюсселе. Припоминаю лишь несколько пророчеств: «Жить вы будете далеко от России и не вернётесь туда даже умирать. Будут в жизни сильные перепады, взлёты и падения, но всё утихомирится, и вы чего-то достигните».

Разметала ли комета судьбу мою по белу свету, что собирал десятилетиями, скитаясь по миру, или, напротив, дала мне силу столько раз удерживаться на краю пропасти. Кто знает? Одно не подлежит сомнению: когда бы ни врывались в жизнь мою воспоминания, чаще всего начинались с ялтинского периода, очевидно, именно в этот момент произошёл самый крутой поворот в моей судьбе. Между прочим, в Крыму сбылось одно из предсказаний...

В двадцатых числах июня 1917 года мы всей семьёй уезжали в Ялту из пульсирующего тревожными событиями предреволюционного Петрограда с надеждой, что скоро всё утрясётся, затихнет, вернётся на круги своя. К отъезду начали готовиться с марта, почти сразу по приезду отца с фронта. Мне иногда кажется, что он умышленно тянул время, ожидая перемен к лучшему. День долгожданного возвращения не был окрашен радостью победы, и детские «ура» при появлении главы семьи были надломлены предостерегающими взглядами мамы.

Отец оставил службу после отречения государя (14 марта 1917 года), повлёкшего за собой, помимо многих нововведений Временного правительства, приказ за подписью военного министра Александра Гучкова об увольнении из армии сторонников монархии, не лояльных по отношению к новому руководству страны. Собственно, документ представлял собой список, по которому освобождались от службы национально настроенные кадровые офицеры, настоящие русские патриоты. Помню, что бывшие сослуживцы отца, собиравшиеся в нашем доме, однозначно восприняли этот факт как начало разрушения России. Им, кадровым военным, было ясно, что именно высокообразованное русское офицерство всегда являлось стержнем армии и надёжным оплотом государства Российского. Разочарованный непониманием этого очевидного обстоятельства со стороны чиновников, непривычно раздражённый, отец пытался бунтовать. Будучи полковником лейб-гвардии Гусарского полка, он должен был пойти в отставку в чине генерал-майора, но отказался. Пришёл в своей форме полковника в знак протеста действиям Временного правительства, которое не признавал.

Прошедший войну, тяжело переживавший отречение и свой уход из армии, он очень изменился: всегда весёлый, любивший играть с детьми, стал мрачным, погружённым в себя, словно предчувствовал грядущие беды. Тем не менее вопрос о том, чтобы покинуть Россию, никогда не рассматривался на семейных советах. Однако было решено временно отправить семью в Ялту. Помнится, что мать, не меньше любившая Россию, с облегчением вздохнула.

Мне это было понятно: одним из самых сильных впечатлений детства остались её слова при обсуждении покупки имения на деньги, полученные отцом от тётки, графини Толстой, в наследство. Кто-то предлагал сделать это в Италии или на юге Франции. Мама сказала тоном, не терпящим возражения: «Нет. В России, в Витебской губернии. Там чудные леса и озёра». Шёл 1913 год, мне не было и трёх лет, но запомнилось: «Только в России», так сказала мама.

БОЛОВСК

Только в России, – так сказала мама.

Родители тогда же поехали в Витебскую область и купили огромное имение Боловск, около самого большого озера, недалеко от станции Резня.

Позднее эта часть, примыкавшая к советской границе, перешла к Латвии. Какой красивый был этот дом, ампир начала 19-го века. С утра пораньше, когда все ещё спали, я отправился исследовать новое жилище и первым делом спустился вниз, на кухню. Повар наш, поляк Доминик, судя по всему, собирался готовить любимые мной пирожки, и на столе соблазнительно набухало желтоватое, гладкое тесто. Недолго думая, я запустил в него свои пальцы – приятное ощущение тепла заворожило кухонным таинством, но повар довольно быстро прервал моё занятие, сурово заметив, что делать этого не следует. Я огорчился: не ожидал от человека, баловавшего меня жаворонками из теста и лёгкими куриными котлетами такого грубого вмешательства, но интереса к кулинарии не потерял. До сих пор люблю готовить и порой угощаю друзей своими кулебяками, какие вряд ли можно найти в самых изысканных ресторанах Нью-Йорка. А ещё в Боловске мне впервые подарили собаку. Любимый товарищ, английский бульдог, назывался Булька. Была у нас с ним такая игра: я закладывал свою голову в его огромную пасть, чтобы получше рассмотреть – что там, а он терпеливо ждал. Родители пугались – мы веселились... Никому уж больше в жизни так не доверял я. В этом доме в августе 1913 года родилась сестра Ольга.

Лето 1914 года мы снова провели в Боловске. Эта поездка вспоминается с ощущением свободы, простора, чарующего изобилия зелени и... тревоги. На небе стали появляться некие красные знамения. Местные жители и слуги без конца обсуждали: «Частое красное небо предвещает страдания и ужасы для страны. Раньше такого не наблюдалось». Отец не обращал внимания, мать относилась к этому серьезнее. Пожалуй, это всё, что осталось в памяти от самого раннего детства. Память вообще, а детская особенно, избирательна, в ней, по-моему, задерживается то, что тронуло душу и прошло через сознание. Разговоры о возможных военных действиях не забылись.

О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

ПЕТЕРБУРГ

Разговоры о возможных военных действиях не забылись. Действительно, в августе 1914 года была объявлена война. Как только родители узнали, что в Сараево убит эрцгерцог Франц Фердинанд, отец сразу принял решение – вернуться из Витебской губернии в Петербург. Тогда я в последний раз виделся с моим дедом Владимиром Анатольевичем Барятинским, героем войны за освобождение Болгарии, генерал-адъютантом трёх императоров: Александра II, Александра III и Николая II. Он был очень мил со мной:

– Я рад тебя видеть, мой дорогой Алексей.

– Дедушка, у тебя очень красивые сабли. Зачем тебе столько? – заинтересовался я его коллекцией оружия на персидских коврах вдоль стен.

– Настоящий мужчина, солдат должен знать все виды оружия и уметь ими владеть.

Дедушка был одним из моих кумиров, а я – его самым любимым внуком. К сожалению, он умер вскоре, в конце июля 1914, не успев узнать, что в первые же дни войны отец пошёл на фронт адъютан-

том великого князя Николая Николаевича, дяди Николая II, главнокомандующего русской армией. Великий князь был неплохой военачальник. Жаль, что государь сменил его так рано, в 1915 году, решив сам возглавить армию. Это было ошибкой. Генеральный штаб тогда находился в руках подозрительных элементов, таких как Бонч-Бруевич, бывший социал-демократ, после Октября ставший членом редакции большевистской газеты «Рабочий и солдат», будущий военный министр Поливанов и генерал Рузский. Ещё одно опрометчивое решение – участие в операции на территории Восточной Пруссии, закончившееся поражением русских. Отец говорил: «Какая глупость посылать лучшие войска для спасения Парижа. Мы понесём потери, нам же это ничего не даст». Так и произошло. Но фронт всё-таки держался. Вместе с Николаем Николаевичем, отстранённым от руководства армией, отец переехал в Тифлис, где располагалась штаб-квартира представителя царского правительства на Кавказе – кавказского наместника. Великий князь заменил графа Воронцова-Дашкова, ушедшего в отставку. Воронцов был известен как блестящий специалист старой школы, поэтому неудивительно, что Кавказская армия находилась в хорошем состоянии. И командующим фронтом был не менее талантливый военный: генерал Юденич. Проблема была одна – нехватка оружия. Перевооружение русской армии планировалось закончить только в 1919 году. Объявление войны было преждевременным. Мобилизация стала фатальной ошибкой, и те, кто толкнул государя на принятие такого решения, знали об этом.

Значительно позднее, в 1945 году, я встретился в Австрии с князем Гогенлоэ, дальним родственником по линии Барятинских, старым уже господином, бывшим австро-венгерским военным атташе в Петербурге в период правления последнего российского государя. Он с огорчением сказал: «Никогда не думал, что мой император и ваш пойдут на такую бессмысленную войну». Спустя столько лет он, опытный политик и умудрённый жизнью человек, так и не нашёл этому объяснения.

Первая мировая война, без сомнения, была шагом скоропалительным и неумным даже с экономической точки зрения: до 1914 года Германия и Россия были тесно связаны экономически. Россия поставляла в эту страну около тридцати-сорока процентов металла, хлеба, скота и масла в обмен на немецкие машины, импорт которых составлял примерно двадцать-тридцать процентов от общего объёма. Понимаю, что легко судить задним числом, но всё-таки кажется так очевидно, что именно с этой войны начались все несчастья: распад России, Австро-Венгрии, Германии. Разрушения в свою очередь создали почву, на которой выжили аномальные фигуры Гитлера, Ленина и их последователей. Много сложилось бы иначе без этой войны.

А пока отец воевал. Наша петербургская жизнь ничуть не менялась: по-прежнему подавались хорошие обеды, приходили знакомые, наезжали гости. Мы, дети, очень любили посетителей, прислушивались к разговорам, ловили слова о войне, об отце. Особенно я. В ожидании нового знакомого я стрелой летел в свою комнату и надевал только что сшитую на заказ военную форму. Сёстры, конечно, надо мной подсмеивались, но меня это нимало не смущало. Жили мы дружно и друг друга любили. Нас у родителей, князя Павла Борисовича Щербатова и княгини Анны Владимировны, урождённой Барятинской, к тому времени было семеро. Я – шестой ребёнок и самый младший из трёх сыновей. Восьмая, Ксения, родилась в 1919 году в Ялте.

Как только началась война с Германией, члены Думы проголосовали за переименование города Петербурга в Петроград, усмотрев, без всякого на то основания, в старом имени немецкие корни. Между прочим, оба названия не укладывались в идею Петра I дать городу голландское имя Питер от русского Пётр. Примечательно, что после этого многие немецкие семьи, жившие в России, в срочном порядке стали изменять свои фамилии на русско-звучащие. Скажем: Шумахер стал Шуматовым, фон Рейнбот – Резвым. Помню, что, когда официально объявили о переименовании Северной столицы, императрица Мария Фёдоровна написала маме: «Боюсь, что скоро Петергоф будет звучать как Петрушкин двор». Я в своих воспоминаниях чаще использую старое название города: именно так большинство продолжало называть Петроград. Официально Петербург стал Петроградом с 1914 года.

В один из летних петербургских дней 1916 года у нас проездом остановились представительницы Австрийского Красного креста – две графини Ревертера, двоюродные сёстры моего отца. Дядя наш, Борис Борисович Щербатов, единственный штатский родственник по линии отца, его второй брат, приходил к нам почти ежедневно. Жил он на Сергиевской улице в большом прекрасном доме дедушки. Слыл дядя настоящим гурманом и за ужином с удовольствием предложил дамам отличные пирожные и десерт с репликой: «Видите, как хорошо едят у нас во время войны. Уверен, что в Австрии вас бы так не угостили». Сказал он это, конечно, в шутку, для поддержания настроения: по-

сле Петербурга сёстры отправлялись в далёкую Сибирь инспектировать пленных австро-венгерской армии, которых в России насчитывалось около двух миллионов. Но я тогда, может быть впервые, испытал чувство гордости за свою лучшую в мире страну, в армии которой сражался и мой отец. Родственницы искренне сожалели, что не встретились с ним. А их слова: «Кто знает, увидимся ли когда-то», вызвали недоумение: «Конечно, увидимся. После победы».

Отец приезжал домой сначала часто – из Могилёва и Барановичей, а с турецкого фронта и Кавказа лишь каждые два-три месяца, но всегда с оптимизмом говорил о военных успехах. Ещё в начале 1916 года он воодушевлённо рассказывал о взятии за короткий период крепости Эрзурума. Русская Кавказская армия тогда разбила 3-ю турецкую, благодаря чему были спасены от полного уничтожения армяне, которых к этому моменту погибло в Турции почти два миллиона. Нас эта победа так обрадовала, что родившегося накануне котёнка мы назвали Эрзурумом. В тот же приезд отец в подробностях описывал взятие второго города под названием Трапезунд – черноморский порт, бывший когда-то столицей Трапезундской империи – части Византии. Я помню эту новость. Послушать вести с фронта собирались все, радио тогда не было, единственная газета «Новое время» не давала таких живых и красочных описаний, как это выходило у отца. Я в те годы читать ещё не умел, только в Ялте в семь лет пристрастился к газетам. Думаю, что отцовские рассказы сыграли немалую роль в моём политическом становлении, базу для которого незаметно подготовила наша гувернантка, мисс Гофф, хорошо разбиравшаяся в политике.

МИСС ГОФФ

Мисс Гофф – наша гувернантка, хорошо разбиравшаяся в политике. И не только... С этой замечательной женщиной, жившей в нашей семье с момента женитьбы мамы, детям Щербатовых исключительно повезло. Мы её звали ласково – Гофочка.

Она попала в Россию во второй половине 19-го века, когда в Европе была сильная англомания: эпоха королевы Виктории – джентльменство, особые манеры английских аристократов вызывали восхищение, стали модными. Молодым англичанкам из хорошей семьи была заранее обеспечена карьера гувернантки, можно сказать, международного масштаба. Существовала некая негласная градация: самым шикарным приглашением на работу для девушек считалось приглашение из России, потом Австро-Венгрии и, наконец, – из Америки.

Мисс Гофф – представительница семьи высокого социального уровня: дед Гофочки был английским лордом. Елене Гофф исполнилось восемнадцать лет, когда в начале 70-х годов 19-го века её наняли во вторую семью русского императора Александра II. Он не был разведён с первой женой, которая была больна и умирала, и жил с княжной Екатериной Долгоруковой, имея от неё троих детей. Долгорукова относилась очень тепло к гувернантке своих детей и, уверенная в её порядочности, ничего от неё не скрывала. Мисс Гофф, безусловно, знала всю подноготную семьи императора, но никогда нам ничего не рассказывала, кроме интриг княжны, непосредственно касавшихся семьи Барятинских, а именно, фельдмаршала. Ей было известно, что фельдмаршал Александр Иванович Барятинский был большим другом и шафером на первой свадьбе Александра II и, оставаясь преданным законной жене императора, не любил Долгорукову. Она ему платила тем же, стараясь сделать всё возможное, чтобы разладить их отношения, ослабить влияние на государя. В 60-х годах Долгорукова и её сторонники сумели использовать ситуацию, в которой оказался Александр Иванович, в своих целях.

Ситуация, надо сказать, сложилась щепетильная. Отдавший всю жизнь военным походам, влюбившийся лишь однажды в австрийскую принцессу Аусберг, фельдмаршал вдруг увлёкся замужней женщиной – Елизаветой Дмитриевной, урождённой княжной Орбелиани, Давыдовой по мужу. Гвардейский офицер Давыдов, живший отдельно от жены, казалось, не возражал против того, что его супруга имеет такого влиятельного любовника, как наместник Кавказа. Всё шло спокойно, пока, к всеобщему удивлению, Давыдов, видимо подогретый противниками фельдмаршала, не вызвал его на дуэль. Он прекрасно знал, что наместник государя не может принять вызов, и тем самым вынудил Барятинского уйти в отставку. Об этом мисс Гофф решила рассказать нам лишь по прошествии десятилетий, которые прожила в семье Барятинских, когда уже выросли дети Долгоруковой и не было Александра II. Уверен, что она очень любила государя: платок, окропленный кровью умирающего императора, возила с собой повсюду, я видел его, почти истлевшим, в Бельгии. Также тепло

мисс Гофф вспоминала воспитанников императорской семьи, которые после смерти первой жены и регистрации брака родителей, были названы Юрьевскими.

Забавно, что на одной из Юрьевских, Екатерине, в 1898 году женился мой дядя, Александр Владимирович, старший брат матери. Прошло столько лет, но Бярятинские ничуть не изменили своего отношения ко второй семье императора Александра II и были против этого брака. Мой дед не поехал на свадьбу к дяде в Биарриц, сказав: «Невозможно». Получился большой скандал, поскольку бабушка на церемонии тоже не присутствовала. И это несмотря на то, что Юрьевские были узаконены, царский министр Лорис-Меликов по указанию царя уже подготовил манифест, согласно которому Долгорукова объявлялась императрицей, а дети – великими князьями и княжнами. Причин тому было несколько: мой дед, любивший своего дядю фельдмаршала и гордившийся им, чувствовал себя оскорблённым. При этом не терпел Лорис-Меликова, не как политика, а как человека, не доверял и Милютину, считая, что оба «выплыли» в Свет при содействии фельдмаршала и оплатили ему чёрной неблагодарностью – предали, сдружившись с Долгоруковой. Зато она оценила обоих: и тот и другой получили графские титулы, а Милютин стал фельдмаршалом. Надо согласиться, что Долгорукова играла большую политическую роль, умея влиять на Александра II, который, при большом уме, не обладал достаточно сильным характером. Однако сын его Александр III, ставший императором, мачеху не любил и приложил все усилия к тому, чтобы она покинула Россию. Остаток жизни Долгорукова провела на юге Франции и умерла в 1921 году.

Много больше о жизни Александра II и периоде его правления я почерпнул не от гувернантки его детей, а от тётки – Марии Владимировны Бярятинской, родной племянницы фельдмаршала, а ещё из интереснейшей переписки Александра II с Александром Ивановичем Бярятинским, письма которых находились в моём архиве.

История интриг Долгоруковой была прекрасно известна мисс Гофф, и, мне кажется, она тогда больше симпатизировала Бярятинским, поскольку сразу согласилась на их предложение занять место гувернантки четырёх девочек и трёх мальчиков в семье моей бабушки. Детей вскоре осталось только шестеро: старшая дочь Мария, или Мими, как её называли, умерла. Второй дочерью была моя мать, затем тётка Ирина (Мальцова) и Елизавета (Апраксина), сыновья: Александр, Анатолий и Владимир. Очень скоро мисс Гофф сделалась всеобщей любимицей и, фактически, членом семьи. Бабушка объявила: «Кто первый выйдет замуж, получит мисс Гофф для своих детей».

Первой в 1900 году вышла замуж моя мама, в 1901 родилась наша старшая сестра Надежда, и мисс Гофф перешла к нам. Она начала заниматься мной, когда мне исполнилось четыре года, заменив няню Милену, добрую, но безалаберную и неорганизованную. Я довольно быстро понял разницу между ними, а вскоре оценил ум и мудрость нашей гувернантки.

Однажды, в конце апреля – начале мая 1917 года, мы возвращались с прогулки мимо дома известной балерины и бывшей пассии Николая II, когда он был ещё наследником, Матильды Кшесинской. С её балкона выступал Ленин. Я уже знал, что это плохой человек, но его эмоциональная речь собрала много народа и почему-то притягивала. Было трудно пробиваться через толпу, заполнившую улицу, и мне казалось, что все наши усилия и мысли были направлены только на то, как поскорее преодолеть эту «пробку», что никто из нас особенно не прислушивается к словам выступавшего. Да и мисс Гофф несколько раз повторила: «Не слушайте его, не слушайте. Идём домой, мы опаздываем». Но, как выяснилось, я был не прав. Мы опоздали на завтрак, и дядя Борис спросил Гоффочку:

– Что случилось?

– Прошу прощения, князь, нас задержала толпа у дома мадам Кшесинской.

– Ах, да, знаю. Я проходил там. Видел, как этот сумасшедший говорил глупости с балкона.

– Дорогой князь, вы ошибаетесь, он не сумасшедший. Это самый опасный для России человек.

Она, конечно, была старше (около пятидесяти лет) и опытнее, но какое предвидение... В свои шесть лет я отнёсся несерьёзно к этому замечанию, тем более что Гоффочка, по моим понятиям, не совсем русская, язык выучила только в России. Гораздо позже я понял, что её аналитический ум, умение всё упорядочить были достойны подражания. Увы, порядку у своей любимой гувернантки я так и не научился, хотя она знала, как поддерживать хорошие начинания.

Помню, как мы пошли гулять в Таврический сад с сёстрами Анной и Еленой, Гоффочкой и немецкой овчаркой по кличке Волчок. Начиналась Февральская революция, государь уже отрёкся, Ленин был в Петрограде, и повсюду – пьяные солдаты. Один из них отделился от группы и штыком от-

пихнул мою любимую собаку. Волчок взвизгнул и оскалился. Я обернулся к хохочущей толпе со словами: «А ты вместо того, чтобы мучить мою собаку, шёл бы на фронт». Все засмеялись, Гофочка быстро увела нас. Я думал, она меня осуждает, но дома гувернантка сказала: «Какой ты молодец, Алексей, совсем не испугался». А дядя Борис отреагировал по-другому: «Как опасно. Он мог ударить и тебя». Я был горд собой, хотя в тот момент мысли о геройстве вряд ли пришли мне в голову, просто шесть лет – возраст без страха.

Была ещё одна незабываемая прогулка по революционному Петрограду марта 1917 года. Мисс Гофф взяла сестёр и меня за покупками на Невский проспект. Главная улица города после февраля почти не изменилась: по-прежнему встречалась нарядная публика, время от времени проезжали немногочисленные автомобили, и лишь одна деталь назойливо бросалась в глаза: тротуары были усыпаны скорлупой от семечек. Раньше сорить не позволялось, и улицы содержались в идеальной чистоте, а теперь всё выглядело заплёванным, запущенным, идти было забавно, но неприятно. Ещё большее удивление ждало нас на обратном пути. Из магазина мы выходили под странный грохот. Создавалось впечатление, что рушились здания. Я с сомнением посмотрел на гувернантку и спросил:

– Что это, Гофочка?

– Это безумцы сбивают с вывесок двуглавых орлов.

Многие магазины Невского, поставлявшие продукцию ко двору Его Императорского Величества, угодливо избавлялись от дореволюционного прошлого, сбивая с вывесок золочёные знаки Российской империи. Стук молотков и разбитые вдребезги беззащитные птицы так и остались в моей памяти как символы невозполнимой утраты чего-то большого и надёжного. Петровской империи.

Несмотря на возможную опасность в революционной неразберихе, мы не изменяли своей привычной жизни до самого отъезда из Петрограда. Наша гувернантка, а иногда мама ежедневно водили нас гулять в Летний и Таврический сады. Но основное время дня проходило в доме, сначала на Миллионной улице, позднее на Таврической, 17. В новый дом мы переехали в конце 1916 – начале 1917 года. От Миллионной до Таврической очень близко: лишь повернуть направо по Дворцовой площади, но мне наш новый дом не нравился. Возможно потому, что из окна больше не было видно Невы, а может быть, я не привык ещё к переменам мест, которых в последующей жизни случилось немало. Впрочем, в один из дней конца марта я даже обрадовался, поняв, что наш балкон выходит на широкую улицу, где можно наблюдать за демонстрациями и шествиями. Услышав законный шум, выскочил на балкон и обнаружил красочное зрелище: конница с красными флагами, весёлая, радостная, шумная, разноцветная толпа. Увиденное вызвало во мне ответную бурю восторга, и я захлопал в ладоши, пока неожиданно мама не прервала моё развлечение непривычно громким окриком: «Перестань аплодировать, государь отрёкся». В тот момент я не понял всерьёз, что случилось, но остался тоскливый осадок, ещё сильнее отвративший от нового дома.

Неприятие Таврического особняка я больше всего переносил на старшую сестру: переезд был необходим, в основном, для Надежды, приближающееся совершеннолетие которой вынуждало семью иметь большую бальную залу, чтобы давать приёмы и балы, вести светскую жизнь. «А нас, значит, никто не спрашивает. Сиди и сиди в этом доме», – думал я. На улице играть не разрешалось, а с кузенами теперь общались редко: Мальцовы и Апраксины уехали во время войны на юг, и моих ровесников практически не осталось. Дети Сергея Щербатова старше меня: Борис – на тринадцать лет, уже оканчивал лицей, Дмитрий – на десять.

Кто бы мог тогда предположить, что мальчикам Щербатовым оставалось жить совсем недолго? Дмитрия вместе с другими родственниками расстреляли чекисты в самом начале 1921 года под Смоленском. Бориса в 1918 году пригласили в качестве переводчика для работы с англичанами в Северную армию генерала Миллера. Английская интервенция в районе Архангельска закончилась ещё до разгрома этой армии красными. Англичане, мало заинтересованные в помощи России, фактически предали белых соратников: бежали в 1920 году, успев вывезти огромные запасы леса. Борис остался с сослуживцами и попал в число нескольких сот молодых офицеров и юнкеров, которых чекист Михаил Цидербаум-Кедров, психически больной человек, недавно выпущенный из сумасшедшего дома, распорядился посадить на баржу и взорвал её в Белом море. Все, конечно, погибли. При встрече с Керенским, среди многих вопросов, я задал ему и этот: «С какой целью распоряжением Временного правительства были выпущены из тюрем и больниц уголовники и сумасшедшие?» Александр Фёдорович, как обычно, прикрылся философским рассуждением о свободе для всех. Известие о

гибели Бориса мы получили уже в Ялте. И я в тот момент пожалел, что так мало с ним общался. Он был настоящий юный джентльмен, очень элегантный, умный, милый.

Мне кажется, что с Апраксиными и Мальцовыми мы единственный раз собирались вместе: в 1915-м военном году ездили на Пасху в Александровский дворец к детям императора Николая II. Государя в тот приезд не было, вероятно, находился в штабе (ставке) верховного главнокомандующего. Обычно нас подводили к нему, и мы просто кланялись. Старшие дочери встречали гостей в формах медсестёр: во время войны княжны вместе с матерью окончили курсы сестёр милосердия и работали в госпитале Царского села, ассистируя при операциях. Императрица Александра Фёдоровна, всегда обаятельная, добрая, по очереди обнимала, целовала нас, гладила по головам. Она была красивая, но её сестра Елисавета Фёдоровна считалась необыкновенной красавицей, от неё, как утверждали взрослые, все мужчины были без ума. Я же больше всех из царской семьи любил Марию, какую-то особенно ласковую и внимательную. Младшие дети, как и мы, одевались преимущественно в матроски, говорили все исключительно по-русски, Александра Фёдоровна – с едва заметным приятным акцентом. Моя мать иногда вела с ней беседу на английском, её язык был идеальным, в отличие от отца, больше любившего французский. Мама чаще общалась и дружила с матерью государя Марией Фёдоровной, более открытой в отличие от своей невестки. Но самой настоящей подругой мамы всегда была сестра Николая II Ольга Александровна. Пока взрослые разговаривали, дети пили чай, горячий шоколад и какао, к которым подавали яблочный торт. Потом мы немного играли, что не было столь уж интересным. Те же игрушки, что и у нас дома, меня мало привлекали. Помню, что электрическая железная дорога у царевича Алексея имела лишь другие названия станций, у него точно не было моей любимой, именованной «Дно». В ожидании главного события все, по-возможности, степенно прогуливались, разговаривая кто о чём. Событие, ради которого мы собрались, было следующее: накануне праздника императрица прятала между подушками, в складках мягкой мебели маленькие изделия Фаберже, крошечные золотые яйца, разные сувениры. А потом приглашённые дети развлекались, разыскивая эти предметы. Мне тогда досталась одна или две вещицы, не помню. В пять лет это не так важно, зато происходило всё весело и шумно. Так, по моим понятиям, и должно быть в доме: весело и шумно.

А на Таврической всё казалось скучным, даже бегать стало неинтересно. Это, по-моему, то, чем я в основном и занимался от избытка энергии, хотя игрушек у нас было очень много. Больше всего я любил свою электрическую железную дорогу и изготовленных в Германии ещё до войны несколько сот раскрашенных оловянных солдатиков в формах французской, немецкой, австро-венгерской армий, Семёновского, Преображенского полков, лейб-гусаров. Игрушки, даже любимые, тоже надоедают. Тогда я придумывал что-нибудь необычное: один раз выкидывал из окна гулявшим на улице детям мелкие серебряные вещи, какие-то стаканчики, то ли желая их порадовать, то ли привлечь внимание к себе. Однажды Гофочка даже сказала: «Хорошо, что ты болен, Алексей, теперь ты такой милый». Но я никогда не обижался. Она нас, как правило, сама не только учила наукам, но и лечила, хорошо разбираясь в гомеопатии. Сейчас мне кажется, что уж слишком часто мисс Гофф говорила: «Подойди ко мне, Алексей, ты перевозбудился, я дам тебе валерианки». В доме на Таврической, кроме мисс Гофф, жила горничная моей матери, Лина Ивановна Тауберг, которую мы звали Линчик, – добрая, домашняя, говорившая с милым акцентом. Незаконная дочь немецкого барона и эстонки, она воспитывалась в детском доме и считала, что с нами обрела семью. А ещё были горничные Дуня Зуйкова с Пашей и бывший денщик отца, Терентий Журавлёв. Слава Богу, мы вскоре покинули этот особняк, уехали вместе в Ялту. Отец предлагал всем четверым остаться в Петербурге, так же как позднее – вернуться из Крыма обратно, но никто не согласился. Им, конечно, хорошо платили, прекрасно относились, но, главное, мы все чувствовали себя родными. С нашей семьёй они прошли Константинополь и Болгарию, откуда Дуня вернулась в воронежское имение Анна, принадлежавшее моему деду, маминуму отцу, а Паша осталась в Софии. Мисс Гофф, Лина Ивановна и Терентий продолжили путь изгнанников до Бельгии, где все похоронены в общем склепе на кладбище Коммуны Юккль. Гофочка умерла в 1932 году. Царство ей Небесное! Святая женщина. А Лина Ивановна скончалась через несколько месяцев после маминой смерти, в 1941. Говорила: «Княгиня меня просит к себе. Я скучно. Я нужен княгиня». Ей было почти девяносто лет, а маме – всего шестьдесят.

До отъезда в Крым каждое лето мы обычно выезжали из Петербурга в одно из имений. Одно лето мы провели в имении папиного отца.

«ТЕРНЫ»

Всего одно лето мы провели в имении папиного отца.

В 1916 году мы поехали к деду, Борису Сергеевичу Щербатову. Он, бывший участник военных действий на Кавказе и в Польше, был предводителем дворянства и жил в слободе Терны, что в Харьковской губернии, около Сум. Замечательное, огромное степное имение, красивейшая часть Украины. Впечатление: всё цветущее, благоухающее, богатое. Дом был очень большой и довольно красивой постройки конца 18-го века. Интересно было внутри. Отец деда собрал портреты всех украинских гетманов, начиная с Богдана и Юрия Хмельницких, заканчивалась галерея Муравьевым-Апостолом и Кириллом Разумовским. В другой комнате были две огромные картины Фрагонара. Дед тогда провёл детей по комнатам, словно по музею, с гордостью показывая любимые произведения искусства, оружие, военные доспехи. И либо всё сгорело вместе с домом в 1919 году, или было украдено, этого уже не узнать. Украшением имения был удивительной красоты парк, устроенный графиней Анастасией Васильевной Гендриковой, родной племянницей Екатерины I. Императрица была весьма умная и красивая женщина, хотя своеобразная. Что и неудивительно: совсем нелегко было жить с Петром Великим – полугением, полусумасшедшим и известным любителем выпить. Императрица умела ценить родственные связи. Титул, пожалованный ею ко дню свадьбы жениху своей сестры, Гендрикову, звучал внушительно: граф Священно-Римской и Русской империй. Их внучка Елизавета Михайловна вышла замуж за Александра Петровича Щербатова, моего прапрадеда, командира Нижегородского полка, сражавшегося на Кавказе. Род Гендриковых, к сожалению, закончился. А парк остался. Я каждый день гулял по нему, и мне хотелось, чтобы это длилось бесконечно, была здесь какая-то колдовская сила. И ещё в имении мне нравился заведующий Макар, необычайно умный и милый человек.

Поддерживая мой интерес к огородничеству, Макар водил меня по оранжереям, огромным полям свёклы, урожай с которых перерабатывался на двух сахарных заводах. Это богатое имение приносило большой доход, даже крестьяне были довольно состоятельными, при этом доброжелательными, улыбающимися. Мне там было удивительно хорошо. В 1917 году дед, помню, приглашал нас приехать из Петрограда в Терны вместо Ялты: «Остановитесь у нас, будет всё спокойно». Было. Но недолго: через два года после начала революции дом его сожгли. К счастью, дедушка остался жив, он был предупреждён своими крестьянами о приближающихся волнениях, поэтому уехал на Кавказ незадолго до этих событий. Хорошо, что отец в этот последний приезд взял из семейного альбома несколько фотографий своей матери Анны Николаевны Бутурлиной. Она потомок древнейшего русского боярского рода. Во всех редакциях и списках родословных книг XVI–XVII вв. имеется глава, включающая роспись Бутурлиных, объединённую с другими потомками легендарного Радши и его правнука Гаврилы Алексича – витязя Александра Невского. Интерес к родословным изысканиям не был чужд и предкам Анны Николаевны. В числе древнейших русских генеалогических памятников можно считать список «Память» и Письмо о старшинстве московских великокняжеских бояр, составленные иноком Троице-Сергиева монастыря Геннадием, в миру – Григорием Ивановичем Бутурлиным, в первой половине XV века. Разделившаяся ветвь Бутурлиных, особенно в годы опричнины, на московских и новгородских владельцев знаменитого своими иконописцами села Палех, объединилась в составе московского дворянства в XVII веке. Начиная с этого периода Бутурлины вновь выдвинулись на политическую арену, начали получать думные чины и дворянские титулы. Представители графской ветви Бутурлиных постоянно проживали в Италии. Бабушка Анна Николаевна скончалась в Тернах в 1906 году.

Удивительным образом я получил известие из этого имения в 1995 году. Письмо подписано господином Корнеевым А. И., председателем Недригайловского районного Совета народных депутатов. В нём описание имения Терны, вернее того, что от него осталось. Трогательная выдержка из оригинала документа с инвентарным номером: «Семейное имение князя Щербатова Терны не сохранилось. Сахарный завод работает. Рабочих – триста семьдесят пять человек. Из строений существуют: контора завода, прачечная (возле пруда), механическая мастерская. Сохранился винный погреб с помещением для музыкантов – сейчас здесь ресторан “Терн”. В хорошем состоянии двухэтажное здание – там сейчас восьмилетняя школа, а рядом с ним – второе двухэтажное здание, к которому, без нарушения архитектуры, пристроено новое здание, теперь это Дом культуры на че-

тыреста пятьдесят мест. Сохранились конюшни. Имеется парк, деревья которого уже вековые, но до сих пор виден хороший вкус создателя парка».

Это был первый контакт с бывшей родиной. Получив справку, я почувствовал себя заинтригованным, вдохновлённым, готовым к поездке в Сумскую область. Постарался увлечь этой идеей мою двоюродную сестру Гали из Техаса, урождённую Щербатову, дочь дяди Миши, с её помощью удалось уговорить Кирилла Щербатова из Ниццы, сына моего двоюродного брата и его мать, француженку. В последнюю минуту сам я из-за болезни жены поехать не смог, решил перенести встречу с прошлым на следующий год. Ну а родственники мои в 1998 году в «Тернах» побывали. И чуть позднее я получил копию статьи из газеты «Сумська Старовина», опубликованную в 1999 году.

«...Когда Екатерина I решила сделать небольшой подарок мужу своей сестры Анны Алексеевны Скавронской – Симону Гендрику (Гендрикову), – Терны были слободой, однако знаменитой тем, что эти места посещали венценосцы: Пётр I, заложивший новую церковь после Полтавской битвы, императрица Елизавета Петровна, исполнившая роль свахи в замужестве дочери Гендриковых, Марфы, и закрепившая за ней в потомственное пользование имение “Терны”. Когда вторая дочь Марфы, Елизавета – внучатая племянница Екатерины, вышла замуж за князя Щербатова, имение поделили между дочерьми. И надо сказать, делить было что: в 1750 году в “Тернах” было восемьсот тридцать дворов и около пяти тысяч человек, обширные пахотные земли и сенокосы, тринадцать мельниц и девять хуторов. Так с 1777 года князья Щербатовы были тесно связаны с Сумской землёй. Потомки Александра Петровича и Елизаветы Михайловны оказались не только блестящими придворными, военными, государственными служащими, но и рачительными хозяевами. Хозяйство Щербатовых считалось в Харьковской губернии одним из образцовых. В нём применялись передовые методы земледелия, разводили породистых лошадей и крупный рогатый скот. Недалеко от имения, в живописном месте возле минерального источника была построена лечебница и пансионат для страдающих кожными заболеваниями, туда приезжали лечиться даже из Европы.

Последними владельцами имения были князь Борис Сергеевич и княгиня Анна Николаевна, урождённая Бутурлина. Блестящая пара: он – полковник гвардии в отставке, воевавший против горцев на Кавказе и польских мятежников, предводитель дворянства Харьковской губернии, княгиня Анна (её мать тоже Щербатова) была высокообразованной женщиной, тонким ценителем живописи. Её перу принадлежит работа “Материалы для справочной книги по русским портретам”... Летом 1998 года в Сумы приехала делегация князей Щербатовых. Возглавляла её княгиня Гали Михайловна – дочь одного из сыновей последнего владельца Тернов. Когда мы подъезжали к посёлку, в машине повисла какая-то необъяснимая напряжённость. Щербатовы ехали в качестве иностранных туристов к себе домой. Ситуация абсурдна. Возвращались потомки людей, которые сделали для жителей этого посёлка гораздо больше, чем было сделано за все последние десятилетия. Эта встреча для всего посёлка стала настоящим праздником. Наверное, добрая треть жителей собралась для торжественной встречи. Помнят, помнят прежних подлинных хозяев некогда преуспевающего села и не забывают о том, сколько они сделали для Тернов. ...Не забывают о том, что именно на средства этой семьи был построен сахарный завод, который до недавнего времени давал возможность зарабатывать до пятистам жителям. А вот следов полувековой ненависти пролетариата к “угнетателям” заметить не удалось. Вместо этого наблюдалось очень заинтересованное отношение жителей посёлка к “нашим” князьям. За прошедшие годы исчезли мелкие недоразумения, оставив в памяти только твёрдое убеждение: это были настоящие хозяева и глубоко порядочные люди. По воспоминаниям Щербатовых, в главном доме было около ста комнат. Там хранились коллекции живописи, старинного оружия, посуды, мебели. В обширной библиотеке было немало редких изданий. В 1919 году огромный дом был разграблен и сожжён. Теперь с трудом можно установить даже место, где он находился. ...Та же судьба постигла и здание лечебницы и пансионата. ...Поэтому не стоит удивляться диалогу, который состоялся у гостей с делегацией наиболее активных терновчанок:

- Возвращайтесь, это же ваш настоящий дом.
- Как же мы можем вернуться, да у нас и денег-то теперь нет.
- Ничего, мы работать будем...

Интересно, что сказали бы основоположники теории классовой борьбы, услышав эти слова».

Какая тёплая статья. Не знаю, что сказали бы «основоположники», но думаю, что наш с Гали дедушка, Борис Сергеевич Щербатов, был бы доволен. Такие вот вести из прошлого...

«МАРЬИНО»

Вести из прошлого...

Перед возвращением из Тернов в Петербург мы решили остановиться в «Марьино», имении Барятинских в Курской губернии. Три села, благодатные поля принадлежали некогда гетману Ивану Мазепе. Одно из сёл – Ивановское, позднее переименовано в «Марьино» в честь Марии (фон Келлер) – любимой жены основателя имения, Ивана Ивановича. Молодая графиня фон Келлер, дочь прусского посла в Петербурге, графа Дорофея-Людвига фон Келлер и графини Сайн-Витгенштейн, была подругой детских лет императрицы Александры, жены Николая I; а его мать приходилась крёстной Марии, как и многим детям придворных особ, что являлось своеобразной традицией того времени. Барятинский и Келлер встретились при царском дворе, и вдовец Иван Иванович вскоре увёз графиню в её имение «Марьино». Село перешло к Барятинским вместе с его хозяйкой и было закреплено за ними с учётом заслуг Барятинского перед Отечеством после предательства Мазепы и правительственной конфискации.

В Марьино запомнился восхитительный особняк, настоящий дворец. Внутри дома – огромные залы с античными скульптурами, редкой мебелью, словом, готовый музей. Спустя некоторое время после революции это имение действительно превратили в санаторий-музей. Часть мебели и ценности были разграблены, остальное – двадцать один вагон с произведениями искусств, книгами и драгоценностями – отправили в московский фонд.

Однажды, в 1945 году, в Баварии меня, в качестве знатока русского искусства, пригласил к себе американский военный и показал статуэтку императора Петра III, выполненную из слоновой кости. Я быстро нашёл надпись на обратной стороне: «В подарок моей племяннице Барятинской». Эта племянница – прабабушка моего деда, урождённая принцесса Гольштейн-Бек, была замужем за отцом Ивана Ивановича Барятинского. Милая вещица напомнила мне Марьино, и я спросил владельца:

– Как она к вам попала?

– Я приобрёл её в Германии. А вы знаете эту семью?

– Да. Это моя родственница. Дальняя, конечно...

После этого разговора американец явно избегал меня. Видимо, немцы, побывавшие в имении в начале войны, тоже вывезли какие-то вещи. Благо, что не уничтожили дом со всем содержимым. Причиной тому, вероятно, было наличие большого количества произведений искусства из Германии, вызвавших определённое благоговение.

Впрочем, всё это уже не важно. Интересно другое. В 2001 году я путешествовал по Греции, посетил Афон, где неожиданно встретился с паломниками из города Льгова Курской области. Это рядом с нашим имением. Вскоре получил письмо от Михаила Лагутича, врача из санатория «Марьино», замечательного исследователя-историка. Завязалась деловая переписка: вопросы-ответы. Наконец – приглашение приехать. Надо сказать, я испытал большое искушение посетить места детских воспоминаний, могилы предков... Однако выяснилось, что могил как таковых нет, склепы разорены, кости из фамильной усыпальницы сожжены. Недавно получил копию статьи замечательного журналиста Феликса Медведева «Смерть после смерти», которую дочитывал почти сквозь слёзы: так живо описано бессмысленное уничтожение захоронений Барятинских в «Марьино»: «К 1937 году, к моменту приезда на отдых в “Марьино” – в то время санаторий ВЦИКа – всесоюзного старосты Калинина, на вечном упокоении в усыпальнице под церковью находилось девятнадцать каменных гробов в нишах, богато убранных. Партия боролась с Богом, и церковь посещали мало... Получив разрешение Калинина снести верхний этаж церкви и использовать кирпичи для постройки школы... вдохновлённые селяне снесли и второй этаж храма и пять его престолов... Когда встал вопрос, что делать с захоронением Барятинских, местный партиец бросил слова: “А что с ним делать, сжечь его, да и вся недолга”. И работа закипела. Выбрав самых сильных мужиков, кувалдами и молотками красные атеисты вдарили по гробницам. Разлетались вокруг осколки мрамора, прочные лепнины, кирпичная кладка. Начали с князя и княгини. Когда сняли крышки гробов, перед святотатцами предстала сказочная картина – лежали, как живые, мужчина и женщина в сохранившихся одеяниях, нарядах и украшениях. На князе, победителе Кавказа, выдающемся русском полководце, был золочёный мундир с эполетами, царские награды. На княгине сохранились платье и обувь... На вопрос Ф. Медведева: “А где же захоронили останки?” – последовал ответ внучки одного из вскрывателей: “Захоронили? Ну что вы. Они были сожжены на колхозном дворе”. Склеп превратили в котельную и склад угля... Из всего могильника сохранились лишь два массивных надгробья, которые валялись во дворе школы, пока в 1990 году при поддержке директора санатория “Марьино” Бориса Воровича, патриота и великого подвижника, их не установили на Овальном острове пруда...» Печальная история.

Особенно обидно за генерал-фельдмаршала Александра Ивановича Барятинского, одного из четырёх сыновей Ивана Ивановича и Марии фон Келлер. Это был фантастический человек, талантливый военный, он многие годы защищал Кавказ и пленил в труднодоступных горах Гуниб-Дага известного имама Шамиля, предводителя горцев в борьбе с Россией, с которым позднее состоял в дружеской переписке. Сдавшись фельдмаршалу, Шамиль присягнул на верность русскому царю Александру II, при этом завещал единоверцам-мусульманам не воевать с Россией.

Герой Кавказских войн, уйдя в отставку, провёл большую часть жизни вдали от родины. Сначала, женившись на Давыдовой, он отправился с ней в Польшу, затем в Женеву, где Александр Иванович умер от ран, причинявших такие нестерпимые боли, что приходилось прибегать к морфию. Лечение не приносило особого успеха. Собственно, болезнь была одной из причин его отъезда в Европу. По той же причине он, старший в роду, передал свой майорат (полностью передаваемое, неделимое наследство) на имение «Марьино» второму брату, Владимиру Ивановичу Барятинскому, отцу моей самой близкой тётки, Марии Владимировны. Прах фельдмаршала согласно его завещанию был перевезён из Европы в «Марьино» – имение родителей. В Женеве, между прочим, в русской церкви – месте первоначального упокоения Александра Ивановича – сохранилось надгробие с фельдмаршальским жезлом над пустой гробницей. Там сохранилось... Стоило ли возвращать тело Барятинского, чтобы он умер после смерти?

Жаль, что нескольким поколениям русских людей преподносилась искажённая, подтасованная история России... Возможно, многого варварства россияне бы избежали, зная фактическое положение дел. Надо сказать, что за воспоминания я взялся с одним желанием: хотя бы отчасти восстановить историческую правду. Надеюсь быть услышанным.

Справка о семье Барятинских, в частности об Александре Ивановиче, напечатанная в Русском Биографическом словаре, изданном в Санкт-Петербурге в 1900 году, даёт подробное описание заслуг перед родиной и наград фельдмаршала, его побед на Кавказе, о покорении горских племён, встретивших назначение сорокалетнего князя Барятинского в качестве кавказского наместника «редким ликованием. Кавказ от мала до велика, от рядового до генерала, был счастлив и гордился тем, что новый начальник СВОЙ человек, крещённый кавказским огнём, дважды пронзённый горской пулей и знающий страну и её население вдоль и поперёк. Эта общая радость ярко выражалась в статьях газеты «Кавказ». Нововведения его были широкомасштабны: от постройки Военно-Грузинской дороги до забот о возрождении вытесненного мусульманами христианства, экономических и политических преобразований». Замечательные рекомендации князя Барятинского позволяли многие годы сохранять мир на Кавказе, соблюдая взаимные интересы: «Помимо своей политической и исторической роли, Кавказ ещё и источник средств в государственную казну, для чего надлежит только поднять его культуру и вести здесь разумное гражданское управление, которое, не обезличивая местные народности, связало бы их неразрывными узами с Россией».

С надеждой на урегулирование сегодняшних разногласий в чеченском вопросе, я в 2001 году передал вывезенную из Рима переписку имама Шамиля и фельдмаршала Барятинского – президенту России Владимиру Владимировичу Путину. Я учитываю, конечно, тот факт, что Шамиль, человек благородный и образованный, не чета сегодняшним лидерам Чечни, людям другой формации, без принципов и духовной культуры. Порой именно личные качества лидеров решают исход борьбы. Наместник Кавказа, мужество которого стало почти легендой, несомненно, был настоящей личностью, если ему удалось вызвать уважение и симпатию такого серьёзного противника. Мне, знавшему фельдмаршала лишь по рассказам родственников, было приятно найти всё в том же биографическом словаре близкое к знакомому образу описание характера князя Александра Ивановича. Одной из главных черт которого было – упорство в достижении цели. «По свойству своего характера князь Барятинский считал однажды задуманное подлежащим возможно быстрому и решительному исполнению, причём препятствия падали сами собой. Умея верно рассчитать шансы успеха, наместник действовал решительно и безошибочно». Ничего удивительного, если знать, как формировался с самых юных лет характер князя. Отец его, Иван Иванович, разработал целую инструкцию по воспитанию своего старшего сына.

До пяти лет мальчику следовало оставаться под женским присмотром. После этого возраста он переходил на попечение гувернёров, занимавшихся его физическим развитием, неизменными атрибутами которого были холодный душ, гимнастические упражнения, езда на неоседланных лошадях. Пять лет, с семи до двенадцати, отводилось на изучение русского, славянского, латинского и греческого языков, при этом особое внимание уделялось родному слову, а также рисованию и арифметике. После двенадцати лет шло целенаправленное изучение механики, прикладной математики и столярного дела – всё, чтобы пробудить у молодого человека интерес к занятиям земледелием, что и было основной целью родителей. Развитию памяти способствовало запоминание поэтических

произведений, выработке красноречия – произнесение вслух сочинённых самим учеником речей. На путешествия отводилось шесть лет: четыре года – по европейской, два – по азиатской России. По окончании путешествий юноша должен был поступить на службу в министерство внутренних дел или финансов, но не в военную, придворную или дипломатическую службы. Увы, мечте родителей не суждено было сбыться, поскольку молодой князь выразил твёрдое намерение стать военным. Согласно же инструкции родителей ему полагалось на старости лет, по выходу в отставку с министерского поста, осесть в деревне, чтобы «позаботиться о просвещении и благополучии своих крестьян». По такой или близкой к этой схеме проходило тогдашнее воспитание детей в этой семье.

Кстати, «для участия в захоронении фельдмаршала в фамильном склепе приехал наследник русского престола цесаревич Александр Александрович, а с Кавказа явились депутации от горцев и кабардинского полка...» Теперь вот выяснил, что потом... Потом явились всероссийский староста Калинин со товарищи и распорядились очистить помещение... Ну, как говорится, Бог простит.

Кстати, мало кому известно, что мне приходилось слышать, что история «Марьино» как санатория началась ещё в 1920 году. Тогда раненого Ленина после неудачного покушения на него Фанни Каплан, по совету личного врача, доктора Елизарова, привезли в наше имение для лечения. Вождь революции оказался человеком не брезгливым и несколько месяцев усиленно питался овощами и фруктами, которые круглый год выращивались в оранжереях поместья Барятинских.

Что ж, вернусь к своей истории.

В том же 1916 году мы провели часть лета в имении «Анна».

«АННА»

В 1916 году мы провели часть лета в имении «Анна». Это имение принадлежало дедушке, – Владимиру Анатольевичу Барятинскому, женатому на Надежде Александровне, урождённой графине Стенбок-Фермор. Стенбок-Фермор – знаменитая шведская семья, постепенно обрусевшая с переходом Прибалтики к России. Бабушка – самая богатая представительница этой фамилии, прапраправнучка владельца металлургических заводов Урала Саввы Яковлева. В честь неё ряд предприятий на Урале названы Надеждинскими. К моменту нашего приезда дедушка уже умер, бабушке было одиноко, и она решила сменить обстановку, собралась уезжать в Ялту, в тепло. Мы заехали попрощаться.

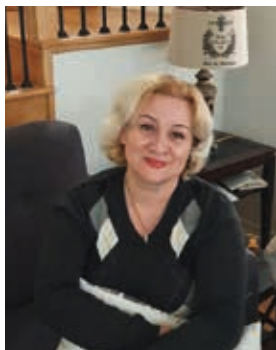
Имение «Анна» находилось в Воронежской губернии, примерно в двухстах километрах от Курска, но значительно отличалось от «Марьино»: дикая степь, огромные птицы дрофы, степные удавы. Как всё необычно! Дом был большой, с двумя флигелями по бокам, в одном из которых мы жили. Вспоминаю, как я боялся ходить по галерее, соединявшей боковой флигель с основным зданием, где располагалась столовая. Вдоль стен длинной галереи стояли чучела животных очень хорошей работы. В первую минуту мне показалось, что они настоящие и все смотрят на меня. Я, готовый бежать обратно, выдернул руку из Гофочкиной, но она спокойно и мудро напомнила: «Ты уже взрослый, Алексей, и очень храбрый, ты не побоишься пройти». После таких слов я всё-таки прошёл почти с достоинством, полувзакрыв глаза и прижимаясь поближе к ней. Потом уже ходил уверенно. По-настоящему мне не повезло в общении с другим обитателем «Анны». Я любил захаивать в курятник или в соседнее помещение, где жили козы. Один козёл по кличке Казимир мне особенно нравился. Все говорили, что он злой, и мне захотелось его приручить. Набравшись смелости, я подошёл к нему, чтобы погладить, ласково нашёптывая: «Казимир, Казимир». Он без особой симпатии посмотрел на меня и отпихнул головой с такой силой, что я упал. Поднявшись, я начал приводить себя в порядок со словами: «Какое безобразие», за что козёл боднул меня снова, свалив с ног. К счастью, серьёзных последствий моего визита к Казимиру не было. Тогда я пожалел, что не надел свою военную форму. Потом часто проходил в ней мимо Казимира, компенсируя своё унижение. В этой форме на фоне флигеля меня сфотографировал специально приглашённый фотограф, чтобы послать снимок отцу на фронт.

Помню ещё, что в Воронежской губернии было невероятное количество птиц, и мы часто ездили на охоту на так называемых линейках – длинных телегах, запряжённых двумя-тремя лошадьми, с сиденьями вдоль бортов. С телег было удобно наблюдать, как охотились взрослые мужчины – мой дядя, отец, приехавший с фронта, брат Кирилл и соседи. Мои братья иногда вдвоём за несколько часов приносили двадцать-тридцать уток или перепёлок. Дроф вскоре запретили убивать. Сейчас они, по-моему, вообще исчезли.

Я любил там кататься на пони или на маленьком ослике, мечтая скорее оседлать настоящего коня. Немного завидовал старшим братьям, замечательным наездникам, особенно Владимиру, который был старше меня на шесть лет. Пробыли мы там несколько недель, проводили бабушку в Крым и вернулись в Петроград с обещанием вскоре присоединиться к ней в Ялте.

Русский мир без границ

Берега Канады

Эвелина Азаева

Эвелина Азаева – журналист. Родилась в 1970 году в Алма-Ате, окончила журфак КазГУ. С 1991 года жила в Новосибирске. Работала собкором «Комсомольской правды» в Сибири. Является лауреатом премии КП «Лучший дебют», номинировалась на звание лучшего собкора. С 1998 года живёт в Канаде. 14 лет издавала газету «Комсомольская правда в Канаде». Является корреспондентом КП в этой стране. С 2018 года издаёт газету на английском языке. Автор двух сборников рассказов, вышедших в Канаде, – «А хочешь в Канаду?» и «Полное накрытие». Печаталась в журналах: «Нева», «Дружба народов» и др. Дипломант 1-й степени литературного конкурса «Мзинские мосты» (Санкт-Петербург, 2021). Член Новосибирского отделения Союза писателей России.

Как апостолы

Рассказ

Полиция пришла утром. Причём не просто полиция, а Королевская Конная полиция – что-то вроде канадской ФБР. Не на конях, правда, прискакали, а на машине приехали. Евдокия, которая только проснулась и ещё ходила по дому в накинутом на ночнушку халате, непричёсанная и ненакрашенная, была смущена. Настолько, что даже не испугалась. «И не прибрано», – с отчаяньем подумала, по русскому обычаю пригласив вот этих, которые сунули свои удостоверения ей в глаза, в дом.

Это были мужчина и женщина. Они вошли, беспокойно озираясь, как будто это была штаб-квартира Кремля и из-за угла на них могли наброситься псковские десантники или медведи в ушанках со звездой.

– Кто ещё в доме? – спросила женщина.

– Трое детей, собака и кошка. Их позвать? – простодушно спросила Евдокия, думая в этот момент о другом: на столе у неё лежала куча фотографий с форума эмигрантов в Москве. Кто знает, как «пришельцы» это воспримут? Она там с Лавровым на одном фото. Притулилась к нему, и улыбка до ушей.

Мысли метались. Ведь если по-человечески рассуждать: ну и что, что с Лавровым? Посещать форумы эмигрантов в Канаде не запрещается. Свобода передвижения, и всё такое прочее... Если туда пришла знаменитость, отчего с ней не сфотографироваться? Но это по нашей логике, а кто знает, какая логика у Канадской Конной?

Гости попросили запереть собаку в туалете, уселись на диван и задали первый вопрос:

– Расскажите нам, пожалуйста, про форум в Москве. Какие у него были цели, кто приехал туда, что вы там делали?

Евдокия читала, что в некоторых тюрьмах мира демократические их устроители допрашивают арестантов голыми. Такая форма воздействия. Голый человек не настроен к сопротивлению. Он всё время испытывает стыд и думает только о том, как ему прикрыть срамные места. К тому же как-то глупо быть голым партизаном или голым героем. Смешно как-то. Вот и Евдокия, в ночнушке, с растрепавшимися за ночь волосами, с помятым лицом сорокалетней женщины, чувствовала себя как голый арестант. Запах дорогих духов от полицейской-женщины только усугублял комплексы. Потому Дуся сконфуженно ответила:

– Да ничего особо не делали. Катались на катере по Москве-реке, пили шампанское, ели блины с икрой. В России, знаете ли, такое гостеприимство...

– Цели форума...

– Россия готовится к выборам. Собрали руководителей эмигрантских общественных организаций, чтобы те оповестили народ о выборах и подтолкнули граждан России, проживающих за рубежом, к участию.

Евдокия не могла понять интереса к этому событию. Россия с недавних пор стала пытаться объединить соотечественников за рубежом. Тратила на это большие деньги. Но получалось не ахти. Потому что приглашали кого попало. Эмигрантов, от которых ничего не зависело. Нет бы приглашать руководителей, хорошо настроенных к России СМИ – те бы потом могли хоть к чему-то призвать эмигрантов или пиарить русскую культуру в своих газетах и программах. Или бы московские чиновники выяснили, кто действительно является активистом в русских общинах, кто проводит парады Бессмертного полка, ведёт за собой массы. Нет, приглашают чьих-то родственников, знакомых, которые пьют, едят задарма, живут в роскошных гостиницах на российские деньги, а потом возвращаются за границу, и никакого выхлопа от них нет. Так это ещё хорошо, если нет выхлопа. А то Дуся как-то слышала за спиной от двух делегатов-эмигрантов, как они переговаривались меж собой: «И когда они уже Путина скинут?» Имелось в виду, россияне.

Потом эти два товарища сняли телепередачу по итогам форума. Показали её по ТВ в своей жаркой стране. Один из них, пожилой и морщинистый как шарпей, сидел в расстёгнутой чуть ли не до пупа рубахе, из которой торчали седыми пучками длинные кудрявые волосы, и, важно роняя слова, критиковал российских журналистов за плохой русский язык. Дескать, очень его поразило в России, какие непрофессиональные там журналисты. При этом он постоянно употреблял лагерные слова – «нагнули», «прогнулся», «подставился».

Но не говорить же Канадской Конной, что все эти мероприятия, при том что цели у них мирные и чуждые, превращаются в пиры для эмигрантов за счёт российских налогоплательщиков. Евдокия была не из тех, кто критикует Родину перед иностранцами.

– Какие суммы ваша организация переводит в Россию и для чего? – было следующим вопросом.

Дуся поразилась. Никаких денег возглавляемая ею организация «Союз русских эмигрантов Канады» в Россию не переводила. И не получала оттуда ничего. Всевозможные российские фонды только обещали деньги, но ничего не давали. Так что у них в «Союзе» все работало на голом энтузиазме.

А что делали? Проводили митинги за Донбасс и против того, чтобы Канада давала Украине, воюющей против собственного народа, деньги. Писали письма на английском языке канадским депутатам в разгар боевых действий на Донбассе, рассказывая, как на самом деле там обстоят дела, и призывая повлиять на власть, чтобы она не поддерживала режим Порошенко. Писали комментарии к статьям в канадских англоязычных газетах, просвещая канадцев на ту же тему. Собирали деньги и вещи для детдомов и больниц Донбасса. Для ополченцев не собирали, так как хоть они и не признаны официально Канадой террористами, но всё же в «органах» могут счесть, что русские эмигранты спонсируют «незаконные вооружённые формирования». Потому деньги посылали исключительно в больницы Донецка и Луганска. А что там купит на них главврач – инсулин или берцы, эмигранты за то не в ответе.

Хотя украинская община в это время в открытую собирала деньги на АТО. Но то украинская – любимая канадским правительством за свою избирательскую многочисленность. Она имеет влияние на выборы в стране, так как украинцев тех больше мильона, а русских, наверное, полмиллиона, и на них пока канадские политики на выборах не оглядываются. Но не только многочисленность украинцев имеет значение. За век жизни в Канаде они проникли во все структуры – армию, правительство, банки. И шуруют там на своё благо. Даже заместитель премьер-министра страны украинка. Внучка редактора нацистской газеты.

Полицейские сидели и вопросительно смотрели на Дусю. И её взяла злость. В Канаде вообще-то не принято приходить без уведомления. К ним самим, когда они не умывались ещё, никто не вваливается. В стране действует Украинский конгресс, Еврейский конгресс и ещё целая куча этнических организаций, и что, ко всем сегодня пришли узнать, кто, куда и зачем ездил?

– А знаете, что? Давайте мы поступим иначе, – предложила Дуся. – Вы пришлёте мне официальное приглашение на допрос, предоставите социального адвоката, а также переводчика, а я приду к вам на допрос со своим адвокатом.

– Но почему? Почему вы не хотите отвечать у вас дома? – заговорили враз оба посетителя. – И зачем вам переводчик? Вы прекрасно говорите по-английски.

– Мой дом не предназначен для допросов, – пояснила Евдокия. – А переводчик мне нужен для того, чтобы у нас с вами не вышло недопонимания. У нас настолько разная ментальность, что я говорю одно, а вы можете понять совершенно иначе...

Она подошла к двери и приоткрыла её, сделав приглашающий выйти жест.

– Хорошо, – ответили. – Мы пришлём официальное приглашение.

Дуся проследила через жалюзи, что они уехали, и вдруг её стало трясти. Испуг пришёл только сейчас. У неё трое детей, она с таким трудом получила в начале девяностых вид на жительство, они столько пережили всей семьёй в период адаптации, и вот нате. Она – враг народа. Или как ещё понимать этот визит? И ведь написала какая-то паскуда донос...

Доносы в общине начали писать в 2014–2015 годах. Дуся знала, кто, это было очевидно. Потому что до того, как писать, они звонили. Звонили в банковский офис, в котором она работала. Говорили, что финансовый консультант Евдокия Апухтина привечает у себя террористов. Прямо в офисе банка. Поит их чаем и куёт вместе с ними планы по убийству лидеров Северной Америки и устройству терактов на территории континента. Менеджер банка, господин Рэнстон, был в совершеннейшем обалдении от новости. Он, конечно, не поверил и посмеялся вместе с Дусей над этим звонком. Но ей было не смешно. В офис звонила журналистка, которую она лично знала. (Ну, как журналистка? Не настоящая, конечно, а – как многие в эмиграции – вдруг поверившая в свой литературный дар тётя-мотя. До эмиграции она отплясывала канкан в варьете Москвы, а теперь мучила радиослушателей грубым голосом и ещё более грубой манерой поведения. «Журналистка» была ярая замайданница и русофобка.)

Дуся была знакома с этой дамочкой. Конечно, дружеских отношений у неё, любящей Россию каждым своим нервным корешком, с такими людьми быть не могло. Но они здоровались при встрече и ни в каких баталиях не сталкивались. Было, что дамочка брала у Евдокии интервью по поводу организованного «Союзом русских эмигрантов Канады» Русского Бала. И вполне хорошо поговорили...

Дуся была поражена тогда, как много пошло доносов на русских активистов. В интернете размещались воззвания на русском и английском языках: «Обращаем внимание канадских правоохранительных органов на русские организации, которые стремятся подорвать благополучие нашего демократического государства. Агенты влияния... рука Кремля... несопоставимо с нашими канадскими ценностями... требуем немедленной депортации... А руководит всем этим...»

Подписей под доносами, разумеется, не было. Ставили что-то типа «Лига противодействия тоталитаризму в России». Тут же, в этих доносах, руководители русских организаций и наиболее видные их активисты обвинялись в национализме, шовинизме, антисемитизме и прочих «измах».

Но и евреям-«ватникам» тоже доставалось. Про Исаака Лернера, прошедшего несколько демонстраций против киевского режима, писали: «И он, будучи евреем, в Пурим плясал кадрили под лестницей российского посольства!»

Дуся не смогла сдержать смеха, когда прочитала это. Под лестницей в российском посольстве – туалеты. Было бы странно, если бы Лернер, проживающий в Торонто, приехал в Оттаву в Пурим, чтобы сплясать перед туалетами в российском посольстве. Но писаки-русофобы не гнушались ничем, потому что их целью не была правда. Целью было – подорвать репутацию активистов русской общины любым путём, отомстить «вате» со всех сторон. Если ты русский, пусть тебя сторонятся как шовиниста, если еврей, пусть от тебя бегут собратья как от отступника. Если ты финансовый консультант, пусть тебя вышвырнут из банка, а коли ты владелец магазина – оповестим о твоих выдуманных грехах как можно больше покупателей.

Дуся сходила наверх, на второй этаж, и с чувством удовлетворения убедилась, что дети спали. Каникулы. Сын и две дочери были подростками, заканчивали школу. Евдокия посмотрела на них, спящих, и подумала, что своей общественной деятельностью, возможно, вредит им. Кто знает, может быть, то, что их мать так любит Россию, снимается с Лавровым и размещает в соцсетях положительные посты о Путине, не даст детям занять государственные должности в Канаде или негласно лишит их права «быть избранными»? Никто из детей в канадские депутаты не стремился, но если вдруг начнёт стремиться, вероятно, «органы» вспомнят их мамашу – пионерку-партизанку.

Однажды Дуся сходила на собрание «Любителей истории СССР». Как ни странно, есть в Канаде такое общество. Сходила из любопытства, прихватив с собой мужа Анатолия. Толик в то время работал компьютерщиком в крупном канадском издательстве и был на хорошем счету. Ему обещали повышение. А вскоре после Дусино с супругом похода к любителям истории СССР, среди которых были какие-то нищие чернокожие старушки и полоумные белые троцкисты в чёрных фуражках а-ля Лейба Бронштейн, Анатолия уволили. Как принято в Канаде – без объявления войны. Подошли, попросили собрать манатки, проследили, чтобы собрал, и вывели чуть ли не под руки.

Конечно, может быть, эти события и не связаны меж собой... Но вспомнилось вдруг Дусе, что руководитель «Любителей истории», правнук революционерки-садистки, седой старикан, провожая её, тихо сказал по-английски: «Евдокия, не будь хорошей, будь осторожной».

По-русски он не говорил, а только по-английски и почему-то по-румынски.

Дуся всегда нравилась старикам, потому что и они ей нравились. Апухтина выросла на Кавказе и впитала с молоком матери уважение к старости. Где бы она ни была, первым делом заботилась о стариках. На Русских Баллах рассаживала их, а не политиков и спонсоров, на лучшие места. В первую очередь еда подавалась им. И она видела, как лучились глаза пенсионеров, на неё обращённые. Вот и этот увидел в ней искреннее к нему внимание и уважение (в конце концов, правнуки за прабабок не отвечают) и счёл нужным предупредить.

...Евдокия налила себе чай с жасмином – полюбила его, ещё когда работала официанткой в китайском ресторане, сразу после приезда в Канаду, и закурилась.

Полиция приходила уже ко всем активистам её организации. А спрашивается, почему? Нет, конечно, имеют право. Наверное, вот этим тотальным контролем и достигается безопасность государства, но ведь русские не делали ничего противоправного. Митинги проводили только с разрешения мэрии. Ходили мирно, никого не трогая. Слова на транспарантах были выверены по букве закона. Никаких призывов к экстремизму, исключительно просьбы и пацифистские лозунги: «Русская Канада против фашизма на Украине!», «Нет войне! Донбасс, мы с тобой», «Одесса, скорее гони Бандеру в шею!», «Канадские налогоплательщики против траты денег на войну на Украине!».

Однажды какой-то проходящий мимо канадский студент спросил: «Вы русские? Вы ненавидите украинцев?», и как же все к нему бросились уверять, что нет, мы, дескать, любим украинцев (при этом многие били себя в грудь и кричали: «Я сам из Киева», «а я из Харькова»), мы просто против фашизма и войны, а также против поддержки переворотов в других государствах. Доказывали, что Канада портит свой имидж миролюбивой страны, что в ней самой проблем масса, так не лучше ли ими заняться, чем бегать по планете с демократизатором?

– Мы любим Украину и украинцев, – божились русские эмигранты, и Дуся знала, что они не лгут.

Вся ненависть «ваты» к украинцам – бутафорская декорация. Как потёмкинские деревни. Она прикрывает собой поруганную любовь. Потому что русские всегда любили украинцев, и любят, и не перестанут любить. Можно обижаться на брата, можно поражаться его ослеплённой подлости, его неожиданной жестокости, но разлюбить того, кого ты купал в тазике, когда он был мал, невозможно. Он заносит меч над тобой, а ты видишь родные глаза, родные руки, и всё ваше общее чумазое, но счастливое детство проносится перед глазами. Ты отталкиваешь его, ты перехватываешь меч, ты вяжешь его, то ли пьяного, то ли одержимого, ты вызываешь бригаду психиатров, но, боже, как болит душа!.. Как болит душа и как горячи слёзы обиды, как хочется, чтобы всё прошло словно дурной сон...

Но сон не проходит, и ты кричишь: «Будь ты проклят... Ты всех нас предал... Ну что, сынку, помогли тебе твои ляхи?», а он, как Кай из сказки про Снежную королеву, не слышит тебя и не видит. Попавший в его глаз осколок кривого зеркала исказил твой образ. Ты говоришь «люблю», он слышит «ненавижу», ты пытаешься обнять, а он видит, как ты достаёшь из кармана заточку.

А всё тролли со своим зеркалом, будь они неладны...

И в Дусиной организации ребята часто кричат: «Не простим!», «Украины и украинцев для нас больше не существует». Но Дуся знает, что это ложь. Даже с чеченцами, которые русским по крови не братья, и по культуре не братья, и по вере не братья, примирились. А уж украинцев не просто простят, а снова сольются две славянские реки в одну и будут крепче, чем прежде. Но, конечно, Украинскую войну никто не забудет. Эту подлую, эту искусственно созданную войну. И памятники героям – вовсе не тем, которым «слава», – будут стоять по всей территории южного предела России, именуемого ныне окраиной.

Раздался телефонный звонок.

– К тебе приходили? – спросила Наталья, руководитель танцевального ансамбля «Павушки». – У меня только что были. Меня всю трясёт...

– Не дрейфь, мы ничего такого не делаем, – стала её утешать Евдокия. – Нам нечего бояться. Ты на вопросы отвечала?

И час они обсуждали, кто и что сказал, да как. Наталью спрашивали про то же самое – зачем ездила в Россию, с кем встречалась, видела ли лично Путина (этот вопрос её поразил в самое сердце, заодно насмешив) и шлёт ли туда деньги. Она тут же пожаловалась, что денег у неё и для себя нет, не то что для России, что в её ансамбле все «павушки» сами шьют себе русские наряды, скинулись на покупку аппаратуры, за концерты им никто не платит, и пляшут они просто для души, а работают кто

кем – кассиром, секретаршей, воспитателем и так далее. Наталья даже потребовала от полицейских поспособствовать в получении гранта. «А то всякие русофобы берут у Канады деньги на развитие русской культуры, а сами на эти гранты выпускают полные лжи газеты и отдыхают в Доминикане!»

– Короче, ты вставила стражам порядка пистон, – нервно хохотала Дуся.

– А чё? – храбрилась Наталья. – Пусть знают, как мы тут живём. Ишь ты, деньги мы в Россию посылаем! Какие такие деньги, когда в Канаде второй раз кризис? Я им всё сказала, цифры привела. Упрекнула безработицей в Альберте...

Дуся хохотала, но внутренне восхищалась. Бабоньки ей в организацию достались неопикуемой внутренней силы и красоты. Уехавшие в девяностые за границу славянки – кто замуж, кто просто подзаработать, да оставшиеся там (родили детей от местных жителей, и дверка в Россию захлопнулась), не будучи артистками, из любви к Родине и желания ей подсобить, в эмиграции вдруг запели народные песни, да заплясали, да пооткрывали театры и школы обучения русскому языку, и всё это делали на голом энтузиазме, по вечерам и выходным, днём работая во вполне земных организациях и уставая, так как не девочки уже...

В переломные для русской общины 2014–2015 годы они по ночам рисовали антивоенные плакаты – чтобы утром выйти с ними на демонстрацию, они шили стометровые Георгиевские ленты, пекли сотни блинов на Масленицу (пропаганда русской культуры – идём к сердцам через желудки), наклеивали на доски с палочками портреты фронтовиков и шли колоннами, демонстрируя всем, что была такая славная Победа, и к ней причастны именно русские...

Эти бабоньки вдвухали в уши своим иностранным мужьям, как велика их, русских женщин, далёкая снежная Родина, как справедлива, как непобедима и как чиста... В ней, – кричали в уши этих самых мужей бабоньки, – женятся мужчины и женщины, в ней в церквях не проводят собачьих свадеб, в ней в школах нет гей-клубов...

В эти годы Евдокия отчётливо увидела, КТО писал в тридцатые годы доносы и КТО был партизаном в Великую Отечественную. Доносы писали те же самые, что и сейчас пишут. Просто изменились формулировки. Тогда доносчики выставляли себя коммунистами, а оппонентов – контрой. Сейчас эта же самая публика, сменившая самоназвание с большевиков на демократов, точно так же клеймит всех, кто ей сопротивляется, выставляя их уже русскими националистами и исламскими террористами. Это новое название для контры. В семьях доносчиков писали деды, отцы, и теперь пишет третье-четвертое поколение. Традиция. Причём они же одновременно, второй рукой, пишут статьи в газеты, обличая Сталина и уличая народ России в том, что вот именно он весь и является доносчиком, и сам себя высек. Потому что завистник, раб и пьяница. А сами они-де с боку припёка, интеллихенция высочайшей души и необыкновенного интеллекта.

А партизанами во Вторую мировую были вот такие Дуси и Натальи. Плюс Тамары Ратьевы. Это ещё одна активистка русской общины. Евдокия позвонила ей, и та сказала, что к ней пока не приходили.

– Да пусть приходят! Делов-то! Я им скажу, что мы никакие не террористы и не агенты Кремля, а просто люди, которые любят свою Родину. И когда мы иммигрировали в Канаду, нам не предлагали от России отречься, и все, кто здесь живёт – украинцы, итальянцы, китайцы, арабы, – любят свою родину и помогают ей, а почему нам нельзя?

Тамаре шестьдесят два года, и она – настоящая русская красавица. Правильные черты лица, умные и всё понимающие синие глаза, ржаные длинные волосы забраны в низкую «шишку», на плечах обычно оренбургский платок. Выражение лица – спокойно-сердечное. На Тамару хочется смотреть и смотреть, хоть и немолода. Евдокия, глядя на Ратьеву, всегда думает, что вот если женщина была красива в молодости, то и в старости это видно. А то некоторые бьют себя в грудь, будто в юности были красавицами, а следа не найдёшь.

Ратьева прожила в Канаде двадцать лет. Русская эмигрантка с Украины. Уехала оттуда, когда Незалежной начались антирусские закидоны. Преподавала в университете, писала научную работу, и вдруг сказали, что работу нужно писать по-английски, а преподавать – на украинском. Тамара знала оба этих языка, но ей не обосновали, отчего нужно позабыть русский язык. И она отказалась участвовать в «балагане», как она назвала новшества.

– Всё, что случилось в 2014-м на Украине, родилось не в одночасье, – рассказывала она Дусе. – Помню, был у нас в университете приятный парень лет тридцати. Я с ним почти дружила. И каким же обухом по голове было, когда он сказал: «Я бы москалей перестрелял всех, если бы у меня ружьё было». А ещё старушка у нас одна преподавала, я её очень уважала, в гости к ней ходила, и тоже из

неё в годы «обретения независимости» полезло. Она сказала, что русские хороши, когда лежат на три метра в земле... Российского гражданства у меня не было, у нас многие тогда подавали документы на эмиграцию в Канаду и довольно быстро получали желаемое. Я тоже подала. Невсерьёз даже, а так... вдруг дадут, и поеду, заработаю... А мне взяли да и прислали вид на жительство.

В общине она слывёт неустрашимой. Всегда идёт впереди всех демонстраций, и ни очки не надевает, ни плакатом не загораживается. Весь вид её – Родина-мать. Её любят все, и она любит всех. Причём и на работе в канадской компании, где она дослужилась до менеджера, её тоже любили. Честный человек всякому приятен – он даёт надежду, что мир спасётся. Сейчас вышла на пенсию и недавно съездила в паломническую поездку на Валаам. Рассказывала на собрании «Союза русских эмигрантов Канады» о своём вояже:

– Там всюду идёт строительство, мостят тротуары, новые храмы открывают... Буквально на каждом шагу храмы... Везли нас на туристическом автобусе, остановились в какой-то глуши в туалет сходить, так туалет – такого в Европе не найдёшь. Плитка блестит, краны диковинные – с цветной подсветкой... По городу идёшь – красота несказанная: и дома красивые, и цветы кругом развешаны в корзинах, на земле ни окурка, ни бумажки... Поднимается Россия, не сломили её окаянные!

Эмигранты слушали, кивали. Все ездят и видят, как меняется страна. Кому-то в России не видно, а издалека всё замечаешь, самую даже малость: водители стали пешеходов пропускать, на улицах и в общественном транспорте нет былого хамства, в ресторанах расторопно и вежливо обслуживают, детишки идут хорошо одетые, подтянутые, в парках установлены тренажёры для того, чтобы народ спортом занимался, и вокруг них молодёжь вьётся. А в театрах что творится? Аншлаги, причём много там молодых зрителей – девчонки пришли стайками, на высоких каблуках, парни в классических костюмах. Радовались души эмигрантские и плакали от счастья видеть Родину восставшей из пепла. А русофобы шипели со страниц Фейсбука и эмигрантских газет: «Вы – крысы, сбежавшие с корабля», и кричали: «Чемодан-вокзал-Россия», но если поначалу это оскорбляло любящую Родину волну – эмиграцию девяностых годов, то потом на шипение перестали обращать внимание. Слали гуманитарку в Россию, орали за неё на всех углах и клали с прицепом на то, кто что по этому поводу думает.

Евдокия всё же, узрев однажды на одном из русских пикников священника, отвела его в сторонку и спросила наболевшее:

– Грех это – что мы Россию покинули, или нет? Что вы скажете? Мы же тогда, когда уезжали, ничем ей помочь не могли. Нам зарплату не платили, жить не на что было, а криминал какой был – моему мужу угрожали сына похитить, если не поделится с рэкетом. Мы спасались, но ни разу свою страну не охалили за границей и всем рты затыкали, кто из предыдущих волн эмиграции пытался её охалить... Мы ни разу не предали, а ироды эти прут на нас, щиплют, попрекая. Правы они?

Батюшка ответил не сразу, а подумал, сахар в чай положил, размешал и тихо, но уверенно сказал:

– Господь дал людям дом. А самым сильным дал посох. И сказал: «Свидетельствуйте!» И пошли апостолы по миру свидетельствовать... Если бы они не разбрелись по Земле, как бы люди узнали Слово Божие? Вот и вы... Как апостолы... Вы же свидетельствуете?

– Ещё как! – вспыхнула Евдокия. – Беспременно.

– Вот и свидетельствуйте. И ни о чём не беспокойтесь. Не бойтесь ничего. Бог боязливых не любит.

...Сейчас, после визита Королевской Конной, Евдокия вспомнила эти слова. «Бог боязливых не любит», – повторила про себя, и вдруг стало на душе светло и радостно.

И что её бояться, эту полицию? Сейчас вот прошлись по русским активистам, убедились, что это просто люди – с семьями, с работой, с ипотечными выплатами, а никакие не террористы, и посрамлены будут доносчики. И никто им больше не поверит. А вызовут в полицию, так отчего не сходить, не прочитать там курс всемирной истории? В Канаде в школах историю учат всё больше свою, а всемирную почти не изучают. И результат налицо. Однажды Дуся ходила в кинотеатр смотреть фильм «Мария-Антуанетта». Картина заканчивалась сценой ареста короля и королевы. После этого были титры, и зажгётся свет. Дуся услышала сзади разочарованное восклицание на английском: «Ну и что это за конец? А что с ними дальше-то?»

Так вот, отчего не пойти в полицию, не продемонстрировать свой новый костюм, страшно дорогой и купленный в ГУМе (всё же стыдно было за свой неприбранный вид), и не рассказать хотя бы историю появления Крыма в составе Российской империи?

Но никакого письма с приглашением на допрос она так и не получила.

Русский мир без границ

Берега Франции

Людмила Менаже

Людмила Менаже – родилась в 1986 году во Владимире, старинном русском городе. Дипломированный архитектор, лауреат международных выставок, художница и книжный иллюстратор, живёт и работает во Франции с 2013 года.

Её картины в романтическом стиле находятся в частных коллекциях по всему миру и особенно ценятся русскими, американскими, китайскими, французскими любителями искусства. Во время Каннского кинофестиваля на выставке «Jeux, Hasard & Cinéma» 2017 года и Большом Салоне Искусств «ARBUSTES-2017» её работы были удостоены наград. Работает в нескольких техниках живописи и рисунка: акрил, масло, акварель, гуашь, сухая и масляная пастель, а также со смешанной техникой – сочетание живописи и рельефа, аппликаций. Будучи творческой личностью и универсальным художником, стремится представить мир в его многогранной красоте: портреты, архитектура, танцы, пейзажи, животные. Людмила также обращается к абстрактному искусству и волшебному стилю. В октябре 2019 года удостоена национальной литературной премии «Золотое Перо Руси», став серебряным лауреатом в номинации «Духовность». Свою первую книгу Людмила посвящает главным девочкам в своей жизни: маме, сестре и дочке, а также всем девочкам, маленьким принцессам...

Принцесса и Чудовище: Зеркало Истины

Философская сказка

Дорогой читатель! Прежде чем я начну свой рассказ, хочу представить тебе главных героев этой истории. Она по-своему правдива, и в ней, конечно, не обошлось без изрядной порции волшебства.

Итак, главная героиня нашего повествования – прекрасная Принцесса Карина. Та самая Красавица, которая в первой сказочной истории доказала, что девушка с храбрым добрым сердцем способна разрушить злые чары и вернуть прекрасному Принцу прежний облик. Ведь настоящая любовь – это когда тебя любят, несмотря ни на что. Даже если другие видят в тебе чудовище. Наша Красавица появилась на свет в волшебной стране за семью морями. У Принцессы было счастливое детство, она росла окружённая заботой, любовью и вниманием. Так как Карина родилась прехорошенькой, не удивительно, что ей сразу дали второе имя – Бэль, которое в переводе означает Красавица. Но его Принцесса получила не только благодаря привлекательной внешности. Дело в том, что лицо и глаза Карины всегда излучали необыкновенный свет, свойственный лишь редким людям с чистой душой и благородным сердцем. Тот самый свет, который делает Красоту доброй, то есть настоящей. Также у нашей героини был особый дар – она понимала язык природы, умела разговаривать с растениями и животными. Это изредка случается с людьми, обладающими удивительно тонкой душой. Ведь для такого человека даже самый маленький камешек, лежащий на песчаном берегу, и ручеёк, омывающий его, и пушистые облачка, отражающиеся в хрустальной воде, – всё является Живым, имеет свою собственную душу. И конечно же, своё предназначение, которое иногда необходимо долго и упорно искать. Принцесса в это твёрдо верила, потому что давным-давно запомнила правило трёх «Н»: Нет Ничего Невозможного.

Карина была отзывчивой девушкой и всегда спешила на помощь тем, кто в ней нуждался, но найдётся ли тот, кто выручит Принцессу, когда она попадёт в беду?.. Скоро узнаем. Ведь в этой истории я поведаю не только об испытаниях, выпавших на долю Красавицы, но и о добре и зле, которые в очередной раз вступили в единоборство.

Принц Кристиан когда-то был чудовищем, но благодаря своей возлюбленной смог вернуть прежний облик. Наш герой родился в другой волшебной стране на шести холмах. Кристиан счастливо жил в старинном замке, окружённом благоухающими садами и виноградниками, пока однажды его не заколдовала злая и мстительная волшебница. Что было дальше, вы и сами знаете.

Пока Принц был чудовищем, он одичал, стал угрюм, начал забывать все ценности, которые ему прививали родители. Но с помощью заботливой и чуткой Карины Кристиан смог снова поверить в себя. Он словно во второй раз родился и начал заново открывать Мир. Из всего случившегося с ним Принц сделал вывод: чтобы перейти на новый жизненный уровень, нужно испытать искреннюю благодарность за предыдущий опыт, каким бы тяжёлым он ни был. Принц – храбрый и великодушный человек. Но пока даже он сам не знает, что готов совершить ради своей возлюбленной. Уверен Кристиан только в одном: в мире нет ничего прекраснее, чем взаимная Любовь и осознание, что ты кому-то нужен.

Теперь пришла очередь рассказать об Элвине, главном злодее нашей сказки (а может, и не совсем злодее – решать вам). В любом случае без отрицательных героев все истории были бы пресными и не такими поучительными. Поэтому и в моём рассказе есть такой персонаж. И он вовсе не бесполезен: на его примере мы убедимся, какими быть не следует. Элвин – один из кузенов Принца Кристиана. Он живёт угрюмым затворником в своём мрачном, но величественном замке-крепости на берегу могучего океана. С раннего возраста Элвин увлекался чёрной магией и изготовлением разных снадобий. Это пристрастие он унаследовал от своей матушки, на редкость красивой, но невероятно эгоистичной женщины. С незапамятных времён Элвин соперничал с Кристианом и однажды даже решил от него избавиться. Двоюродному брату казалось, что Принца любят больше, чем его. Себя Элвин, красивый юноша, не обделённый талантами, чувствовал настоящим уродцем. Мало того, сила его уверенности в собственной никчёмности была так велика, что передавалась и окружающим, поэтому все, кто знал угрюмого затворника, видели в нём монстра.

Однажды кузен Кристиана разбил любимое волшебное зеркало своей матери. Принадлежавшая герцогине удивительная вещь не просто умела говорить: всё, ею произносимое, было чистой правдой. Поэтому чудесный предмет именовался Зеркалом Истины. Испугавшись неминуемого гнева матери, Элвин решил свалить всю вину на двоюродного брата. Таким образом, ему удалось не только избежать наказания, но и отомстить кузену. Герцогиня же, будучи уверенной, что, разбившись, Зеркало Истины потеряло свою волшебную силу, отдала осколки и раму своей сестре, матери Кристиана.

Позже зеркало собрал один чародей. Со временем оно невероятным образом восстановилось и снова стало волшебным. Но так как с тех пор утекло немало воды, о Зеркале Истины все забыли. И никто не задумывался, куда оно подевалось. Как же радовался Элвин, когда Принц многие годы жил отшельником в своём замке, да ещё и в образе безобразного чудовища! Кстати, не без подсказки и участия коварного кузена подобная участь постигла Кристиана. Понятно, что, узнав о счастливой развязке истории Принца, злодей ужасно разгневался. Сжигаемый завистью, он дал себе слово помешать «творящемуся безобразию» (в переводе на наш с вами язык – «счастью Кристиана и Карины»).

Будучи ещё мальчиком, Элвин случайно узнал о старинном предании, повествовавшем о тайне древнего проклятья его рода. Из поколения в поколение неизбежно отбрасывало оно тень на отношения отцов и детей в их семье. Именно на кузене Принца должен был разрешиться этот многовековой спор, подарив последнюю надежду на воскресение, либо позволить угаснуть всему роду на веки вечные.

– Это не поддаётся объяснению, но будущее твоё нельзя предсказать: ни один знак не проявляется, только лишь пустота. Верного способа тоже не могу пока тебе подсказать. Но знай, судьба твоя зависит от твоего выбора, а разгадка семейного проклятья кроется в тебе самом... – твердили, словно сговорившись, лучшие провидцы.

Шли годы, а неизвестность всё больше раздражала злодея, нашедшего пристанище в унылых стенах своего замка. Оттачивая мастерство в чёрной магии, тщетно пытался он обрести своё спасение, ибо каждый раз только причинял боль людям, неизменно возвышаясь лишь в собственных глазах.

* * *

Прошло совсем немного времени с тех пор, как рухнули злые чары и, благодаря великой силе Любви, чудовище превратилось в прекрасного юношу. Отгремела великолепная свадьба Принца

и нашей Красавицы. Мне не довелось там побывать, но я много слышала об этом восхитительном событии. Торжество стало долгожданным праздником для всех обитателей заколдованного замка.

Кристиан и Карина были неразлучны. Они проводили вместе много времени: читали интересные книги, изучали разные науки, много гуляли по окружающему замок старому парку. Даже пытались вместе рисовать самую живописную его часть. Там росли старые-престарые деревья-исполины, в чьих кронах гнездились множество птиц. Положа руку на сердце, эскизы у наших героев получались не самые удачные. Но это их ничуть не расстраивало, ведь главным для молодожёнов было делать что-либо непременно вместе, поскольку Принц и Принцесса давно поняли: из маленьких ежедневных радостей можно «сколотить» вполне приличное счастье³.

Девушка учила Кристиана любимого языку зверей и растений. Принцу не сразу удалось его освоить, но со временем, прилежно занимаясь, он достиг поставленной цели.

– Как же это замечательно: понимать, о чём мечтают розы в саду! – улыбаясь, говорил Принц. – Я знаю, где притаились самые прекрасные из них и какие скоро зацветут... Милая Карина, спасибо тебе! Я начал смотреть на Мир совсем другими глазами...

Вскоре наши герои отправились в путешествие. Они осмотрели древние цитадели Долины Луары, в том числе замок Шенонсо. Потом посетили самые знаменитые крепости соседних королевств, в том числе великолепный баварский замок Нойшванштайн, где они встретили Рождество в кругу друзей. Далее они проехали через всю Европу и наконец прибыли в Санкт-Петербург. В поисках вдохновения Принц и Принцесса посетили Эрмитаж, а потом долго гуляли по паркам, делая зарисовки Зимнего дворца. На обратном пути молодожёны остановились в Белом замке города Ньон, расположенном на самом берегу Женевского озера. Вечерами, прогуливаясь по набережной, они любовались живописными видами и кормили серебристо-белых лебедей, которые безмятежно скользили по волнам. Каждое из величественных сооружений было по-своему красиво и уникально. Карина и Принц искренне восхищались работой искусных мастеров, воздвигших из камня эти чудесные строения.

Но, в конце концов, путешествие подошло к концу. Наши герои вернулись домой с охапкой новых планов и идей, как сделать свою маленькую страну и жизнь её людей лучше.

– Я бы с удовольствием помогал нашим подданным строить новые деревни и дома, – говорил Принцессе воодушевлённый всем увиденным Принц. – Ты, любимая, научила меня понимать голос природы, и мне не составит труда определить, где можно достать лучшую древесину, где прячутся самые прочные камни... Наше королевство должно процветать. И пусть каждый житель сможет найти себе занятие по душе!

– А мне бы хотелось заниматься благотворительностью, помогать женщинам, – отвечала Принцесса. – Ещё я с удовольствием учила бы детей тому, что умею сама. Например, могла бы читать с малышами умные добрые книжки и помогать им постигать смысл прочитанного.

– Милая, а почему бы нам не организовать приём в честь нашего возвращения? Давай позовём всех друзей, устроим пышный бал, – предложил Кристиан. – Поделимся впечатлениями от путешествия, расскажем о наших планах и, возможно, получим ценные советы о том, как их воплотить в жизнь... Ну и, конечно, повеселимся от души!

– Отличная идея, дорогой! – радостно поддержала супруга Карина. – К тому же в этот раз, надеюсь, увидим всех тех, кто не смог приехать на нашу свадьбу.

Сказано – сделано. Разослав приглашения, вчерашние путешественники с головой ушли в приготовления к предстоящему торжеству. Карина участвовала в украшении дворца и подготовке его к приезду гостей. А Кристиан взял на себя все заботы, связанные с организацией бала и банкета.

Наконец долгожданный день наступил. На празднество съехались гости из разных уголков страны, а также из соседних королевств и герцогств. Торжество удалось на славу. Лучшие музыканты королевства, ночь напролёт игравшие изысканные мелодии, превзошли самих себя. Гости не уставали восхищаться украшавшими стены замка великолепными полотнами, созданными талантливыми художниками специально к празднику. Даже самые искушённые гурманы и лакомки были приятно удивлены разнообразием утончённых блюд и десертов. Все приглашённые дамы и кавалеры блистали, каждая женщина была по-своему хороша, но присутствовавшие на балу единогласно признали самым красивым цветком в этом роскошном букете, конечно же, нашу Карину. Она и её любимый Принц просто светились от счастья и, казалось, не могли насмотреться друг на друга. И пригла-

шённые, и хозяева замка наслаждались праздником, с головой окунувшись в развлечения, прекрасную музыку и танцы. Радовались абсолютно все находившиеся в замке. Кроме одного человека. Этот мужчина в тёмной одежде стоял в стороне, прислонившись к колонне в глубине бального зала. Он единственный избегал всеобщего веселья и был мрачен и хмур. Даже мельком взглянувшему на молодого человека сразу становилось понятно: этому гостю бал не приносит никакого удовольствия. А когда он наблюдал за хозяйками вечера, его огромные тёмные глаза вспыхивали отвратительной завистью. Нелюдим был высоким стройным брюнетом. Пожалуй, его можно было бы назвать красивым, если бы не одно «но»: злобное выражение превратило его привлекательное от природы лицо в жуткую маску. Зачем же этот злока приехал на бал, спросишь ты, дорогой читатель, если его так тяготит один вид радующихся людей? Ну, во-первых, он был приглашён. А во-вторых, у него имелись свои причины присутствовать здесь. Конечно, вы уже наверняка догадались, что загадочным незнакомцем являлся Элвин. Да-да, тот самый кузен Кристиана, с которым он не ладил с раннего детства. В какой-то миг его кислое выражение лица изменилось и стало угрюмо-хитрым. «Счастья в мгновение порвана нить, радости солнцу уж не светить, горе придётся тебе пережить и о любви навсегда позабыть...» – начал напевать он себе тихонько под нос, видимо, замысливая что-то недоброе. Злость Элвина, зависть к чужому счастью и умению радоваться жизни были так велики, что их ужасное пламя просто пожирало его.

Увы, кузен Кристиана напрочь позабыл древнюю мудрость: жаждать того, что имеет кто-то другой, означает утрату собственной уникальности.

– Элвин, почему ты не танцуешь и не веселишься с нами? – обратилась к юноше Карина, заметив, что он сторонится всех гостей. – Может, тебя что-то тревожит?.. – вглядываясь в бледное лицо молодого человека, озабоченно поинтересовалась Принцесса, протягивая ему серебряный стаканчик с ванильным мороженым.

Кузен Кристиана немного опешил. Он не ожидал, что кто-то проявит столь искреннее дружеское внимание к его персоне. «И почему всё время везёт одним и тем же? А на долю такого чудовища, как я, выпадает лишь мимолётное внимание красавиц, принадлежащих другим», – кусая губы, с завистью думал Элвин, жадными глазами рассматривая Карину. Он ничего не ответил девушке, сказав лишь, что собирается покинуть замок следующим утром. Праздник продолжался до зари. Наконец умолкла музыка, погасли последние свечи, и даже самые заядлые танцоры разошлись по спальням. Не спал только один Элвин. Над сказочным королевством уже начинали сгущаться тёмные тучи. Колдун решил отомстить Принцу и попытаться устроить собственную судьбу. Чтобы разрушить счастливую жизнь Кристиана и Карины и завладеть Принцессой, он призвал на помощь все свои знания чёрной магии. Утро следующего дня выдалось на удивление пасмурным и холодным. Гости, вяло обсуждая резкую перемену погоды и вспоминая вчерашнее празднество, потихоньку стекались в главный приёмный зал дворца. Вскоре там собрались все, кроме Элвина. Ещё на рассвете он выехал из замка и остановился на одном из перекрёстков. Колдун поднял руки вверх, долго что-то шептал, и, видимо, его мольбы были услышаны. Вдруг из поднебесья ударила молния, и неизвестно откуда появилась огромная стая чёрных ворон. Конечно, это были не простые птицы, а воплощение злых слухов и сплетен, которые должны были очернить доброе имя Карины. Элвин направил беспрекословно повиновавшихся его воле пернатых в сторону замка, где жили Принц и Принцесса. Вместе с жуткими воронами туда полетела и туча дурмана. Всего за несколько часов он должен затуманить головы всех жителей королевства настолько, чтобы они перестали отличать правду ото лжи и поверили, будто Карина из прекрасной Принцессы превратилась в злую колдунью.

Вскоре едкий дурмящий дым проник в замок и начал действовать на сознание людей. Среди гостей послышался недовольный ропот. Наконец кто-то из них не выдержал и обратился к Принцу:

– Ваше высочество, что рядом с вами делает этот монстр? Ведь это не наша любимая Принцесса, а ужасная злая колдунья! Она хочет прибрать к рукам ваше королевство! Гоните её прочь!

Возмущение росло с каждой минутой. Оно и не удивительно, ведь люди теперь видели Принцессу совсем не такой, какой она была на самом деле. Прекрасная девушка казалась им настоящим чудовищем. Одурманенные колдовством Элвина, гости верили, что перед ними безобразная ведьма, которая умудрилась обмануть Кристиана и хочет навлечь на королевство беду. Да, к сожалению, злодей достиг своей цели – очернил Карину в глазах других и разрушил её репутацию. Почти все отвернулись от бедной, ни в чём не повинной Принцессы. Лишь немногие, на кого злые чары не подействовали, никак не могли взять в толк, что происходит. Среди них были сам Кристиан и отец его супруги, для которых ничего не изменилось. Ведь, согласитесь, никакое колдовство не способно исказить образ любимого человека в глазах того, в чьём сердце живёт настоящее чувство. Принц и отец Карины настойчиво пытались успокоить одурманенных людей и убедить их, что они заблуждаются. Увы, тщетно.

– Опомнитесь, друзья! – кричал Кристиан обезумевшей толпе. – Это же наша Принцесса, моя дорогая супруга! На вас нашло какое-то наваждение! Знайте же: что бы вы ни говорили, что бы ни случилось, я не оставлю свою любимую и не позволю выгнать её из королевства!

После этих слов Принц поспешил увести Карину и спрятать её от обрушившегося на неё несправедливого гнева людей. Вскоре гости разъехались, и ворота замка закрылись. За всё это время Карина не обронила ни слова. Её саму словно парализовало от едкого дыма, заполонившего пространство дворца. У Красавицы ужасно разболелась голова, мысли её стали бессвязными и тоскливыми. Ей начало казаться, что люди правы. А вдруг она действительно превратилась в безобразную ведьму? Или, возможно, всегда и была чудовищем? Принцесса окончательно запуталась, страшные сомнения охватили её отчаявшуюся душу. Она уже и сама не знала, кем является... Девушка боялась взглянуть даже на своего любимого мужа, чтобы не увидеть презрение и ненависть и в его глазах.

– Ну что ты, Карина, бесценная моя! Для меня ничего не изменилось! – пытался успокоить жену Кристиан. – Наверняка это злая волшебница снова наслала свои чары. Уж я-то с ними знаком. Но на меня колдовство не действует, поскольку я очень сильно люблю тебя. И готов защищать, даже если на нас ополчится весь мир! Милая моя, все мы – те, кто по-настоящему знает и любит тебя, – поможем восстановить справедливость и вернуть твоё доброе имя!

Принц, отец Принцессы и обитатели замка, на которых не подействовали чары Элвина, изо всех сил пытались успокоить Красавицу. Но безуспешно: яд колдовства глубоко проник в душу Карины. Это уже была не прежняя жизнерадостная девушка, с нежным и излучающим доброту взглядом. Казалось, её радостный смех никогда вновь не зазвонит под сводами древнего замка. Чтобы вернуть к жизни любимую и восстановить её веру в себя, Принц экстренно созвал чрезвычайный совет. Чего только ни предлагали присутствующие: и умыть Красавицу водой из волшебного ручья, и заставить съесть пирог из заморских чудотворных ягод, и отвезти в заповедный лес к живущей там с незапамятных времён целительнице. Все способы перепробовали, но бедняжке ничего не помогло. Чёрные вороны по-прежнему кружили над замком, Принцесса день ото дня худела, становилась всё безутешней и уже начинала чувствовать себя обузой для всех.

Горе хороших людей – радость для негодяев. Всё это время виновник постигших Карину и её близких несчастий, получая новую порцию новостей, потирал руки в предвкушении будущего триумфа.

– Ну вот, ещё чуть-чуть, и Кристиан сам откажется от Красавицы, – мерзко хихикая, бормотал Элвин, подбрасывая дрова в камин. – Потом всю оставшуюся жизнь будет мучиться угрызениями совести, что предал возлюбленную... А я смогу осчастливить ту, от которой отвернулся весь мир, приняв её в своём замке, – с этими словами довольный колдун откидывался на спинку кресла и, глядя в огонь и загадочно улыбаясь, предавался мечтам о своей будущей жизни с Кариной.

Вскоре до злодея дошли вести, что чары действуют не на всех и Принц прилагает отчаянные усилия, желая спасти несчастную Красавицу. «Нужно опередить их, пока они не нашли противоядие от моего колдовства, – всполошился злоумышленник. – Что же делать?.. Видимо, придётся прибегнуть к крайним мерам...» И Элвин твёрдо решил похитить Карину.

Негодяй поручил это сделать своим верным слугам – отряду отчаянных головорезов. Они тайно пробрались на территорию королевства, где жили Принц и Принцесса. Пронюхав, что в определённый час Карина с совсем небольшим количеством охраны ходит в окружающий замок лес к волшебному ручью, злодеям не составило труда осуществить коварный замысел Элвина. Они спрятались в засаде и, дождавшись приближения путников, внезапно бросили им в лица пригоршни усыпляющей

пудры. Как только Красавица упала без чувств на землю, похитители схватили её и помчались к берегам Нормандии. Там их поджидал корабль, на котором бандиты должны были доставить Принцессу в замок колдуна. Сопровождавшие Карину охранники очнулись лишь в замке. Туда их принесли стражники. Обеспокоенные длительным отсутствием Красавицы и её немногочисленного эскорта, они отправились к волшебному ручью.

– Что произошло? Где Карина? Как вы могли оставить её в такое непростое время?.. – всё больше и больше волнуясь, допытывался у очнувшихся ото сна охранников Кристиан. Понятное дело, вразумительного ответа на свои вопросы он так и не получил.

Когда похитители прибыли в порт, Красавица начала постепенно приходить в себя. Злодеи не особо торопились, так как знали, что беспокоиться им не о чем. Благодаря колдовскому порошку никто не мог узнать, зачем похитили Принцессу, а также – кому это нужно и куда её собираются везти. Девушка видела и понимала, что происходит, но убежать от похитителей была не в состоянии. Снотворное снадобье практически парализовало всё тело, даже самые простые движения давались несчастной с невероятным трудом. Вскоре корабль с Принцессой и бандитами на борту отчалил от берега.

Тем временем Кристиан, отправившись в лес, решил попытаться самостоятельно расследовать преступление.

– Никаких следов... Где мне искать Карину? Кто её похитил? – размышлял Принц, преодолевая отчаяние. – Ох, если бы цветы и вода могли помочь мне, ведь они всё видели.

Просьба убитого горем Принца была такой искренней и чистосердечной, что её слышали даже самые маленькие травинки и капельки воды волшебного ручья.

– Принц, твоя любимая жива, – тоненькими голосами запели они. – Но мы не знаем, по чьему приказу её похитили. Воды морского побережья передали нам, что Карина сейчас в порту. Злодеи собираются увезти её на корабле. Куда? Подсказать сейчас не можем... Но не теряй надежды, отправляйся на поиски, пока ещё не поздно!

– Спасибо вам, милые друзья! – поклонился траве и ручью Кристиан. – Но как задержать похитителей хоть ненадолго в порту?.. Вот если бы ветер мог слышать меня и устроить бурю...

– Ууу, хорошенькую работёнку ты мне придумал, Принц! – прогудел, разгоняясь и набирая силу, порывистый шальной ветер. – Ох, и славный шторм я подниму! Ууу! Ох, и накажу злодеев! Ууу, как я позабавлюсь!

Но тут Кристиан опомнился и закричал: «Подожди, ветер! Там же на корабле и Карина! Ты можешь навредить ей! Надо быть осторожней!» Однако могучий воздушный поток уже ничего не слышал и с неистовой силой нёсся к нормандским берегам. Тогда Кристиан, не теряя ни минуты, вскочил на своего верного коня и поскакал вслед за ветром, молясь, чтобы тот, разгулявшись, не причинил вреда любимой.

На палубе отчалившего корабля Карина полностью пришла в себя. Из разговоров бандитов она поняла, кто виновник всего происходящего и в каком направлении движется судно. Внезапно моряки заметили, что начинается нешуточный шторм. Буквально за несколько минут перед кораблём выросла огромная воронка смерча. Все ринулись врассыпную, безуспешно пытаясь укрыться. Но разве можно спрятаться от шального ветра, твёрдо решившего проучить негодяев? В мгновение ока он как пушинок подхватил всех похитителей и понёс на остров Элвина.

На какое-то мгновение море затихло. Вдруг Принцесса почувствовала, как непрерывные толчки начали сотрясать судно, а в воздухе нервно запульсировали искры цвета раскалённого металла, предвещавшие своим появлением трагический финал сегодняшнего похищения... Нарастающий и душераздирающий грохот, оглушивший несчастную пленницу, заставил её трепетать от неведомого ей доселе страха перед разворачивающейся на её глазах зловещей картиной. Огненный торнадо, удивительное и мистическое чудо природы, золотой спиралью поднимался из недр расколотой земли. Казалось, он был готов без пощады уничтожить всё на своём пути, внушая первобытный ужас

от разрушительной силы огня. Даже в этом хаосе можно было различить истошные крики воронов, прежде неустанно следовавших за кораблём. Теперь они словно растворялись в небытие, изрядно опалив свои крылья от нарастающего пламени. Таинственная, ещё более могущественная сила спустилась на землю, приняв образ огненного торнадо, дабы свершить правосудие над устроенным Элвином бесчинством.

«Какой жар! Мне уже сложно глотать, словно огненную искру проглотила. А эта боль, парализующая всё тело?! Я уже дышу с трудом... Огненный Торнадо, если ты пришёл забрать мою душу, пусть так и случится, только выполни моё последнее желание: пусть Кристиан всегда помнит, что только с ним я обрела самое большое счастье, о котором можно было мечтать, – любить его и...» – на этих словах оборвались последние мысли Принцессы, прежде чем она лишилась чувств. Тело её всё больше и больше поддавалось ранее неведомому состоянию невесомости, всё плотнее погружаясь в предательски сверкающих золотом кольцах пламенного вихря.

* * *

В тот самый миг, когда девушка озвучила свою последнюю просьбу, время словно остановилось, застыло. Возможно ли такое?! О, миг, великий и краткий миг настоящего, беспощадно рассекающий пространство на прошлое и будущее! Какой оттенок предпочтёшь ты на этот раз? Позволишь ли пробиться зелёному лучу надежды через грозные тучи неизвестности или равнодушно обрушишь на бедных влюблённых чёрную пропасть расставания на века?..

В тот самый миг мольба Карины с песней шторма коснулась сердца её Принца, отчаянно пытавшегося спасти свою супругу. Стоит ли дальше описывать, на какие чудеса способна молитва о милости, исходящая от любящего сердца?..

Постойте, но не тот ли самый огонь способен стать источником божественного очищения и возрождения к жизни в её лучшем проявлении? Ведь священная сила огня способна поглотить в себя все беды и страхи даже впавшего в отчаяние человека, подготовив благодатную почву для новых всходов следующего этапа жизни...

И снова над морем воцарилась прежняя бездыханная тишина. Огненный торнадо исчез, как будто его здесь никогда и не было. Лишь мерцание золотистого песка в воздухе и на коже Принцессы напоминало о недавно бушевавшей стихии. Пережитое казалось ей кошмарным видением, вызванным событиями рокового дня. Карину не покидало ощущение, что её душа вернулась из какого-то дальнего путешествия, а сама она по капле рождалась заново, равно как и человек, недавно перенёсший тяжёлую и продолжительную болезнь.

Принцесса удивилась своему неожиданному спасению, пройдя огненные круги смерча невредимой и без малейшего следа от ожогов. Для неё оставалось загадкой происхождение неизведанной силы, которая подарила ей второй шанс, напомнив об абсолютной ценности жизни. Всем своим существом теперь осознавала она вечную истину, что каждый конец есть лишь начало чего-то ещё более величественного и прекрасного.

Вернувшись обратно к кораблю, шалун увидел на палубе одиноко стоящую Принцессу. Хоть ветер и обладал буйным нравом, он тут же понял: перед ним беззащитная пленница. Поэтому подогнал судно к ближайшему островку и даже аккуратно спустил трап, чтобы Принцесса могла сойти на берег.

Так, после всех злоключений девушка оказалась на неизвестной земле. Она здраво рассудила, что нужно попытаться найти жителей островка, объяснить им всё и попросить о помощи.

На пустынном берегу следов людей нигде не было видно. Рядом зеленел лес. Туда и отправилась отважная Принцесса. Её поразила здешняя растительность не только своей красотой, но и необычностью. Отовсюду на девушку волнами накатывал дивный аромат каких-то невиданных цветов. У нашей героини даже мелькнула мысль, не попала ли она в Рай. Однако размышлять далее в этом направлении мешала сильная жажда. Поэтому, решила недавняя пленница, следует первым делом найти источник чистой пресной воды и восстановить силы.

Неожиданно за спиной Карины хрустальными колокольчиками зазвенели тихие голоса: «Какая она большая! И у неё совсем нет крылышек, даже самых маленьких! Но всё равно она премиленькая». «Так разговаривать, – подумала Красавица, – могут только феи или эльфы». Обернувшись, она действительно увидела летевших за ней по воздуху двух маленьких прелестниц с полупрозрачными серебристыми крылышками. Феи были настолько миниатюрны, что могли уместиться на ладони де-

вушки. Карине всё ещё казалось, что она безобразна. Поэтому при встрече с прекрасными созданиями бывшая пленница вспыхнула и закрыла лицо руками. Но никакое смущение не могло заставить её забыть о вежливости и превосходном воспитании.

– Здравствуйте, милые феи! – сказала Карина и сообщила им своё имя. – Корабль, на котором я плыла, потерпел крушение. Волею судьбы я оказалась на ваших землях. Прошу, скажите, что это за остров? И не могли бы вы помочь мне вернуться домой?

– Здравствуй, Карина! – приветливо ответили прелестные малышки. – Ты на волшебном островке. Мы находимся совсем недалеко от аббатства Мон-Сен-Мишель. Не бойся, здесь тебе ничего не грозит. И, разумеется, мы сделаем всё возможное, чтобы помочь тебе! Но почему ты стыдливо прячешь своё лицо? Тебе это ни к чему, ведь ты такая красивая!

После этих слов Принцесса не выдержала и заплакала. Она быстро взяла себя в руки и, вытерев слёзы, рассказала феям о своих злоключениях, а также тревогах и сомнениях в самой себе.

– Не печалься, Красавица! – прозвенел голосок одной из фей. – Позволь дать тебе совет: старайся принимать жизнь во всех её проявлениях и благодарить не только за радости, но и за трудности. Последние тоже составляют часть игры, и хорошо в них то, что они не являются обманом. Даже впадая в отчаяние, сталкиваясь с неприятностями или сложностями, никогда не опускай руки. Знай: когда жизнь посылает человеку испытания, она общается с ним на единственном хорошо ей известном языке, на языке сердца.

– Дорогая Карина, теперь можешь ничего не бояться и чувствовать себя в полной безопасности, – подхватила другая фея. – На нашу землю распространяется сила Святого аббатства. Так что здесь никакие злые чары не действуют. И не сомневайся: ты нисколько не изменилась ни душой, ни телом. Это всё были проделки Элвина! Пойдём с нами, тебе нужно отдохнуть и переодеться. А потом уже будем думать, как помочь тебе быстрее встретиться с Кристианом.

По дороге феи рассказали Принцессе историю их островка, маленькой волшебной страны, где обитают только они и эльфы. Об Элвине крошечные создания тоже знали не понаслышке: колдун не раз пытался завладеть их королевством. К счастью, осуществить этот план ему так и не удалось, так как волшебная страна всегда находилась под защитой аббатства Мон-Сен-Мишель. Феи всячески старались помочь Карине быстрее освоиться и забыть все выпавшие на её долю невзгоды. Они предложили гостье обед из своего волшебного меню – цветочный нектар. Подарили новое белое платье из тончайшего кружева. Оно было соткано из многочисленных слоёв серебристой паутины. Не менее фантастической оказалась и другая обновка – туфельки, изготовленные из лепестков местных цветов.

– Надо же, я никогда не могла себе даже представить, что нектар цветов такой вкусный и питательный!.. – удивлялась Принцесса. – Что ткань из паутины столь изысканна и одновременно прочна. А обувь из лепестков роз превосходно носится... Как у вас здесь здорово и чудесно! Вы, должно быть, очень счастливы на этом волшебном островке.

– Да, ты права, здесь все счастливы, все уважают и любят друг друга, – подтвердили феи. – Наша земля славится своими бесценными сокровищами. Их часто пытаются украсть разные злодеи. Но, попав в руки к ворах, волшебные диковинки теряют всякую ценность. Ты бы давно запуталась в этой паутине и все лепестки туфель разлетелись бы по полу, если бы у тебя было злое сердце... Ах, как хочется, чтобы ты и Принц как можно скорее вновь обрели счастье!.. Пойдём, мы представим тебя нашим Королю и Королеве. Они-то уж точно знают, что нужно делать.

Настроение девушки с каждой минутой улучшалось. Она поняла, что не одна и у неё появились новые друзья. «Мир не отвернулся от меня!» – радовалась наша героиня.

– Здравствуй, Принцесса! Рады приветствовать тебя в нашем волшебном королевстве! – радушно улыбаясь, обратились к Красавице Король и Королева Фей. – Мы уже знаем твою историю. Имей в виду, чтобы вернуть себе доброе имя, нужно найти Зеркало Истины. Уже много лет его

тайно хранит один друид – чародей, живущий в чаще волшебного леса Броселианд. Именно в зеркале заключена волшебная сила справедливости. Поэтому только оно способно снять проклятье Элвина и спасти тебя. Но нужно торопиться в путь, пока злодей не узнал, что Зеркало Истины до сих пор существует.

– Милая Карина, когда-то всё, что ты пережила в эти дни, превратится в далёкое воспоминание, – сказала напоследок Королева Фей. – И ты обязательно поймёшь, что высота горы, на которую поднялась, определяется глубиной ямы, из которой удалось выбраться.

Сердечно поблагодарив хозяев волшебного островка, девушка начала собираться в дорогу. Встретившие нашу героиню две маленькие феи и несколько эльфов решили её сопровождать. Наконец путники оказались рядом с аббатством Мон-Сен-Мишель. Принцесса никогда не бывала здесь раньше. Она попросила своих новых друзей остановиться на время, чтобы отдохнуть и насладиться завораживающим видом чудесной крепости.

Красавица решила прогуляться по цветущему весеннему лугу, сплошь покрытому красными маками. Луг опоясывал ручей, по другую его сторону паслись мирные овечки, похожие на запутавшиеся в густой траве маленькие облачка. Карина не могла оторвать взор от величественной архитектуры аббатства Мон-Сен-Мишель. Зачарованная, она, практически не мигая, смотрела на прекрасное сооружение. На глазах девушки при воспоминании о том, какие страдания ей и её близким причинили ужасные несправедливые слухи, появились слёзы. Рядом с Кариной никого не было. Но вдруг она совершенно отчётливо услышала чей-то ласковый голос: «Отчего ты плачешь, Дитя?» Это древние камни аббатства заговорили с ней. Вытерев слёзы и на миг сосредоточившись, Принцесса ответила: «Я так устала от клеветы, которая неожиданно обрушилась на меня... Как мне восстановить своё доброе имя, если никто, кроме Принца и обитателей нашего замка, мне не верит?.. Король и Королева Фей сказали, что у одного чародея хранится Зеркало Истины, способное мне помочь. Но найду ли я его?.. И разрушит ли оно злые чары, очистив наше королевство от чёрных слухов?.. Сомнения и страх сковывают мою душу... Да, мне сейчас очень нелегко. Однако здесь, на этой святой земле, я ощущаю огромный прилив сил и понимаю: я смогу преодолеть все трудности!..» Ответа не последовало. Но Карина совершенно отчётливо чувствовала, что Мон-Сен-Мишель волшебным образом наполняет её удивительной энергией. «А ведь я счастливый человек, – подумала Красавица, и на её лице появилась прежняя чудесная улыбка, согревавшая всех, кто её видел. – У меня есть самое важное: близкие, которые меня любят, оберегают и верят в меня. Я должна продолжать бороться за справедливость, за своё право на счастье, за свои мечты. И я верю, что у меня всё получится!»

Принцесса полностью преобразилась. В её душе теперь царили необыкновенные умиротворение и лёгкость. А цветы прекрасных чувств вновь распустились в её сердце. Принцесса поблагодарила аббатство Мон-Сен-Мишель и вернулась к друзьям, ожидавшим неподалёку. Полная самых светлых надежд и окрылённая верой в себя, девушка, не мешкая, отправилась в бретонский лес Броселианд, где хранилось Зеркало Истины.

Но вернёмся к Кристиану. Когда он достиг побережья, от которого отчалил корабль с Кариной и её похитителями на борту, там его уже ждали феи и эльфы. Они рассказали нашему герою, что с его любимой всё в порядке. Ей чудом удалось избежать плена злодея Элвина, а после шторма и кораблекрушения её гостеприимно принял волшебный остров. И конечно, эльфы направили Принца в Броселианд, где он сможет встретиться с возлюбленной.

– Торопись, Кристиан! Элвин наверняка уже обо всём узнал и попытается помешать вам, – подгоняли юношу феи. – Если ты возьмёшь нас с собой, то найдёшь дорогу быстрее, ведь мы частые гости в волшебном лесу и знакомы с чародеем, у которого хранится Зеркало Истины.

– А вы не знаете, что это за удивительная вещь? И как она поможет Принцессе вернуть доброе имя? – поинтересовался Кристиан.

– Это Зеркало имеет необыкновенную волшебную силу – силу Истины, – заговорили наперебой новые маленькие друзья Принца. – Оно говорит только правду и показывает что угодно без малейших искажений. А если сквозь него пройти, то можно снять с себя всю налипшую клевету и развеять злые чары. Раньше Зеркалом владела одна герцогиня, но её сын разбил его. Лишь чародею-друиду удалось собрать удивительный предмет, и со временем он вновь обрёл прежнюю силу. С тех пор Зеркало тайно хранится в Броселианде. «Так это то самое волшебное зеркало, принадлежавшее ма-

тери Элвина, – понял Принц. – Кузен его разбил, но досталось за всё мне...» В другое время и при других обстоятельствах он бы крепко задумался над тем, каким удивительным образом события прошлого, настоящего и будущего переплелись на полотне жизни. Но сейчас Кристиану было не до размышлений. Он и его маленькие помощники спешили отыскать друида. Торопились они не зря. Действительно, Элвин уже обо всём узнал и понимал, что Принц и Принцесса вот-вот встретятся и найдут Зеркало Истины. Злодей решил опередить их, выкрасть и уничтожить волшебный предмет. Тем самым он лишит наших героев последней надежды на возвращение Карине доброго имени и восстановление мира в королевстве.

Красавица со своими спутниками уже продвигалась вглубь Броселианда. Немногочисленный отряд как раз обходил одно из озёр неподалёку от домика старого чародея, когда внезапно послышался шум приближающегося всадника. «Неужели это погоня Элвина?» – в ужасе подумала Принцесса.

Представьте, как же она обрадовалась, увидев вместо злобного мага верного супруга, который всё это время не переставал искать её. Наконец после стольких злоключений и мучительной разлуки наши героини встретились снова. Как же они радовались, увидев друг друга! Боюсь, дорогой читатель, что никаким словам не под силу передать их чувства.

– Моя Карина, мы опять вместе! Я снова могу кружить тебя в своих объятьях! – чуть ли не заплёбывался от счастья Принц. – Но, главное, ты снова стала прежней, твои глаза лучатся весельем. О лучшей награде я не мог и мечтать! Расскажи, кто смог излечить тебя?

– Всё расскажу, любимый, но позже, – загадочно улыбаясь, ответила Карина. – Сейчас нам нужно как можно скорее познакомиться с чародеем и попросить у него Зеркало.

И они направились к небольшому строению, стоявшему у подножия древнего могучего дерева. Но как только Принц и Принцесса подошли к двери домика, из росшего рядом густого кустарника наперерез им метнулась тёмная тень. Ты, дорогой читатель, уже, наверное, догадался, что это был Элвин. Злодей с мечом в руках ринулся на Кристиана. Тот мгновенно достал из ножен своё оружие и между кузенами начался поединок. Принц был умелым и сильным воином, но его брат дрался нечестно, всё время пуская в ход чёрную магию, от которой в итоге сам и пострадал. В какой-то момент из кармана камзола Элвина выпал один из бархатных мешочков с усыпляющим порошком. Карина успела незаметно подхватить его. Ни секунды не раздумывая, девушка раскрыла мешочек, подбежала поближе к сражающимся и, размахнувшись, бросила колдовское зелье в лицо Элвина. Оно мгновенно подействовало и свалило колдуна с ног.

– Сам напросился, – послышался чей-то старый, но сильный голос.

Карина и Кристиан обернулись и увидели, что на пороге избушки стоит тот самый чародей, которого они искали. Он ждал их прибытия, видел разгоревшийся бой и уже собирался помочь Принцу одолеть злодея, но находчивая девушка опередила его.

– Я знаю, зачем вы пришли, – сказал друид. – И дам вам Зеркало Истины. Пройдя через него, вы сможете очиститься от всего дурного, вам не свойственного. Если же через Зеркало пройдёт злодей, оно заставит его осознать всё, что он сделал плохого, ведь человек привносит в мир лишь только то, что уже несёт в своём сердце.

После этих слов чародей пригласил наших героев и их маленьких спутников в своё скромное жилище. Принц и Принцесса принялись рассказывать хозяину свою историю, на радостях забыв, что чародей и так всё знал об их приключениях. Но старик слушал наших героев, не перебивая, и только незаметно улыбался в свою седую бороду.

Наконец Кристиан вынес Зеркало на залитую солнечным светом поляну возле домика друида. Молодые люди встали на колени перед огромной гладко отполированной поверхностью. Волшебное стекло слегка светилось, и в его глубине угадывались очертания таинственного аббатства Мон-Сен-Мишель. Карина восприняла это как добрый знак. Она осторожно дотронулась ладонью до Зеркала и увидела, что по его поверхности, словно по воде, разошлись круги. Вдруг, откуда ни возьмись,

к волшебному предмету слетелись безобразные чёрные вороны. Они бесстрашно нырнули в Зеркало, и, о чудо, вместо них назад вылетели белоснежные голуби. Одна из этих птиц даже подлетела к Карине и преподнесла ей веточку с цветами. Наконец настал черёд и наших героев пройти сквозь Зеркало Истины. Крепко взявшись за руки, глядя с доверием друг другу в глаза, они вместе сделали шаг вперёд. А вернувшись, поняли, что цепи проклятья разбиты окончательно, неправдивые слухи исчезли, как дым, и Принцесса Карина вновь обрела своё доброе имя.

– Да, жизнь ничего не даёт бесплатно, и всему, что преподносится судьбой, тайно определена своя цена. А тебе, дружок, тоже совсем не помешает очиститься, – приговаривал чародей, «отправляя» в зазеркалье наконец проснувшегося Элвина.

– Вернувшись из путешествия, ты поймёшь, что последнее слово всегда останется за совершившим мудрый поступок. Человек становится по-настоящему взрослым, когда способен одним лишь словом уничтожить врага. Но хороший человек не спешит использовать такое умение, а просто разворачивается и уходит. Потому что знает: справедливо рассудить людей способна только сама жизнь...

Наши герои терпеливо ждали появления Элвина из зазеркалья. Он там задержался намного дольше, чем Кристиан и Карина.

– За накопленные грехи Элвин отправился в своё прошлое, – разъяснил им друид. – Он должен со стороны посмотреть на то, что натворил. И пока твой кузен, Принц, всё не осознает и не покается, он не сможет вернуться обратно в наш мир. Поэтому отправляйтесь домой, друзья мои, и будьте счастливы.

Распроставшись с друидом, феями и эльфами, Кристиан и Карина отправились домой. А белые голубки, в которых превратились побывавшие в зазеркалье вороны, следовали за нашими героями и сообщали всем о том, что злые чары рухнули и Красавица ни в чём не виновата. По дороге Принц и Принцесса остановились отдохнуть в Лион-ла-Форе, одной из живописных нормандских деревушек. Там Принц, ошалев от счастья, полночи распевал под окном своей любимой серенады. Да так красиво, что никто не решился ему помешать. Жителям селения очень понравилось пение неутомного кавалера. И ни у кого даже не возникало желания вылить на голову «ночному трубадуру» кувшин холодной воды.

Наслаждаясь серенадами любимого, Красавица многое передумала в ту ночь. Она теперь ни на минуту не сомневалась в том, что самое большое сокровище в жизни – это близкие люди. Что хороший человек всегда найдёт тех, кто поможет ему в трудную минуту. Что зло, к каким бы изощрённым уловкам оно ни прибегало, обязательно будет наказано. И что совсем не обязательно быть нужной абсолютно всем. Главное – быть просто кем-то любимой. И тогда с тобой никогда не захотят расстаться.

Вскоре радостные вести облетели весь свет. «Карина и Кристиан не побоялись восстать против сил зла! Наша прекрасная Принцесса ни в чём не виновна! Добро победило!» – ликовали жители сказочного королевства. Когда наши герои вернулись домой, там снова воцарились мир и порядок. На радостях Принц и Принцесса решили устроить праздник, пригласив всё тех же гостей, свидетелей предшествующих трагических событий.

Прошло совсем немного времени с момента возвращения Кристиана и Карины, как они узнали о том, что зазеркальное путешествие Элвина закончилось. Кузен Принца вернулся в свой мрачный замок, где теперь ощущал себя заточённым в темнице пленником. Наши герои часто думали об Элвине, о том, что с ним случилось, изменился ли он. Принц и Красавица от души хотели его простить. И сами решили навестить вчерашнего обидчика. Встретив Элвина, Карина и Кристиан почти не узнали его. Перед ними был совсем другой человек. Кузен Принца несказанно похорошел, его лицо озаряла привлекательная улыбка. Особенно изменилось выражение огромных тёмных глаз юноши. Раньше они сверкали завистью и злобой, а теперь лучились тихим добрым светом и лёгкой грустью. Одного взгляда на преобразившегося Элвина было достаточно, чтобы понять: он осознал все свои грехи и искренне раскаялся. Кузен Кристиана честно рассказал, почему был обозлён на весь мир. Оказалось, он ещё с самого детства, далеко не радужного, копил в себе обиды. Родители его не любили, отец был с ним жесток, а мать просто не замечала. Окружающие всё время потешались над ранимым мечтательным мальчиком. И не нашлось никого, кто бы поддержал маленького Элвина и объяснил ему, как правильно поступать в той или иной ситуации. Больше всего он боялся трёх вещей: доверять, говорить правду и быть собой. Поэтому кузен Принца, ненавидя своё отображение,

разбил зеркало и свалил всю вину на Кристиана, которому жутко завидовал. Обиды накапливались как снежный ком. Когда Элвин вырос, он начал мстить всем подряд и самоутверждаться с помощью своих злодеяний. Конечно, это не приносило ему никакого удовлетворения. Ведь счастье и радость дарят только добрые поступки, созидание, а не разрушение. Увы, Элвин этого не знал и продолжал мучить других и себя.

Выслушав искренний рассказ раскаявшегося юноши, Кристиан и Карина, конечно же, сразу простили его. Для Элвина это стало началом новой жизни. Он был поражён, что у тех, кому он сделал столько зла, нашлись силы для прощения.

Взволнованный до глубины души, кузен Принца подумал: тот, кто может принимать людей такими, какими они есть, обязательно будет притягивать к себе других. Все мы ждём одобрения и боимся осуждения. И только очень сильные люди способны безоговорочно поверить тому, кто рядом, и не осуждать его.

Впечатлённый великодушием Карины и Кристиана, с каждым днём Элвин всё больше убеждался, что именно через прощение род его сможет заслужить долгожданный покой, а у него появится шанс умилостивить злую судьбу. Из еле уловимых искорок надежды в его душе всё ярче разрасталось пламя веры в то, что он достоин обрести свободу от непосильной ноши унижений и обид, десятилетиями отравлявших всё его существо. Теперь, как никогда, ему стало ясно, отчего ранее ни один предсказатель не мог уловить образы его будущего. Разгадка оказалась настолько бесхитростной, что ему даже не пришлось воспользоваться самым запраздным заклинанием. Оставалось только найти в себе мужество и силы простить, раз и навсегда отпустив зло, когда-то причинённое ему родителями.

Мрачные, словно неприступные крепости, стены прежнего мира колдуна рушились на глазах, более не подпитываемые его переживаниями и горечью. Сам же маг жалел лишь об одном, что не познал раскаяние и прозрение раньше.

– всю свою жизнь я даже не подозревал, что самое большое волшебство – это вера в себя. Ну, а раз мне удалось это, значит удастся и всё остальное! – подытожил Элвин, одержавший важнейшую из побед – над самим собой.

Дальнейшая жизнь бывшего злодея сложилась вполне удачно. Ему пригодилось давнее умение создавать зелья, и он стал умелым лекарем и аптекарем. Элвину понравилось лечить людей и животных, осознавать свою полезность. В нём нуждались, а постепенно, видя его мастерство и старательность, даже полюбили. Ведь высота горы, на которую удалось подняться, определяется глубиной ямы, из которой удалось выбраться!

После суровой затяжной зимы в сердце Элвина ворвалась весна-целительница, с благоуханием дивных трав дарующая радость и благодать. Любовь, раз коснувшись лёгким бризом его души, всё стремительнее заполняла самые потаённые её уголки, уверенно вытесняя собой всё то, что прежде поработало даже самого могущественного колдуна. По иронии судьбы, Элвин обрёл своё счастье с одной из фей с того самого волшебного острова, обитатели которого ещё в недалёком прошлом оберегали свои земли от его чар! Отныне они знали, что перед ними человек, испытавший на себе чудо исцеления через прощение, который больше не представлял собой угрозу их сказочному королевству.

Принцесса Карина и Принц Кристиан принялись воплощать в жизнь свои идеи по улучшению жизни в сказочном королевстве. Помните, о чём влюблённые мечтали в начале этой истории? Наши герои снова наслаждались каждым мгновением, проведённым вместе. А также просили передать тебе, дорогой читатель, несколько пожеланий. Цени своё время, наполняй жизнь радостью, добрыми делами и истинной любовью. Ведь только она способна творить чудеса. А пока человек не сдаётся и верит в чудо, он сильнее своей судьбы.

В добрый путь!

Наши друзья

Советуем почитать:

- Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.ruskline.ru>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Журнал «Великоросс»: <http://www.velykoross.ru/>
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Журнал «Новая Немига литературная»: <https://zapadrus.su/partnery/novaya-nemiga-literaturnaya>
Портал Переправа: <http://pereprava.org/>
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне: www.raga.org
Журнал «Подъем»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru
Журнал «Сибирь», гл. ред. Анатолий Байбородин, Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Пражский Парнас», «Влтава», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздня, Вильнюс
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргмак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина» (Австралия), гл. ред. Тамара Малеевская: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «ЛиТерра», гл. ред. Владимир Фёдоров
«Литературная Канада», гл. ред. Ваагн Карапетян
Журнал «Сура», гл. ред. Б. В. Шигин: <http://www.magsura.ru/>
Международный славянский форум искусств, президент Николай Бурляев
Национальная литературная премия «Золотое перо Руси», учредители – Светлана Савицкая, Александр Бухаров

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья! Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка на счёт: **2202 2009 0582 4080**.

Стоимость одного журнала – 500 руб. Подписка на год – 3000 рублей.

Свой почтовый адрес после оплаты выслать Лидии Владимировне Довыденко:

dovidenko_L@mail.ru